Философия Права

№ 3 (98) Научно-теоретический журнал 2021
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Анисин А.Л.
КОНЦЕПЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЗАКОНА И ХРИСТИАНСТВО: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 7
Рожковский В.Б.
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ В РОССИИ XIX ВЕКА 15
Овчинников А.И., Фетисов Т.А.
ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРАВОПОРЯДОК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛОВИЯ 20
Клюканова Т.М.
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ 27

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Севостьянов Д.А.
ИНВЕРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА 33
Репьев А.Г.
ПРЕДЕЛЫ КАЗУИСТИЧНОСТИ В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: УПУЩЕНИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И РИСКИ ПРАВОВОГО УСМОТРЕНИЯ 41
Батиев Л.В.
СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ В XVII в. 47

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2021

Бредихин А.Л.
К ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 52
Осин В.Н.
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ 56
Светличный Е.Г., Шанько В.В.
ПОНЯТИЙНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ 64

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А.
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУМПИРОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ 68
Букалова С.В., Селютина Е.Н.
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЗАКОН И ТРАДИЦИЯ 73
Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А.
ТРАНСГРЕССИВНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С СУИЦИДАЛЬНЫМ И САМОПОВРЕЖДАЮЩИМ ПОВЕДЕНИЕМ 79

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Иванов П.И.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ НАУКА О РОЗЫСКНОЙ И ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 86
Пинкевич Т.В., Зубалова О.А.
СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 91
Брюхнов А.А., Марков А.И., Петренко А.В.
ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 96
Григорян Д.К., Ищенко Д.П., Ищенко Г.К.
РЕВЕРС ПРОЦЕССА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ 102
Карпика А.Г.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 109
Корчагина К.А., Вакуленко Н.А., Топилина А.В., Пестов Р.А.
МЕХАНИЗМЫ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НА СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 114
Чубейко С.В., Довиденко П.Ю.
ТЕНЕВОЙ ИНТЕРНЕТ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРЕСТУПНОСТИ 122
Шараева Я.А., Тангриева В.Н.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ДОЗНАВАТЕЛЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ 127

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Анохин Ю.В.
О РОЛИ СОВЕТСКИХ КОНСТИТУЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ 132

Литвинова Ю.И., Обринская Е.К.
МЕНТАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СТРАТЕГИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США 139
Рассказов В.Л.
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ЗАКОНЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ 1993 Г., И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА 144
Вовк Е.В.
ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 149

АКСИОЛОГИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Асланян Р.Г.
НЕТИПИЧНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ 154
Безручко Е.В., Миллеров Е.В.
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСОВ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОЯВЛЕНИЯ ЖЕСТОКОСТИ 159

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Небратенко Г.Г., Татьянина А.В., Чумакова З.А.
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ НА НИЖНЕМ ДОНУ (СЕРЕДИНА XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX вв.) 165
Акопян В.З., Пахомова Е.В.
К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ТЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОКРУГЕ (1921–1930) 171
Москаленко С.Г.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ РЕГУЛЯРИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 181
Тишкин Д.Н., Бабенко С.В.
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВАРИАТИВНЫМ ФОРМАМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ XVIII–XXI вв: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 186
Бондаренко И.А.
ИСТОРИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (1800–1867 гг.) 194

Главный редактор: **К.А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент
Заместитель главного редактора: **С.В. Пахомов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ерыгин, д-р филос. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Понеделков, д-р полит. наук, проф.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35
Электронная почта: ruiperiodika@mvd.ru
Официальный сайт журнала: https://рюи.мвд.рф

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 79848.
Цена подписки на издание за минимальный подписной период – 307.08 руб.

Выпускающий редактор: Е.А. Ковжога
Компьютерный набор и верстка: Е.Е. Пелехатая

Подписано в печать 27.09.2021. Выход в свет 30.09.2021.
Формат 60x84 1/8. Объем 23 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 21,39. Тираж 300 экз. Заказ № 105.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

16+

CONTENTS

HISTORY OF LEGAL PHILOSOPHY

Anisin A.L. THE CONCEPT OF RELIGIOUS LAW AND CHRISTIANITY: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS 7
Rozhkovsky V.B. POLITICAL AND LEGAL IDEAS OF N.M. KARAMZIN AND THEIR INFLUENCE ON SOCIO-POLITICAL THOUGHT IN RUSSIA OF THE XIX CENTURY 15
Ovchinnikov A.I., Fetisov T.A. THE STATE AND ITS LAW ORDER FROM THE CHRISTIAN THEOLOGY POINT OF VIEW 20
Klyukanova T.M. THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE ROMANO-GERMAN LEGAL FAMILY 27

LEGAL UNDERSTANDING AND LEGAL DOCTRINE

Sevostyanov D.A. INVERSION ANALYSIS OF CONFLICT ESCALATION 33
Repyev A.G. LIMITS OF CASUALITY IN THE LEGAL PROCESS: OMISSIONS OF REGULATION OF PUBLIC RELATIONS AND RISKS OF LEGAL DISCRETION 41
Batiev L.V. THE SECULARIZATION OF LEGAL UNDERSTANDING IN THE 17th CENTURY 47
Bredihin A.L. TOWARDS THE THEORY OF LEGAL RESPONSIBILITY 52
Osin V.N. SYNERGISTIC FEATURES OF THE LEGAL SYSTEM 56
Svetlichny E.G., Shanko V.V. CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE PROBLEMS OF MODERN LAW UNDERSTANDING 64

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Vishnevetsky K.V., Kashkarov A.A. VICTIMOLOGIC CHARACTERISTICS OF THE CORRUPTION OF A PUBLIC AUTHORITY OFFICIAL 68
Bukalova S.V., Seliutina E.N. SITUATION OF CHILDREN WITH SPECIAL LEGAL STATUS IN RUSSIAN LEGISLATION AND FOLK CULTURE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES: LAW AND TRADITION 73
Keydunova E.R., Mavrenkova E.A. TRANSGRESSIVE SUBCULTURE AS A FACTOR DETERMINING CRIMES RELATED TO SUICIDAL AND SELF-HARMING BEHAVIOR 79

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST CRIME

Ivanov P.I. OPERATIONAL-SEARCH SCIENCE ABOUT THE SEARCH AND IDENTIFICATION ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES 86
Pinkevich T.V., Zubalova O.A. MODERN THREATS TO THE CRIMINOLOGICAL SECURITY OF RUSSIA 91
Bryukhnov A.A., Markov A.I., Petrenko A.V. CHARACTERISTICS OF HIGH-TECH CRIME AND ITS PREVENTION 96
Grigoryan D.K., Ishchenko D.P., Ishchenko G.K. REVERSING THE ANTI-CORRUPTION PROCESS 102
Karpika A.G. TOPICAL ISSUES OF IMPROVING LEGAL AND TECHNICAL SUPPORT FOR COUNTERING CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES 109
Korchagina K.A., Vakulenko N.A., Topilina A.V., Pestov R.A. MECHANISMS FOR ASSESSING THE IMPACT OF THE MIGRATION SITUATION ON THE PUBLIC SECURITY (BY THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION) 114

Chubeiko S.V., Dovidenko P.Yu. DARKNET AS AN ELEMENT OF THE INFORMATION TECHNOLOGIES DEVELOPMENT AND CRIMINALITY 122
Sharaeva Ya.A., Tangrieva V.N. PROCEDURAL STATUS OF AN INTERROGATOR: MYTHS AND REALITY 127

PHYLOSOPHIC AND LAW DIMENSION OF STATE POWER

Anokhin Yu.V. ON THE ROLE OF SOVIET CONSTITUTIONS IN THE FORMATION OF CONSTITUTIONALISM IN RUSSIA 132
Litvinova Yu.I., Obrinskaya E.K. MENTAL IMPACT AS A US FOREIGN POLICY STRATEGY 139
Rasskazov V.L. FORMATION OF THE LEGAL FRAMEWORK OF ARBITRATION PROCEEDINGS IN POST-SOVIET RUSSIA: THE FIRST LAWS THAT PRECEDED THE CONSTITUTION OF RUSSIA IN 1993 AND THEIR CHARACTERISTICS 144
Vovk E.V. FEATURES OF THE LEGAL FORMALIZATION OF THE IDEA OF JUSTICE OF JUDICIAL ACTIVITY IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION 149

AXIOLOGY OF LAW ENFORCEMENT

Aslanyan R.G. ATYPICAL NORMATIVE PRESCRIPTIONS OF A SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW: CONCEPT, TYPES, PATTERNS 154
Bezruchko E.V., Millerov E.V. THE AXIOLOGICAL ASPECT OF THE ISSUES OF THE CORRELATION OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE MANIFESTATIONS OF CRUELTY 159

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

Nebratenko G.G., Tatianina A.V., Chumakova Z.A. SOCIO-CULTURAL ONTOLOGY RUSSIAN POLICE ON THE LOWER DON (mid-XVIII – FIRST THIRD OF THE XIX CENTURIES) 165
Akopyan V.Z., Pakhomova E.V. ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF STATE AUTHORITIES IN THE TEREK PROVINCE AND DISTRICT (1921–1930) 171
Moskalenko S.G. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF PROFESSIONALIZATION AND SPECIALIZATION OF THE POLICE FUNCTION OF THE STATE IN THE CONTEXT OF THE GENERAL REGULARIZATION OF THE STATE APPARATUS OF THE RUSSIAN EMPIRE 181
Tishkin D.N., Babenko S.V. ACTUAL ASPECTS OF COUNTERING THE VARIOUS FORMS OF ORGANIZED CRIME OF THE XVIII–XXI CENTURIES: A POLITICAL ANALYSIS 186
Bondarenko I.A. HISTORY OF PENITENTIARY INSTITUTIONS ON TERRITORIES OF THE DON COSSACK ARMY (1800–1867) 194

УДК 27 : 1
ББК 86.37

Анисин Андрей Леонидович
Anisin Andrey Leonidovich

профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor of the Department of the Theory and Methodology of Public Administration of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
E-mail: anisin@bk.ru

КОНЦЕПЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЗАКОНА И ХРИСТИАНСТВО: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

The concept of religious law and Christianity: philosophical and legal analysis

В статье сформулированы и содержательно раскрыты определяющие концептуальные положения парадигмы религиозности, основанной на понятии «религиозного закона». Обосновывается исторически обусловленный и преходящий статус религиозного закона в рамках Священной истории с точки зрения христианства: он есть, во-первых, следствие грехопадения и, во-вторых, – средство подготовки Боговоплощения для спасения человека от греха и смерти. Христианская парадигма духовной жизни и связи человека с Богом имеет в своей основе не принцип закона, а принцип свободы: свобода дана человеку изначально, она повреждена через отпадение от Бога (что обусловило необходимость подчинения закону), она восстановлена во Христе.

***Ключевые слова**: религиозный закон, религиозные парадигмы, законничество, иудаизм, ислам, христианство, свобода.*

In the article the profound conceptual provisions of the paradigm of religiosity based on the notion of «religious» law are formulated and revealed. Historically conditioned and transient status of religious law within the framework of Sacred History from the Christian point of view is substantiat: firstly, it is a consequence of sinful fall and, secondly, a means of preparation of God's Incarnation to save man from sin and death. The Christian paradigm of spiritual life and man's relationship with God is not based on the principle of law, but on the principle of freedom: freedom is given to man originally, it is damaged by falling away from God (which necessitated submission to the law), and it had been restored in Christ.

***Keywords:** religious law, religiousm paradigms, legalism, Judaism, Islam, Christianity, freedom.*

Эпоха глобализации, в которую мы живем, особенно остро ставит перед современной гуманитарной мыслью, прежде всего, задачу осознания и осмысления духовной и мировоззренческой уникальности различных культур всюду, где такая уникальность имеет место. Акцент на общечеловеческой значимости тех или иных культурных содержаний, несомненно, важен для достижения взаимопонимания и взаимного уважения людей различных духовных традиций, однако едва ли не более важно уметь видеть в этих духовных традициях и нечто такое, что составляет их исключительное достояние, что не может быть сведено к модификациям и комбинациям «общечеловеческого». Собственно говоря, только в этой уникальности духовного опыта и может заключаться объективное основание общечеловеческой значимости той или иной культуры.

Нельзя сказать, чтобы тема мировоззренческой уникальности христианства была не разработана вовсе, в разное время и с самого начала христианской эры об этом писали многие христианские мыслители, однако в современном мире эта тема приобретает новый масштаб. Дело в том, что в основе современного мира лежит именно христианская цивилизация и эта цивилизация явно переживает сегодня глубокий кризис. Таким образом, тема духовно-культурного своеобразия христианства сегодня становится важна не только для самих христиан в перспективе выстраивания ими собственной духовной жизни, но и для глобального мира в целом – как основа осмысления его исторических перспектив. Впрочем, к сожалению, осознание уникальности христианского мировоззрения остается порой закрытым даже и от тех людей, которые искренне считают себя христианами. В предлагаемой

статье мы постараемся прояснить всего один, но, на наш взгляд, принципиально значимый момент в рамках мировоззренческой уникальности христианства. Речь пойдет о понятии религиозного закона, как парадигмально значимой форме выстраивания духовной жизни в целом ряде религиозных практик, и о соотношении этого понятия с христианским мировоззрением.

Сразу следует оговориться, что проследить идею религиозного закона во всех существующих и существовавших когда-либо религиозных традициях представляет собой совершенно неисполнимую задачу, по крайней мере, для автора этих строк. В своем анализе мы будем иметь в виду, прежде всего, иудаизм (как древний, дохристианский, так и современный) и ислам. Во-первых, потому, что в этих духовных традициях идея религиозного закона получила наивысшее развитие, а во-вторых, потому, что именно эти религии, наряду с христианством оказывают наиболее значимое влияние на историческое бытие современного человечества. Это влияние проявляет себя не только в том, как эти религии формируют мировоззренческие установки «практикующих верующих», но и в том, что эти установки входят в светскую культуру и воспринимаются людьми уже без привязки к религиозным традициям.

Прежде всего, необходимо определиться в понятиях на уровне их общего смысла. Понятие религиозного закона и способ выстраивания религиозной жизни, основанный на этом понятии, предполагают следующую систему идей. 1. Существуют некие нормативные требования, исходящие от Бога и относящиеся к практике богопочитания. 2. Исполнение этих требований является необходимым условием получения различных благ, как в земной жизни, так и в перспективе вечности. 3. Нарушение этих требований является преступлением против Бога и влечет в той или иной форме наказание, как в этой, так и в вечной жизни.

Эти три базовых положения нуждаются, конечно, в некоторых уточнениях даже на стадии предварительного анализа.

1. Даже если религиозный закон содержит некие теоретические положения богословского характера или предписания, относящиеся к общественной и семейной жизни, или даже, например, гигиенические и санитарные нормы, то все это, тем не менее, воспринимается и осмысляется именно как формы богопочитания. И даже если отсутствует прямо зафиксированный факт откровения, в котором даны некоторые конкретные нормы религиозного закона, религиозное сознание, основанное на понятии закона, воспринимает весь свой закон целиком и во всех мелочах как исходящий непосредственно от Бога. Комментируя коранический аят «Я создал джиннов и людей только для того, чтобы Они поклонялись Мне» (51:56), Мухаммад ʻАли аль-Хашими отмечает: «Поклонение Аллаху может находить свое воплощение в каждом позитивном и конструктивном действии человека, направленном на обустройство бытия, реализацию слова Аллаха на земле и осуществление Его предначертаний в жизни (…) Если мусульманин правильно понимает, в чем состоит истинная суть поклонения, он всегда является носителем послания, смысл которого состоит в том, что во всех жизненных обстоятельствах решение должно оставаться только за Аллахом» [1, с. 28].

Сама цель ниспослания религии в понимании исламских богословов, «состоит в том, чтобы посредством этой религии управлять жизнью каждого отдельного человека, семьи и общества в целом» [1, с. 9].

Закон в развитых формах «законнических» религий мыслится как единственное необходимое и достаточное условие правильной религиозной жизни, а также как единственное настоящее основание человеческой жизни вообще: «Патриархальная интуиция (богообщения – АА) завершается Моисеевым Откровением, которое является – об этом можно смело говорить – абсолютным началом истории человечества (…) Тора, закон Моисеевой веры (…) одобряет хартию общества, в котором Бог есть Господь и Царь и которое подчиняет всю свою духовную и временную деятельность содействию его царствованию [7, с. 17–18, 19]. «Поклонение мусульманина Господу может осуществиться только путем серьезной, упорной и искренней деятельности, направленной на осуществление этого послания в условиях реальной жизни» [1, с. 28].

2. Исполнение закона предполагает неукоснительное буквальное соблюдение всех предписаний. Даже в том случае (а это можно видеть весьма нередко), когда звучат призывы исполнять закон не формально, а «с душой», исполнять его с искренним участием верующего

сердца, речь идет только о том, что настоящим показателем искренности и чистоты веры является именно тщательное соблюдение человеком всех самых мельчайших предписаний закона. Так, например, истинной целью и духовной ценностью в исламе является, конечно, не само по себе соблюдение требований шариата, а то *послушание* Богу, которое в таком поведении выказывается. Другое дело, что выказать это послушание иным образом невозможно, а всякое отступление от норм закона автоматически означает *непослушание* воле Божьей: «нарушение только одного запрета шаббата рассматривается как нарушение всей Торы» [5, с. 7]. Блага, которые обещаны верным за неукоснительное соблюдение закона, могут быть как материальными, так и духовными, причем и те, и другие могут быть даны как в этой жизни, так и в будущей.

3. Нарушение закона приходится в рамках этой духовной парадигмы признать практически неизбежным, хотя теоретически ничего невыполнимого закон не требует. Исполнение каждой заповеди требует некоторых усилий, но никогда не запредельных. Можно указать примеры, когда некая заповедь соблюдается человеком всю жизнь, и он ни разу не погрешил против нее. Вполне возможно некоторое время соблюдать даже и весь закон до мельчайших подробностей и не погрешить против него ни в чем. Таким образом, – чисто теоретически – человеку можно прожить всю жизнь и соблюсти религиозный закон (скажем предписания иудаизма или исламский шариат) полностью без единого нарушения. Однако почему-то это невозможно практически. Объяснений этому факту на уровне вероучения в религиях закона, по существу, нет, однако следствием этого факта на уровне вероучений является идея Божьего милосердия. Если бы Бог был только справедлив, то надежды не было бы ни у кого из людей, всякая надежда уничтожалась бы первым же нарушением любой из заповедей. А потому необходимым условием возможности человеческой жизни является вера в то, что Бог может помиловать. Закон при этом остается незыблем, и его требования всегда абсолютно обязательны к исполнению, просто Бог – выше закона и может в отдельных случаях в виде исключения не карать за его нарушение.

Идею религиозного закона можно признать неким архетипом религиозного сознания как такового, именно через призму исполнения религиозного закона естественным образом воспринимает всякий человек религиозную жизнь. Человек более грубых умственных и нравственных понятий воспринимает религиозную жизнь как чисто формальное внешнее исполнение определенных требований. Человек с живой совестью и способный к осмыслению себя переносит акцент с внешнего на внутреннее, рассматривая исполнение закона как путь нравственного и духовного самосовершенствования. Отношение к исполнению закона в этих случаях, разумеется, кардинально различно, однако именно закон и там, и там, так или иначе стоит в центре духовной жизни и является ее основой.

Однако трудно не заметить, что христианство, возникнув, «вступило в резкое противоречие со всеми существовавшими до тех пор религиями» [8, с. 313]. То, что имеет в виду Ф. Энгельс и о чем он пишет далее, фиксирует достаточно важные, но все-таки внешние особенности христианского вероучения и культовой практики. Эти особенности не только не раскрывают сути христианского благовестия, но и никак не могут объяснить исторический успех христианства (что и является целью Энгельса в данном случае). И все-таки, говоря об «отрицании обрядности», он затрагивает очень важную тему отношения христианства к религиозному закону. Трактует он эту тему достаточно поверхностно, указывая, что религиозная обрядность является фактором «отделения человека от человека», и что христианство, «отрицая … все национальные религии и общую им всем обрядность, и обращаясь ко всем народам без различия, … становится *первой возможной мировой религией*» [8, с. 313] (курсив Ф. Энгельса).

Стоит, конечно, здесь поправить Энгельса: первой возможной мировой религией стал, как известно, буддизм, который, действительно, в изначальной своей форме отрицает всякую обрядность, так что христианство на этом пути не было первым. Впрочем, со временем определенная обрядность и в буддизме, и в христианстве возникла, при этом она нисколько не помешала им быть мировыми религиями. А третья мировая религия, ислам, и вовсе никогда не отрицала обрядности, более того, – с самого своего начала имела установку на предельную унификацию своей религиозной

ритуальной практики. Обрядность может не только разделять, но и объединять людей, в том числе – объединять их поверх этнических и культурных различий. Обрядовая сторона религии, хотя и играет существенную роль в культуре, однако не является определяющим фактором религиозного развития.

И все-таки, как уже сказано, тема «обрядности» возникает у Энгельса неслучайно, когда речь заходит о «противоречии со всеми существовавшими до тех пор религиями». Эта тема является не единственным, но многозначительным внешним проявлением религиозно-мировоззренческой уникальности христианства. Эта тема касается не только и не столько конкретных вопросов о месте обряда в религиозной жизни, сколько парадигмальной проблемы «закона и благодати», которая на протяжении всей христианской истории является одной из центральных проблем христианского богословия и одной из существенных духовных предпосылок европейской философии. Каким же образом мыслится религиозный закон и его место в жизни человека с позиций христианского благовестия?

Взаимоотношения Христа с иудейским законом – одна из существенных тем евангельских повествований, – едва ли не центральный конфликт евангельской фабулы. Ненависть иудейской духовной элиты ко Христу, имевшая финалом распятие, укоренена именно в этом конфликте. Нельзя не видеть, что Иисус регулярно и нарочито нарушает нормы иудейского ритуального благочестия. Больше всего это касается заповеди о субботнем покое, а ведь она входит в число десяти фундаментальных заповедей иудейского закона. Растирание колосьев в субботу (Лк. 6: 1–5), исцеление сухорукого в другую субботу (Лк. 6: 6-11), когда «они… пришли в бешенство», исцеление скорченной женщины снова в субботу (Лк. 13: 10–16), при котором начальник синагоги вполне резонно (для законнического сознания), «негодуя, … сказал: есть шесть дней, в которые надлежит делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний», исцеление в доме «одного из начальников фарисейских» человека больного водянкой опять в субботу (Лк. 14: 1–6), исцеление в субботу расслабленного у Овчей купели (Ин. 5: 1–16), когда уже «искали убить Его за то, что Он делал такие [дела] в субботу», исцеление опять в субботу слепорожденного (Ин. 9: 1–41), вызвавшее целое разбирательство с угрозами и обвинениями. Причем в первом из перечисленных случаев имели место молотьба и веяние зерна, которые прямо включены в перечень запрещенных в субботу работ, а в последнем случае Иисус «сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому», то есть приготовил лекарство и применил его, что также прямо запрещено иудейским законом (приведение чего-либо в состояние готовности).

Упоминая эти запреты, мы, конечно, непосредственно имеем в виду талмудический иудаизм (См. напр.: Позен Я. Законы Шаббата в кратком изложении: «Молотьба и лущение» [5, с. 42–43]; «Провеивание» [5, с. 47]; Запрет «растирания снадобий» [5, с. 237–239]), который систематизировал и кодифицировал религиозный иудейский закон, однако можно с достаточной степенью уверенности сказать, что нормативное обеспечение ритуальной практики иудаизма первого века по Рождестве Христовом было весьма близко по духу и букве к этим предписаниям, позже оформленным в Талмуде. Помимо регулярного нарушения субботы, Иисусу предъявлялись и другие претензии, касающиеся игнорирования им норм закона: Он ест с «нечистыми» людьми, с мытарями и грешниками, причем ест «неумовенными» руками, Он общается с самарянами и язычниками, а все Его упреки звучат только в адрес людей, тщательно соблюдающих закон.

Есть однако и известные слова Христа, которые часто понимаются в смысле указания на незыблемость и важность закона: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5: 17). В свете этих слов перечисленные выше конфликты Иисуса с законнической ритуальной практикой иудеев трактуются не как нарушение норм закона, а как призыв к неформальному их соблюдению. Всю суть обвинений в адрес законников и фарисеев при этом видят в том, что те исполняют внешние мелочи, «и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру», что они «очищают внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды» (Мф. 23: 23–24). Отношение Христа к закону при таком подходе предлагается осмыслять на основании формулы: «Итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте, по делам же их не

поступайте, ибо они говорят и не делают» (Мф. 23: 3), – то есть утверждается, что соблюдать закон нужно, но соблюдать его нужно по-настоящему, неформально, «с душой», очищая, прежде всего, «внутренность чаши и блюда, чтобы была чиста и внешность их» (Мф. 23: 26). Однако, на наш взгляд, такое понимание, логически мысля, означало бы призыв уподобиться гробам, окрашенным и красивым не только снаружи, но и внутри (ср. Мф. 23: 27).

Дело ведь в том, что в двадцать третьей главе Евангелия от Матфея Иисус говорит вовсе не об отношении к закону, Он говорит об отношении к «воссевшим на Моисеевом седалище» книжникам и фарисеям. Речь идет вовсе не о том, важно или неважно соблюдать закон, речь о том, что даже закон, данный от Бога, может быть использован людьми как орудие утверждения зла: как оплот лицемерия и гордыни и как обоснование любых преступлений вплоть до убийства пророков (и вплоть до убийства Сына Божьего, добавим мы). Упрек Христа повторяет и апостол Павел: «Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом … как же ты, уча другого, не учишь себя самого? … Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога?» (Рим. 2: 17, 21, 23). В рамках христианской традиции обличение «фарисейства» как искажения духовной жизни зачастую понимает под ним именно лицемерие в исполнении предписаний религиозного закона, когда «человек тратит все силы на поддержание внешнего образа благочестия, добродетельности и одухотворенности, но при этом внутреннее содержание этого внешнего образа имеет под собой неосознаваемую иную мотивацию» [3, с. 28].

При этом в христианской литературе достаточно общим местом звучит мысль о том, что «отсутствие любви в душе человека, ее бесплодность, и порождает фарисейство как замену этой любви», что «не имея духа любви, такие люди начинают строить свою религиозную жизнь на букве закона как на жестких религиозных ориентирах, а законничество, соответственно, лишенное христианского духа, становится на позиции первенства в решении религиозных вопросов» [3, с. 32].

Сама постановка проблемы «фарисейства в христианской среде» предполагает некую недостаточность опоры только на закон. Однако, с точки зрения «религий закона» упрек в том, что «внешние формы благочестия становится заменой действительных отношений с Богом» [3, с. 37], звучит некорректно: в этой религиозной парадигме именно внешние формы благочестия, соблюдение норм религиозного закона как раз и является единственной возможной формой действительных отношений с Богом. Таким образом, помимо обличений лицемерия, связанного с качеством исполнения закона, (что вполне естественно в рамках любой религиозной традиции) христианство ставит также и вопрос о принципиальном отношении к самому религиозному закону, как таковому. И в решении этого вопроса одними из наиболее важных слов Писания являются уже приведенные: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5: 17).

Последнее слово в этой фразе понимается обычно в смысле «выполнить то, что предписано», однако это понимание можно назвать, пожалуй, *совершенно* неправильным. Везде по тексту Нового Завета, где речь идет о выполнении требований закона, о соблюдении его заповедей стоит греческий глагол τηρεω – «хранить, охранять, беречь, сберегать, сохранять, соблюдать» [2, Стб. 1242], об «исполнителях закона» говорится ποιητες – буквально «делатель, изготовитель» от ποιεω – «делать, производить, творить, совершать, строить» [2, Стб. 1017–1018]. Тогда как слово «исполнить» в речении Христа, – πληροω, – имеет смысл «делать полным, наполнять» [2, Стб. 1012]. Это слово может также использоваться, например, в выражениях «насытить, удовлетворить душу», «оснастить, вооружить корабль» и т.п. Таким образом, речь идет вовсе не просто о следовании неким правилам, предписаниям или «делании заповедей», а о достижении некой завершенности и полноты. Слово πληροω может также употребляться в словосочетании «исполнение долга», что, как кажется, напоминает «соблюдение заповедей», однако напоминает только на весьма поверхностный взгляд. «Исполнить долг» означает ведь, по сути, ликвидировать его: это означает, полностью удовлетворив долг, сделать его уже недействительным, – восполнить должное и недостающее так, чтобы никакого долга уже не существовало.

Таким образом, то «исполнение закона», о котором говорит Христос, нужно, видимо, понимать даже не просто как «приведение

закона в полноту» в смысле доведения до совершенства системы составляющих закон норм, а именно как полное удовлетворение закона, оставляющее его позади. Речь идет не о таком удовлетворении закона, которое подтверждает власть закона, а о таком, которое эту власть отменяет: «Так и вы, братия мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу» (Рим. 7: 4). Непосредственно перед этим в качестве иллюстрации и обоснования своей мысли апостол говорит о том, что женщина привязана законом к живому мужу, а если он умрет, то она свободна выйти за другого, – таким образом, во Христе закон для нас умер, а мы для закона, свобода во Христе не является изменой закону, потому что закон мертв. Вообще соотношение Христа и закона, а также взаимоотношения с законом человека, верующего во Христа, апостол Павел очень устойчиво осмысляет через понятие смерти (это можно назвать метафорой, но, как кажется, для самого апостола в этом строе речи заключен вовсе не фигуральный, а реальный глубокий духовный смысл). «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога» (Гал. 2: 19), – пишет он. Для большей ясности следовало бы более буквально перевести начало этой фразы: «εγω γαρ δια νομου νομω απεθανον…». Δια νομου буквально означает «через закон, по причине закона», то есть мысль буквально такова: «я ведь через закон закону умер, чтобы Богу жить».

Одна из развернутых, но достаточно кратких формул, выражающих критику иудейского законничества апостолом Павлом звучит так: «Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией, потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего» (Рим. 10: 3–4). Здесь сказано даже не «исполнение», а употреблено слово «конец», не оставляющее никаких возможностей для перетолкования в смысле сохранения власти и значимости закона. Впрочем и в этом случае нам может весьма помочь внимательное отношение к оригиналу: употребленное здесь слово τελος означает не просто «конец, окончание», как прекращение чего-либо, а «исход, результат» [2, Стб. 1235], – именно такой исход и результат, к которому вел весь путь, ради которого он и был начат. Нередко τελος переводят как «цель», – именно так оно употребляется, например, в Первом Послании к Тимофею, 1 глава, 5 стих. Это очень важная мысль: Христос есть не только конец и завершение закона, Он, прежде всего, является его целью. Проповедь Христа не направлена против закона и не нацелена на его усовершенствование, она призывает вовсе выйти за рамки парадигмы законничества: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства… Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа… К свободе призваны вы, братия… Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя… Если же вы духом водитесь, то вы не под законом… На таковых нет закона…» (Гал. 5: 1, 4, 13, 14, 18, 23). О каком-то «законе Христовом» можно говорить только в одном смысле, на который апостол Павел указывает в том же послании: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6: 2). То есть: делайте те дела любви, которых никакой закон от вас потребовать не может, которые вообще в закон не укладываются (ношение ***чужих*** тягот), и вот тогда вы будете, действительно, жить «по Христу», по тому Его «закону», которым упраздняется всякий закон.

Только весьма поверхностный взгляд может видеть в христианстве продолжение законнического типа религиозности: «Место десяти заповедей занимают заповеди Иисуса Христа, обряд обрезания заменяется обрядом крещения, но сохраняются, и даже усиливаются сексуальные запреты, и запреты на магическую деятельность, этим же объясняется и негативное отношение христианства к эзотерике» [4, с. 58].

Канонические вопросы церковной дисциплины имеют принципиально иной статус, чем религиозный закон, данный Богом. Историческое христианство в своей практике порой смешивало эти два типа нормативности, однако на уровне высокого богословия различие всегда оставалось ясно осознанным: «Не попы бо нас спасут, или владыки, или митрополиты, но веры нашея таинство с хранением заповедей Божиих, той нас спасти мает, – писал с Афона Иоанн Вишенский» [6, с. 38]. При этом «хранение заповедей Божиих» для христиан – это тот самый «закон Христов», закон свободы и любви, который никак кодифицирован быть не может.

Религиозный закон, с точки зрения христианства, является исторически обусловленным явлением и явлением исторически преходящим. Прежде всего, закон, как и тяга к законничеству, является следствием падения человека: вовсе не ради поклонения Богу через тщательное соблюдение закона сотворен человек, согласно христианской вере, а ради жизни в единстве с Богом. Необходимость закона обусловлена именно тем, что единство было расторгнуто и стало невозможным. А во-вторых, религиозный закон дан только единственному народу из всех народов земли, – евреям, и ни на какой другой народ его требования не распространяются. Символом соблюдения Синайского законодательства является соблюдение субботы, о чем «Сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым так: субботы Мои соблюдайте, ибо это – знамение между Мною и вами в роды ваши … и пусть хранят сыны Израилевы субботу, празднуя субботу в роды свои, как завет вечный; это – знамение между Мною и сынами Израилевыми на веки» (Исх. 31: 13, 16–17).

Закон дан для целей подготовки Боговоплощения и спасения человека, и этими целями совершенно исчерпывается его значимость. Закон – это исторический путь ко спасению во Христе, но не само спасение, он исполнил свое предназначение в тот момент, когда Дева Мария произнесла: «Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему» (Лк. 1:38). В этом смысле Тора послужила соблазном для иудеев: она стала рассматриваться ими как самоцель и самоценность, как самодостаточный путь духовной жизни. Ислам унаследовал эту законническую установку, распространив ее на все человечество.

Иудеи никогда не забывали и очень настаивали на том, что Закон Моисеев – это только их закон и больше ничей, – никакие другие народы не обязаны ему подчиняться. Иудеи совершенно искренне верят в то, что судьбы мира зависят только от того, насколько они соблюдают предписания Торы, мыслят себя как единственную связь человечества с Богом. «Мудрецы, благословенна их память, говорили, что если бы все евреи провели два шабата подряд по законам Торы, немедленно пришло бы Избавление» [5, с. 7], – пишет современный иудейский законоучитель.

Ислам понимает священную историю человечества так, что уже первозданному человеку Богом изначально дан закон (разумеется, тот же самый, который в полноте и окончательно дан через пророка Мухаммада) и этот закон затем во всей истории человечества всем народам доносился через пророков и посланников, через священные книги, потому что это единственный и неизменный закон для всех людей на все времена, и от его соблюдения зависит и временная жизнь каждого человека и его вечная участь. Такая абсолютизация религиозного закона как в иудаизме, так и в исламе есть прямое следствие отрицания Христа как Спасителя.

Христианство имеет радикально другой взгляд как на начало человеческой истории, так и на ее логику, и на эсхатологическую проблематику. Никакого закона Бог не давал сотворенному человеку, Он дал человеку свободу. Именно об этом говорится в словах: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:28), – это дарование свободы и власти. И даже те слова, которые часто толкуются как первый религиозный закон, как «заповедь о посте» – «от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:17) – нельзя понимать в духе законничества. Сказано вовсе не о том, что «если будешь воздерживаться, получишь награду, а если нарушишь – Я тебя накажу», человеку дана именно свобода – с предостережением о той опасности, которая эту свободу сопровождает. Человеку дана свобода жить с Богом или уйти от Него. Она дана не для того, чтобы человек ушел, а для того, чтобы единство с Богом было человеческим свободным актом. Однако реальная и страшная возможность уйти от Бога в смерть – это цена того великого призвания, которое имеет человек.

Таким образом, согласно христианской вере, законы мироздания, несомненно, существуют (сомнительная мысль для некоторых направлений ислама), – существуют и физические, и духовные законы бытия, – а вот религиозного закона (абсолютной основы взаимоотношений человека с Богом, как это понимают иудаизм и

ислам) не было дано изначально, и религиозный закон должен уйти в прошлое с пришествием Христа, поскольку целью закона и был – Христос «к праведности всякого верующего» (Рим. 10:4). Сохранение религиозного закона в качестве парадигмы духовной жизни после евангельских событий возможно только как следствие либо неведения о Христе, либо отказа от Него. С этой точки зрения предельно печальны различные формы рецидивов законнического сознания в рамках исторического христианства.

Литература

1. аль-Хашими Мухаммад ‘Али. Личность мусульманина в том виде, который стремится придать ей ислам с помощью Корана и Сунны / Пер. с араб. Абдулла Нирша. М., 2007.

2. Греческо-русский словарь / сост. А.Д. Вейсман; изд. 5-е. СПб., 1899.

3. Краснова А.Г. Образ фарисейства в современном христианстве: религиозно-психологический аспект // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4.

4. Марюхнич М.Т. Метафизические основания авраамических религий как предпосылки стилей социального поведения // Innovative Solutions in Modern Science. 2016. № 8 (8).

5. Позен Яаков, рав. Законы Шаббата в кратком изложении / отв. ред. Цви Вассерман. Иерусалим, 2013.

6. Флоровский Г.В. прот. Пути русского богословия. Париж, 1937.

7. Шураки А. История иудаизма / Пер. с франц. Н.Ю. Лебедевой. М., 2008.

8. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. изд. 2-е. Т. 19. М., 1961.

Bibliography

1. al’-Hashimi Muhammad ‘Ali. The Ideal Muslim: The True Islamic Personality of the Muslim as Defined in the Qur’an and Sunnah. Moscow, 2007.

2. Vejsman A.D. Greco-Russian dictionary. St. Petersburg, 1899.

3. Krasnova Alina G. The image of Phariseeism in modern Christianity: religious and psychological aspects // APRIORI. Series: Humanities. 2015. № 4.

4. Maryuhnich M.T. Metaphysical foundations of Abrahamic religions as preconditions for the development of the types of social behavior // Innovative Solutions in Modern Science. 2016. № 8.

5. Pozen Yakov, r. The laws of Shabbat in brief. Jerusalem, 2013.

6. Florovskij Georgij. Ways of Russian Theology. Paris, 1937.

7. Chouraqui Andrй. History of Judaism. Moscow, 2008.

8. Engels Friedrich. Bruno Bauer and the original Christianity // Marx K., Engels F. Works. Moscow, 1961.

УДК 340.15 (091)
ББК 67.0

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ В РОССИИ XIX ВЕКА

Political and legal ideas of N.M. Karamzin and their influence on socio-political thought in Russia of the XIX century

В статье на материале исторических работ Н.М. Карамзина раскрываются его политико-правовые представления о монархической государственности в России. Анализируется их влияние на общественно-политическую мысль России в XIX веке и актуальное значение для формирования российской консервативной идеологии.

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, просвещенная монархия, история Государства Российского, Русская Православная Церковь, славянофильство, творческий диалог с историей.*

The article uses the material of N.M. Karamzin's historical works to reveal his political and legal ideas about monarchical statehood in Russia. The article analyzes the influence of the ideas on the socio-political thought of Russia in the XIX century and their actual significance for the formation of the Russian conservative ideology.

Keywords: *N.M. Karamzin, the enlightened monarchy, the history of the Russian State, the Russian Orthodox Church, Slavophilism, creative dialogue with history.*

Исследователей русской консервативной политико-правовой мысли до сих пор привлекают идеи, высказанные в начале XIX века Николаем Михайловичем Карамзиным. Актуальность восприятия идей великого русского историографа вызвана наличием в его творчестве «четкости формулировки государственно-монархической позиции» [1, с. 108], привлекающей внимание и современных политических и правовых мыслителей, в особенности стоящих на позициях традиционных консервативных идей. Однако популярность консервативных идей не должна заслонять от исследователей сложности их творческого оформления в контексте той или иной эпохи и дальнейшей их судьбы.

Н.М. Карамзин – потомок древнего русского дворянского рода, испытал в юности влияние идей французского Просвещения, но сумел преодолеть многое из этих настроений. Ко времени его творческой зрелости у него сложилась достаточно выверенная идеологическая монархическая позиция. Он с самого начала убежден в значимости Русской истории, в том, что Россия является вершительницей исторических судеб мира. Но время Карамзина представляет ему революционное брожение во Франции, угрозу Христианской традиции Европы. Карамзин осуждал Французскую революцию и полагал, что разочарование в ее итогах приведет европейских монархов к мысли об укреплении монархического начала в государстве («необходимости твердого, благодетельного, отеческого правления») и возрождении традиционных христианских ценностей. Фактически Карамзин ждал ответа от самой истории, и неслучайно обратился к исследованию вклада в этот ответ России. Можно сказать, что его последующие исторические занятия вытекали из кризиса вольтеровского духа времени.

С 1803 по 1825 г. состоялся подвиг написания Карамзиным «Истории Государства Российского». 22-летний подвиг написания Карамзиным «Истории Государства Российского» заключался в глубоком, своего рода аскетическом уединении и погружении в изучаемый предмет. Такой труд был подготовлен всем предыдущим жизненным и творческим исканием Карамзина. Карамзину удалось создать грандиозную картину Русской Истории и

провести многие исторические сравнения. Такой исторический диалог «в сравнениях» дает возможность, согласно Кармазину, прозревать исторические пути будущего, пусть и трагичные. В 1810 г. Карамзин, ставший официальным историографом при русском государе Александре I, подал ему записку «О древней и новой России», предвосхитив как в целом философско-исторические изыскания следующего поколения в лице «славянофилов» (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и др.), так и попытки оформления официальной идеологии с ее ключевой идеей «Православие-Самодержавие-Народность» (кн. Уваров), то есть своего рода религиозного осмысления государственной власти. Как официальный историограф Российской империи и историк, которого интересовали не только факты, но и внутренний мир личности героев – творцов истории, Карамзин представил историю страны в значительной степени как результат деятельности монархов, правителей, а также вообще выдающихся личностей России (например, духовных лиц и др.).

Перспективы связующей прошлое, настоящее и будущее исторической оценки заставляют Карамзина написать для императора Александра I при его воцарении «Историческое похвальное слово Екатерине II». В этом произведении Карамзин поддерживает идею добродетельной монархии, примером которой, с его точки зрения, могут служить лучшие годы правления Екатерины II. С другой стороны, республиканские формы правления, отчасти характерные для истории государств Западной Европы и столь восхваляемые Просвещением, оцениваются здесь отрицательно. Всякое «многосложное правление», считал Карамзин, будет вечным раздором, несчастное орудие которого – простой народ. Такая оценка сочеталась в Карамзине с неизменным пиитическим отношением к республиканству, что никак не было связано с исторической реальностью, это было поклонение «по чувству», как он сам свидетельствовал в письме своему близкому другу и поэту И. Дмитриеву.

Чтобы понять республиканство «по чувству» и, одновременно, верное подданство русской монархии Карамзина, необходимо хотя бы обратиться к смыслам его исторической повести «Марфа Посадница, или покорение Новагорода» (1803 г.). В этой повести изображена смена эпох, когда приходит конец республике и вольный город подчиняется великому московскому князю Иоанну. Притягательность художественного образа Марфы – пламенной защитницы новгородской вольницы, ее исторической самобытности и силы, показана Карамзиным на контрасте исторической правды складывания единого православно-монархического государства, выразителем которой, несмотря на отдельные ошибки, является московский князь. В разрешении этого противоречия Карамзин находит «неисповедимый совет Божий», Провидение, влекущее русскую историю все-таки по пути «присоединения» для силы и славы отечества.

Возвеличивание монархического начала, его священного характера и, несмотря на отдельные преступления русских царей, историческое оправдание авторитетности их правления, – это стремление становится одним из принципов «Истории Государства Российского». Еще, например, в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице» (1802 г.) Карамзин писал о царе Борисе Годунове так: «…Бог судит тайные злодеяния, а мы должны хвалить царей за все, что они делают для славы и блага отечества!» [2, с. 27]. А в статье «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин отождествил прославление Русского с признанием монархического начала и Провидения, зовущих нас «к истинному народному величию» [3]. В последней же части «Истории Государства Российского» Карамзин дает настолько яркую и полную картину при описании характеров и действий русских царей, что это дало повод его современнику и известному философу-«славянофилу» И.В. Киреевскому назвать историографа чистой совестью русского народа.

В суждениях о монархии и Провидении Кармазин подводит нас к философско-историческому и социально-политическому осмыслению таких начал, которые присущи самой глубине исторической жизни русского народа и без которых он не был бы самим собой. Не ограничивая свои труды внешней фиксацией фактов, Карамзин, с точки зрения современной исторической науки, не является «строгим» историком. Однако достоинство его взгляда заключалось в попытке осуществить творческий диалог с историей, развернуть беседу между ним самим и правившими ранее монархами, обращаясь к пониманию («рассуждению», по его выражению) будущего России.

Такая попытка отвечает требованиям исторической герменевтики (Х.-Г. Гадамер) – исторического понимания, где диалог с традицией, прошлым осуществляется как встреча «Я» и

«Ты». Исторические опыты Карамзина, не будучи сугубо интеллектуальным занятием, были свидетельством живого отклика в глубинах русской души на происходившие события. Так, ход написания «Истории Государства Российского» можно проследить по его письмам к Н.М. Муравьеву, к брату, к А.И. Тургеневу, в которых описание своих исторических занятий чередуется с передачей сообщений, например, о ходе войны с Наполеоном в Европе, и делаются исторические сравнения. Такой сравнительный исторический диалог дает возможность, согласно Карамзину, прозревать исторические пути будущего, пусть и трагичные.

Было бы преувеличением заявлять, что «“цари” не слышат “Ты” истории, подобно тому, как не услышал Александр I, а позже и Николай I… и многие из современников, имевших серьезное влияние на общественно-политические настроения» [4, с. 20], хотя, безусловно, многие уроки истории не были учтены власть предержащими во время жизни Карамзина. Историософская деятельность Карамзина вызвала живейший отклик и понимание у государя-императора Александра I. Карамзин становится историческим и политическим собеседником государя, а часто даже и нелицеприятным критиком его действий. Он часто высказывал государю возражения против официального курса Аракчеева, с жаром восставал против намерений Александра I относительно Польши, против некоторых налогов в мирное время, губернской системы финансов, говорил о недостатках государственных и гражданских законов. Преданность «бессмертного историографа» императору, выразившаяся позднее в его поддержке при событиях декабря 1825 года (что стало невольной причиной болезни и смерти Карамзина весной 1826 г.), основывалась на убеждении, что государством должен править просвещенный монарх. Именно в таком государстве осуществляется смысл Истории как борьбы света разума с тьмой пороков и заблуждений. Карамзин надеялся видеть в Александре I просвещенного монарха, способного не просто принести много пользы России и всему миру, но достойного носителя священной идеи власти. Таково же было и настроение императора, следствием чего было, в частности, заключение на международной арене Священного Союза. И Александр I, и Карамзин руководствовались верой в божественное Провидение.

Так, созданный европейскими государствами в начале XIX века Священный Союз понимался как некое преддверие тысячелетнего Царства Божия на земле. Кроме того, важно, что в «трактате» Священного Союза заявляется: «…исповедуя, что Самодержец народа Христианского, коего Они и их подданные составляют часть, не иной подлинно есть, как Тот, Кому принадлежит Держава» [5]. Это прямо означало осознание государством себя священным основанием истории под водительством христианского монарха. Немногим позднее – уже Отечественная война 1812 года сделала популярным для общества настроением некое психологическое настроение или мистическое чувство реалистичности, осязательности Божественного Провидения, действовавшего над народами в эту эпоху.

Карамзин стремится усмотреть в событиях современной ему и древней отечественной истории сакральный характер государственной – монархической власти, хотя зачастую в его трудах такое стремление смешивается с возвеличиванием прежде всего внешней славы и величия России. Смешение понятий религиозности и государственной жизни отразилось и в его суждении: «Что Библия для христиан, то История для народов… дает им и твердость, и мужество в несчастиях, являя примеры ужасных бедствий, преодоленных великодушием» [6]. Не нужно забывать, что в историческом подходе Карамзина можно наблюдать некий перевес эстетизма, очарования прекрасным. Поэтому, хотя, по его мнению, история не только удовлетворяет любопытству, но еще дает «твердость и мужество в несчастиях», эта твердость и мужество выражаются зачастую лишь в некоем возвышенном настроении, в «великодушии». В этом всем Карамзин был одновременно наследником секулярных (оформлявшихся в России со времен Петра I вопреки влиянию Русской Православной Церкви) идей политической мысли Просвещения и антивольтерьянских религиозно-мистических настроений, созвучных идеям русских масонов и ставших настроением политической элиты в России начала XIX века.

Карамзин полагал, что России исторически свойственна и полезна сильная власть царя, который при этом опирается на законы (но не по подобию ограничивающих власть монарха законов европейских государств, установленных насильственным, революционным путем) и ограничен в своей власти нравственным чувством, а еще заботится о нравственном воспитании и просвещении народа. Его личность – олицетворение справедливого закона, действующего ради благополучия подданых. Но при этом власть царя

не должна, по образцу некоторых западных государств, ограничиваться конституцией. Предпочтение монархии в ее «просвещенном» варианте, являющееся залогом ее мировой мощи, Карамзиным объясняется и географическими, и культурными, и психологическими факторами, сложившимися в древней истории России. Историческое же образование единой страны в период Московского государства с сильной централизованной властью безусловно оценивается им положительно, как прогрессивное явление.

При этом Карамзин критически относился к получившей в Западной Европе популярность идее разделения властей. По его убеждению, монарху свойственно соединять в одном лице существующие (гражданские, политические, законодательные, военные) формы власти. Карамзину принадлежит универсальная формула русской монархии того времени: «государь – единственный законодатель, единственный источник власти», при этом «самодержавие есть Палладиум России; целостность его необходима для ее счастья» [7]. Однако Карамзин отнюдь не был конформистом в отношении существующего в России положения вещей, и усматривал недостатки политической организации в России в недостатке «твердых законов гражданских и государственных». Определяющим для Карамзина в будущих преобразованиях в России становилось нравственное воспитание и просвещение народа, а также реформирование государственного аппарата в направлении более эффективного осуществления законности, преодоления нравственных пороков чиновников.

Однако Карамзин отнюдь не был сторонником каких-либо революционных изменений, ставящих под сомнение цельность политической власти и нравственного авторитета русского царя как государя православного и верного заветам отечественной истории. Сам факт добровольного и всенародного образования монархического государства в России свидетельствовал в пользу того, что между политической организацией в России и в европейских государствах есть существенное различие. Европа уже к началу XIX века прошла через Нидерландскую, Английскую и Французскую революции, потрясшие христианские традиции монархического устройства. Но у России, не имеющей в своих исторических истоках каких-либо революционных начал, должен быть отличный от европейского эволюционный (иначе, консервативный), а не радикально-революционный путь развития, определяемый ее духовно-культурными историческими ценностями.

После Карамзина, и отчасти под влиянием его исторических изысканий и суждений о политической организации в России, существенная философская и богословская переоценка представления о власти, как и новые философско-исторические оценки истории России и ее духовно-культурных оснований были проведена «славянофилами» А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским. В критическом отношении речь у «славянофилов» шла не только о негативном отношении к преобразованиям в сторону «сильной», но обмирщенной России в лице Петра I, но и о коренной ошибке в желании соединить признание благодетельности и традиционности монархической власти в России с идеями западного Просвещения в политико-правовой области. Так, И.В. Киреевский писал, что любить русского царя «без всякого отношения к Святой Церкви как царя сильного, а не как царя православного, думать, что его господствование не есть служение Богу и Его Святой Церкви, но только управление государством из мирских видов… это любовь австрийская, а не русская… ибо православие есть душа России, корень ее нравственного бытия, источник его могущества и крепости… Законность, Отечество, Православие суть коренные стихии, из которых слагается понятие русский царь» [8, с. 136–139]. Парадоксальным образом патриотически настроенные «славянофилы», приверженцы убеждений об определяющей роли в истории и духовности России Русской Православной Церкви и монархической идеи, оказались в первой половине XIX века в некоторой оппозиции к существующей государственной власти.

В противоречивом настроении русского общества начала XIX века, в общей диалектике духовных исканий Александровской эпохи Карамзину принадлежит несомненная заслуга задания исторического вектора для будущего философского осмысления. Несмотря на общий секуляризированный уровень тогдашней русской жизни (в лице образованной части общества), все-таки ему удалось показать некоторые несомненные начала ее исторической и культурной идентичности, удалось пробудить в заметной части образованного общества в России уважение и любовь к русской истории. Несомненно, например, влияние исторических трудов Карамзина на творчество великого русского поэта А.С. Пушкина. От баллад «в чисто русском духе» до «Бориса Годунова» чувствуется

немолчный совет историографа. Уже в 20-х годах XIX столетия «История Государства Российского» издавалась вначале в Париже, затем в Италии, и имела отклик не только среди образованной части российского общества, но и в Западной Европе. «Я писал с любовью к отечеству, ко благу людей в гражданском обществе и святым уставам нравственности», – мог вполне оправданно сказать Карамзин, подытоживая свои труды. И пробуждение любви к своей истории и ее духовно-культурным основаниям, которому русское общество XIX века во многом обязано именно Карамзину и которое является актуальным и в наше непростое время, стало предпосылкой пробуждения мысли, самобытной русской религиозной философии истории и социально-политической мысли.

Творчество Карамзина вызывает и в наше время интерес в среде консервативно настроенной общественно-политической мысли, что особенно заметно на фоне оскудения идейных течений и, в частности, кризиса либерально-демократической идеологии. Возврат к дореволюционной консервативной традиции, несмотря на отсутствие политического института монархии, актуален по причине кризиса культурной идентичности и поиска надежных государственнических идей, чуждых как революционных, так и либеральных коннотаций.

Представления Н.М. Карамзина о сакральном характере монархической власти и в целом о государственно-правовой системе России актуальны и для современной политико-правовой мысли в России, ибо связаны с пониманием уникальности российского исторического пути и его духовных оснований и выстраивании на этом основании государственной идеологии.

Литература

1. Жданова О.В. Общественно-политические взгляды Н.М. Карамзина // Юридическая наука. 2012. № 2.

2. Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице // Троице-Сергиева Лавра в русской культуре XX века: сборник материалов / сост. Е.В. Суровцева. Казань, 2018.

3. Карамзин Н. М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_o_sluchayah.html.

4. Гильманов В. Голос истории и политика: к проблеме действенно-исторического сознания в современной истории в свете историографии Н.М. Карамзина. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/b45/Гильманов_17-28.pdf.

5. Акт Священного Союза (1809 год, 26 сентября). URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6778&CENTER_ELEMENT_ID=147869&PORTAL_ID=6778.

6. Карамзин Н.М. Мысли об истории. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_mysli_ob.html.

7. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_o_drevney_i_novoy_rossii.html.

8. Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти // Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полное собр. соч.: в 4 т. Т.1 Калуга, 2006.

Bibliography

1. Zhdanova O. V. Socio-political views of N.M. Karamzin // Legal science. 2012. № 2.

2. Karamzin N. M. Historical memories and remarks on the way to the Trinity // Trinity-Sergius Lavra in Russian culture of the XX century: a collection of materials / comp. E.V. Surovtseva. Kazan, 2018.

3. Karamzin N. M. About cases and characters in Russian history that can be the subject of art. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_o_sluchayah.html.

4. Gilmanov V. The Voice of history and politics: on the problem of effective historical consciousness in modern history in the light of N. M. Karamzin's historiography. URL: https://journals. kantiana.ru/upload/iblock/b45/Гильманов_17-28.pdf.

5. The Act of the Holy Union (1809, September 26). URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6778&CENTER_ELEMENT_ID=147869&PORTAL_ID=6778.

6. Karamzin N.M. Thoughts about history. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_mysli_ob.html.

7. Karamzin N.M. About ancient and new Russia in its political and civil relations. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_o_drevney_i_novoy_rossii.html.

8. Kireevsky I.V. Note on the attitude of the Russian people to the tsarist government // Kireevsky I.V., Kireevsky P.V. Complete collection of works: in 4 vols. Vol. 1 Kaluga, 2006.

УДК 340 : 1
ББК 67.0

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Aleksey Igorevich

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор.

The Head of the Department of Theory and History of State and Law, the Southern Federal University, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.
E-mail: k_fp3@mail.ru

Фетисов Тимофей Анатольевич
Fetisov Timofei Anatolyevich

протоиерей, ректор Донской духовой семинарии кандидат богословия.

Archpriest, Rector of the Don Theological Seminary, PhD in Theology.
E-mail: donseminary@gmail.com

ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРАВОПОРЯДОК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛОВИЯ*

The state and its law order from the Christian theology point of view

В статье рассматривается онтологический статус государства и права с позиций богословской методологии. Выявляется значение аутентичных библейских критериев оценки существа и сотериологического предназначения власти. Устанавливается роль богословского учения паламизма в политической философии византийской симфонии властей. Раскрываются исторические и мировоззренческие предпосылки богословского исследования государственно-правовых явлений, в том числе важнейшего принципа симфонии властей.

Ключевые слова: *государство, правопорядок, политическая теология, правовая теология, византийская симфония, христианская правовая культура.*

In the article the ontological status of the state and law is examined from the standpoint of theological methodology. The significance of authentic biblical criteria for assessing the essence and soteriological purpose of power is revealed. The role of the theological doctrine of palamism in the political philosophy of the Byzantine symphony of authority is established. The historical and ideological preconditions for the theological study of state and legal phenomena including the most important principle of the symphony authorities are revealed.

Key words: *state, law and order, political theology, legal theology, Byzantine symphony, Christian legal culture.*

Богословское познание государства необходимо для отражения сверхисторической и метакультурной онтологии государственно-правовых явлений. И не только потому, что, как отмечал Карл Шмитт, «все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия» [21, с. 57]. Но и потому, что в условиях постсекулярности диалог между светской и богословской науками необходим для решения ряда методологических задач, прежде всего смыслового объема различных понятий, используемых обеими видами познания. Например, известный со времен Византии принцип «симфонии властей» давно искаженно воспринимается секуляризованным правовым мышлением как сотрудничество, взаимодействие двух различных видов власти – государственной и церковной, светской и духовной. В частности, Владислав Бачинин пишет: «К числу приобретений, унаследованных Россией от Византии, принадлежит

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

известный принцип симфонии, означающий особую близость отношений между Церковью и государством, священством и царством. Восходящий к политической доктрине и социальной стратегии императора Юстиниана I (482–565 гг.), он возник в форме цезаропапизма, т. е. как фактического сращения двух ветвей власти, светской и духовной, при различных, от мягких до жестких, степенях доминирования первой над второй» [29]. Между тем, в христианском богословии Византии вряд ли возникла мысль о каком-либо дифференцировании видов власти, духовной или светской. Императорская власть не могла не распространяться на духовную сферу, на область сакральных оснований царской государственности.

Предпосылки мышления в стиле цезарепапизма или папоцезаризма возникли уже после появления секуляризма политического и правового мышления. Цезарепапизм не может мыслится вне допредикативного, предпосылочного знания о возможности разграничения и разделенности светской и духовной власти. В Византии образ разделения не мог бы появиться в несекуляризованном правовом мышлении императора, не представляющем политические и духовные смыслы и ценности конкурирующими или разделенными. Поэтому идея симфонии властей была призвана подчеркнуть, оттенить сакральность государственно-церковного неслиянного единства. «Концепция "симфонии властей" – это идея о гармоничном взаимодействии церкви и государства, главным содержанием которой является то, что законы церкви есть в то же время и законы государства и оно при этом выступает гарантом их соблюдения. Иначе говоря, государство признает над собой высший духовный авторитет церкви, обязуется руководствоваться в своей деятельности христианскими идеалами, поддерживать церковь в необходимой мере, а та, в свою очередь, обещает, используя свой духовный авторитет, помогать ему в его практической деятельности» [30, с. 23]. Иными словами, император полноценно считает себя ответственным перед Богом за спасение своего народа.

С трудом можно назвать обширной библиографию исследований, раскрывающих именно богословские основы теории государства и государственного правопорядка. В основном это работы западных богословов протестантской традиции. Наиболее близкими по тематике к объекту и предмету нашего исследовательского внимания можно было бы назвать следующие из них: Г. Чиричиньо «Богословское исследование мотивации в ветхозаветном законе» [26, с. 303–313], Н. Готвальд «Племена Яхве: социология религии освобожденного Израиля 1250–1050 гг.» [23], М. Линд «Концепция политической власти в Древнем Израиле» [22, с. 4–24], Дж. Барр «Библейский закон и вопрос естественного богословия» [28, с. 1–22], Р. Клементс «Мир Древнего Израиля: социологические, антропологические и политические перспективы» [24], С. Грейданус «Универсальное измерение закона в еврейских Писаниях» [27, с. 39–51].

К сожалению, в этих работах присутствует все тот же методологический промах, когда древние тексты анализируются без учета концептуальных наслоений последующих политических события и эпох. Например, библейская теократия ассоциируется либо с одной из форм правления, либо со способом правового регулирования на основе религиозных норм. Кроме того, большинство соответствующих книг и статей, во-первых, относят теократию исключительно к Ветхому Завету, что не соответствует многомерности данного понятия; во-вторых, рассматривают теократический принцип в основном в политическом контексте, оперируя терминологией из лексикона современной правовой реальности.

В качестве многочисленных подобных примеров недостаточной библейско-богословской компетентности можно привести работы американских авторов, таких как Д. Элазар, Ст. Коэн, которые проецируя современные секулярные правовые идеи на библейскую эпоху доходят до абсурдного и грубо искажающего религиозно-историческую реальность Древнего Израиля утверждения о том, что искомый принцип разделения властей исключал в том числе и концентрацию власти в руках Самого Бога! [25, p. 16–20] И это с учетом широко известного факта, что не разделение, а именно соединение в одном лице полномочий судьи, верховного правителя и военачальника было нормой властеотношений в Древнем Израиле. [16, с. 64] Имели место и спонтанные переходы властных полномочий в зависимости от обстоятельств времени, особенно в сфере судопроизводства, что дает повод согласиться с Юзефом Майкой, установившим, что

«нельзя обнаружить в *Ветхом Завете* четко оформленной и цельной системы судебной власти, хотя о роли судьи как таковой говорится очень часто. Несомненно, ее осуществляют патриархи, затем Моисей и "судьи", это прерогатива царской власти, но в определенных случаях ее осуществляют также пророки и священники» [10, с. 40].

И.П. Вайнберг на страницах своей книги «Человек в культуре древнего Ближнего Востока» резонно доказывает неправомерность приложения терминов «демократизм», равно как и «тоталитаризм», к древневосточным религиям и вообще к мировоззрению древнего человека [3, с. 142–146]. Указанную проблему ложной трансполяции признают и сами исследователи, опирающиеся на секулярные принципы познания государства и права. Так, Г.В. Мальцев квалифицирует вышеуказанные попытки реконструкции государственной идеи Древнего Израиля как заданную искусственную стилизацию Библии под американскую конституциональную модель [11, с. 231]. Такого рода искажения, в том случае, если носят ненамеренный характер, продиктованы, на наш взгляд, следующим рядом причин:

1) игнорируется огромный культурный и временной разрыв между дохристианским обществом и христианским;

2) не учитывается различный исторический контекст правовых явлений внутри различных периодов ветхозаветного общества;

3) не принимается во внимание иудейская и святоотеческая богословская герменевтика, наиболее аутентичная по отношению к библейскому религиозно-правовому материалу.

Для того чтобы установить особенности понимания государства и его правопорядка с христианско-богословской точки зрения необходимо обратиться к периоду формирования восточно-христианской богословской культуры. Первые попытки богословского осмысления природы государства сквозь призму Священного Писания и Предания начинаются с эпохи святого Константина Великого (272–337 гг.). Прежние республиканские и языческо-имперские представления о власти и государстве устаревают вместе с концентрацией единоличной императорской власти и постепенным объединением империи на основе идеи вселенского православия. Ко времени царствования императора Юстиниана Великого (483–565 гг.) в руках византийского автократора сосредоточились все функции и атрибуты власти: армия, правосудие, административное управление, внешняя и внутренняя политика. Но легитимность молодого государства опиралась не на них и не на прежние языческие философско-политические представления, а на новую христианскую идею царской власти, которая при поддержке Церкви была сформулирована следующим образом: «Величайшим благословением человечества являются дары Божии, ниспосылаемые нам с небес по Его милосердию, – священство и царство. Священство служит предметам Божественным; царская власть главенствует над человеческими и о них заботится; *но обе исходят из одного и того же самого Источника* и обе украшают жизнь человека» [12, с. 15].

Эта широко известная концепция святого императора Юстиниана, которая вошла в XX веке в соответствующий раздел Социальной концепции Русской Православной Церкви, подчеркивает не только Божественное происхождение государства, но ставит в один аксиологический ряд царство и священство, разделяя их лишь функционально. Данная доктрина отражала сакральное мировосприятие византийского христианского социума, вдохновленное халкидонским богословием неслиянного всеединства в Боге. Протоиерей Александр Шмеман отмечает по этому поводу: «История Византийской Церкви дает бесчисленные примеры высокоавторитетных голосов, оспаривающих произвол императоров или церковных властей: примеры святого Иоанна Златоуста, преподобного Максима Исповедника, святого Иоанна Дамаскина, преподобного Феодора Студита общеизвестны и не могут рассматриваться как исключения из правил, ибо их писания, широко читаемые поколениями византийских христиан, всегда были на христианском Востоке авторитетнейшими образцами общественного поведения. Никто из них, однако, не бросал вызова ни византийской политической системе как таковой, ни эсхатологическому идеалу, определенному Юстинианом» [13].

В процессе определения симфонии византийская интеллектуальная традиция, адаптировавшая философские интуиции платонизма, внесла особый вклад в разработку «богословия власти». Благодаря учению святого

Дионисия Ареопагита иерархический принцип структуры мироздания лег в основу онтологической концепции власти. В лествице бытия святого Дионисия именно власть является той онтологической связью, которая соединяет воедино разноуровневые сущности, в том числе и видимое царство с невидимым миром. В силу этого и земная власть есть лишь эманация Божественного присутствия, а потому в своем существе не имеет земных корней. Она не возникает снизу, а исходит сверху вниз в иерархии бытия. Таким образом, данное богословие исключает принцип демократии как делегирования власти от низших представителей к высшим. Политическая интерпретация «небесной иерархии» дезавуирует и традиционные стоические представления о власти как проявлении естественного права [9, с. 34].

К XIV веку, когда возникло паламитское богословие божественного присутствия в мире, политическая философия стала способна видеть в государственном управлении «синергию с ниспосылаемыми в мир нетварными энергиями» [20, с. 66]. Таким образом, учение о симфонии получило дополнительное богословское обоснование. Созидательная деятельность императоров в этом контексте воспринималась как трансляция и реализация сакральной власти (πρόνοια), происходящая под водительством Божественного Промысла (θεία πρόνοια). Кроме того, учение о божественных энергиях отражалось в политической реальности – снимало болезненную для Запада дихотомию небесного и земного царств постольку, поскольку всё земное подлежало обожению через причастие к небесным энергиям Божества. Именно с этой точки зрения не выглядит гиперболой следующая мысль В. Соловьева: «Христианство, придя в мир, чтобы спасти мир, спасло и высшее проявление мира – государство, открыв ему истинную цель и смысл его существования» [17, с. 123]. В то время как варламитское учение, по сути, заложило основы будущего западноевропейского секуляризма, проложив резкую границу между Богом и его творением. Кроме того, случившаяся вместе с окончанием Средневековья метаморфоза правосознания была связана с потерей веры в наличие у государства особой сущности, ноуменального бытия. Это повлекло за собой отказ от самого поиска государственного идеала, который постигается в процессе анализа соответствия феноменальной, эмпирической стороны государства его ноуменальному логосу. В описанной номиналистической парадигме государственный идеал как предмет исследования невозможен в принципе, ибо, по утверждению А.М. Величко, он состоит как раз в «реальном и объективном понимании *существа политического тела*, целей его создания, принципов функционирования» [4, с. 306]. Потеря западноевропейским обществом чувства реальности государства – таков результат возобладавшей в европейской науке тенденции исторического позитивизма [2, с. 386]. В практическом смысле свершившаяся утрата религиозных корней правосознания, по мысли И.А. Ильина, привела в итоге к неспособности «поддерживать и отстаивать монументальную государственность» [6, с. 271–274].

Хотя учение о симфонии властей является богословско-историческим идеалом, нельзя не признать, что оно стало неотъемлемой частью Священного Предания через каноническую рецепцию Вселенской Церкви. Едва ли можно найти в христианском Предании более явное и недвусмысленное утверждение богоустановленности государственной власти, а значит, и самого государства. Невозможно сужать сферу применения этой богословско-правовой новеллы до пределов только православного государства, если, согласно уже приведенной цитате апостола Павла, повиновение даже языческому государству обусловлено тем, что «существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению». Так или иначе, весомость темы государства в социальном бытии Церкви далеко не исчерпывается текущей политической повесткой.

Таким образом, на фоне существующего многообразия теорий государства и власти, основанных на методологическом плюрализме, богословский подход должен занять достойное место в философско-правовой науке, в особенности в сообществе экспертов, работающих в области церковно-государственных отношений. Если для правоведа-позитивиста определить концепт «государство» означает описать его как факт, то перед богословом стоит задача – раскрыть его идейную матрицу, определив существо и *телос* власти. Государство занимает особое отведенное ему место во всеобъемлющем Божественном плане спасе-

ния. Земная власть в общем и государство в частности являются *акторами* Промысла Божия в мире, следовательно, требуют специального богословского осмысления в *сотериологическом* контексте. Библейское Откровение показывает, как грех разрушает установленный Богом естественный социальный и даже природный порядок. Искажается брачная гармония первозданной четы (Быт. 2:18–24), их отношения теперь основываются не на чистой любви, а на жестком доминировании и половом инстинкте (Быт. 3:16). В их распространившейся семье появляются первые горькие плоды зависти, гнева, убийства и мщения (Быт. 4). Далее мы видим, как вирус первородного греха разрушает человеческое общество (Быт. 6:5) и приводит к анархии (от древнегреч. αναρχία без*власти*е). Предел этой анархии полагает Сам Бог, когда уберегает виновного и подлежащего суду Каина от самосуда.

В различных типах правопонимания связь государства и права, как известно, интерпретируется по-разному, от отождествления в юридическом позитивизме до противопоставления в социологической или психологической теории права. В христианско-богословском учении о государстве и праве исчезает необходимость разрешения давнего методологического конфликта между теорией естественного права и юридического позитивизма, так как и государство, и право имеют богоустановленный характер. Государство и его правовой порядок учреждаются именно Богом. Дальнейшая функция поддержания правопорядка передается в руки человеческой власти. Правопорядок как антоним беззакония приобретает и сотериологическое значение, поскольку первое нарушение закона, согласно библейской концепции, происходит вследствие действия сатанинских сил, стремящихся погубить человека и отлучить его от Творца. Связь юридического понятия беззакония и греха как понятия нравственного устанавливает ап. Иоанн Богослов: «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (1 Ин. 3:4). Однако наиболее отчетливо сотериологическая аксиология государства раскрывается в учении ап. Павла об «удерживающем» (катехоне), содержащимся во Втором послании к Фессалоникийцам. Комментируя это место Священного Писания, святитель Иоанн Златоуст пишет: «когда прекратится существование римского государства, тогда он (Антихрист) придет. И справедливо, – потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится (Антихристу); но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он будет стремиться похитить всю – и человеческую, и божескую – власть» [18]. В учении ап. Павла безначалие производит беззаконие (ανομία) (2 Фес. 2:7). Стоит отметить, что данное понятие было в начале XX века использовано и введено в научный социально-философский оборот Эмилем Дюргеймом. Вслед за ап. Павлом Дюргейм считает аномию распадом ценностной структуры общества [5, с. 303], связанной с отсутствием или слабостью нормативно-контролирующего регулирования со стороны государства. Поэтому, как считает Й. Ратцингер, «христианин связан с государственным правопорядком как порядком *нравственного* характера» [14, с. 21]. Государство же, гарантируя мир и право, исполняет свое божественное предназначение, являясь представителем «порядка творения». [15, с. 20] Отсюда «высшая цель всякой политики имеет нравственный характер; эта цель – мир и справедливость» [15, с. 24]. Как известно, сходным образом задачи государства понимала и византийская святоотеческая мысль, признав в империи «могучее средство Царства Божия» [7, с. 49]. Русское богословие в лице святителя Филарета Московского выразило это понимание следующим образом: «Различные состояния земных гражданств всесильною рукою Божиею непрестанно направляются к тому, чтоб они уготовляли в себе граждан небесам» [19, с. 6–7]. Протоиерей Максим Козлов уверен в том, что «апостольская Церковь, как и ее ветхозаветная предшественница, Церковь закона и пророков, утверждала *сотериологическое служение государства* высшим целям Царства Божия» [8].

Таким образом, методология и критерии богословского анализа государства должны определяться контекстуально с учетом их над временного и над пространственного значения и позиции той конечной цели, которая выходит за пределы действующего эона бытия и находится в *жизни будущего века*. Богословский метод способен установить метафизическую ценность государства, сформулировать государственный идеал исходя из соответствия или несоответствия изначальной идее, ос-

нованной на незыблемых этических ценностях, определяющих его цель. В этом отношении указанный метод не нуждается в исследовании частных составляющих государства, таких как суверенитет, территория, наличие законодательства и органов принуждения и так далее. Тем более что в современной философско-правовой науке данные атрибуты далеко не суть безусловные и определяющие признаки государства. Так, суверенитет более не считается ни существенным признаком – поскольку имеются и не суверенные государства, ни даже условным – по причине почти полного отсутствия абсолютно независимых государств [2, с. 461]. Наличие же в мире государственных образований без определенной территории позволяет считать, что «с точки зрения родовой сущности государства признак территории не может рассматриваться в качестве необходимого и конститутивного» [1, с. 43]. Конъюнктурными выглядят и правовые теории, сложившиеся в постсредневековый период в связи с изменением общественного правосознания, с их утверждениями о том, что для функционирования государства непременно требуется письменное законодательство. Правовое регулирование общественных отношений во многих странах силою обычая или религиозных заповедей при отсутствии кодифицированного законодательства делает необязательным и это условие. Ярким историческим примером сего послужило ветхозаветное библейское государство. По всей видимости, в том случае, когда правопорядок и легитимность государственной власти «покоятся» на библейских заповедях возникает та самая симфония властей, которой добивались византийские императоры, хотя и понимали заповеди Божии в различные периоды Византии своеобразно. Именно в таких ситуациях кризиса церковные иерархи направляли корабль государства, постоянно «сбивавшегося с курса», на верный догматическому богословию путь церковно-государственного единства, подсказывая царю, несущему послушание кормчего всенародного спасения, правильные координаты и ориентиры.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. М., 1918.
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003.
3. Вейнберг И. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986.
4. Величко А. Философия русской государственности. СПб., 2001.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 2008.
6. Ильин И. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М., 2003.
7. Карташев А.В. Церковь. История. Россия. М., 1996.
8. Козлов М., протоиерей. Церковь и государство. Историческая ретроспектива и современная ситуация. Доклад на Торжественном акте в МДА 14 октября 2014 года. URL: http://www.uchkom.info/index.php?option=com_content&view=article&id=2663:2013-10-18-08-35-01&catid=28:2010-06-02-05-34-34&Itemid=4.
9. Костюк К.Н. История социально-этической мысли в Русской православной церкви. СПб., 2013.
10. Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Люблин, 1994.

Bibliography

1. Alekseev N.N. Essays on the general theory of the state. Moscow, 1918.
2. Alekseev N.N. Russian people and state. Moscow, 2003.
3. Weinberg I. Man in the culture of the ancient Near East. Moscow, 1986.
4. Velichko A. Philosophy of Russian statehood. Saint Petersburg, 2001.
5. Durkheim E. Suicide. Sociological study. Saint Petersburg, 2008.
6. Ilyin I. Singing heart. The book of quiet contemplation. Moscow, 2003.
7. Kartashev A.V. Church. History. Russia. Moscow, 1996.
8. Kozlov M., archpriest. Church and State. Historical retrospective and modern situation. Report at the Solemn Act at the MDA on October 14, 2014. URL: http://www.uchkom.info/index.php?option=com_content&view=article&id=2663:2013-10-18-08-35-01&catid=28:2010-06-02-05-34-34&Itemid= 4.
9. Kostyuk K.N. The history of social and ethical thought in the Russian Orthodox Church. Saint Petersburg, 2013.
10. Mike Y. Social teaching of the Catholic Church. Lublin, 1994.

11. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013.

12. Махно Л.Л. Церковь как путь человечества ко спасению // Вестник ТулГУ. Тула, 2008.

13. Мейендорф И., протоиерей. Церковь, общество, культура в православном церковном Предании // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/tserkov-obshestvo-kultura-v-pravoslavnom-tserkovnom-predanii.

14. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). О соответствии вызовам времени / пер. с нем. М., 2007.

15. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. 2007.

16. Салыгин Е.Н. Теократическое государство. М., 1999.

17. Соловьев В. Духовные основы жизни // Социальное значение религиозной личности. Вышний Волочек, 1903.

18. Феофилакт Болгарский, блаженный. Беседа 4 на Второе послание к Фессалоникийцам // Православная энциклопедия «Азбука веры» URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-fessalonikijtsam/2.

19. Филарет (Дроздов), святитель. Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. М., 1888.

20. Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.

21. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

22. Annual of the Swedish Theological Institute 1 (1968–1969).

23. ВСЕ. Maryknoll: Orbis; London, 1979.

24. Clements R. The World of Ancient Israel: Sociological, Anthropological and Political Perspectives. Cambridge, 1989.

25. Elazar D.J., Cohen St.A. The Jewish Polity. Bloomington, 1985.

26. Journal of the Evangelical Theological Society. 1981. № 24.

27. Studies in Religion. 1985. № 14.

28. The Law in the Bible and in Its Environment. Gottingen, 1990.

29. Бачинин В. Общественные грехи византизма. URL http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1934.

30. Новиков О.А. Византийская концепция «симфонии властей». Историко-политический аспект // Право и политика. 2007. № 7.

11. Maltsev G.V. Cultural traditions of law. Moscow, 2013.

12. Makhno L.L. Church as the path of mankind to salvation // Bulletin of TulSU. Tula, 2008.

13. Meyendorf I., archpriest. Church, society, culture in the Orthodox Church Tradition // Orthodox encyclopedia "The ABC of Faith". URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/tserkov-obshestvo-kultura-v-pravoslavnom-tserkovnom-predanii.

14. Ratzinger J. (Benedict XVI). On Compliance with the Challenges of Time / Per. with him. Moscow, 2007.

15. Ratzinger J. (Benedict XVI). Values in an era of change. 2007.

16. Salygin E.N. Theocratic state. Moscow, 1999.

17. Soloviev V. Spiritual foundations of life // The social meaning of a religious personality. Vyshny Volochyok, 1903.

18. Theophylact Bulgarian, blessed. Conversation 4 on the Second Epistle to the Thessalonians // Orthodox Encyclopedia "The ABC of Faith".URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-fessalonikijtsam/2.

19. Filaret (Drozdov), saint. Christian doctrine of kingship and the duties of loyal subjects. Moscow, 1888.

20. Khvostova K.V. Byzantine civilization as a historical paradigm. SPb ., 2009.

21. Schmitt K. Political theology. Moscow, 2000.

22. Annual of the Swedish Theological Institute 1 (1968–1969).

23. EVERYTHING. Maryknoll: Orbis; London, 1979.

24. Clements R. The World of Ancient Israel: Sociological, Anthropological and Political Perspectives. Cambridge, 1989.

25. Elazar D.J., Cohen St.A. The Jewish Polity. Bloomington, 1985.

26. Journal of the Evangelical Theological Society. 1981. № 24.

27. Studies in Religion. 1985. № 14.

28. The Law in the Bible and in Its Environment. Gottingen, 1990.

29. Bachinin V. Social sins of Byzantism. URL: http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1934.

30. Novikov O.A. Byzantine concept of "symphony of powers". Historical and political aspect // Law and Politics. 2007. № 7.

УДК 340.15
ББК 67.3

Клюканова Татьяна Михайловна
Klyukanova Tatyana Mikhailovna

доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD in Law.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

The history of the formation of the Romano-German Legal Family

В статье рассматриваются дискуссионные в истории права и теории сравнительного правоведения вопросы становления Романо-германской правовой семьи. Анализируются проблемы формирования правовых систем стран центральной Европы в эпоху Средневековья (V–XIII в.). В результате проведенного исследования формулируется вывод о том, что становление Романо-германской правовой семьи в Центральной Европе сложилось к XIII веку.

Ключевые слова: *история права, права племен, Романо-германская правовая семья, правовая система, правовые нормы, отрасли права, Средневековье.*

The article deals with the debatable issues in the history of law and the theory of comparative law on the formation of the Romano-Germanic Legal Family. The problems of the formation of the legal systems of the Central European countries in the Middle Ages (V–XIII centuries) are analyzed. As a result of the conducted research, the conclusion is formulated that the formation of the Romano-Germanic Legal Family in Central Europe was formed by the XIII century.

Key words: *history of law, tribal rights, Romano-Germanic legal family, legal system, legal norms, branches of law, the Middle Ages.*

В теории сравнительного правоведения устойчивой является позиция о том, что Романо-германская правовая семья сформировалась в континентальной Европе к XVIII веку. Причем, наиболее активные процессы ее формирования происходили в X–XII веках [2; 6; 8].

В своем исследовании мы прослеживаем историю, причины и обоснования становления Романо-германской правовой семьи через призму развития правовых систем стран континентальной Европы в эпоху Средневековья, входящих в романо-германскую правовую семью, рассматриваем основные признаки, характеризующие правовые системы стран на рубеже средних веков и позднего Средневековья. Большинство ученых историков и правоведов указывают на начало эпохи раннего Средневековья (после 476 г. н.э.) как на период зарождения Романо-германской правовой семьи. Данное утверждение не является бесспорным, но мы не будем оспаривать данную точку зрения, мы к ней присоединимся и, опираясь на данное утверждение, обратимся к истории.

Эпоха античности в Центральной Европе сменяется Средневековьем. Рассматривая понятие Средневековья, хотелось бы отметить ряд важных факторов, характеризующих данное понятие, а именно:

Средневековье – это период многих столетий. Оно длится с падения Римской империи в 476 г. до открытия Американского континента в 1492 г., то есть более 1 016 лет. Средневековье – это эпоха не только Европейской цивилизации. Это эпоха расцвета цивилизаций стран ближнего и дальнего востока, славянских племен и народов [1, с. 8].

Безусловно, VI–VII века – трудное, тяжкое время в истории населения центральной Европы, поскольку многочисленные войны, изменения климата, неурожайные годы – все это привело к голоду, болезням, смертям людей [1, с. 9]. Разорялись и пустели города, население перебиралось в сельскую местность, ближе к земле, многое из античной цивилизации было забыто и уничтожено [4, с. 18].

В то же время Средние века были знакомы с античностью и не отрицали античной науки. «Сегодня мы можем смело утверждать, что Средневековье было не только эпохой мистики и ригористов. Это была не только эпоха торжествующей ортодоксальности» [1, с. 9].

Следует напомнить, что распад Западной римской империи не повлек за собой распада Восточной империи, где в VI веке н.э. была осуществлена величайшая кодификация римского права. Политический распад Западной Римской Империи – это итог длительного исторического процесса, регионализации имперских территорий [4, с. 20], а низложение императора Ромула Августа в 476 г. – это лишь один из моментов продолжительного переходного периода.

В III–IV веках напряженность между Западной Римской Империей и населением приграничных районов постепенно нарастала, а после ряда острых конфликтов в 375 г. начинается Великое переселение народов, следствие чего уничтожается власть Римской Империи. Западная Римская империя пала, в Восточной империи этого периода наступил расцвет права и новых форм государственности [9].

1 апреля 521 г. Юстин передает власть своему племяннику Юстиниану. 38-летнее правление императора Юстиниана характеризуются весьма мощной военной активностью, цель которой – территории и восстановление единой Римской Империи. Однако результаты этой политики окажутся эфемерными [5, с. 19]. В области же права Юстиниан провел масштабную кодификацию и оставил потомкам знаменитый Свод Юстиниана (Corpus iuris civiles) – 3 тома бесценного юридического наследия. Примечательно, что до императора Юстиниана Римское право не обладало едиными характеристиками на протяжении всей своей истории и никогда не подвергалось кодификации.

Лишь в V веке, когда Западная Римская империя стремительно приближалась к закату, на востоке приступили к созданию обширного сборника римских юристов. И хотя он был не полным, ограничивался лишь законами, изданными в эпоху Константина Великого, процесс обобщения и кодификации, а также создание новых правовых норм оказался очень успешным.

Великое переселение народов, захват европейских территорий германскими, алеманскими, баварскими племенами, отсутствие в V–VI веках органов государственного управления, все это скорее эпоха «темного» Средневековья, не позволяющая нам всерьез говорить о наличии сложившихся правовых систем в Европе [1, с. 59].

Правовые нормы, продиктованные обычаями и традициями, сформировали право, вошедшее в историю раннего Средневековья как «Право племен», в котором мы находим тот необходимый минимум правил поведения, без которого невозможно было поддержание порядка в раннесредневековом обществе, соотношение светской и церковной власти [3, с. 59].

На наш взгляд, мощным фундаментом формирования правовых систем в Центральной Европы является период правления Карла Великого, императора, основателя мощной империи в Европе в конце VIII – начале IX века. Именно с именем Карла Великого связаны административная реформа, приведшая к созданию органов государственной власти и управления, военная и правовая реформы, и, как следствие этих реформ, формирование законодательства, содержащее в себе нормы, регулирующие различные сферы жизнедеятельности общества и государства. Невероятные усилия, предпринятые Карлом Великим по созданию новой модели государства, закрепленные в правовых актах, в значительной степени сформировали новый взгляд на построение правовых норм и организацию органов управления империей [5, с. 30].

Средние века в континентальной Европе особенно важны с точки зрения формирования правовых норм, поскольку именно они послужили основой для формирования правовых систем Европейских стран в эпоху Зрелого Средневековья [1, с. 60]. Распад империи Карла Великого и появление новых государственных образований в IX–XI веках привели к появлению новой правовой традиции и новой правовой культуре, параллельно сформировались светское и каноническое право.

Если представить себе геополитическую карту Европы Средних веков, то на первый план, как самое значительное государство в Европе, выходит Германская Империя. «Священная римская империя германской нации» становится в Средние века самым значительным государством и самой обширной территорией в западной Европе.

Император пользовался исключительным авторитетом среди остальных правителей, однако, Европа никак не могла отказаться от идеи империи и гордости своими римскими корнями и поэтому Германская империя воспринималась как преемница Римской [1].

Титул «Император» в Римской империи Германской нации не передавался по наследству. Император созывал собрание крупнейших феодалов, чтобы они избрали либо его сына, либо иного приемника. Если в XI–XII вв. в Европе формировалось династическое престолонаследие, то в Империи с новой силой утвердился принцип выборности.

Итак, Империя Оттонов называлась Римской (romano) и священной «sacro», т.е., полагала себя преемницей древней Римской империи [1, с. 115–116].

Следует напомнить, что во второй половине XI в. политическая деятельность императоров в Империи была полностью посвящена борьбе за Инвеституру.

В 1122 г. между папой и императором наступает перемирие, которое оформляется Вормским конкордом. Тем самым был достигнут компромисс, некий баланс между светской и церковной властью, между папой и империей, однако постепенно империя была оттеснена церковью на второй план.

Почему же немецкие князья приобрели столь значительную власть? Ответ достаточно прост: поскольку первоначально они получили земли как королевские чиновники [3].

Еще одна характерная особенность той эпохи, повлиявшая на развитие права – стремление европейских городов периода Центрального Средневековья к самоуправлению. Данное явление возникло в Империи позднее, нежели в итальянских княжествах, и не получило в Империи большой независимости по сравнению с другими регионами Центральной Европы. Большинство городов в Германии образовалось в Средние века и именно по экономическим причинам, поскольку герцоги и графы желали получить доход от своих земель.

В то же время образование новых германских городов на востоке Империи способствовало развитию права, уставов и немецких законов. В этих городах проживало много торговцев. В городах развивались ремесла, вводились новые орудия труда и способы обработки полезных ископаемых. Все это приводило к необходимости населения немецких городов в правовой защите. И такое германское право появляется. Примером может служить Устав города Магдебурга, в котором сформулированы правовые нормы о защите прав городского населения и правила торговли.

Продолжая исследование вопроса о становлении к XIII веку Романо-германской правовой семьи, обратимся далее к Франции.

В XI–XII вв. престол западной Франции занимала династия Капетингов. Важным фактором успеха династии оказался обычай утверждать соправителем старшего сына короля, благодаря чему установился новый порядок престолонаследия, который пришел на смену избранию. В течение 2-х столетий французское королевство разыграло сложную партию борьбы против могущественных англосаксонских соседей, против Священной римской империи и против собственных крупных феодалов и при Филиппе Августе, в начале XIII в. она подчинила себе всю территорию в естественных границах [3, с. 191]. Что же касается правовых норм данного периода, вряд ли возможно назвать сколь бы то ни было значительные правовые акты. В основном – это указы Королей, обычаи местные и общие, формировавшие «кутюмное» право. Французское право этого периода еще не претерпело рецепции римского права. В правовой системе Франции данного периода господствует судебный прецедент.

Заметную роль на геополитической карте Европы Средних веков играли Скандинавские страны. Обращение в Христианство связало Скандинавию с Западной Европой и способствовало укреплению в ней монархии, однако церковь и государство неустанно боролись за первенство [1, с. 147]. Из маленьких княжеств викингов в XI–XII вв. образуются королевства Норвегия, Швеция, Дания. Мореплавание и военные походы укрепили экономику этих стран. В то же время борьба за престолонаследие и брачные союзы позволили Дании в XII в. занять Норвегию и Швецию и установить свое господство над ними. Правовые нормы в XII веке в Дании оформляются в виде Указов королей, еще не знавших рецепции римского права. Тогда же активно формируется «земское право», впоследствии фундамент для датского Уложения 1683 г. и шведского Уложения 1734 г.

Помимо уже обозначенных государств, на географической карте Центральной Европы рассматриваемого периода заметно выделяется Сицилийское королевство, поскольку произошедшие исторические события данного периода несомненно возвысили его геополитическое положение в Европе. Именно к XII веку в Сицилийском королевстве, уже воспринявшем рецепцию римского права, динамично развиваются нормы римского права [1, с. 187]. Однако не только Сицилийское королевство активно формирует правовую систему в Италии.

Для городов северных и центральных областей Италии в XII–XIII вв. характерно полное самоуправление по сравнению с городами юга Италии, входящими в сицилийское королевство. В городских коммунах развивается настоящая политическая независимость, горожане широко участвуют в работе городских советов и органов управления., осуществляется систематический контроль над территориями, приписанными к городу. «Борьба за власть стано-

вится более острой, начиная со второй половины XIII в. и способствует укреплению такой идеологии, в основе которой лежит всеобщее благо (система правил городского поведения, трактаты о нравственности). Нотариусы и суд пытались сочетать древнеримские термины, идеологию с новым политическим опытом» [1].

Политические режимы городов-коммун во второй половине XIII в. переживали кризис, получивший в истории права название кризис коммуны как формы городского управления. Экономический, политический, социальный кризис городов-коммун был обусловлен слишком неустойчивой структурой управления коммунами. Органы управления коммунами были не в состоянии урегулировать конфликты, возникающие в правящих кругах. Вместе с тем, именно для данного периода характерно бурное развитие норм права в виде Уставов, договоров, в том числе и международных.

Наряду с развитием светского права, в них находит применение развивающееся церковное право, которое оказывает существенное влияние на правовую традицию южных и северных регионов Италии и способствует обеспечению развития самоуправления.

В Средние века в Центральной Европе получает распространение формирование так называемых Союзов (Союзы городов, торговцев, ремесленников). В том числе и имперские города Германии в XIII в. объединяются в союзы, этому способствует ряд целый причин, одна из которых – нежелание попасть в феодальные владения князей [2]. Федерации купцов различных городов порождают федерации самих городов, как целостного организма с политическими и экономическими целями. Данное явление затрагивает города Агсбург, Регенсбург, Пассау, Ульм, Нюренберг. Эти города владели торговыми путями и могли осуществлять свободную торговлю. Основное их завоевание в том, что они защищены от притязаний феодалов.

Как пишет У. Эко: «В средине XIII в. образуется великий Рейнский союз, в который вошли города, расположенные от Швейцарии до нижнего Рейна. В XIII в Рейнский союз объединился с Швабским союзом городов для регулирования вопросов торговли, обеспечения безопасности и возможности влиять на выборы Императора. Однако самый могущественный оказался Гензейский союз в который входили наиболее мощные города Средиземноморья, купцы, обосновавшиеся в портах Балтийского и Северногоморей создавали его в целях безопасности. Первый ганзейский союз возник в Висбю на острове Готланд в 1161 г. Вершины могущества достиг в XIV в. Это было объединение союзов, чьи представители регулярно встречались, чтобы координировать совместную политику. У Ганзы не было ни Конституции, ни центрального аппарата управления, но она имела корпус писанных законов и соблюдала обычаи. В 1373 г. г. Любик официально стал резиденцией апелляционного суда и местом проведения генеральных ассамблей союза раз в 3 года» [1].

В 1291 г. был образован Швейцарский Союз. Договор, заключенный на лугу Рютли положил начало Швейцарскому союзу, объединив общины, расположенные неподалеку от озера 4-х кантонов. Это было начало современной Швейцарии. Это была клятва 3-х кантонов: Швиц, Ури, Унтервальд. Они обязались оказывать друг другу помощь в случае нападения [1]. Образование Швейцарского Союза обеспечило формирование «общих правовых норм» для кантонов, основанных на римском праве и регулирующих взаимоотношения между кантонами в области торговли, безопасности, распределения пошлин и сбора налогов.

Особое положение на геополитической карте Европы XII–XIII веков занимали также христианские Королевства Испании. Будучи образованными в XI–XII вв., они в течение продолжительного времени определяли политическое лицо Пиренейского полуострова [3].

В позднесредневековой христианской Испании Королевства Кастилии и Наварры являлись главными действующими лицами. Эти Королевства медленно вбирали в себя разные государства с христианской религией и росли, тесня мусульманское владычество в Аль-Андалус. Особенностью этих Королевств было то, что наряду с верховенством военной и духовной аристократии значительную роль в них играл народ. Этому способствовала политика иммунитета, на которую вынуждены были идти короли ради заселения пустующих территорий [1].

Развитие городов, мануфактур, ремесел и торговли в Центральной Европе приводит к появлению новых, ранее малоизвестных слоев населения: ремесленников, купцов, крупные из них – первые финансисты, врачи, судьи, нотариусы. Особую роль играют мещане (зажиточные горожане). Идея извлечения при товарообмене прибыли, быстрого товарооборота и извлечение быстрой прибыли требует юридического оформления сделок и договоров.

В XII в. появляются первые университеты, в которых, наряду с теологическим и медицин-

ским факультетами присутствуют и юридические. Так в 1180 г. открывается Болонский университет, затем Сорбонна, Йенский университет, в которых преподавание юриспруденции осуществляется на основе толкований норм римского права, преподается частное и торговое право. Возможно, в этот период уже более осознанно нормы права подразделяют на нормы публичного и частного права.

Таким образом, после распада Римской Империи центральное место в развитии европейского права занимает «право племен» германских народов. Данные правовые нормы свидетельствуют об их смешивании с элементами римского права и церковного права. Очевидно, что германские вожди племен признавали культурные достижения Рима и римской церкви. На них указывает в книге «История права: культурно-исторический очерк» М. Зенн.

Мы разделим записи прав племен на 3 группы:

Первая группа включает в себя ранние законодательные акты восточно-германских племен. В них проявляется тенденция к ассимиляции народов в новой франкской империи, которая явилась наследницей Римской империи. К этой группе относится известная Салическая правда «Lex Salica» составленная по инициативе Хлодвига. Вестготские записи прав племен, к ним относится «Эдикт Теодориха» («Edictum Theoderici»). Следует вспомнить и «Кодекс Эвриха» – сборник весготского права.

Вторая группа охватывает права племен на территории занятой алеманскими и баварскими племенами VII–VIII вв. В них усматривается сильное влияние церковного права. Третья группа включает в себя западногерманские права племен, записанные при Карле Великом на Ахенском соборе 802/803 г.п. Р.Х. Они относятся к каролингской империи франков и являют собой попытку объединить в государство большую имперскую территорию с помощью законодательных актов, которые согласовывались с уникальными обычаями различных народных племен.

К ним относятся, прежде всего, те права племен, от которых остались лишь несколько копий записей высокого средневековья или первые издания Базельских гуманистов VXI в. [3, с. 175–178].

Редакция актов Ахенского сейма показывает, что королевская власть примерно в 800 г. представляет собой центральную власть, которая пытается объединить права племен в рамках имперской политики.

Идея империи, объединяющей все европейские племена, заимствована средневековьем из античности. Под влиянием церкви в X в. возникает идея «Священной римской империи» и Средневековая идея об императоре и империи получает политическое и религиозное обоснование. Назначение империи с точки зрения религии восходит к миссионерской задаче Иисуса Христа: провозглашать народам земли Евангелие. В соответствии с этим империя рассматривается как политически институциональное пространство для христианской миссии.

Король видит себя высшим защитником христианской миссии в политической жизни империи. В силу своего положения он должен быть гарантом мира христианам в своем королевстве и бороться с врагами христианства.

В истории Центральной Европы Карл Великий является первым императором, который осознанно воплощает в своем титуле три элемента традиции германской, римской и христианской идеи правителя и признается императором как своими народами, так и римской церковью. Уже среди современников он считается Pater Europae – отцом Европы [3].

На заседании Ахенского Сейма в 802–803 годах он повелел зафиксировать все без исключения права племен, не подвергшихся до этого документации и переработать уже имеющиеся письменные источники. Карл правил своей империей, проведя административно-территориальную реформу, издавая приказы, имеющие характер законов, которые вследствие разделения материала на главы были названы Капитуляриями [3]. Таким образом Карл великий ввел принцип письменной формы документации в работу административных органов и создал основы канцелярского делооборота. Судебную систему он разделил на материальную и процессуальную для более объективного ведения судопроизводства.

В Средние века еще не было местного «писаного права», как в период позднего Средневековья. «Местное право» Средних веков было «законом», например, применение казни или помилования, то есть было правом, применявшимся к каждому конкретному случаю [3].

В период позднего Средневековья существует церковное и имперское право (право императора). Право императора включает в себя указы, обеспечивающие мир в империи, дающие бесчисленные привилегии, а также ленное и римское право. Кроме того, существуют многочисленные локальные и региональные правовые обычаи.

Особо следует выделить Саксонское Зерцало, составленное около 1230 г., которое приводит различия между земским правом и правом племен баварцев, швабов. Историческое значение данного акта в том, что Саксонское Зерцало – один из первых сборников правовых норм в Центральной Европе, способствовавших вытеснению норм местного права и открывший путь общедоступного права в соответствии с основами общего и римского права.

Состоявшийся в 1215 г. IV Вселенский Собор в Латране завершает, по нашему мнению, формирование Романо-германской правовой семьи, утверждая самостоятельность и отделение в Европе светского права от церковного.

Таким образом, концепция о формировании Романо-германской правовой семьи в Центральной Европе к XIII веку нашла свою аргументацию и подтверждение.

Литература

1. Асташов Д.С. Преемственность в становлении и развитии позитивного права в Европе в период средневековья / Д.С. Асташов, А.В.Петров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4 (16). DOI 10.14529/law160412.

2. Емельянов Б.М. Сравнительный анализ правовых систем (семей) современности: англосаксонская, романо-германская (континентальная), мусульманская правовые семьи / Б.М. Емельянов, А.А. Сильчева // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. 2014. № 4.

3. История Средневековья: энциклопедия под редакцией Умберто Эко / пер. с итал. Т. Никитинской и др. М., 2015.

4. Караманукян Д.Т. Интегрирование правовых семей в свете европейских интеграционных процессов // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3 (36).

5. Клюканова Т.М. Концептуальное содержание сравнительного правоведения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 года / под общей редакцией А.А. Ливеровского. В.П. Сальникова. СПб., 2017.

6. Марсель Зенн. История права: культурно-исторический / пер. с немецкого языка Т.М. Клюкановой. СПб., 2016.

7. Рассказов Л.П. Романо-германская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 5 (66).

8. Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. № 4. DOI 10.17323/2072-8166.2017.4.18.30.

9. Muhametgalieva S.H. Influence of the roman law on formation of the romano-germanic legal family // Review of European Studies. 2016. № 7(6). DOI 10.5539/res.v7n6p186.

Bibliography

1. Astashov D.S., Petrov A.V. Continuity in the formation and development of positive law in Europe during the Middle Ages // Bulletin of South Ural State University. Series “Law”. 2016. V. 16. № 4. DOI 10.14529/law160412.

2. Emelyanov B.M., Silcheva A.A. Comparative analysis of modern legal systems (families): Anglo-Saxon, Romano-Germanic (continental), Muslim legal families // Challenges of the global world. IMTP Bulletin. 2014. № 4.

3. History of the Middle Ages: an encyclopedia edited by Umberto Eco / [translation from Ital. T. Nikitinskaya and others]. Moscow, 2015.

4. Karamanukyan D.T. Integration of legal families in the light of European integration processes // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2015. № 3(36).

5. Klyukanova T.M. Conceptual content of comparative jurisprudence // Methodology of modern constitutionalism: constitutionalization of positive law; constitutional axiology of proportionality: materials of the XIV International Scientific and Practical Conference on Constitutional Law, St.Petersburg, May, 20–22, 2016 / edited by A.A. Liversky, V.P. Sal’nikov. Saint Petersburg, 2017.

6. Marcel Zenn. History of Law: Cultural and Historical Sketch / Marcel Zenn; translation from German by T.M.Klyukanova. Saint Petersburg, 2016.

7. Rasskazov L.P. Romano-Germanic legal family: genesis, main features and most important sources // Yurist-Pravoved. 2014. № 5(66).

8. Chirkin V.E. Global legal systems, legal families and their classification // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. № 4. DOI:10.17323/2072-8166.

9. Muhametgalieva S.H., Muhametgaliev I.G., Kuzmenko V I. Influence of the roman law on formation of the romano-germanic legal family // Review of European Studies. 2015. V. 7. № 6. DOI:10.5539/res.v7n6p186.

УДК 316.4
ББК 60.5

Севостьянов Дмитрий Анатольевич
Sevostyanov Dmitry Anatolyevich

доцент кафедры государственного и муниципального администрирования Новосибирского государственного аграрного университета доктор философских наук, доцент.

Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Novosibirsk State Agrarian University, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
E-mail: dimasev@ngs.ru

ИНВЕРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА

Inversion analysis of conflict escalation

В статье рассматривается конфликт как иерархическая система; при исследовании конфликта используется метод анализа инверсивных отношений в иерархических системах. Системная инверсия представляет собой форму отношений в иерархии, при которой низший, подчиненный элемент приобретает в ней главенствующее значение, формально оставаясь при этом на прежней невысокой иерархической позиции. В частности, в конфликтном взаимодействии служебные (подчиненные) эмоциональные реакции часто выходят на первый план, определяя все поведение субъекта. Это проявляется в эскалации конфликта, когда конфликт переходит в деструктивную фазу.

***Ключевые слова**: конфликт, эмоции в конфликте, эскалация конфликта, иерархия, инверсия.*

The article considers the conflict as a hierarchical system; the method of analysis of inversive relations in hierarchical systems is used in the study of the conflict. System inversion is a form of relations in the hierarchy in which the lowest, subordinate element acquires a dominant value in it, while formally remaining in the same low hierarchical position. In particular, in conflict interaction subordinate emotional reactions often come to the fore, determining the entire behavior of the subject. This manifests itself in the escalation of the conflict, when the conflict turns into a destructive phase.

***Keywords**: conflict, emotions in conflict, conflict escalation, hierarchy, inversion.*

При изучении правовых отношений в обществе невозможно оставить в стороне тему конфликта – наиболее проблемной формы социального взаимодействия. Конфликт, как и любую форму социальных отношений, предусматривающую возможность внутренней динамики, следует рассматривать в развитии. Причем к конфликту наиболее применимо известное следствие из закона Мерфи: «Предоставленные сами себе события имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему». Данный процесс принято обозначать как эскалацию конфликта.

Эскалация конфликта – весьма актуальный объект исследования. Несмотря на все достижения теоретической и прикладной конфликтологии, мы и теперь не можем похвастаться тем, что у нас в руках есть некий волшебный ключ, позволяющий разрешать всевозможные конфликты или, по крайней мере, пресекать их нежелательное развитие. Конфликтное взаимодействие на всевозможных уровнях и в различных сферах деятельности – социальной, экономической, политической – продолжается в современном мире с неослабевающей силой. Это дает основания обратиться к социально-философскому и социально-антропологическому исследованию такого явления, как конфликт. Разумеется, к настоящему времени накоплен уже значительный опыт по разрешению разнообразных конфликтов; но только при наличии некоторого общего теоретического конструкта, позволяющего раскрывать общие черты и закономерности протекания конфликта, мы можем претендовать на формирование технологии управления конфликтами.

Конфликт следует рассматривать с системных позиций. Он проявляется в иерархических системах и сам может рассматриваться как своеобразная система, имеющая иерархическое строение. Иерархическое строение имеет и деятельность субъекта, погруженного в конфликт. В данном исследовании необходимо обратиться к такому общему свойству

иерархий (иерархических систем), как способность к формированию инверсивных отношений, или системных инверсий. Данное системное свойство находит свое выражение в самых разных формах социальных отношений и в полной мере проявляется при эскалации конфликта.

Инверсия, в принятой здесь трактовке, представляет собой форму системного взаимодействия, при которой некоторый низший, подчиненный элемент приобретает в данной системе главенствующую роль. Формально, однако, он при этом все еще остается на своей прежней, подчиненной иерархической позиции. Отношение элементов в данной иерархии уже не является прежним. Иначе говоря, возникновение системных инверсий является одним из проявлений внутрисистемной активности; в результате системной инверсии возникает противоречие между формальным положением элемента в иерархии и его фактической ролью в ней. Соответственно, исследование инверсивных отношений и их роли в дальнейшем существовании той или иной системы обозначается как инверсивный анализ.

До настоящего времени исследование инверсивных отношений, как самостоятельного когнитивного конструкта, носило в большой мере фрагментарный и неполный характер. Это связано с самим характером данного предмета: инверсии в иерархических системах, как правило, возникают не в сам момент формирования данной системы, а лишь впоследствии, когда данная система уже имеет определенный стаж существования. В особой мере это касается искусственно сформированных систем (например, на производстве или в социальном управлении), по отношению к которым, как правило, и применяется системный подход. Проектируя будущие отношения в некоторой искусственной (артифициальной) системе, в ней заранее не планируют будущих противоречий; планируются лишь изначально установленные, исходно упорядоченные иерархические отношения (обозначаемые здесь как отношения ордера). Однако противоречия, что называется, являются потом без спроса и вне зависимости от каких-либо планов.

Системная инверсия, при первом взгляде на нее, может представляться как всего лишь одна, частная форма системных противоречий, при наличии множества иных форм последних. Действительно, говоря о противоречиях в той или иной системе, мы очень часто не имеем в виду ничего похожего на вышеописанную ситуацию системных инверсий. Однако, если обратить более пристальное внимание на природу внутрисистемных противоречий, выявляется то обстоятельство, что на деле все эти противоречия сводятся именно к системным инверсиям; видимое же разнообразие форм противоречий связано не с их природой, а с уровнем и характером их осмысления; иначе говоря, различия эти носят не онтологический, а эпистемологический характер [1, с. 75–88].

Системная инверсия становится возможной вследствие того, что в сложных иерархических системах действует одновременно несколько организационных принципов, каждый из которых в отдельности так или иначе определяет взаимное вертикальное соподчинение составляющих данную систему элементов. Пока эти принципы действуют согласованно, в системе сохраняются изначальные, базовые иерархические отношения (отношения ордера). Однако как только один из этих принципов вступает в противоречие с другим (или с другими), в системе развивается инверсия. Если инверсивные отношения в данной системе приобретают значение, сравнимое с исходными отношениями ордера, данная система ставится перед необходимостью коренной трансформации; в противном случае она может рухнуть под тяжестью накопившихся противоречий.

Ситуация осложняется тем, что организационные принципы в иерархической системе, приходящие в столкновение в ходе развития системной инверсии, сами имеют неравную значимость. Они образуют иерархию второго порядка; при этом одним из способов разрешения инверсии (и, соответственно, ликвидации некоторого конфликта) становится снижение роли того или иного организационного принципа, либо полное его упразднение (так, например, в ходе буржуазной революции имеет место столкновение имущественного и сословного организационных принципов в социальной иерархии, и при разрешении данной системной инверсии сословный организационный принцип утрачивает свое значение или вовсе ликвидируется, как это и произошло в нашей стране в 1917 году).

Изучение системных инверсий представляет собой тот самый случай, при котором

философское исследование приобретает практическое значение – применительно, например, к социальному управлению. Можно назвать немало предметных областей, где востребованы подобные исследования; однако именно эскалация конфликта может считаться одним из наиболее практически значимых примеров системной инверсии. Исследование инверсивных отношений в иерархических системах позволяет построить адекватную когнитивную модель развития конфликтного взаимодействия. Попытки когнитивного моделирования эскалации конфликта предпринимались и прежде [2, с. 268–279], однако, как представляется, для создания подобной релевантной модели в качестве исходного теоретического конструкта следует избрать анализ системных инверсий. Но для того, чтобы распознать системную инверсию в структуре конфликтного взаимодействия, следует уделить известное внимание самой этой структуре; в ней приходится выявлять соподчиненные иерархические уровни, а также взаимодействующие организационные принципы.

Структура конфликта становится очевидной из тех определений, которые описывают само существо конфликта. Конфликт обычно определяют как «открытое противоборство вследствие взаимоисключающих интересов и позиций» [3, с. 110]. В основе определения конфликта всегда лежит наличие противоречия; однако в иерархических системах именно инверсия представляет собой главнейшую форму противоречий. При этом стоит отметить, что противоречия могут быть выявлены не только в содержании конфликта (то есть в тех или иных конкретных причинах столкновения людей друг с другом), но и в самой форме конфликтного взаимодействия. С определенными допущениями это может рассматриваться как совместное проявление внешних и внутренних противоречий по отношению к субъекту конфликта [4, с. 114–119]. Внешние противоречия представляют собой столкновение интересов конфликтующих сторон. Внутренние противоречия проявляется в двойственном поведении в конфликте: рациональном (определяемом реальными жизненными обстоятельствами) и иррациональном, возникающим вследствие преобладания эмоционального фактора.

Так, Н. В. Гришина в известной монографии «Психология конфликта» определяет конфликт как «биполярное явление – противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами)» [5, с. 25]. В этой же монографии неоднократно указывается и на эмоциональные проявления в конфликте, а именно – что проявления эти приобретают там неуправляемый характер. Конфликт определяют и как «столкновение двух и более разнонаправленных сил с целью реализации своих интересов в процессе единоборства» [4, с. 115]. Конфликтная ситуация, знаменующая собой первую стадию конфликта, действительно связана с некоторым столкновением интересов; однако в результате системной инверсии, увлекаемый эмоциями субъект нередко действует в конфликте как раз вопреки собственным интересам.

Таким образом, конфликт не есть только наличие определенных неразрешенных (и нуждающихся в разрешении) противоречий. Конфликт как раз и представляет собой попытку эти противоречия разрешить, то есть подразумевает взаимодействие, активность сторон; стороны же эти, представленные живыми людьми, действуют при неизбежном наличии эмоциональных проявлений. И даже если речь идет о конфликте, в котором ни один живой человек не участвует, например, о конфликте между вымышленными персонажами в литературном произведении, то и там мы непременно находим эмоциональные проявления и их неизбежные последствия. И нельзя не отметить, что более или менее глубокий анализ таких сугубо литературных конфликтов и коллизий с неизбежностью приводит нас к картине инверсивных отношений. Именно на противоречия, проявляющиеся не в содержании, а в форме конфликтного взаимодействия, следует обратить особое внимание. Содержание (также обусловленное инверсивными отношениями в разнообразных иерархиях – социальных, ценностных и т.д.) может существенно меняться от одного конфликта к другому; форма конфликтного взаимодействия остается относительно стабильной и в известной мере объединяет разные конфликты между собой.

Известно, что принято разделять конструктивный и деструктивный конфликт. Если в конструктивном конфликте возможно добиться некоторого взаимоприемлемого решения, то

в деструктивном конфликте это становится невозможным, и наличная ситуация склонна лишь ухудшаться, пока конфликт не будет прекращен (например, вследствие полной капитуляции одной из сторон или совершенным истощением их обеих, или решительным вмешательством какой-либо третьей стороны). Системная инверсия в конфликтном взаимодействии проявляется, в частности, в том, что эмоции, которые в условиях конструктивного конфликта, при всей их неизбежной значимости, имеют все-таки подчиненный, служебный характер, при деструктивном конфликте выходят на первый план. Иначе говоря, эмоции согласно конституциональному организационному принципу (обеспечивающему сохранение взаимодействия как такового) должны занимать подчиненную позицию, однако по силе их воздействия (в результате проявления количественного организационного принципа) приобретают позицию главенствующую. Это – одно из частных (но очень важных) проявлений инверсивных отношений в конфликте. Переход же конфликта из конструктивной формы в деструктивную и составляет, собственно говоря, эскалацию конфликта.

В эскалации конфликта проявляется одно важное свойство системных инверсий. Если инверсия уже развилась в данной системе и имеет определенный стаж существования в ней, система к ней адаптируется, соответственно подстраиваясь и изменяясь. В результате простое, механическое устранение этой инверсии становится невозможным: данная система уже приспособилась к ней, более того – фактически нуждается в такой инверсии и не способна далее существовать без нее. Эскалация конфликта легко приобретает необратимый характер; известно, что переход от конструктивного конфликта к деструктивному происходит относительно просто, а вот обратный переход представляется почти невыполнимым делом. Если же конфликт длится достаточно долго и в процессе его вырастают и вступают в активную социальную жизнь новые поколения, которые не знали и не знают никакой иной реальности, кроме той, которую задает деструктивный конфликт, ситуация еще более усугубляется.

Эскалация конфликта (переход от конструктивного к деструктивному конфликту и дальнейшее развитие последнего) характерно для самых разных проявлений конфликтного взаимодействия. Эскалацию претерпевают бытовые конфликты, что приводит к их переходу в криминальные формы (уголовно наказуемое насилие или угрозы насилием) [6, с. 201]. Эскалации подвергаются и иные по уровню конфликты, вплоть до межгосударственных и межконфессиональных.

Эскалация конфликта может происходить по-разному, иметь различный характер динамики: она может быть непрерывной или волнообразной (т. е. выражаться в спадах и подъемах напряженности борьбы), крутой (резкое возрастание эскалации) или вялой (медленная интенсификация конфликтов) [7, с. 311]. Однако, как общее правило, эскалация конфликта знаменуется следующими четырьмя моментами, каждый из которых может и должен быть подвергнут инверсивному анализу.

1. Переход на личности. В конструктивном конфликте происходит столкновение идей, мнений, мыслей, планов, подходов, желаний; при этом стороны, хотя и будучи несогласны друг с другом, сохраняют взаимное уважение и стремление к дальнейшему взаимодействию. В деструктивном же конфликте происходит столкновение *личностей*. Именно здесь в наибольшей степени ощущается изменение роли эмоциональных отношений: если в конструктивном конфликте личная неприязнь, даже когда она имеет место, по возможности подавляется и маскируется для пользы дела, то в деструктивном конфликте отношения складываются именно на основе этой межличностной (или межгрупповой) неприязни. В конструктивном конфликте на первом месте остается восприятие моментов, объединяющих конфликтующие стороны; в деструктивном конфликте, напротив, на первое место выходят принципиальные различия. В предельном случае происходит полное «расчеловечивание» оппонента: ему отказывают даже в праве считаться человеком (во всяком случае, таким же человеком, как и его противник, фигурой, этически равной ему). Собственно, это часто и делает самостоятельное разрешение конфликта практически невозможным: для этого необходимы контакты конфликтующих сторон, но стороны отказываются от каких-либо контактов, поскольку (взаимно) считают друг друга недостойными этого. С «этим субъектом», как считает каждый из конфликтующих, просто невозможно без

ущерба для собственной личности сесть за стол переговоров (и вообще разговаривать о чем-либо). Налицо инверсия в структуре человеческой деятельности, при которой эмоции утрачивают свой изначально служебный характер и сами становятся основой целеполагания в конфликтном взаимодействии. Данная ситуация, чтобы можно было вывести отношения из тупика, требует вмешательства в конфликт третьей стороны – посредника (медиатора). Посредником может выступать субъект, который способен поочередно вступать в контакт со сторонами конфликта без ущерба для собственной личности и при этом может давать понять обеим сторонам, что оппонент – «не злодей, а, возможно, просто заблуждающийся» [8, с. 51]. Считается, что этот медиатор, чтобы он мог выполнять данные функции, должен либо быть из близкой социальной (этнической, религиозной, профессиональной) среды к участникам конфликта, либо быть представителем формальной структуры власти, либо же, наконец, быть профессионалом именно в разрешении конфликтов (юристом, психологом, конфликтологом), а быть может, и все это вместе. Однако здесь есть технические нюансы: так, услуги данного профессионала кто-то должен оплачивать [9, с. 41–51], а это само по себе порождает негативную эмоциональную реакцию конфликтующих сторон и порождает сопротивление медиации.

2. Изменение причин конфликта. В ходе эскалации конфликта первоначальная его причина утрачивает свое значение и может оказаться совершенно забытой, представляя отныне лишь исторический интерес. Из-за чего когда-то «поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», теперь порой абсолютно неважно; главной текущей причиной продолжения конфликта становится взаимный ущерб, уже причиненный сторонами друг другу на протяжении конфликтного взаимодействия. Это может быть моральный ущерб (например, в виде уже нанесенных взаимных оскорблений, как правило, публичных), ущерб материальный и даже физический (если в конфликте дело дошло до прямого насилия). Так, при разворачивании между сторонами конфликта настоящих военных действий реальная пролитая кровь стократ важнее, чем исходный casus belli (в чем бы он ни заключался), из-за которого, собственно, и разразился этот конфликт. В первоначальной стадии конфликта, когда взаимный ущерб уже имеет место, но пока еще незначителен, среди причин, побуждающих к продолжению конфликтного взаимодействия, он пока сохраняет второстепенное, подчиненное место; но в результате эскалации конфликта все радикальным образом меняется. Это – также несомненный пример системной инверсии. Примером данного симптома эскалации можно считать действия главы государства, которое стало инициатором внешнего военного конфликта; он вынужден объясняться перед своими избирателями по поводу уже понесенных человеческих потерь, и его объяснение звучит приблизительно так: «если мы сейчас оттуда уйдем, вся пролитая кровь будет напрасной». О первоначальной причине конфликта, как видим, речь уже вовсе не идет; главное, чтобы не была напрасной уже пролитая кровь, и ради этого следует пролить еще немало крови. Нечто подобное прозвучало из уст президента США во время Вьетнамской войны.

3. Изменение целей в конфликте. В конструктивном конфликте каждая сторона, как правило, ищет своей выгоды (из-за этого, собственно, и разворачивается конфликтное взаимодействие). Ущерб, который в поисках выгоды, возможно, все-таки наносится оппоненту, носит второстепенный, служебный характер. Данное действие в целом соответствует определению инструментальной агрессии, данному в свое время Эрихом Фроммом: «Разрушение само по себе не является целью, оно лишь вспомогательное средство для достижения подлинной цели» [10, с. 181]. В деструктивном же конфликте на первое место, как уже показано выше, выходит восприятие взаимно причиненного ущерба (а также, что немаловажно, экстраполяция этого ущерба на обозримое будущее); в результате каждая из сторон стремится лишь к тому, чтобы причинить противнику наибольший вред и успеть это сделать раньше, чем это сделает он. Цена этого причиненного вреда часто не имеет значения: субъекты, сталкивающиеся в деструктивном конфликте, во многих случаях считают приемлемой даже собственную гибель, лишь бы противник также был повержен. Здесь уже причинение ущерба противнику, таким образом, становится самоцелью. Проблемой становится и то, что во многих случаях у одной

из конфликтующих сторон просто не остается выбора, поскольку другая сторона, совершив акт агрессии, по существу, навязала другой стороне деструктивную форму конфликта.

4. Вовлечение в конфликт посторонних сил. Социальные конфликты обычно не происходят в условиях изоляции от внешнего мира. У каждой из конфликтующих сторон более или менее стихийно формируется своя «группа поддержки» – совокупность лиц, социальных групп или организаций, с которыми субъект конфликта имеет в данный момент достаточно близкие отношения, чтобы рассчитывать на их помощь. К ним присоединяются и другие субъекты, привлеченные уже не ранее существовавшими социальными связями, а самим фактом развернувшегося конфликтного взаимодействия (образно выражаясь, «шумом драки» или даже «запахом крови»). Отношения ордера в структуре их взаимодействия с субъектом конфликта могут быть констатированы в том случае, когда это взаимодействие сводится к действительной поддержке интересов «своего», с учетом необходимости конструктивного разрешения конфликта. Однако в при этом нередко развивается инверсия, при которой на первый план выходят собственные интересы вошедших в конфликтное взаимодействие посторонних сил: необходимо отметить, что изначально это был *не их* конфликт и *не их* взаимодействие. В этом случае первоначально задействованный в конфликте субъект может прямо подталкиваться к деструктивному образу действий; он невольно становится пешкой в чужой игре. Тех же, кто отныне принимает в конфликте внешнее, но притом живейшее участие, вполне устраивает такое положение дел, ибо не им придется платить непомерную цену за результаты деструктивного конфликта. В результате вмешательства в конфликт посторонних сил последний переходит на новый уровень: от межличностного конфликта к межгрупповому, внутриполитического к международному, от межгосударственного к межконфессиональному и т. д.

Приведем некоторые примеры конфликтного взаимодействия, в которых достаточно иллюстративно проявляются инверсивные отношения в конфликтном взаимодействии. Как уже говорилось ранее, в результате возникновения системной инверсии в поведении субъекта последний, отстаивая, как ему представляется, в конфликтном взаимодействии свои интересы, фактически действует против собственной выгоды. Формально формирование противоречий между субъектами конфликта и эскалация конфликта обычно рассматривают как две последовательные стадии. Но нередко эти процессы протекают сопряженно, и первая стадия конфликта (формирование конфликтной ситуации) со второй стадией (эскалацией конфликта) неразличимы по времени. Например, такая ситуация возможна в организации, в которой по инициативе администрации внедряется некоторое новшество, в перспективе сулящее выгоду ее сотрудникам. Даже при таких условиях внедрение новшества встречает, как правило, сопротивление со стороны персонала организации: люди боятся новшеств, им не хочется выходить из зоны комфорта; то есть по получении известия и планируемом нововведении на него сразу же (закономерно) возникает негативная эмоциональная реакция, которая не только не способствует выгодному для коллектива развитию, но и прямо ему противостоит. Автоматически происходит переход на личности и саботаж всех инновационных мероприятий: «если нашему руководителю (имярек) так необходима данная реформа, пусть сам ее и проводит». И администрации затем приходится действовать в условиях деструктивного конфликта [11, с. 291–299]. Ситуация усугубляется тем, что руководство организации часто не идентифицирует себя с ее сотрудниками, а напротив, отделяет их от себя, действуя по принципу «*мы* и *они*». Тем самым системная инверсия в структуре деятельности наблюдается не только в среде рядового персонала, но и в деятельности руководства: эмоциональный фактор не позволяет ему учитывать мнение сотрудников. Проблема в том, что в служебной иерархии проявляется действие не только функционального организационного принципа (разделяющего роли руководителя и исполнителя), но и статусного принципа, не позволяющего в каком бы то ни было отношении считать подчиненного фигурой, равной себе. Полноценное действие функционального организационного принципа подразумевает наличие не только нисходящего, но и восходящего потока информации в управленческой иерархической системе; однако проявление статусного организационного принципа препятствует этому.

Каким образом можно предотвратить такое развитие событий? В первую очередь необходимо разрешить данную инверсию, дезавуировав статусный организационный принцип, отделяющий руководителей от исполнителей

(при сохранении функционального организационного принципа). Иными словами, следует признать право голоса за исполнителями при разработке управленческих решений; принять как данность, что и подчиненные, попросту говоря, имеют свою голову на плечах и могут (а фактически и обязаны) пользоваться ею в интересах организации. Помимо всего другого, здесь имеет место возможность взглянуть на ситуацию с другого угла зрения (рядовые сотрудники могут замечать такие вещи, которые часто ускользают от взгляда руководства). Затем следует привлечь исполнителей к планированию будущих изменений, сделав их, таким образом, соучастниками будущих изменений. А далее руководитель получает моральное и фактическое право требовать от подчиненных исполнения того, что *они сами решили* (а не того, что им навязал кто-либо извне).

Одной из форм взаимодействия, позволяющих избежать перехода конфликта в деструктивную фазу, без использования открытой агрессии. в настоящее время считается применение «мягкой силы». Инструментами «мягкой силы» становятся культурные и политические ценности, национальные идеалы, общественные институты, Это позволяет добиться желаемого как от союзников, так и от противников [12, с. 175–182]. Использование «мягкой силы» может быть расценено как формирование у оппонента не негативного, а позитивного эмоционального настроя. Данное воздействие может быть представлено в двух вариантах: в первом случае оно также приводит к тому, что оппонент фактически действует против собственных интересов, однако вне ситуации деструктивного конфликта. Эмоциональная составляющая поведения и здесь выходит на первый план, что свидетельствует о наличии системной инверсии в деятельности оппонента. Примером именно такого воздействия «мягкой силы» может служить экспансия американской массовой культуры, вытесняющая во многих странах разнообразие национальных культур. Принципиальное отличие от деструктивного конфликта заключается здесь и в том, что системная инверсия встречается только у одной из взаимодействующих сторон, являющейся в данном случае объектом воздействия «мягкой силы». Однако возможно и обоюдное применение «мягкой силы»; здесь уже скорее можно говорить о стратегии сотрудничества в конфликтном взаимодействии, позволяющей сторонам достигать собственной выгоды даже в более полной мере, чем это было бы возможным в одиночку. В этом случае стороны будут, например, культурно обогащать друг друга, и здесь уже можно скорее говорить не о конфликтном взаимодействии, которое исчерпало себя, а о взаимовыгодном сотрудничестве.

На тех немногих примерах, которые были показаны в данной статье, можно наглядно проследить роль анализа инверсивных отношений в структуре конфликта. Рассматривая конфликт с системных позиций, мы должны опираться на знание системных отношений, на известные закономерности функционирования иерархических систем. Поскольку способность к развитию системных инверсий относится к таким общесистемным закономерностям и может рассматриваться как основная форма противоречий в иерархической системе, а противоречия, в свою очередь, составляют основу всякого конфликтного взаимодействия, то возникает закономерная необходимость исследования инверсивных отношений в структуре конфликта. Как уже говорилось выше, системные инверсии могут быть выявлены как в формальной стороне конфликта (чему в данной статье и было уделено основное внимание), и в его содержательном наполнении. Однако анализ инверсивных отношений именно в содержании конфликта предполагает охват такого разнообразия отношений, которое выходит за рамки обсуждения в одной статье.

Литература

1. Севостьянов Д.А. Противоречие и инверсия. Новосибирск, 2015.

2. Шакирова А. Е. и др. Имитационные модели в контуре управления организационными конфликтами // Инженерный вестник Дона. 2020. № 8 (68).

3. Миронова Н.И. Лингвистический анализ конфликта: реакция на различные

Bibliography

1. Sevostyanov D.A. Contradiction and inversion. Novosibirsk, 2015.

2. Shakirova A.E. et al. Simulation models in the organizational conflict management loop. Engineering Bulletin of the Don, № 8 (68). 2020.

3. Mironova N.I. Linguistic analysis of conflict: reaction to various conflict factors. Questions of psycholinguistics. № 26. 2015.

конфликтогены // Вопросы психолингвистики. 2015. № 26.

4. Абгарян Р.Э. Основные этапы динамики политических конфликтов и методы их разрешения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 17 (756).

5. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., 2008.

6. Ростокинский А.В. Экстремальное поведение в конфликтах и экстремистское поведение // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6.

7. Залысин И.Ю. Насилие как фактор эскалации политических конфликтов // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4.

8. Игнатович А.В. Медиация как сфера урегулирования конфликта // Педагогика: история, перспективы. 2019. № 3.

9. Лепехин Н.Н. Разрешение конфликтов в организации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2012. № 4. С. 41–51.

10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

11. Джерелиевская М.А. Инновации и конфликт: как правильно готовить и осуществлять инновации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1.

12. Иванов О.Б. «Мягкая сила» и эскалация социально-политических конфликтов // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29).

4. Abgaryan R.E. The main stages of the dynamics of political conflicts and methods of their resolution. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. №. 17 (756). 2016.

5. Grishina N.V. The psychology of conflict. Saint Petersburg, 2008.

6. Rostokinskij A.V. Extreme conflict behavior and extremist behavior. Gaps in Russian legislation. № 6 2011.

7. Zalysin I.Yu. Violence as a factor of escalation of political conflicts. Gaps in Russian legislation. № 4. 2015.

8. Ignatovich A.V. Mediation as a sphere of conflict resolution. Pedagogy: history, prospects. № 3. 2019.

9. Lepekhin N.N. Conflict resolution in the organization. Bulletin of the Saint Petersburg University. Sociology. № 4. 2012.

10. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. Moscow, 1994.

11. Dzherelievskaya M.A. Innovation and conflict: how to properly prepare and implement innovations. Social and humanitarian knowledge. № 1. 2015.

12. Ivanov O.B. «Soft power» and the escalation of socio-political conflicts // Diskurs-Pi. № 3–4 (28–29), 2017.

УДК 340.131.4
ББК 67.0

Репьев Артем Григорьевич
Repyev Artem Grigorievich

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России
доктор юридических наук, доцент.

Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.
E-mail: repev-artem@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ КАЗУИСТИЧНОСТИ В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: УПУЩЕНИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И РИСКИ ПРАВОВОГО УСМОТРЕНИЯ

Limits of casuality in the legal process: omissions of regulation of public relations and risks of legal discretion

В статье анализируются современные тенденции правотворческого процесса, связанные с излишней конкретизацией и детализацией правовой нормы. Подчеркивается, что переход к казуистичному правовому регулированию должен строиться на развитой абстрактной и непротиворечивой общенормативной основе законодательства. Установлено, что чрезмерная казуистичность правового регулирования преимущественно выражена в трех формах: усеченные понятия, исключительные перечни и ограничительные конструкции. Доказывается необходимость применения государством сбалансированного подхода при правовом регулировании, поскольку излишне индивидуализированная регламентация усиливает риски правового усмотрения в ходе процесса применения юридических установлений, способствует усилению коррупционной составляющей, создает условия для возможного злоупотребления должностными полномочиями.

Ключевые слова: *правовое регулирование, правотворчество, казус, конкретизация, детализация, толкование, правовое усмотрение.*

The author analyzes the modern trends of the legal process related to excessive specificity and detailing of the legal norm. It is emphasized that the transition to casuistic legal regulation should be based on a developed abstract and consistent general legal framework. It has been established that the excessive casuisticity of legal regulation is predominantly expressed in three forms: truncated concepts, exceptional lists and restrictive structures. It is proved that the State should adopt a balanced approach in legal regulation as overly individualized regulation increases the risks of legal discretion in the process of applying legal regulations, contributes to the strengthening of the corruption component, and creates conditions for the possible abuse of power.

Key words: *legal regulation, law-making, casus, concretization, detailing, interpretation, legal discretion.*

Как известно, термины «абстрактное» и «конкретное» впервые были введены в научную теорию Г. Гегелем. Ученый, при их помощи и основываясь на различиях разума и рассудка, разделил содержательную сторону мышления на два уровня. Конкретное, по Г. Гегелю, связывалось с разумным мышлением, а абстрактное – с рассудком [1, с. 93]. Развитие идей Г. Гегеля нашло продолжение в работах К. Маркса, углубившего принцип восхождения от абстрактного к конкретному на основе материалистического восприятия мира. «Конкретное потому конкретно, – пишет К. Маркс, – что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного» [2, с. 37].

Экстраполируя философский категориальный аппарат на область юриспруденции, ученые названному принципу придали методологический характер и основополагающую роль применительно к правообразованию. Многообразие абстрактных общественных отношений, нуждающихся в регулировании со стороны правовых норм, возможно упорядочить путем синтеза различных жизненных казусов, их описания, наполнения содержательной составляющей, углубления понимания их за счет выявления внутренних противоречий. Завершается данный процесс формированием концептуальных знаний о явлении и переходом к конструктивному его правовому опосредованию.

Таким образом, условно говоря, в общей теории права при определении подходов к правотворческому процессу сложилось два основных варианта изложения воли законодательных органов. Речь идет об использовании либо *абстрактного приема*, когда правило поведения выступает родовым понятием и охватывает возможно большую совокупность типичных юридических фактов, либо *казуистичного**, при котором правовое предписание построено на максимально конкретном перечислении индивидуализированных признаков юридических фактов.

На сегодняшний день просматривается тенденция усиления роли казуистичности, индивидуализации в праве, что обусловлено нарастающими процессами усложнения общественных отношений. Разнообразие жизненных ситуаций, оригинальность каждого члена социума предопределяют утопичность одностороннего подхода и примата регулирования посредством всеобщей юридической нормы. Абстрактность последней предполагает ее обезличенный характер, сложность встраивания в «живую» правовую материю, в тонкости условий правоприменения. Напротив, казуистичное правовое воздействие «высвечивает» диалектическую сторону бытия, в том числе через переход от абстрактного к конкретному. Это как никогда ярко просматривается на примере создания конструкции правового акта с потенциалом конкретизационного действия, детализации предписания. Он вбирает в себя и одновременно отражает различные типы взаимодействия предметов и явлений друг с другом, смещает акценты изучения закономерностей с внутренних процессов на внешние, обращает взгляд не только на существенные связи, но и на факультативные, а иногда – латентные.

Тем не менее, проблематика конкретизации и детализации в правовом регулировании, не раз поднимавшаяся на страницах научной печати, до настоящего времени рассматривалась несколько односторонне. Ученые-теоретики и практики не одно десятилетие обращают внимание законодательных органов на соблюдение требований точности отражения содержания правовой нормы, полноты юридического воздействия, потребности в более глубокой конкретизации и уточнении излишне абстрактных правовых предписаний [3, с. 164; 4, с. 118; 5, с. 6; 6, с. 75–77]. Позволим себе предположить, что не менее сложную проблему теории правотворчества и практики применения юридических норм составляет оборотная сторона этого процесса, т.е. «перегибы» в детализации и конкретизации.

Верно А.Ф. Черданцев связывал логическую конкретизацию с природой «общих и абстрактных норм, реализация которых без определенной конкретизации (детализации) затруднена» [7, с. 21]. Однако и излишняя казуистичность правовой нормы, перегруженная доскональной проработкой условий действия правила поведения, построенная на максимальном учете всех возможных событий (как вписывающихся в конструкцию гипотезы и диспозиции, так и являющихся нестандартными), по нашему убеждению, может не меньше затормаживать, отягощать процесс правоприменения. Данная тема заслуживает внимания правоведов, что и обуславливает предпринятую нами попытку иллюстрации проблемы.

В первую очередь, остановимся на ясности терминологии. Несмотря на определенную смысловую синонимичность терминов «детализация» и «конкретизация», их сложное разграничение в ходе практической деятельности и оттого нередкое идентичное восприятие [8, с. 42], отдельные ученые все же видят в них различия [5, с. 40; 9, с. 2], с чем мы согласны.

Для первого термина, образующим его существительным выступает «деталь», которая по словарю В.И. Даля понимается как «часть или подробности в чем-либо, мелочи, частности» [10, с. 445]. Детализировать означает разработать в деталях, в подробностях [11, с. 254]. Применительно к юридическому процессу детализации более свойственен процесс разложения правового явления на структурные элементы. К примеру, в рамках правоприменения уполномоченный субъект при помощи логического анализа разделяет структуру правовой нормы на гипотезу, диспозицию и санкцию, а далее каждый из этих элементов на виды, чем достигается не только правильное восприятие правового предписания в целом, но и непротиворечивое применение к общественным отношениям.

В свою очередь, конкретизировать означает «придать конкретное выражение чему-либо, уточнить» [11, с. 449]. «Конкретное», как качество в толковых словарях, выражающее определенный предмет; прикладное, точное, прямое, предметное [12, с. 153], то что «реально существует» [13, с. 486].

Следовательно, детализировать в самом общем виде, будет означать разложить на элементы, выявить их особенности, установить

* Термин «казуистичность» в данной работе употребляется в значении слова, происходящего от лат. Casus, т.е. случай, и отражает такое свойство правотворческого процесса, при котором юридическое регламентирование общественных отношений основывается преимущественно на индивидуализированных юридических фактах и конкретно-определенных жизненных случаях.

взаимосвязи, после чего уточнить порядок реализации правового предписания. Конкретизировать – придать в ходе юридической деятельности (правотворческой или правоприменительной) абстрактному общественному отношению характер «живого» присутствия, наличествования, за счет выявления процессов: не подпадающих под правовое воздействие (и при необходимости предусмотреть возможность дополнить генеральное предписание специальной нормой), либо не нуждающихся в правовом воздействии (и учесть допустимость изъятия из основного правила).

Полагаем, что и детализация, и конкретизация – процессы свойственные как правотворческой, правоприменительной, так и правоинтерпретационной деятельности. Однако в рамках настоящей работы хотелось бы остановиться на первом компоненте, поскольку именно законодательные органы изначально формулируют правовую норму, закладывают в нее соответствующий регулятивный потенциал. Детализация и конкретизация, как обособленно, так и в совокупности, отклоняют правовое регулирование от абстрактности в сторону казуистичности. Анализ современных тенденций законодательства и нормативного материала позволяет выдвинуть гипотезу, что формами проявления излишней казуистичности в процессе правотворчества выступают:

1) усеченные понятия;

2) исключительные перечни;

3) ограничительные юридические конструкции.

Одним из усеченных понятий, детерминирующих риски нарушения прав граждан, общественного порядка и безопасности, в последние годы зарекомендовало себя «транспортное средство» и его подвид – «механическое транспортное средство». Думается ни для кого не секрет, что с развитием технологий во многих населенных пунктах страны фактически полноценными участниками дорожного движения стали лица, управляющие гироскутерами, моноколесами, электросамокатами и прочими их аналогами. Парадоксально в этой связи, что до настоящего времени правовой статус подобных устройств до конца не определен, в том числе, ввиду использования законодательными органами названного усеченного понятия. В частности, весьма лаконичная дефиниция «транспортное средство» в идентичном варианте закреплена как в Федеральном законе от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», так и в Правилах дорожного движения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090, а именно: «устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем».

В кодифицированном нормативном правовом акте, закрепляющем охранительные предписания в области дорожного движения, дефиниция транспортного средства более развернутая, содержащая количественные и качественные критерии отграничения водителей транспортных средств, для которых наступает административная ответственность, от иных участников. В частности, транспортное средство должно приводиться в действие или двигателем внутреннего сгорания, или электродвигателем, при этом рабочий объем первого должен быть более 50 кубических сантиметров, а максимальная мощность второго более 4 киловатт, а также максимальная конструктивная скорость более 50 километров в час [14]. Современные технологичные средства индивидуальной мобильности при куда меньших качественных характеристиках двигателя способны развивать вполне сопоставимую скорость. При этом, учитывая среднюю скорость пешехода 5 км/ч, движение условного самоката со скоростью даже 20 км/ч весьма опасно (принимая во внимание, что движение для них допускается по тротуарам). Результат не заставляет себя ждать: в 2020 году в России произошло 331 дорожно-транспортное происшествие с участием таких средств передвижения, в которых погибло 6 человек [15]. Кроме этого, технологии не стоят на месте и помимо электродвигателей существуют разработки средств передвижения, приводимых в действие, например, водородным двигателем. Их появление на улично-дорожной сети фактически выведет их из статуса транспортного средства. Ввиду запрета на расширительное толкование примечания к ст. 12.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [16], полагаем, детализация способа приведения в движение средства передвижения в дефиниции транспортного средства – избыточна, а конкретизация верхнего скоростного предела – чрезмерно либеральна. Это приводит к упущениям правовой регламентации динамично развивающихся общественных отношениях, образуя пробелы и создавая угрозы правопорядку, подвергая риску жизнь и здоровье пешеходов и других участников движения.

Негативность использования законодательными органами исчерпывающих перечней (в отдельных случаях) проиллюстрируем на сфере правового регулирования прохождения службы в органах внутренних дел.

Так, наиболее суровым видом дисциплинарного взыскания, применяемого к сотруднику органов внутренних дел, является увольнение со службы [17]. При этом, основанием его наложения выступает нарушение служебной дисциплины. Содержание данного словосочетания, помимо указания на виновный характер действия (бездействия), раскрывается в Федеральном законе от 30.11.2011 № 342-ФЗ через исчерпывающий перечень формально определенных источников регулирования правоотношений, которыми должен руководствоваться в своей деятельности сотрудник и гипотетически их нарушивший: дисциплинарный устав органов внутренних дел, утвержденный указом Президента РФ от 14.10.2012 № 1377; правила внутреннего служебного распорядка, утвержденные приказом МВД России от 23.08.2012 № 800 (ч. 1 ст. 49 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ). Далее законодатель сделал оговорку и конкретизировал, что нарушением служебной дисциплины также может выступать несоблюдение ограничений и запретов, связанных со службой, либо неисполнение обязательств, вытекающих из контракта, приказов руководителей. Однако особняком в числе оснований увольнения со службы стоит совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел (п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ). Честь, как известно, категория нравственная, в самом общем виде представляющая собой сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства другого путем соблюдения высших морально-этических принципов [11, с. 1477]. Как видим из вышеуказанного перечня, какого-либо источника формирования и закрепления данных принципов не имеется, как не имеется и дефиниции самого понятия «проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел». В таких условиях пределы правового усмотрения должностных лиц, интерпретирующих тот или иной казус и придающих ему характер порочащего честь, как правило отсутствуют. Так, ряд правоприменительных актов (заключений по материалам служебных проверок) указывает например на то, что проступком, порочащим честь сотрудника является отсутствие доклада о получении незаконного приказа и его последующее выполнение [18], или например, действия, в которых усматриваются признаки состава административного правонарушения, предусмотренного КоАП РФ [19]. Вышеуказанные интерпретации впоследствии были оспорены в судебном порядке, права уволенных сотрудников в определенной мере восстановлены, что указывает на риски злоупотребления субъективным усмотрением в условиях излишней казуистичности правотворческого процесса и исчерпывающего перечня условий наступления юридических фактов.

Последним примером чрезмерной казуистичности правотворческого процесса вполне можно признать не только громоздкую, но и весьма ограниченную конструкцию состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Как известно, данное противоправное деяние, однократно совершенное без квалифицирующих признаков, в 2016 году было декриминализировано. Нынешняя конструкция ст. 116.1 УК РФ содержит две конкретизирующие оговорки (действия субъекта не должны повлечь последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ, и не содержать признаки преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ) и одно детализирующее положение, касающееся статуса субъекта преступления. В частности, он должен быть подвергнут административному наказанию за деяние, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ. В результате названных конкретизирующих и детализирующих положений сложилась ситуация, при которой лицо, к примеру, ранее привлеченное к уголовной ответственности за побои и отбывшее наказание (альтернативная санкция ст. 116.1 УК РФ в большей степени делает акцент на наказаниях, не связанных с изоляцией от общества: штраф, обязательные или исправительные работы), при повторном совершении насильственных действий вновь будет привлечен лишь к административной ответственности. Правоохранительным органам, для повторного привлечения лица к уголовной ответственности, необходимо будет «дожидаться» повторного исполнения административного наказания. Фактически, лицо, имеющее неснятую (непогашенную) судимость за совершение однородного преступления имеет более выгодное правовое положение чем лицо, привлеченное к административной ответственности. Подобные жизненные случаи не редкость [20], ввиду чего, на наш взгляд, следует внести изменения в ст. 116.1 УК РФ. Для нивелирования дефектов излишней казуистичности, положения указанной статьи после слов «лицом» предлагается изложить в следующей редакции: «*совершившим деяния, предусмотренные статьями 116, 117 и 334 Уголовного кодекса Российской Федерации и имеющим неснятую (непогашенную) судимость за них или подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние*». В таком

случае охранительным правовым предписанием будут охвачены однородные общественные отношения, составообразующим признаком для которых выступает нанесение побоев. Кроме того, система предупреждения преступлений станет менее противоречивой: совершение повторного (при этом однородного) преступления лицом, имеющим непогашенную или неснятую судимость, всегда должно сопровождаться более строгой карательной реакцией государства, нежели при совершении административного правонарушения.

Приведенные примеры свидетельствуют, что перекосы правотворчества, могут быть вызваны не только излишне абстрактным формулированием правовых норм, но и чрезмерно казуистичным, что также выступает дефектом данной деятельности, создающим риски интерпретационной и правореализационной деятельности.

Используемые в материале статьи примеры показали, что данная проблема детерминирована, как правило:

– формулированием усеченных понятий, излишне сужающих перечень свойств (признаков) дефинируемого явления, в результате чего определенная часть общественных отношений не подпадает под правовое воздействие, обеспечивая юридический вакуум и подвергая опасности нарушения прав и свобод граждан;

– неоправданным использованием исчерпывающего перечня как приема юридической техники, вследствие чего схожие по своим признакам или однотипные общественные отношения не охватываются границами перечня, и правоприменитель вынужден прибегать к субъективному усмотрению, интерпретации (не всегда верной), зачастую искажающей истинный смысл положения исходной правовой нормы;

– закреплением ограничительной юридической конструкции, один или несколько элементов которой, в силу спецификации правового положения, не позволяют распространить регулятивный потенциал отправной нормы на всю систему однородных правоотношений.

Объективность процесса усложнения юридического языка очевидна. Динамично изменяющиеся социальные явления, появление в этой связи новой терминологии, как следствие – попытки уточнения, дополнения, корректировки нормативных положений, на первый взгляд естественны и объективны. Однако искусству правотворчества должно быть свойственно установление (зачастую не всегда легко уловимых) пределов конкретизации и детализации, нахождение тонкой грани между высокой абстрактностью правового предписания и достаточной его казуистичностью, не наносящего вреда точности, полноте правового регулирования.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе Т. 46. Ч. 1. М., 1968.

3. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / пер. с рум. И. Фодор; под ред. чл.-корр. АН СССР Д.А. Керимова и докт. юрид. наук А.В. Мацкевича. М., 1974.

4. Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. М., 1980.

5. Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988.

6. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2015.

7. Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: сб. ученых трудов. Вып. 30. Свердловск, 1974.

Bibliography

1. Philosophical Encyclopedic Dictionary / ch. Editorial: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. Moscow, 1983.

2. Marx K., Engels F. Writings. Ed. the second T. 46. Part 1. Moscow, 1968.

3. Nashits A. Law-making. Theory and Legislative Technique / translation from Romanian I. Fodor; under the editorial part-corr. USSR Academy of Sciences D.A. Kerimov and Doctor of Law A.V. Matskevich. Moscow, 1974.

4. Effectiveness of legal norms / Kudryavtsev V.N., Nikitsky V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. Moscow, 1980.

5. Shmeleva G.G. Concretization of legal norms in legal regulation. Lviv, 1988.

6. Vlasenko N.A. Mindfulness and certainty in legal regulation: monograph. Moscow, 2015.

7. Cherdantsev A.F. Legal regulation and concretization of law // Application of Soviet law: collection of scientific works. Out. 30. Sverdlovsk, 1974.

8. Perepletchikova A.I. Concretization norms of Russian law: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2020.

8. Переплетчикова А.И. Конкретизационные нормы российского права: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2020.

9. Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 1993.

10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе изд., испр. и знач. умноженное по рукописи автора. Т. I: А-З. М. СПб., 1880.

11. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе изд., испр. и знач. умноженное по рукописи автора. Т. II: И-О. М. СПб., 1881.

13. Толковый словарь русского языка: ок. 7000 словар. ст.: свыше 35000 значений: более 70 000 иллюстрат. примеров / под ред. Д.В. Дмитриева. М., 2003.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 26.05.2021), ст. 12.1 (примечание) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1; 2021. № 18. Ст. 3046.

15. Право на колесо // Российская газета. 2021. 19 апр.

16. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 // Российская газета. 2019. 3 июля.

17. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 08.12.2020), п. 6 ч. 1 ст. 50 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ст. 7020; 2020. № 50. Ст. 8074.

18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2019 № 46-КГПР19-10. СПС Консультант Плюс.

19. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.04.2019 № 70-КГ18-5. СПС Консультант Плюс.

20. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой: постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 16. Ст. 2874.

9. Senyakin I.N. Specialization and unification of Russian legislation (problems of theory and practice): abstract dis. ... Dr. of Law. Saratov, 1993.

10. Dal V.I. An interpretive dictionary of the living Great Russian language. Second edition, correct and value. multiplied by author's manuscript. T. I: A-Z. M. - St. Petersburg, 1880.

11. Large interpretive dictionary of the Russian language / comp. and chap. Ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, 2000.

12. Dal V.I. An interpretive dictionary of the living Great Russian language. Second edition, correct and value. multiplied by author's manuscript. T. II: I-O. M. - St. Petersburg, 1881.

13. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 7000 dictionary. Art.: over 35000 values: more than 70000 illustrations. examples / edited by D.V. Dmitriev. Moscow, 2003.

14. The Russian Federation Code of Administrative Offences of 30.12.2001 № 195-FZ (in an edition of 26.05.2021), Article 12.1 (note) // the Collection of the legislation of the Russian Federation. 2002. № 1. St. 1; 2021. № 18. St. 3046.

15. Right to the wheel // Russian newspaper. 2021. 19 Apr.

16. On some issues arising in judicial practice when considering cases of administrative offenses provided for in chapter 12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: decision of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.06.2019 № 20 // Russian newspaper. 2019. July 3.

17. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of 30.11.2011 № 342-FZ (as amended by 08.12.2020), paragraph 6 part 1 of Art. 50 // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 49. St. 7020; 2020. № 50. St. 8074.

18. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.08.2019 № 46-KGPR19-10. LRS ConsultantPlus.

19. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.04.2019 № 70-KG18-5. LRS ConsultantPlus.

20. In the case of verification of the constitutionality of article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.F. Sakova: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.04.2021 № 11-P // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 16.

УДК 34(091)
ББК 67.1

Батиев Левон Владимирович
Batiev Levon Vladimirovich

заведующий лабораторией политологии и права Южного научного центра Российской академии наук
кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Laboratory of Political Science and Law of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, PhD in Law, Associate Professor.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ В XVII в.*

The secularization of legal understanding in the 17th century

В статье на примере Г. Гроция, Т. Гоббса, Б. Спинозы и Дж. Локка рассматривается секуляризация правовых учений. Божественный источник естественного права признается формально. Естественное право выводится разумом из природы. За библейским правом сохраняется весьма ограниченная роль. Моральный максимум, закрепленный в религиозных нормах (Г. Гроций), в творчестве Спинозы определяется уже как естественный закон.

Ключевые слова: *Бог, природа, разум, воля, право, мораль, деизм, пантеизм.*

The article examines the secularization of legal doctrines using the example of G. Grotius, T. Hobbes, B. Spinoza and J. Locke. The divine source of natural law is formally recognized. Natural law is derived from nature by reason. Bible law retains a very limited role. The moral maximum, enshrined in religious norms (G. Grotius), is already defined in Spinoza's work as a natural law.

Keywords: *God, nature, reason, will, law, morality, deism, pantheism.*

Интеллектуальные предпосылки секуляризации правопонимания были заложены уже в средневековой схоластике. «Именно ученики св. Фомы … первыми осознали, что справедливость существовала бы даже, если бы не было Бога, – тезис, ставший знаменитым в XVII в. благодаря Гуго Гроцию» [1, с. 286]. Гуго Гроция часто называют основателем новой философии права [2, с. 404], [3, с. 29], [4, с. 6]. Впрочем, эта оценка оспаривается многими учеными [5, с. 115–116], [6, с. 28], [7, с. 122], [8, с. 82], [9, с. 322]. Мировоззренческую позицию знаменитого голландского юриста XVII в. можно охарактеризовать как умеренный, весьма осторожный деизм. Современный исследователь творчества Гроция А.А. Павлов в своем диссертационном сочинении называет Гроция эклектиком, и полагает, что знаменитый голландский юрист так и не смог сформулировать светскую концепцию естественного права [10, с. 455–456] «находясь под сильным влиянием схоластов» [11, с. 7]. Во всяком случае, теологические мотивы в правопонимании он преодолевал постепенно. В трактате «Свободное море…» двадцатидвухлетний Гроций пишет о Боге, который установил законы, «в чувствах и в сердцах людей, и этим законам подчинены все» [12, с. 46]. В «Трех книгах о праве войны и мира…» Гроций уже ограничивает вмешательство Бога ролью творца природы. Следуя за Г. Билем, Ж. Алменом, Винклером, Ф. Суаресом, Г. Васкесом Гроций неоднократно указывает на незыблемость права и его независимость в этом отношении от божественной воли [13, с. 72, 77]. При этом Гуго Гроций высказывается и в противоположном смысле, подчеркивая волевую природу закона и первичность в этом отношении воли бога. Справедливость и законность (обязательность) требований естественного права основана именно на божественной воле, а не на объективном (независимом от бога) свойстве самих требований [13, с. 75].

Как писал В. Э. Грабарь Гроций в своем правопонимании «примешивает к праву богословско-этические соображения» [12, с. 38]. Согласно Гроцию, волеустановленное право (закон), в отличие от естественного, бывает

* Исследование выполнено в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр проекта АААА-А19-119011190185-9, при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

двух видов – человеческое, или божественное [13, с. 74]. Божественное право имеет непосредственным источником саму божественную волю [13, с. 75]. Повиноваться ей повелевает нам наш разум [13, с. 47]. Божественное право, в свою очередь тоже подразделяется на право (закон) данный еврейскому народу, для которого оно и является обязательным [13, с. 75, 77]. Аналогичной являлась позиция Гоббса [14, с. 415–416], [15, с. 221–222] и Спинозы [16, с. 58]). Кроме этого, писаное божественное право присутствует в Ветхом и Новом заветах. В библейских текста сформулированы всеобщие нравственные требования. Таким образом – посредством прямого указания в божественных заповедях – принципы естественного права становятся доступными для всех индивидов, независимо от их умственных способностей [13, с. 47].

В то же время Гроций не склонен признавать нормы Ветхого и Нового заветов правом в прямом смысле слова. Ими задаются параметры высшей нравственности [13, с. 57, 192], которые не являются обязательными с точки зрения естественного права [13, с. 57]. Это лишь некоторые ориентиры, пожелания, но не законы, которые должны либо запрещать, либо обязывать. Требования же естественного закона ограничены пределами нормального человеческого общежития. Объем требований естественного права (закона) достаточно ограничен, но они непреложны. И даже евангельские заповеди не в состоянии разрешить то, что запрещено естественным законом.

Гроций не ставит и не решает вопрос о том, каким образом требования (запреты и предписания) естественного права (закона) получают обязательную (принудительную) силу. Ясно только, что требования естественного права составляют принципы права позитивного (определяют существо гражданских законов) и в таком качестве, будучи обеспечены государственным принуждением, получают воплощение в человеческом общежитии. В этом их отличие от Божественного закона, который опирается только на авторитет веры.

Таким образом Гуго Гроций сформулировал новое видение соотношения естественного и божественного права, а заодно и двух сфер – правовой и моральной. Естественный закон освобождается от религиозной оболочки и получает, хоть и с оговорками, светскую трактовку. Божественный закон, уже потому, что он не обеспечен необходимой принудительной силой и представляет собой только пожелание, обращенное к совести индивида, и требующее высшей нравственности, выводится из сферы права, обязательное свойство которого – принудительность. Уровень притязаний естественного права, а вслед за ним, соответственно и права позитивного ограничен по сравнению с божественным правом, который предписывает более высокую чистоту. Как можно видеть, не будучи полностью оригинальным в своих выводах, Гуго Гроций, тем не менее, сформулировал ряд важнейших принципов, которые не просто приобрели широкую известность, но и легли в основу правопонимания Нового времени.

Политико-правовая философия Томаса Гоббса более тесно связана с его общефилософскими (онтологическими и гносеологическими воззрениями). В частности, Гоббс исключил из философии теологические вопросы, как основанные не на правильном умозаключении (характерном для философии), а на авторитете [14, с. 79]. Объект гражданской философии составили искусственные (созданные благодаря человеку) тела. Гоббс допускает происхождение естественного закона от Бога. Однако в соответствии с деистическим направлением в философии вмешательство Бога ограничивается ролью творца, а уже сам человеческий разум выводит из собственной природы человека логическим путем правила естественного закона. И именно «требования разума… собственно, и могут быть названы естественными законами (leges naturales)» [14, с. 280]. Познание естественных законом возможно с помощью человеческого разума, а тексты Священного писания могут служить лишь дополнительным основанием для выводов [14, с. 320].

Важной элементом средневековой теологии и философии была дискуссия о соотношении божественного разума и воли в установлении естественного закона. Приоритет разума и отказ от волевого элемента превращал естественное правило в набор необязательных суждений о добре и зле. И напротив, концепция волюнтаризма – признание приоритета за волей роли волевого элемента – вела в том числе к фактическому переходу от естественного закона к позитивному праву государства. Именно в этом направлении двигалась и мысль Томаса Гоббса. Английский философ определяет естественный закон как предписание, или найденное разумом общее правило, требование относительно того, что следует и чего не следует делать [14, с. 294–295.]. Но это правило, выведенное истинным разумом, не имеет своего законодателя. Это не законы в юридическом

смысле. Они обращено лишь к совести и не обеспечено властными санкциями. Требования естественного закона не могут быть реализованы без их превращения в позитивное право, в повеления суверена. Таким образом, место Бога-законодателя занимает суверен, а место естественного права – позитивное законодательство.

Список естественных законов Гоббса достаточно велик – девятнадцать правил в роботе «О гражданине» [14, с. 295–315] и двадцать – в «Левиафане». Но все они сводятся к одному требованию непосредственно связанному с общей оценкой Гоббсом естественного состояния как войны всех против всех: следует «стремиться к миру всюду, где это возможно; если мира достичь невозможно, нужно искать средства для ведения войны» [14, с. 315]. В качестве квинтэссенции естественных законов Гоббс приводит также так называемое золотое правило нравственности – «не делай другому того, чего не желаешь самому себе» [14, с. 315]. Признание взаимных прав и интересов – основа нормального общения свободных и равных индивидов. Его можно назвать кратким определением обязательного минимумом нравственности для права, в отличие от максимума нравственности, характерного для сферы религии и морали.

Согласно логике Гоббса, естественные законы могут стать обязательными только получив санкцию суверена, превратившись в гражданские законы. Именно гражданский закон – повеление суверена, в итоге, становится у Гоббса мерой добродетели и порока. Гоббс выступил категорически против возможности существования конкурирующих систем права. В государстве Гоббса только суверен вправе предписывать обязательные для всех законы, и только такие предписания могут называться законами. В конечном счете, согласно Гоббсу, мы видим подчинение церкви государству и прямую подведомственность моральной сферы суверену.

Политико-правовую концепцию Дж. Локка справедливо называют приземленной, прозаической версией теории Гоббса [17, с. 45]. Именно это качество – более прагматичный, компромиссный характер теории Локка сделал его идеи популярными не только в Англии, но и на континенте. Общеизвестно влияние его взглядов на содержание концепции Монтескье, Руссо, Канта и др. [18, с. 34]. Локк, продолжая линию Гоббса рассматривает вопросы права и политики с учетом познавательных способностей человека. Отвергая теорию врожденных, в особенности практических идей, Локк призывает исследовать их на основе индивидуального опыта.

В отличие от Гоббса, Локк предложил различать три вида законов: 1) божественные; 2) гражданские; 3) общественного мнения, или доброго имени [19, с. 409–410]. Собственно божественный закон дан в Откровении [19, с. 406]. Естественный закон Локк также относит к первой группе, то есть к божественным законам. Закон природы – это проявление божественной воли [20, с. 4] Истинной основой нравственности, согласно Локку, может быть только «воля и закон божества» [19, с. 118]. Такой выбор – в пользу божественной воли как источника естественного закона, обусловлен тем, что Локк является сторонником волевой теории права, которая предполагает наличие обязательного законодателя – то есть, в данном случае, бога.

Но законы природы и вообще моральные нормы не являются врожденными [20, с. 16–20]. Они должны быть познаваемы с помощью разума, без помощи откровения [19, с. 125.]. При этом Локк специально отмечает, что разум сам по себе не устанавливает законы. Естественный закон уже присутствует в природе, и задача разума – открыть его. Таким образом подчеркивается объективный характер естественного закона, его независимость от индивида [20, с. 4], [21, с. 264]. Как отметил И.С. Нарский, в конечном счете «разум берет верх над божественным откровением и в качестве того, что “божественно”, квалифицируется простонапросто следование естественным, а потому разумным требованиям морали. Таким образом, естественный закон подчинил себе “божественный”, растворил его в себе» [22, с. 26].

Большим своеобразием отличается теория голландского философа Бенедикта Спиноза – самого известного представителя пантеизма. Спиноза выводит все многообразие мира из единой, неделимой, абсолютно независимой, самодостаточной, состоящей из бесконечного множества атрибутов (сущностных характеристик) субстанции, которая является причиною самой себя. Обозначением указанной субстанции или существа могут быть термины природа или Бог. Модусами субстанции являются ее состояния – «то, что существует в другом, и представляется через это другое» [23, с. 253].

Мыслящее начало субстанции проявляется в человеке. Степень свободы человека зависит от осознанности им необходимости своего поведения. Но знание не определяет непосредственно содержание воли человека

и его действия. Оно преобразуется в страсти (аффекты), и в таком качестве определяет желания и поступки человека. Закон в его истинном смысле (закон природы) – природная причинно-следственная связь. Волеустановленное право, которое ошибочно также называют законом (закон в переносном смысле), устанавливает «образ жизни, предписываемый человеком себе или другим ради какой-нибудь цели» [15, с. 55].

Предмет регламентации человеческим законом – образ жизни, нацеленный на охранение жизни государства [15, с. 56]. Божественный (естественный божественный) закон – истинный моральный закон, который направлен на достижение высшего блага. Оба закона имеют своим источником человека. Человеческий закон – результат соглашения, а божественный – продукт разума, разумной природы человека, он как бы вписан в нее [15, с. 74].

Божественный естественный закон не следует смешивать с библейскими писаными законами, которые являются волеустановленными законами, основанными на своеобразном договоре, так же, как и человеческие законы в целом. Спиноза соединяет воедино две характеристики закона – божественный и естественный, поскольку исходит из единства природы и Бога. Бог не есть нечто внешнее по отношению к природе, он и есть сама природа.

Различие между Спинозой и его современниками не только терминологическое: Спиноза помимо того, что требуется для обеспечения мирной жизни в государстве (человеческого волеустановленного закона), формулирует и высший этический идеал (божественный естественный закон), цель которого «познание Бога и свободная, постоянная и от всего сердца любовь к нему; наказание же состоит в лишении этого блага, в плотском рабстве или в душевном непостоянстве и колебании» [15, с. 58–59]. Речь идет не о принципе взаимности – не делай другому того, чего не хочешь по отношению к себе, – а о заповеди любви к ближнему – следует творить добро из любви к добру, а не из боязни перед злом. Здесь мы видим практически свободное от обязательной религиозной оболочки выражение морального закона. Он выводится из разумной природы человека и относится, скорее, к сфере этики, чем права. Собственно правовая сфера – это сфера волеустановленного человеческого закона.

Краткий обзор ведущих концепций правопонимания XVII в. демонстрирует переход от теологической концепции права, представленной в западноевропейской схоластике, к светской, материалистической (в форме деизма и пантеизма) философии естественного права. Несмотря на то, что источником естественного права провозглашается по традиции Бог как творец природы, непосредственным источником права признается человеческий разум. Сфера действия писаного божественного права ограничивается еврейским народом. Общие положения Старого и Нового заветов выполняют не более чем вспомогательную роль. Божественный закон определяющий максимум нравственных требований не имеет правового характера. В творчестве Спинозы высший моральный закон выводится уже не из библейских текстов, а из самой разумной природы человека.

Литература

1. Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004.

2. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1. СПб., 2006.

3. Коркунов Н.М. Международное право. СПб., 1886.

4. История политических и правовых учений XVII–XVIII вв. М., 1989.

5. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения нового времени XVI–XVIII вв. Сочинения. М., 1995.

6. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908.

Bibliography

1. Gurvich G.D. Legal experience and pluralistic philosophy of law // Gurvich G.D. Philosophy and Sociology of Law: Selected Works. Saint Petersburg, 2004.

2. Chicherin B.N. History of political doctrines. T. 1. Saint Petersburg, 2006.

3. Korkunov N.M. International law. Saint Petersburg, 1886.

4. History of political and legal doctrines of the 17–18th centuries. Moscow, 1989.

5. Novgorodtsev P.I. Lectures on the history of philosophy of law. Teachings of modern times of the 16th-18th centuries. // Novgorodtsev P.I. Compositions. Moscow, 1995.

6. Palienko N.I. The doctrine of the essence of law and legal coherence of the state. Kharkov, 1908.

7. Козлихин И.Ю. История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта. Курс лекций. СПб., 2001.

8. Буткевич В.Г. Политико-правовые взгляды Гуго Гроция // Сов. государство и право. 1984. № 9.

9. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. Средневековье. СПб., 1994.

10. Павлов А.А. Место Гуго Гроция в истории правовых учений // Материалы международной конференции Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений. Самара, 2001.

11. Павлов А.А. Правовая концепция Гуго Гроция: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002.

12. Грабарь В.Э. Гуго Гроций и Алберико Джентили как представители двух направлений в науке международного права, «Известия АН СССР. Отделение экономики и права», М., 1946, № 1.

13. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.

14. Гоббс Т. Основ философии. Часть третья. О гражданине // Гоббс Т. сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1991.

15. Спиноза. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. СПб., 1999.

16. Гоббс Т. Основ философии. Часть первая. О теле // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989.

17. Штраус Л. Что такое политическая философия // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.

18. Ковалевский М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: Рост государства и его отражение в истории политических учений. Т. III. М., 1906.

19. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1. М., 1985.

20. Локк Дж. Опыт о законе природы // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1988.

21. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1988.

22. Нарский И.С. Джон Локк и его теоретическая система // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1985.

23. Спиноза. Этика // Спиноза Б. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. СПб., 1999.

7. Kozlikhin I.Yu. History of political and legal doctrines. Modern times: from Machiavelli to Kant. Lecture course. Saint Petersburg, 2001.

8. Butkevich V.G. Political and legal views of Hugo Grotius // Sov. state and law. 1984. № 9.

9. Reale J., Antiseri D. Western philosophy from its origins to the present day. Vol. 2. The Middle Ages. Saint Petersburg, 1994.

10. Pavlov A.A. The place of Hugo Grotius in the history of legal doctrines // Materials of the international conference Actual problems of the history of state and law, political and legal doctrines. Samara, 2001.

11. Pavlov A.A. The legal concept of Hugo Grotius: abstract of thesis. ... PhD in Law. Saint Petersburg, 2002.

12. Grabar V.E. Hugo Grotius and Alberico Gentili as representatives of two directions in the science of international law, Izvestia of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Economics and Law, Moscow, 1946, № 1.

13. Grotius G. On the law of war and peace. Moscow, 1994.

14. Hobbes T. Fundamentals of Philosophy. Part three. About the citizen // T. Hobbes, compositions in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1991.

15. Spinoza. Theological and political treatise // Spinoza B. Works in 2 volumes. Vol. 2. Saint Petersburg, 1999.

16. Hobbes T. Fundamentals of Philosophy. Part one. On the body // T. Hobbes. Works in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1989.

17. Strauss L. What is political philosophy // Strauss L. Introduction to political philosophy. Moscow, 2000.

18. Kovalevsky M. From direct people's rule to representative and from patriarchal monarchy to parliamentarism: The growth of the state and its reflection in the history of political doctrines. Vol. III. Moscow, 1906.

19. Locke J. Experience about human understanding // Locke J. Works in 3 volumes. Vol. 1. Moscow, 1985.

20. Locke J. Experience about the law of nature // J. Locke. Works: in 3 volumes. Vol. 3. Moscow, 1988.

21. Locke J. Two treatises on government // J. Locke. Works: in 3 volumes. Vol. 3. Moscow, 1988.

22. Narsky I.S. John Locke and his theoretical system // Locke J. Works: in 3 volumes. Vol. 1. Moscow, 1985.

23. Spinoza. Ethics // Spinoza B. Works in 2 volumes. Vol. 1. Saint Petersburg, 1999.

УДК 340.111
ББК 67.0

Бредихин Алексей Леонидович
Bredihin Aleksey Leonidovich

старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer of the Department of History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: axel_b@mail.ru

К ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Towards the theory of legal responsibility

В настоящей статье автор исследует концепцию юридической ответственности, анализирует понятие и содержание юридической ответственности, рассматривает ее признаки. Далее делается предположение, что общепринятое понимание юридической ответственности не является универсальным, так как в гражданском праве таковая имеет свою специфику. В заключение автор приходит к выводу, что базовыми видами юридической ответственности являются гражданская, административная и уголовная, а также конституционная как особенный вид. Также дается авторское определение юридической ответственности.

Ключевые слова: *ответственность, юридическая ответственность, позитивная ответственность, негативная ответственность, конституционная ответственность.*

In this article the author examines the concept of legal responsibility, analyzes the concept and content of legal responsibility, considers its signs. Further, it is assumed that the generally accepted understanding of legal responsibility is not universal, since in civil law it has its own specifics. In conclusion, the author says that the main types of legal liability are civil, administrative and criminal, as well as constitutional as a special type. The author's definition of legal responsibility is also given.

Keywords: *responsibility, legal responsibility, positive responsibility, negative responsibility, constitutional responsibility.*

Юридическая ответственность является базовым разделом теории государства и права, а также любой отраслевой науки российского права. Это обусловлено тем, что вопросы реализации правовых норм непосредственным образом обеспечены наличием неблагоприятных последствий несоблюдения права. Более того, юридическая ответственность реализуется в правовых нормах, создавая целый массив нормативного материала, поэтому в науке эта тема является одной из самых разработанных.

Помимо огромного множества статей по данной тематике существует и значительное количество учебных и монографических изданий на тему «теория юридической ответственности». Это подтверждает, что объем нормативного и теоретического материала настолько велик, что даже позволяет формировать отдельную теорию юридической ответственности.

Вместе с тем, нужно отметить и некоторые проблемы в современном теоретическом осмыслении феномена юридической ответственности. Одной из сложных задач является создание универсального понятия и концепции юридической ответственности в российском праве, которое подходило бы ко всем отраслям права и направлениям нормативного регулирования.

Прежде всего, надо отметить неоднозначный подход к понятию юридической ответственности. Некоторые ученые предлагают разделять юридическую ответственность на позитивную и негативную, что вытекает из сущности социальной ответственности как таковой. Социальная ответственность, по мнению А.С. Шабурова, «предстает в двух основных формах: как ответственность перспективная (проспективная, позитивная, активная, интроспективная – за будущие действия) и ответственность ретроспективная (негативная, пассивная – за действия, уже совершенные) [8, с. 15–16]. Как обосновывают А.В. Малько, Д.А. Липинский и Р.С. Маркунин «Позитивное

и негативное в юридической ответственности – это две парные категории, которым свойственны единство, различия, взаимодействия, взаимные переходы, а также взаимосвязи с параллельно существующими системами (других видов социальной ответственности) и системами более высокого уровня (права и всего социального регулирования)» [5, с. 15].

Впрочем, наличие т.н. «позитивной ответственности» отвергается рядом ученых-правоведов. В.В. Кожевников в своей статье исследует и последовательно критикует явление «позитивной юридической ответственности» и приходит к выводу, что «суммируя все возражения против категории позитивной юридической ответственности, можно сказать, что ее противники рассматривают ее как моральную ответственность, существующую наравне с правовой [4, с. 9].

Соглашаясь с критиками позитивной юридической ответственности, все же не имеем намерения углубляться в данный вопрос. Однако, для нашего исследования, определимся, что позитивный подход к пониманию юридической ответственности вносит терминологическую путаницу и не позволяет создать стройную и логичную теорию юридической ответственности. Позитивная ответственности вполне может быть рассмотрена в других аспектах – как должное и законопослушное поведение.

В связи с этим, негативная юридическая ответственность – это собственно юридическая ответственность как она есть, которая может быть рассмотрена в границах правовой науки. Слово «негативная» (или «ретраспективная») к характеристике юридической ответственности, в этой связи, полагаем применять излишне.

Н.В. Витрук предлагает выделять еще категорию «правовая ответственность», под которой понимает «ответственность, устанавливаемую в соответствии с требованиями идеального (естественного) права, его идеалов и ценностей [2, с. 20], которая не совпадает по содержанию с юридической ответственностью. Считаем, что названная категория также имеет больше философский смысл, нежели юридический.

В.И. Червонюк определяет, что юридическая ответственность «есть обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера, предусмотренные законом, за совершенное правонарушение» [9, с. 565]. Такого же мнения придерживается М.И. Абдулаев, указывающий, что «юридическую ответственность можно определить как особое правовое состояние, в силу которого лицо обязано претерпевать определенные лишения государственно – принудительного характера за совершенное правонарушение» [1, с. 321]. Большинство ученым единодушны в таком определении юридической ответственности в «негативном» ее понимании.

Согласно изложенному подходу, выделяются следующие признаки юридической ответственности: основывается на мерах государственного принуждения; преследует неблагоприятные последствия; представляет правонарушение как единственное основание юридической ответственности, осуществляется в особой процессуальной форме [7, с. 405–406].

Здесь логическая последовательность противоправного поведения очевидна. Изначально существует норма права, которая имеет общеобязательный характер, и если она нарушается (совершается правонарушение), то виновный в принудительном порядке подвергается определенным неблагоприятным последствиям (лишениям) материального, личного или иного характера в соответствии с законодательной процедурой.

Вместе с тем, считаем, что данное определение основано прежде всего на нормах публично-правовых отраслей, определяющих преступность (противоправность) и наказуемость деяния. Для гражданского, конституционного и смежных с ними отраслей, юридическая ответственность в таком значении мало применима. Впрочем, для уголовного права и законодательства об административных правонарушениях, концепция юридической ответственности тоже не всегда бесспорна.

Так, ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации гласит, что *основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления*, предусмотренного данным кодексом, а наказание (в соответствии со ст. 43 УК РФ) есть *мера государственного принуждения* (перечень наказаний в УК РФ также определен). Порядок привлечения к уголовной ответственности определяется в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Но здесь возникает вопрос в какой момент лицо, совершившее преступление считается привлеченным уголовной ответственности. Вопрос решается не однозначно, ведь до решения суда лицо все же претерпевает и неблагоприятные последствия и испытывает

меры принуждения. Другой пример, п. 2 ст. 14 УК РФ, где деяние в силу малозначительности не представляющее общественной опасности не признается преступлением, что не влечет уголовной юридической ответственности.

Оригинальную конструкцию имеет статья 212.1. УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», по которой уголовная ответственность наступает за неоднократность административных правонарушений, т.е. лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

Следовательно, если лицо совершает административное правонарушение по ст. 20.4 КоАП РФ, и в процессе рассмотрения административного дела выясняется, что оно совершено неоднократно, то административное дело прекращается и возбуждается уголовное дело. То есть административное правонарушение остается без административной ответственности, а уголовная ответственность наступает без уголовного преступления.

Специфично обстоит дело с приложением концепции юридической ответственности к гражданско-правовым отношениям:

1. Основанием гражданско-правовой ответственности не всегда является правонарушение (деликт), а может наступить в результате нарушения договорных обязательств. «Меры договорной гражданско-правовой ответственности и фактические основания такой ответственности могут быть конкретизированы в гражданско-правовом договоре» [3, с. 129].

2. Меры государственного принуждения могут не применяться для реализации ответственности. Например, нарушившее обязательство или причинившее вред лицо может добровольно возместить вред без посредничества государственных органов, либо должник может самостоятельно привлечь к ответственности кредитора по договорному обязательству. Например, сюда можно отнести способы обеспечения исполнения обязательств, предусмотренные главой 23 ГК РФ. Так, согласно ст. 381 ГК РФ, если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, то он остается у другой стороны.

3. Процессуальный порядок и основания применения гражданско-правовой ответственности может быть изложен как в законодательстве, так и в договоре, а также корпоративных и локальных актах организаций. В связи с этим, процессуальные нормы в гражданско-правовых отношениях имеют иную природу, чем в публичных отраслях.

В науке распространен подход классификации юридической ответственности по отраслям права, поэтому выделяют такие виды ответственности как: конституционная, материальная, дисциплинарная, налоговая и прочие.

Сотникова Е.Н. выделяет такие общие признаки конституционно-правовой ответственности: она является следствием конституционного деликта; способом подавления отрицательных волевых устремлений субъектов являются меры государственного принуждения и воздействия; наличие карательного элемента, который выражается претерпеванием нарушителем неблагоприятных последствий [6, с. 93]. О конституционно-правовой ответственности в отечественной науке стали говорить лишь в 1990-х годах в связи с принятием Конституции РФ 1993 г. и многие ученые поддерживают существование такого вида ответственности. Тем не менее, в контекст общей концепции юридической ответственности конституционная ответственность не вписывается, так как Конституция РФ не содержит системы правонарушений и санкций как таковых, а нарушение конституционных норм это особого рода правовые отношения, а не деликт.

Материальная ответственность, под которой подразумевают ответственность сторон трудового договора, это скорее тип гражданско-правовой, нежели самостоятельный вид.

Дисциплинарная ответственность реализуется в значительной степени на основании локальных норм, а не правовых, а по своему характеру близка к административной. Поэтому также особой роли в теории юридической ответственности данный ее вид не играет. Да и в целом, большой вопрос насколько комплексные отрасли права (налоговое, экологическое и т.п.) формируют специфическую юридическую ответственность.

Важно также отметить, что в статье 118 Конституции РФ обозначено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Учитывая, что гражданский и арбитраж-

ный процесс в своей сути очень близки, а конституционный процесс осуществляется только Конституционным Судом РФ (с очень специфической компетенцией) то существует только три процессуальных порядка привлечения к юридической ответственности: гражданско-арбитражный процесс, административный процесс и уголовный процесс. Следовательно, если юридическая ответственность предполагает наличие специальной формы процесса ее реализации, то мы можем говорить о трех основных видах юридической ответственности: гражданской, административной и уголовной, а также, условно, о конституционной ответственности.

На основании изложенного нужно сказать, что теория юридической ответственности должна включать в себя элементы и разделы, которые непосредственным образом ее характеризуют. Так, не совсем уместным является рассмотрение т.н. «позитивной» юридической ответственности, «правовой» (основанной на идеях естественного права) и т.д. В то же время, отдельными базовыми видами юридической ответственности выступают гражданская, административная и уголовная, и в дополнение – конституционная, в контексте постановки проблемы.

В наиболее обобщенном виде юридическую ответственность следует представить как: негативные правовые последствия для лица, наступающие в результате нарушения норм права и обязательств, реализуемые в установленном порядке и обеспеченные силой государственного принуждения.

Литература

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004.

2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2008.

3. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация: учебное пособие. Иркутск, 2013.

4. Кожевников В.В. К проблеме теории юридической ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 28.

5. Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4.

6. Сотникова Е.Н. О теоретических подходах к конституционно-правовой ответственности в системе юридической ответственности // Конституционализм и государствоведение. 2019. № 4.

7. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М., 2019.

8. Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.

9. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М., 2007.

Bibliography

1. Abdullayev M.I. Theory of state and law: textbook for higher educational institutions. Moscow, 2004.

2. Vitruk N.V. The General theory of legal liability: monograph. Moscow, 2008.

3. Kuzmin I.A. Legal responsibility and its implementation: proc. Manual. Irkutsk, 2013.

4. Kozhevnikov V.V. On the problem of the theory of legal responsibility // Bulletin of the Tomsk State University. Right. 2018. № 28.

5. Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S. Legal responsibility as a means of preventing offenses: actual problems // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 4.

6. Sotnikova E.N. On theoretical approaches to constitutional and legal responsibility in the system of legal responsibility // Constitutionalism and State studies. 2019. № 4.

7. Theory of State and Law: textbook / Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute; edited by Doctor of Law, Professor A.A. Klishas. Moscow, 2019.

8. Shaburov A.S. Political and legal aspects of social responsibility of the individual: abstract. dis. ... Dr. of Law. Yekaterinburg, 1992.

9. Chervonyuk V.I. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2007.

УДК 340 : 1
ББК 87

Осин Вячеслав Николаевич
Osin Vyacheslav Nikolaevich

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of State-Legal Disciplines of the Smolensk State University, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: smlos@yandex.ru

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Synergistic features of the legal system

В статье обращается внимание на свойство открытых социальных систем – эластичность процессов, определяющих своеобразие их развития в обществе. Названное свойство не устраняет универсальности действия механизма эволюционных процессов самоорганизации, относящейся в том числе и к правовой системе. Высказывается предположение о природной направленности эволюции, выраженной в отслеживаемом созидании человекоразмерной картины мира, проявляющейся в неизменной устремленности природы к зарождению и сохранению жизни в любых ее формах, усиливаемой ныне фактором рациональной естественной причастности к этому человека.

Ключевые слова: *системный подход, открытые нелинейные системы, правовая система, синергетика, флуктуация, бифуркация, динамические и синергетические процессы, когерентность, диссипативность, воздействия и влияния.*

The article draws attention to feature of open social systems – elasticity of processes that determine the uniqueness of their development within society. Named feature does not eliminate the versatility of action of evolutionary processes mechanism of self-organization, which refers to the legal system as well. The assumption is made of the evolution's natural focus, which is expressed in the tracked creation of a human-sized picture of the world, manifested in the unchanging aspiration of nature to the origin and preservation of life in any of its forms, strengthened now by the factor of rational natural involvement of man in this.

Keywords: *systemic approach, open nonlinear systems, legal system, synergetics, fluctuation, bifurcation, dynamic and synergistic processes, coherence, dissipativity, impacts and influence.*

Полем синергетического исследования являются нелинейные, неравновесные системы социальной сферы в целом и правовой ее подсистемы в частности, структуры которых испытывает постоянные возмущенные состояния. Подчеркнем, что базовые синергетические исследования в сфере сложных систем, к которым относятся социальные образования, как правило, опираются на труды теоретиков- исследователей неживой природы, в ряде случаев с обращением к биологической области. Социальные системы чаще всего рассматриваются в свете проекции названных (по сути -точных) наук с широким, в этом случае, диапазоном предположений, гипотетических выводов, поясняемых сложностью, многомерностью изучаемых структур и более всего их пластичностью, зависимостью от рациональной субъектной многофакторности.

Как и всем иным системам общественным отношениям свойственны случайностные события, как правило, динамически воспринимаемые либо купируемые в последствиях в детерминистско известном порядке. Однако, при нарастании разбалансированности частей системы, процессы флуктуации переходят границы динамического хаоса, достигая пороговых, критических точек или бифуркационных состояний со свойственными им закономерностями, целью которых являются пространственно-временные изменения, либо радикальные качественные изменения, обеспечивающие «выживание» системы. Центром спонтанных процессов становятся свойства системы – упорядоченность, стабильность, целесообразность. Нередко затрагивающих сущность сложных социальных образований. Безусловно, изложенное имеет непосредственное отношение к праву, к правовой системе исключительно значимых для существования социума.

Говоря о синергетике права, правовой системы, свойственных процессах, подчеркнем

постнеклассическую фазу ее парадигмальности, выраженную в концепции постструктурализма (постмодернизма), в основе которой лежит феномен синергетического восприятия. Этот подход сводится к признанию ценности права, но не его смысла, сущности, представленных в теории свойством – «различения и повторения» [1, с. 13], находящегося в прямой зависимости от субъективного исследовательского видения. При этом неклассический и тем более классический периоды существования науки, ограниченные традиционными парадигмами, уступают место пониманию философии права со множеством, как указывалось, смыслов, этапов существования. Названный взгляд, в том числе и на правовую реальность, отвечает необходимости полнообъемного, разностороннего усвоения, понимания действительности, составляющих ее систем. Восприятия не традиционности их истолкования. Самоорганизационные процессы, вызванные непредвидимыми случаями, событиями, различно проявляющими себя в системах, подсистемах, элементах признавались предметами непременного, углубленного изучения. Нередко с выявлением возможности внешнего (управленческого) воздействия. За основу восприняты основные концептуальные положения постмодернистского видения права, правовой системы, рассматривающие их во множестве смысловых проявлений, поливариантности, непредсказуемости синергетического исхода. С положительной оценкой фиксируемого хаоса, упорядочивающего системные возмущения, генерирующего приемы познания, регулятивные и иные возможности. При отмечаемой способности систем к самоорганизации, стабилизирующего их эффекта в теории возникали вопросы о возможном ограничении (исключении) участия человека в виду предположений о оптимальной направленности протекающих процессов. Концептуальный подход инновационного восприятия действительности не исключает, а наоборот – предполагает обязательность его участия (внешнее) в таких процессах [3, с. 113]. Человек не сторонний наблюдатель, а признанно творческий, постигший законы природы, общества участник, учитывающий их в своем проникающем созидании, способный к преобразовательной деятельности. Участие человека становится неразделимо слитным, атрибутивным, не противостоящим, а разумно согласующимся с природой. Сказанное более подпадает под определение управляемого влияния.

Соединение саморазвивающихся, самоорганизационных процессов с внешним участием человека, как показывает опыт (практика) является делом тонким, если не уникальным, не терпящим волевого, не мотивированного вмешательства «венца природы» в то, что представляется для него «очевидным», нуждающимся в преобразовании.

Сказанное в полной мере соотносится с темой исследования – синергетикой права, правовой системы. Ее особое место в упорядочении социальных отношений общеизвестно. Также как и парадигмальная, сохраняемая до настоящего времени, двойственная смысловая значимость – позитивно регуляторная и философско-мировозренческая. В последнем случае право общепризнанное направление существования социума, человека, учитывающее сложившееся научное представление «картины мира», закрепляющее в реальности их рационально приоритетное статусное положение с определением взаимоотношений с государством, природой. Совершенно очевидно, что к настоящему времени системному анализу подвергается регуляторная его сущность, что более всего увязывается с этапом постнеклассического видения права.

Правовая система в синергетическом аспекте более всего рассматривается как сложная, когерентная, открытая, детерминированная с управляющим воздействием, обеспечивающая статику права, теоретически и практически основанной на романо-германской системе. Требуемая, в этом случае, приоритетность закона, дополняется необходимостью (ссуженного) использования правового прецедента, не вполне соответствующего романо-германской и, в частности, российской системам. На наш взгляд, присутствие названного элемента в синергетическом видении имеет черты фрактального образования при благоприятных условиях способного трансформироваться в макроструктуру – аттрактор.

Актуальным в наблюдаемых самоорганизационных процессах остается вопрос воздействия на процессы социальной сферы, включая правовую систему. Тем более, при нарастающих возмущениях, несогласованности поведения частей (элементов), диссипативности,

с признаками перехода в фазу бифуркации. В условиях антиномии части и целого, с тенденцией синергетического хаоса, естественны позывы к сохранению традиционности, в целом – контролю за самопроизвольными, самоорганизующимися явлениями. Ввиду характерной социальным системам эластичности протекания процессов, отчасти и самонадеянности наблюдателей, своевременно уловить переходную к бифуркации стадию представляется затруднительным. Исследования, в этом случае ограничиваются общим анализом с приведением особенностей проявления механизма самоорганизации, избегая возможных прогнозов [10]. Подтверждением последнего является вывод выдающегося теоретика И. Пригожина в части касающейся «точек бифуркаций» относительно природных, биологических систем: «В этих точках самое полное знание не дает нам возможности вычислить то, что произойдет, заменить вероятность уверенностью. Система нащупывает, таким образом, некую «диаграмму бифуркации», «карту возможностей», в то время как она все в большей мере удаляется от состояния равновесия, благодаря изменениям своих отношений со средой, определяющей каждый раз, что именно можно будет предвидеть, а также то, что как известно заранее, можно только констатировать и пересказывать» [10].

Приведенное заключение имеет отношение и к социальным системам в свете неопределенности результата, вызываемого пороговым режимом самоорганизации системы, не оставляющего места влиянию человека. Оно допустимо при конструктивной динамической неустойчивости на стадии различных по глубине флуктуаций, зависимых в исходе, равно как и при синергетике, от отбора случаем. В понимании эволюционных изменений нередко обращаются к известным науке внешним и внутренним факторам, вызывавшим процесс самоорганизации. Если же речь идет о точках бифуркации, то их возникновение и развитие полностью зависимо от внутренних причин объекта, взаимодействия частей системы, невозможных в теоретическом описании процессов [5, с. 185]. Актуальной до сего времени остается необходимость познания процесса этого явления, проникновения в причины «случайности», ее возникновения, как предвестника перехода системы в новое качественное состояние. В науке этот момент признается ключом к познанию феномена самозарождения, саморазвития, качественного изменения действительности. Представляется, что природа самозарождения, случайные флуктуации, саморегуляция не столь стихийна и не идет «во след» самопроизвольно возникающим казусам. Иначе бы живое прекратило бы существование. Присутствует отвечающий законам сохранения, до конца неведомый в причинах, отбор, лишь фрагментарно улавливаемый исследователями. Известны к настоящему времени факторы в виде окружающей среды формирующей «круговую причинность», порождающей коллективные состояния, предопределяющей выбор из сингулярных ветвлений; генетический (в основном для неживой природы) код, сочетаемый с иными условиями, влияющими на процессы самозарождения, саморазвития; воздействия, оказываемые одними частями системы на другие [9, с. 51]. Сюда же относятся неустоявшиеся в теории гипотезы: апелляция или обращение при стихии сложных систем к «всеобщему» прошлому состоянию, определяющему исход самоорганизации; «самодостраивания» системы, свидетельствующее об этапе бифуркации, когда по двум-трем ведущим («возмущенным») параметрам системы возможно определение хода синергетической эволюции; низкая либо высокая (по различным оценкам) диссипативность энергии, включающая механизм бифуркации. Подчеркнем, что каждый из приведенных факторов, может рассматриваться основанием к ограниченному прогнозированию, но не всегда воздействию, влиянию. Непременность участия человека, не препятствующего ходу эволюции, владеющего знанием происходящего, как указывалось, сомнений не вызывает. Исключать его, полагаясь на рациональность природной стихийности, не приходится. Фактор участия человека эволюционно (природно) встроен в происходящие процессы, что подчеркивалось еще античными философами. Сейчас же это утверждение в правовом отношение закреплено. Оно предшествует событиям природы, изменяющимся условиям социального мира как ее части. Осмысление такой интеграции предопределяет и познание механизма самоорганизации, и цели движения, где Человек должен стать центром процессов в Универсуме [4].

Можно предположить, что этот фактор (с учетом конституционных приоритетов) может рассматриваться в качестве этапа процесса самоорганизации, за которым следуют иные.

Следствием этого является рассмотрение социального развития с позиции созидаемой – человекоразмерной среды, что проявляется не только в воздействии общества на - природу, но и в целеполагании: настроенности на будущие преобразования во всех сферах живой, неживой природы. Сказанное, в виду общеизвестности, не нуждается в особом подчеркивании, если бы не влияние этой направленности в виде «коллективных состояний» – окружающей среды на исход бифуркационной стихии. Подтверждением тому являются аргументированные теоретические разработки Г. Хакена – основателя синергетики, приведенные им в труде «Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям». Правда, основное внимание им при исследовании уделено теории биологических состояний, отличающихся от неживой природы повышенной степенью сложности, множественностью составных частей, стохастичностью, зависимостью от случайных факторов. Но при этом он не исключает значимости своих выводов и для объектов социальной сферы. Актуальным для эволюции социальных процессов он признает – информацию, в том числе и «синергической информации». Возникновение новых смысловых качеств системы, по его мнению, зависимо от содержания сформировавшейся информации. И она становится «… решающим элементом существования самой жизни» [9, с. 45]. Изменяющемуся физическому миру более характерна информация генетического свойства, запечатленная в «памяти» систем. В биологической, социальной сферах – информация такого рода проникает в систему, через выбор выгодного для нее, коллективного поведения «… в соотнесении с окружающей средой (значимой – *мое)*... для выживания всей системы». Другой информационный канал «…поступает в систему от связей, налагаемых одними частями системы на другие». «Коллективное поведение», порождающее явление «круговой причинности», во многом обусловливается надлежащим функционированием производства, передачей и переработкой информации, формирующей состояние адекватного (в нашем случае) социального климата в обществе, широкого общественного мнения, демократией или диктаторским режимом [9, с. 51]. Такая связь обусловливает неизбывное присутствие «человекоразмерности» как цели в поле зрения поколений. Другой момент предопределяющий результат процесса самоорганизации заключается в обращении к прошлому, но не генетической памяти более свойственной биологическим объектам. Спонтанность, применительно к социуму латентно «восходит» к изначальным корням возникновения явления. Зарождение и самосохранение жизни при подходящих условиях непреложное свойство природы. Естественным ее порождением является мыслящий человек, невозможный в существовании без свойственного ему активного, (преобразовательного) начала. Устремленность природы к самопроизвольному (при соответствующих условиях) возникновению жизни, ее поддержанию со встроенным в нее человеческим фактором, отвечает закону самосохранения, закону существования системы и функционирующего в ней «канала эволюции». Такая согласованность с природой, фундаментальностью ее законов можно истолковать изначальной бифуркационной «зависимостью от прошлого».

Приведенное, как представляется, привносит определенную ясность в понимание происходящего не только в природных, биологических, но и социальных саморазвивающихся процессов.

Возвращаясь к исследованию Г. Хакена в отслеживании эволюции самоорганизации сложных систем, включая выход из критических состояний, отметим выделенную возможность пофазового логического мониторинга, дающего основание к более углубленным научным предположениям с выходом на возможные воздействия, влияния при начальных стадиях системы, находящейся в состоянии неустойчивости, с определенным предвидением результатов. «Синергетическую информацию», именуемую им (в отличие от неживой природы) новым типом информации – «…с коллективными переменными или параметрами порядка» [9, с. 231–232] – он рассматривает в качестве эксклюзивной в сравнении с биологической сферой. Привлекает внимание и предположение ученого о возможности оцифровывании вероятностей развития названных процессов, базирующихся на

разработанной им математической модели синергетического компьютера, ориентированной на распознавание образов (частично уже реализованной) [9, с. 206–208].

Следует особо подчеркнуть, что восстановление когерентности, саморазвивающихся систем, обусловливается возникающим при бифуркации самопроизвольными событиями. Говорить об абсолютной стохастичности, не прогнозируемости диссипативных систем было бы не совсем правильно. Событие вычленяется в виде явления либо из множественности возможных (ожидаемых модификаций) структур, а применительно к социальным отношениям из бытующих, присутствующих в обществе направлений коллективного состояния. Даже при незначительной поддерживающей социальной базе, но основа «случайностного» в реалии существует. Она для социума не настолько спонтанна, т.е. невозможная в отслеживании на генетическом, не историческом системном уровне с известными, не однажды демонстрируемым, свойством (историческо-политического) «беспамятства». Случайность, возникшая в обществе «из ничего» существовать не может. Думается, что для социальных образований такая особенность наиболее зрима. Явно обнаруживаемая. То есть названное явление загодя улавливаемо и, видимо, по степени флуктуации, определяющим ее параметрам может и должно находиться в поле зрения наблюдателя, практика, специалистов цифровой технологии. В ней не всегда четко представляемая, новая ступень коллективного состояния, информационно поддерживающая синергетические изменения системы. Подтверждением сказанному может служить, по нашему мнению, факт свершения социалистической революции или «скачок». Не сообразуемый во времени с эволюционным процессом, явившегося следствием «усталости» общества, длительно находящегося в кризисном неустойчивом коллективном состоянии требующее перемен, с его неспособностью к выработке превалирующе рационального решения. То есть социально-групповая основа вполне определяема, а с нею определяется и личность «оседлавшая» процесс. Неожиданность – в избрании из случайных флуктуаций именно этого аттрактора, вызывающего эффект резонансности.

Общепризнано и не вызывает сомнений, что нынешнее (цивилизованное) существование общества немыслимо вне права, правовой системы. Своеобразие хода эволюционного развития зависимо от объекта исследования. Ссуженное или узкое (в нашем случае) его представление – «нормативное», как ядра системы, исключающим государство, политическую систему, до определенной степени и идеологическую элементную составляющую. Мы не исключаем, при этом, правотворчество, правоприменение, необходимых для использования внутренних возможностей права (аналогий права, закона, разрешение коллизий и т.д.). В фокусе внимания оказывается «…целостное единство правовых актов и норм национального права…, связанные между собой иерархическими и координационными отношениями…» включающими «…правовые акты федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов РФ, местного самоуправления, а также акты прямого народного волеизъявления». К этому блоку относятся и общепризнанные нормы и принципы международного права, включаемые в правовую систему на условиях, оговоренных частью 4 статьи 15 Конституции РФ [8, с. 733]. Предложенное «поле» очерчивает основной круг рассматриваемых отношений, концентрируемый на признанной «нормативности», обеспечивающей стабильное существование, развитие общества, понятное (с учетом социальных регуляторов) предупреждение хаоса. Вообще не свойственного макромиру в немалой степени благодаря разумной деятельности человека. Иные элементы правовой организации общества или правовой системы – государство, правовые организации, учреждения, правовые идеи, взгляды, традиции относятся к параметрам внешнего воздействия. Имеющим к процессам самоорганизации лишь побудительную значимость.

Отметим доступную познанность динамических (детерминистских) процессов чего не скажешь о бифуркациях, приводящих неравновесные системы к новизне с непредсказуемым исходом [5, с. 185]. Насущной необходимостью является проникновение в синергетическую материю, являющуюся ключом познания самозарождения, саморазвития, обновление систем. Представляется, что природа саморегуляции не столь стихийна и слепо не следует по пути возникающих случаев. Иначе бы живое прекратило бы существование. Логика

эволюции, ее саморазвитие предопределяются трудно поддающимся декодированию предопределившим выбор. Известны к настоящему времени факторы, влияющие на возможность вариативного избрания эволюционного пути. Это окружающая среда в виде «круговой причинности», порождающая неустойчивые коллективные состояния; генетический (в основном для неживой природы) код, сочетаемый с иными условиями, влияющими на процессы самозарождения, саморазвития; воздействия, оказываемые наложением одних частей системы на другие [9, с. 51], не противоречивость фундаментальным законам природы. Подчеркнем, что каждая из них может давать возможность к ограниченному прогнозированию, но не управлению процессом. Непременность участия человека, не препятствующего ходу эволюции, владеющего знаниями, привносящему разумность в происходящее, предугадывающего, в ряде случаев, изменчивый исход – сомнений вызывать не может. Исключать такое участие, полагаясь на целесообразность стихийной природной самоорганизации, было бы ошибочно. Представляется, что фактор причастности человека эволюционно закреплен, встроен в природные процессы, предопределяющими человекоразмерность среды. Сейчас же это утверждение приобрело черты укорененности без которого невозможно понять происходящее, предшествующего событиям, сопровождающего их, с необходимой оценкой на этапах эволюционного развития. Речь при этом может идти только об уровневом присутствии человеческого участия. Осмысление этой интеграции, не исключено, предопределяет и познание механизма самоорганизации, направлений движения, где Человек с конца XX века декларируется центром всеобщего (Универсума). Идеи, пока еще, слабо разделяемой в научном общении, с учетом небезосновательного утверждения о непознаваемой стихии самоорганизации. Но, к слову, зримо присутствующей, улавливаемой в особенностях правовой системы, ее нормативного элемента. Не допустимо рассматривать предложенную направленность, как вызванную внешним вмешательством, поскольку самоорганизационный процесс, как подчеркивалось, не зависим от внешней факторности.

Причастность, как выше указывалось, человека к состоянию и развитию правовой системы, ее нормативного ядра представляется бесспорным. Подтверждением тому является непрекращающаяся (в различных формах) активность членов общества в этой сфере отношений, непосредственная зависимость результатов от уровня знаний, разумности, эмоциональной здравости, профессионализма, интуиции, ответственности, умения просчитываемости итогов. Быть может, стоит при изучении развивающихся социальных явлений поменять акценты при рассмотрении взаимоотношений объекта и субъекта в фазе бифуркационных состояний, где отказ от влияний на исход процессов приобрел вид латентного постулата. Уже сейчас известны теоретически разработанные методики, дающие основание к предположениям о более вероятностных (с немалой достоверностью) результатах развития событий. Этим, моральным моментом, стимулируется более активное аналитическое проникновение исследователей в синергетическую материю. Специалист в этом случае, обладая знаниями о специфике возникающих аномалий, их развитии, располагая современным инструментарием, мог бы участвовать в роли творческого наблюдателя, оказывающего возможное влияние с учетом улавливаемого их исхода самосозидания системы. Сказанное соотносится с исследованиями, более предугадываемыми в изменениях, социальных диссипативных структур, образованных в самообновляющихся состояниях системы. Конечно же, с обязательным учетом ситуаций окружающей среды (традиции, духовно-культурных основ), рационального креативного использования (в данном случае – ученым) известных науке знаний, оговоренных законом форм участия в правотворческой, правоприменительной деятельности и т.д., на что обращалось внимание при исследовании самоорганизационных процессов данной сферы. [7, с. 45–51]. Правда, в приведенной (ссылочной) работе основной акцент делается акцент на упреждение бифуркационных состояний.

Определенную значимость в теории и практике имеет своевременность определения момента возникновения бифуркационных состояний, поскольку понятного единства подходов не наблюдается. Все зависит от свойств наблюдаемого объекта. В науке предлагается приближение к точкам напряжения устанавливать по минимуму, либо максимуму диссипации

энергии. Думается, что приближенность к таким состояниям определяется также свойствами системы, либо переходящими ее стадиями: от минимума к максимуму информационной энтропии. Особенностью нормативной, как и любой иной сложной, системы, является сокращенный период «спокойного» развития, поясняемый обилием параметров, обеспечивающих ее существование, изменчивость. В этой ситуации достижение критических точек, включающих механизм самоорганизации, может оказаться внезапным. К примеру, в связи с резонансностью (отзывчивостью на внешние побуждения), нарушающей согласованность (когерентность) поведения частей системы. Представляется, что упреждение пороговых режимов правовой системы – нормативного ее элемента в основном концентрируется на фазе отслеживаемых флуктуаций. Неожиданность возникновения пороговых режимов в данном случае трудно представить. Бифуркационные состояния, сопровождаемые ветвлениями, образованием множественности точек потенциальной реализации, купируются исчерпывающим знанием сложной организации правовой системы и нормативной ее части, дающим основание к объективности прогнозируемого исхода. Представляется, что исследуемая система отличается глубиной теоретической изученности – при участии выдающихся классиков.

При этом названный уровень познания сопровождается апробированными приемами корректировки, обусловленных кризисными состояниями с применением имманентно свойственных системе способов, средств, инструментария. При более поздних («запущенных» случаях), неустойчивостях неравновесной среды – с использованием этих же приемов, как показывает практика, способных декомпенсировать наступившую критическую ситуацию. Приведенные меры позволяют своевременно корректировать существующие и возникающие флуктуации, в том числе и с их исходом в созидающий хаос. Подтверждением тому может являться, сравнительно безболезненный для общества выход из бифуркационного состояния, связанный с денацификацией нормативной системы ФРГ в следствии демонтажа системы национал-социализма [6, с. 228–238].

Самоорганизационным процессам социальной сферы, в том числе и правовой системе, свойственны фазовые неустойчивости. Порождающие при согласовании с окружающей средой в точках бифуркации (ветвлениях), новые качества объекта, выраженные во множестве фракталов, нередко, изменяющими прежнее целеполагание, представленного в результате отбора приоритетной макроструктурой в виде аттрактора. Нелинейным образованиям характерны устойчивые аттракторы, обладающие потенцией к регулярному притягиванию подмножества траекторий из окрестности динамической системы фазового пространства, обеспечивающими (при малых флуктуациях) некую стабильность в существовании и развитии социального объекта. Для нормативной части правовой системы устойчивость не столько желательное, сколько постоянно воспроизводимое состояние, предупреждающее хаотичность социальной и правовой макросистем, удерживающей возможную стихию на фазе флуктуации. Без этого – существование социума невозможно. Вместе с тем, обнаруживаются фазово-обостряющиеся флуктуации, не исключено на фоне латентно-постоянного их присутствия, в виде странных аттракторов, обусловливающих в пространстве динамической структуры явления хаосности (по Г. Хакену – «эмерджентности»). Иллюстрацией к тому, на наш взгляд, может являться рассогласованность в правовой оценке восприятия некоторых общечеловеческих ценностей в виде прав и свобод, расходящихся с традиционно национальным, межгрупповым их восприятием.

Определенный интерес для исследуемого образования представляет явление суператтрактора. Это проблематичная, не всеми разделяемая тема, соотносящаяся с перспективами, прогнозами социальных процессов. С требованиями, предъявляемыми к содержанию науки она слабо согласуется, в виду объективной неопределенности развития процессов в условиях стремительно изменяющейся картины мира. Однако, с учетом дискурса постоянно присутствующего в исследованиях, затрагивающего в том числе и правовую систему, следует несколько подробнее остановиться на перспективном целеполагании, выраженном в содержании понятия суператтрактора. Отметим, что нормативной системе свойственно ее рассмотрение в постмодернистском, в том числе и «традиционно» глобалистско-футуристическом

видении, устремленном к будущности – универсальности, гармоничности единства с природой, естественно эволюционном ее обращении к нормативам нравственного регулирования взаимоотношений. В нашем случае – единство законодательной базы в условиях стремительно развивающихся вещей, сообществ, социально-экономических, экологических и др. связей, взаимодействий является заявляющей о себе необходимости. Равно как и синергетическая перспективность движения к человекоразмерной среде с невозможным в определении темпоральным периодом обязательного, как представляется, перехода от правового к морально-нравственному урегулированию, где право по Канту является условием существования правового государства, а правовые нормы – средством при возникающих деструкциях общественного устройства [2, с. 56–57]. Представляется, что в этом случае нормативный элемент правовой системы может в необозримом будущем трансформироваться в нравственно-моральную систему. Суператтрактор такой направленности в действительности присутствует в виде соотносимости социальных нормативов с естественным правом, когда накапливаемые, динамические по характеру, неустойчивости, преодолеваются за счет содержания сверхстранного аттрактора, апеллирующего к всеобъемлющему общечеловеческому идеалу, сконцентрированному в правах и свободах, по сути своей нравственных.

Литература

1. Алейник Р. М. Человек в философском постмодернизме. М., 2006.
2. Кант И. Лекции по этике. М., 2000.
3. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.
4. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
6. Радбрух Г. Философия права. Пер. с нем. М., 2004.
7. Сорокин В.В. Феномен самоорганизации правовой системы. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Феномен-самоорганизации-правовой-системы.
8. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, дополненное и переработанное / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2010.
9. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям». М., 1991.
10. Шевлаков В.А. Когерентность и информация в процессах самоорганизации. URL: http://spkurdyumov.ru/philosophy/kogerentnost-i-informaciya-v-processax-samoorganizacii.

Bibliography

1. Aleynik R.M. A man in the philosophical postmodernism. Moscow, 2006.
2. Kant I. Lectures on Ethics. Moscow, 2000.
3. Maltsev G.V. The Solial Base of Law. Moscow, 2007.
4. Moiseyev N.N. The Algorithms of Development. Moscow, 1987.
5. Prigozhyn I., Stengers I. Order out of Chaos. Moscow, 1986.
6. Radbruch G. The Philosophy of Law. Translated from german. Moscow, 2004.
7. Sorokin V.V. Phenomenon of Self-organization of the Legal System. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Феномен-самоорганизации-правовой-системы.
8. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M. J. Legal Encyclopedia. Issue 6, supplemented and revised / Edited by M. J. Tikhomirov. Moscow, 2010.
9. Haken H. Information and Self-organization. The Macroscopic Approach to Complex Phenomena. Moscow, 1991.
10. Shevlakov V.A. Coherency and Information in the Processes of Self-organization. URL: http://spkurdyumov.ru/philosophy/kogerentnost-i-informaciya-v-processax-samoorganizacii.

УДК 340.131.4
ББК 67.0

Светличный Евгений Григорьевич
Svetlichny Evgeny Grigorievich

начальник кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат педагогических наук.

Head of the Department of Tactical, Special and Fire Training of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Pedagogics.
E-mail: svetlichniyeg@yandex.ru

Шанько Виктор Викторович
Shanko Victor Viktorovich

начальник кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России кандидат педагогических наук.

Head of the Department of Tactical and Special Training, Rostov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, PhD in Pedagogics.
E-mail: v.shanko@mail.ru

ПОНЯТИЙНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Conceptual and methodological approaches to the problems of modern law understanding

В статье рассматриваются актуальные проблемы правопонимания, имеющиеся сегодня на концептуальном и законодательном уровнях. Исследование включает в себя проблему трактовки правопонимания, дифференциацию определений правопонимания. Рассматриваются основные проблемы правопонимания на выделенных уровнях. Формулируются предложения по решению обозначенных проблем путем опоры концептуального и законотворческого аспектов правопонимания на реальную правовую ситуацию, выражающуюся в субъективном правопонимании.

Ключевые слова: *правопонимание, государственность, законотворчество, понятие правопонимания, проблемы правопонимания.*

In the article the current problems of legal understanding that exist today at the conceptual and legislative levels are discussed. The study includes the problem of interpretation of legal understanding, differentiation of definitions of legal understanding. The main problems of legal understanding are considered at the conceptual and legislative levels. Proposals are formulated to solve the identified problems by relying on the conceptual and legislative aspects of the legal understanding on the real legal situation, expressed in a subjective legal understanding

Key words: *legal thinking, statehood, lawmaking, the concept of legal thinking, problems of legal thinking.*

Современная российская действительность обусловливается социально-экономическими реформами, продолжающимися вот уже третье десятилетие. Нестабильность, борьба целого ряда идеологических течений, различные явления экономического и духовного кризиса ведут к утрате ценностей и смыслов исторической жизни россиян. Такая ситуация обусловливает острую необходимость сохранения российской государственности, стабилизации общества, которые во многом зависят от правопонимания – граждан, ученых, законодателя и всего государства в целом, – ввиду чего рассмотрение и исследование проблем данной категории является исключительно актуальным.

К данной теме исследователи обращались уже не раз, однако проблемы правопонимания до сих пор остаются нерешенными. Более того, с течением времени они трансформируются, видоизменяются, дополняются новыми аспектами.

Приступая к выявлению и анализу проблем современного правопонимания, сразу же бросается в глаза первая и, возможно, во многом основополагающая его проблема, а именно – отсутствие четкого научного определения

данной категории. Довольно многочисленные попытки сформулировать трактовку правопонимания сводятся, главным образом, к определению понятия права во взаимосвязи с типами правопонимания [1], а имеющиеся в научной литературе немногочисленные дефиниции отличаются крайне отрывочным характером, поверхностностью и незаконченностью:

– правопонимание представляет собой научную категорию, выражающую процессы и результаты целенаправленного человеческого мышления, включающего восприятие, осмысление и отношение к праву как к целостному общественному феномену [2];

– правопонимание является отражением и оценкой права согласно конкретным историко-культурным и общественно-политическим ценностям и явлениям [3];

– правопонимание – это отношение субъекта к правовым запретам и дозволениям, к своим обязанностям и правам как справедливым или несправедливым в соответствии с его знаниями об этих правовых категориях [4];

– правопонимание – это отношение субъекта познания к правовым реалиям и в то же время правовое научное направление, концепция [5].

Последнее определение позволяет выделить два основных аспекта правопонимания:

1) правопонимание как субъективное отношение людей к праву и различным его аспектам;

2) правопонимание как научная концепция.

Поэтому понятие правопонимания следует трактовать дифференцированно: субъективное правопонимание и концептуальное правопонимание. И если в первом случае правопонимание является совокупностью взглядов, оценок и отношений субъекта к праву, то во втором случае – это, по сути, целая доктринальная система в области правосознания.

Однако мы считаем недостаточным выделение только двух аспектов в категории правопонимания. Правопонимание нельзя сводить исключительно к субъективному отношению к праву и его концептуальному закреплению, поскольку правопонимание как нельзя более ярко и глубоко выражается в законодательстве и законотворчестве. И этот аспект правопонимания отличается, на наш взгляд, наибольшей значимостью, поскольку он напрямую влияет на правовую обстановку в государстве. В этой связи предлагается еще один аспект рассматриваемого понятия: правопонимание как источник законотворчества.

Систематизируя вышесказанное,сформулируем следующие подходы к определению правопонимания (рис. 1).

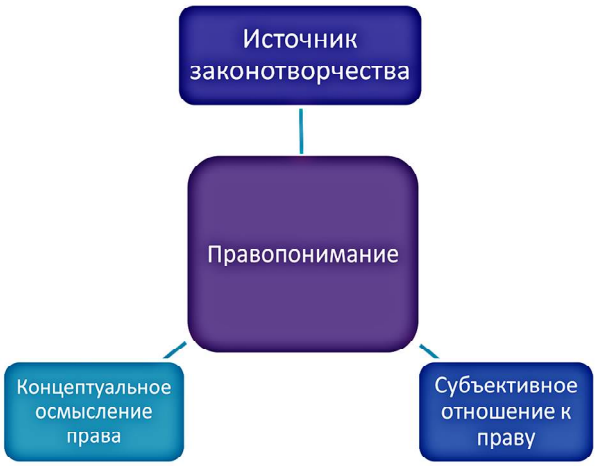

Рис. 1. Дифференциация подходов к определению правопонимания

Изучение субъективного правопонимания является достаточно сложным и долговременным, поскольку требует проведения масштабных социологических исследований с большим количеством участников. К тому же субъективное понимание права целесообразно рассматривать в контексте специфики, выражающейся в различных социальных группах. Что же касается концептуального и законодательного правопонимания, то их исследование не представляет особых трудностей, поскольку для этого достаточным будет анализ научной литературы по юриспруденции и действующего законодательства на предмет выявления коллизий, пробелов, размытых формулировок и т. п.

Рассуждая о проблеме концептуального правопонимания, прежде всего следует обратить внимание на кризис самой правовой науки, которой сегодня не присуще существенное приращение научного знания, поскольку в рамках правоведения происходит интерпретация, а также «реинтерпретация» и даже «переинтерпретация» уже имеющихся знаний [6]. На этот счет можно отметить, что, безусловно, вырабатываемый годами и веками опыт имеет исключительную ценность, и этим опытом нельзя пренебрегать. Однако до сих пор не выработано единообразного подхода к правопониманию, несмотря на имеющуюся в правоведческой науке его типологизацию. Но главная проблема

кроется даже не в этом, а в том, что концептуальное осмысление правопонимания, имеющееся на данный момент, не способно оказывать значимое влияние на правовую ситуацию. По мнению В.В. Лазарева, в прошлые этапы развития человечества правопонимание складывалось под воздействием реальных обстоятельств: крепостнического либо рабского состояния людей, прямого нарушения либо игнорирования человеческих прав и свобод. Сегодня же, как полагает ученый, постмодернистская специфика правоведения обусловливает риск трансформации юридической науки в «служанку» стоящих у власти [7]. С одной стороны, это не так уж и плохо, что нет прямых факторов, способных активизировать правопонимание. С другой, опять же следует отметить отсутствие существенного приращения научного знания. В этой связи правоведению следует обратить большее внимание на реальную человеческую жизнь, то есть, больше ориентироваться на социальные аспекты правопонимания, проводить соответствующие исследования, конечной целью которых будет являться формирование у граждан четкого и адекватного правопонимания.

Кроме того, весьма заметен кризис правопонимания на международном уровне. Из-за различных его типов, определяющих различные правовые системы, происходит столкновение правокультурных систем и моделей, а всяческие попытки глобальной межгосударственной унификации законодательства заканчиваются неудачами. При этом необходимо признать, что разработка доктрины равноправного и реально демократического мироустройства вполне способна вывести правовую науку из кризиса.

Другая сторона отсутствия принципиально новых подходов и исследований в рамках правоведения – жесткая критика и оспаривание каких бы то ни было попыток нового концептуального осмысления права в общем и правопонимания, в частности. При этом обвинения новых концептуальных идей и выдвигаемых гипотез в зыбкости и явной метафизичности вполне справедливы: их авторы оперируют поистине фантастическими принципами правового мироустройства, игнорируя политико-правовой потенциал и не желая следовать порядку реальной юриспруденции. По этой причине в научной литературе высказываются мнения о необходимости проведения глубоких теоретических и методологических исследований [8].

Следующая проблема правопонимания лежит в разрезе законотворчества, а именно – чрезмерная активность Федерального Собрания в отношении законодательной деятельности. Данный законодательный орган сравнивают с «неисправным печатным станком, действующим без контроля печатника». Стремительное возрастание числа нормативно-правовых актов обусловливает слабую их проработанность.

Ситуация ежемесячного (в среднем) внесения поправок в принимаемые правовые акты сегодня весьма привычна. Многочисленные изменения и дополнения, «усовершенствования» – похожи на действия «вслепую», наугад, без использования многовекового правового опыта и огромного багажа теоретических знаний. Можно сказать, что законодатель работает только исходя из юридической практики, почти без теоретического осмысления и понимания права. Да, такую ситуацию можно объяснить и даже оправдать переломным моментом, в котором прибывает нынешняя Россия. Однако этот момент не перестанет быть таковым, если не будет достигнута стабильность хотя бы в законодательстве, как одном из главных начал государственности. Если обратить хотя бы беглый взгляд на международные правовые акты, сразу станет понятно, что они намного более стабильны и целыми десятилетиями не подвергаются никаким редакциям.

Вот именно к этому и нужно стремиться российскому законодателю: к стабилизации законодательства и законотворчества, которая может быть достигнута только за счет скрупулезного, глубокого, детализированного правопонимания именно на концептуальном уровне.

Приходится констатировать тот факт, что концептуальное и даже законодательное правопонимание находятся в большом отрыве от реальной жизни. Законотворчество осуществляется с опорой на лоббистские либо политические соображения. Исследовательская деятельность в плане концептуального правопонимания сегодня представляет собой бесконечное комментирование, а все многократные и систематические попытки «усовершенствования» законодательной базы отличаются политическим или просто техническим характером. Для решения проблемы отрыва концептуального и законотворческого правопонимания от реальной жизни еще раз стоит подчеркнуть необходимость опоры на социологические

исследования, а именно – на субъективное отношение к праву различных социальных групп, на действительную правовую ситуацию.

Таким образом, понятие правопонимания следует трактовать дифференцированно: субъективное, концептуальное и законотворческое правопонимание. Рассуждая о проблеме концептуального правопонимания, прежде всего следует обратить внимание на кризис самой правовой науки, которой сегодня не присуще существенное приращение научного знания. Но главная проблема кроется даже не в этом, а в том, что концептуальное осмысление правопонимания, имеющееся на данный момент, не способно оказывать значимое влияние на правовую ситуацию. В этой связи правоведению следует обратить большее внимание на реальную человеческую жизнь, то есть, больше ориентироваться на социальные аспекты правопонимания, проводить соответствующие исследования, конечной целью которых будет являться формирование у граждан четкого и адекватного правопонимания. Сегодня правоведческая наука, испытывающая большие трудности в формировании понятийного и методологического аппарата относительно правопонимания, должна избрать верные мировоззренческие целеполагающие принципы, отвечающие современным реалиям и не подверженные бесполезным иллюзиям. В социальном аспекте правоведение состоит в неразрывной взаимосвязи с идеалами и ценностями государственности. Поэтому концептуальный и законотворческий аспекты правопонимания должны быть увязаны воедино с субъективным правопониманием, обусловливая и влияя друг на друга, способствуя совершенствованию осмысления, осознания и понимания права и российской государственности в целом.

Литература

1. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебное пособие. Издание второе, исправленное и доработанное / А.Ф. Колотов, О.С. Вырлеева-Балаева, В.Н. Симонов, И.В. Скуратов, Ю.В. Ярыгина. Оренбург, 2013.

2. Доржиев Ж.Д. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. Улан-Удэ, 2015.

3. Зульфугарзаде Т.Э. Основы социального государства и гражданского общества. М., 2012.

4. Шкурко А.В. Понятие правопонимания на современном этапе развития отечественной юридической науки // Наука и образование. № 5. 2013.

5. Сорокин В.В. История и методология юридической науки: учебник для вузов. Барнаул, 2016.

6. Баранов П.П. Кризис юридической науки в мире // Философия права. № 4. 2015.

7. Баранов П.П. Шпак В.Ю. Политическое право в многообразии своих определенностей: философский анализ // Философия права. № 1. 2007.

8. Зорькин В.Д. Цивилизация права. Если право погибнет, то мир окажется у края бездны // Российская газета. № 5. 2014.

Bibliography

1. Theory of state and law in questions and answers: a tutorial. Second edition, revised and revised / A.F. Kolotov, O.S. Vyrleeva-Balaeva, V.N. Simonov, I.V. Skuratov, Yu.V. Yarygina. Orenburg, 2013.

2. Dorzhiev Zh.D. Theory of State and Law: study guide. Ulan-Ude, 2015.

3. Zulfugarzade T.E. Fundamentals of the social state and civil society. Zulfugarzade. Moscow, 2012.

4. Shkurko A.V. The concept of legal thinking at the present stage of development of domestic legal science // Science and education. № 5. 2013.

5. Sorokin V.V. History and methodology of legal science: Textbook for universities. Barnaul, 2016.

6. Baranov P.P. The crisis of legal science in the world // Philosophy of law. № 4. 2015.

7. Baranov P.P. Shpak V.Yu. Political law in the variety of its certainties: philosophical analysis // Philosophy of law. № 1. 2007.

8. Zorkin V.D. Civilization of law. If the law perishes, then the world will be at the edge of the abyss // Rossiyskaya Gazeta. № 5. 2014.

УДК 343.352 + 343.953
ББК 67.51

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
Vishnevetsky Kirill Valerievich

начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, профессор.

Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Кашкаров Алексей Александрович
Kashkarov Alexey Alexandrovich

начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, доцент.

Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУМПИРОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Victimologic characteristics of the corruption of a public authority official

В статье рассмотрены вопросы, связанные с виктимологический характеристикой жертвы взяточничества – должностного лица органа публичной власти. В публикации отмечается амбивалентное отношение современного социума к проблеме коррупции должностных лиц органов публичной власти и их коррумпирования. Охарактеризованы различные группы корруптеров, которые склоняют должностных лиц к взяточничеству.

Ключевые слова: *взяточничество, должностное преступление, коррупция, коррумпирование, преступление, склонение, вовлечение.*

The article deals with issues related to the victimologic characteristics of the victim of bribery – a public authority official. The publication notes the ambivalent attitude of modern society to the problem of corruption of public authorities officials and their tampering. The authors describe various groups of corrupters, who tempt the officials to take bribes.

Keywords: *bribery, white-collar crime, corruption, tampering, crime, inducement, involvement.*

Общественная опасность должностной преступности заключается в том, что она причиняет вред экономике государства и подрывает авторитет органов публичной власти, сковывает развитие гражданского общества, нивелирует достижения в социальной, образовательной и культурной сферах, разбалансирует и устраняет честную конкуренцию между хозяйствующими субъектами, приводит к симбиозу преступности и правоохранительных органов. Указанные факторы могут привести к росту протестных настроений среди широких слоев населения, именно указанные обстоятельства свидетельствуют об актуальности данной публикации.

Исходя из круга субъектов общественных отношений, которые формируются и существуют в сфере публичной власти жертвой взяточничества выступают лица, права и законные интересы которых страдают в результате противоправных действий взяткодателя и взяткополучателя (к такого рода лицам относятся: латентные жертвы взяточничества; лица, у которых вымогали взятку; должностные лица, которых склоняют к получению взятки; государство) [1, с. 206–209]. Отметим, что вопросы, связанные с уяснением криминологических и уголовно-правовых характеристик должностной преступности, виктимологической характеристик жертвы, которая пострадала от противоправных действий должностного лица достаточно часто становятся предметом научных исследований. Однако вопросы, связанные с проблемами вовлечения и/или склонения должностных лиц в коррупционную деятельность на достаточном теоретическом уровне не рассматривались, то также подчеркивает необходимость такого рода публикации.

Предупреждение преступлений, связанных со взяточничеством, должно быть обоюдно направленным и учитывать факторы виктимной привлекательности, которыми обладают должностное лица органов публичной власти.

Исследователи отношения российского общества к должностной преступности в органах публичной власти отмечают достаточно высокий уровень терпимости к проявлениям коррупции [2, с. 135–138; 3, с. 110], это объясняется коррупционными традициями, которые сложились в обществе, стремлением минимизировать затраты, а также желанием некоторых должностных лиц органов публичной власти незаконно обогатиться. Вместе с тем в сознании большинства граждан должностные лица органов публичной власти чаще всего воспринимается либо в относительно нейтральном качестве, либо в негативном качестве – коррупционера и взяточника. То, что должностные лица органов публичной власти могут выступать в качестве жертвы должностных преступлений, а именно взяточничества, граждане воспринимают иронично или вовсе скептично. Таким образом мы можем говорить об неоднозначном отношении граждан к проблеме должностной преступности, с одной стороны возможности, которые достигаются путем подкупа должностных лиц в обществе допускаются, а в некоторых аспектах даже приветствуются, с другой стороны отношение к должностным лицам органов публичной власти, которые обладают «функциональными ресурсами», как уже указывалось нами ранее, является негативным.

Под термином «функциональные ресурсы должностного лица органа публичной власти» мы понимаем наличие должностных полномочий, служебного положения, иных организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функции, которыми наделено должностное лицо органа публичной власти в силу закона и/или занимаемой должности в органе публичной власти.

Наличие функциональных ресурсов у должностного лица органа публичной власти создает угрозу для него самого стать жертвой преступления, так как полномочия, которыми наделено должностное лицо привлекательны для коррупперов, при этом, как отмечает Г.Н. Горшенков должностное лицо становится потенциальной жертвой криминального подкупа [4, с. 144–151].

Желание получить доступ к функциональным ресурсам, которыми наделено должностное лицо, может быть осуществлено различными способами, например: путем применения насилия (физического или психологического), угрозы применения насилия в отношении самого должностного лица, так и близких для него лиц, шантажа, введения должностного лица в заблуждение и т.п., схожая позиция, относительно склонения, закреплена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [5], также в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации определяется от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [6], что склонение должностного лица к совершению соответствующих противоправных действий (бездействию) может быть осуществлено путем уговоров, обещаний, принуждения и др. Однако, наиболее распространенным способом склонения должностного лица к совершению преступления является подкуп – дача взятки.

Стремление коррупттера склонить или вовлечь должностное лицо органа публичной власти к получению взятки в психологической теории и криминологии получило название «коррумпирующие поведение» [7, с. 67–72]. Модели поведения жертвы и преступника во взяточничестве могут быть различными. Коррумпирующее поведение является менее распространенным видом преступного поведения во взяточничестве по сравнению с обоюдно заинтересованным коррупционном поведением либо вымогательством взятки должностным лицом органа публичной власти [8, с. 35–38]. Однако, именно в процессе коррумпирующего поведения должностное лицо становится жертвой преступления, связанного с вовлечением или склонением к получению взятки.

Вместе с тем следует отметить, что возможна трансформация жертвы должностного лица в преступника и этот процесс может занимать длительный промежуток времени, а может произойти относительно быстро, все зависит от морально-деловых и нравственно-психологических качеств конкретного должностного лица, вовлечение и постепенное научение должностного лица органов публичной власти коррупционным практикам подтверждают положения теории дифференцированных связей сформулированной Э. Сатерлендом в 30-х годах XX столетия, в основу которой положен социальный конфликт ценностей и моделей поведения,

в результате чего должностное лицо обучается преступному поведению, впитывает, перенимает его от иных людей, социальных групп в процессе общения [9, с. 106–108; 10, с. 32–33]. Также следует отметить, что, по нашему мнению, вовлекаемое, склоняемое к взяточничеству должностное лицо органа публичной власти перестает быть жертвой преступления после получения взятки от взяткодателя, в силу того что должностное лицо совершило должностное преступление, а именно получило взятку. Научение коррупционным практикам можно охарактеризовать как коррупционное инфицирование должностного лица органа публичной власти. Должностное лицо становится терпимым к коррупционным преступлениям у него формируется желание принимать участие в такого рода противоправных деяниях.

Следует согласиться с А.В. Ревягиным, который указывает, что коррумпирующее поведение (как и коррупционное), детерминируется не только внешними и объективными условиями, как например смена государственной принадлежности региона [11, с. 50–53], но имеет и ярко выраженные психологические составляющие, и социокультурные корни, то есть зависит от внутренних субъективных причин (определенные свойства личности, ее правовые установки, ценностные ориентации) [12, с. 24–27].

Как нам представляется, что причинами вовлечения или склонения должностного лица органа публичной власти к получению взятки является стремление вовлекателя (коррупtера), как уже отмечалось, получить доступ к функциональным ресурсам вовлекаемого должностного лица органа публичной власти, сократить временные, материальные и иные издержки.

Принимая за основу положения теории дифференцированных связей можно сделать вывод, что вовлечение должностного лица в преступную деятельность осуществляется посредством контактирования должностного лица органа публичной власти с контрагентом, который является носителем коррупционных практик. Всю совокупность контрагентов должностного лица органа публичной власти, носителей коррупционных практик можно разделить на ряд самостоятельных групп:

1) иные должностные лица органа публичной власти, как коллеги, так и должностные лица иных органов публичной власти (надзорные, контролирующие), обладающие коррупционными практиками;

2) коррупционно ангажированные родственники и близкие лица должностного лица органа публичной власти;

3) сторонние лица.

Характеризуя первую группу лиц, склоняющих должностное лицо к получению взятки, следует исходить из того, что склонение к должностному преступлению может осуществляться иными должностными лицам органов публичной власти, обладающими коррупционными практиками. Такого рода должностное лицо – коррупtер может являться прямым либо непосредственным руководителем склоняемого, может выступать коллегой, находящимся на равнозначной должности, либо быть подчиненным. Особо следует отметить, что коррумпирование должностных лиц может осуществляться должностными лицами иных органов публичной власти, так например, в феврале 2021 года два сотрудника отделов аппарата прокуратуры Республики Крым склонили должностное лицо ОВД к получению взятки за прекращение уголовного дела, находящегося в производстве [13].

Именно коллеги оказывают на должностное лицо органа публичной власти существенное влияние, так как коллеги обеспечивают формирование профессиональных характеристик, которые приобретают должностное лицо органа публичной власти. Взаимоотношения в коллективе обуславливает приобретение навыков коммуникации с физическими и юридическими лицами. Именно в служебном (трудовом) коллективе должностных лиц органов публичной власти реализуются все положения теории дифференцированных связей.

Вне служебного коллектива должностное лицо органа публичной власти проводит время с родственниками и близкими лицами. Родственники, а также близкие лица могут влиять на поведение должностного лица органа публичной власти, такого рода влияние может быть как положительное, так и негативное. Негативное влияние может выражаться в критике правомерного поведения должностного лица, жалобах на недостаток средств для обеспечения жизнедеятельности семьи. Такого рода негативное влияние со стороны родственников склоняет должностное лицо органа публичной власти к выбору противоправной, чаще всего коррупционной модели поведения.

Раскрывая такую группу коррупtеров – как сторонние лица, следует исходить из того, что данная группа лиц не является однородной. В ее состав могут входить такие подгруппы как:

лица, выполняющие профессиональные функции; лица, разово склоняющие должностное лицо к коррупционному преступлению.

К категории лиц, выполняющие профессиональные функции, могут относиться: адвокаты, законные представители, лица, оказывающие «услуги» в органах публичной власти, так называемые «решалы», «бегунки», «нужные люди», бывшие должностные лица органа публичной власти, уволенные, но обладающие определенным авторитетом и кругом общения (связями) в органе публичной власти. Как нам представляется данная категория коррупперов стремиться склонить должностное лицо не столько к разовому факту коррупционной преступной деятельности, а сделать ее системной и налаженной. Такого рода лица стараются наладить «профессиональные» и «взаимовыгодные» отношения с должностными лицами органов публичной власти. Деятельность коррупттера связанная со склонением должностного лица органа публичной власти к коррупционному преступлению является активной, осознанной, волевой, инициативной и последовательной, в ходе которой собирается информация о предпочтениях и интересах, круге общения потенциальной жертвы склонения, а также сведения о его родственниках и друзьях, наличие компрометирующих сведений, а также иных сведений, которые могут пригодится для ангажирования должностного лица органа публичной власти в коррупционную деятельность [14; 15, с. 13].

Именно такого рода инициативное коррумпирование должностных лиц органов публичной власти представляется повышенную общественную опасность, так как чаще всего такого рода склонение осуществляется с целью понудить должностное лицо к совершению противозаконных действий, связанных с укрывательством (сокрытием) преступлений, выполнением действий, которые могут повлечь существенных вред интересам общества и государства, представляют опасность для жизни и здоровья физических лиц.

Коррумпирование должностного лица органа публичной власти профессиональными коррупперами является наиболее результативным видом склонения/вовлечения в должностную преступность, чаще всего используется представителями организованной преступности в отношении сотрудников правоохранительных, надзорных и контролирующих органов.

Лица, разово склоняющие должностное лицо органа публичной власти к получению взятки не преследуют цели формирования устойчивой связи между собой и должностным лицом органа публичной власти, обстоятельства, связанные со склонением, носят чаще ситуативный характер и обусловлены незначительными нарушениями норм и положений действующего законодательства. Также отметим, что уровень должностных лиц, в структуре органов публичной власти, которые могут быть подвергнуты такого рода склонению является не высоким, низовым, как нам представляется это могут быть сотрудники патрульно-постовой службы полиции, участковые уполномоченные полиции, ДПС ГИБДД.

Исходя из приведенного можно сделать вывод, что чем выше уровень должности, занимаемой должностным лицом органа публичной власти тем выше его виктимная привлекательность, тем чаше и на более системной основе его будут склонять к совершению должностного преступления, кроме того, должностное лицо органа публичной власти, обладающие правом согласования «сложных», «дорогих» вопросов также обладают повышенной виктимной привлекательностью.

Литература

1. Кашкаров А.А. Виктимологический механизм должностной преступности // Общество и право. 2016. № 2 (56).

2. Камнева Е.В. Коррупционное и коррумпирующее поведение в контексте девиантного экономического поведения // Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы. Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием. 2019.

3. Кашкаров А.А. Должностная преступность в органах публичной власти и ее пре-

Biblography

1. Kashkarov A.A. Victimological mechanism of malfeasance // Society and Law. 2016. № 2 (56).

2. Kamneva E.V. Corrupt and corrupt behavior in the context of deviant economic behavior // Modern approaches to combating corruption: trends and prospects. Collection of abstracts of reports and articles of the All-Russian scientific conference with foreign participation. 2019.

3. Kashkarov A.A. Official criminality in public authorities and its prevention in the context of a change in state ownership of the territory: dis. … Doctor of Law. Krasnodar., 2019.

дупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории: дис. … д-ра юрид. найк. Краснодар, 2019.

4. Горшенков Г.Н. Виктимологическая составляющая в детерминации коррупционного поведения // Актуальные проблемы криминологического исследования региональной преступности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Баку, 2015.

5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. URL: https://rg.ru/2006/06/28/verhovny-sud.html.

6. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации определяется от 9 июля 2013 г. № 24. URL: https://rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html

7. Камнева Е.В., Анненкова Н.В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2013. № 4.

8. Кашкаров А.А. Виктимная амбивалентность на примере взяточничества // Виктимология. 2017. № 2 (12).

9. Фокс В. Введение в криминологию: пер. с англ. Л., 1980.

10. Криминология: учебное пособие / С.И. Курганов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

11. Кашкаров А.А. Трансформация местных представительных органов публичной власти в крымском федеральном округе как фактор обеспечения криминологической безопасности // Юридический мир. 2015. № 6.

12. Ревягин А. В. Нравственно-психологические стандарты антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68).

13. В Крыму два сотрудника прокуратуры стали фигурантами дела о крупной взятке. URL: https://rg.ru/2021/04/16/reg-ufo/v-krymu-dva-sotrudnika-prokuratury-stali-figurantami-dela-o-krupnoj-vziatke.html.

14. Коррупционная преступность. Понятие и криминологическая характеристика. URL: https://be5.biz/pravo/k008/19.html.

15. Утебаев Э.К. Коррупция – составляющий элемент составов преступлений взяточничества. // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2016. № 1.

4. Gorshenkov G.N. Victimological component in the determination of corrupt behavior // Actual problems of criminological research of regional crime: materials of the II Intern. scientific-practical conf. Baku, 2015.

5. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 15, 2006 № 14. URL: https://rg.ru/2006/06/28/verhovny-sud.html.

6. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is determined from July 9, 2013 № 24. URL: https://rg.ru/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html.

7. Kamneva E.V., Annenkova N.V. Psychological aspects of the phenomenon of corruption // Humanities. Financial University Bulletin. 2013. № 4.

8. Kashkarov A.A. Victim ambivalence on the example of bribery // Victimology. 2017. № 2 (12).

9. Fox V. Introduction to criminology: trans. from English. Leningrad, 1980.

10. Criminology: a textbook / S.I. Kurganov. 3rd ed., Rev. and add. Moscow, 2012.

11. Kashkarov A.A. Transformation of local representative public authorities in the Crimean federal district as a factor in ensuring criminological security // Legal world. 2015. № 6.

12. Revyagin A.V. Moral and psychological standards of anti-corruption behavior of employees and employees of internal affairs bodies // Psychopedagogy in law enforcement bodies. 2017. № 1 (68).

13. In Crimea, two prosecutors became involved in a large bribe case. URL: https://rg.ru/2021/04/16/reg-ufo/v-krymu-dva-sotrudnika-prokuratury-stali-figurantami-dela-o -krupnoj-vziatke.html.

14. Corrupt crime. Concept and criminological characteristics. URL: https: //be5.biz/pravo/k008/19.html.

15. Utebayev E.K. Corruption is a constituent element of the bribery offenses // Bulletin of the Kazakh Humanitarian and Legal Innovative University. 2016. № 1.

УДК 347.63 : 94(47)
ББК 67.404

Букалова Светлана Владимировна
Bukalova Svetlan Vladimirovna

доцент кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) кандидат исторических наук, доцент

Associate professor, Department of Political Science and State Politics, the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), PhD in History, Associate professor.
E-mail: stl1612@yandex.ru

Селютина Елена Николаевна
Seliutina Elena Nikolaevna

доцент кафедры истории и государственно-правовых дисциплин Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) кандидат юридических наук, доцент.

Associate professor, Department of History and State-Legal Disciplines, the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), PhD in Law, Associate professor.
E-mail: enseljutina@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЗАКОН И ТРАДИЦИЯ

Situation of children with special legal status in Russian legislation and folk culture in the late XIX – early XX centuries: law and tradition

В статье анализируются особенности социально-правовой политики Российской империи в отношении детей со специальным правовым статусом – незаконнорожденных и сирот – в контексте влияния отечественной культурной традиции. Авторы акцентируют внимание на элементах правового статуса несовершеннолетнего и их законодательном закреплении. Отмечена позиция Православной Церкви и общественности касательно детей с особым статусом. Выделены специфические особенности социального статуса таких детей в народной культуре, указывающие на маргинальное положение этой категории несовершеннолетних. Отмечены региональные особенности правовых обычаев крестьянской общины по отношению к несовершеннолетним в центральной России. Указано влияние Первой мировой войны на восприятие обществом незаконнорожденных детей и их матерей.

***Ключевые слова**: правовой статус, ребенок, сирота, незаконнорожденный, социальная политика, Российская империя, права ребенка.*

The article analyzes the features of the socio-legal policy of the Russian Empire concerning children with special legal status – bastards and orphans – in the context of the influence of domestic cultural tradition. The authors emphasize the elements of the legal status of a minor and their legislative consolidation. The article notes the position of Orthodox Church and the public with regard to the children with special status. The authors highlight the specific features of the social status of such children in folk culture, indicating the marginal position of this category of minors. The article notes the regional distinctions of the peasant community legal customs towards minors in the Central Russia. It also indicates the influence of the First World War on society's perception of bastards and their mothers.

***Keywords**: legal status, child, orphan, bastard, social policy, Russian Empire, rights of the child.*

Охрана детства выступает важным направлением демографической политики государства. Среди направлений государственной социальной политики Российской Федерации большое значение имеет защита прав детей, ориентированная на создание благоприятных условий для их социализации и личностного развития [5, с. 4]. Правовое положение ребенка

представляет неотъемлемый элемент развития любого социума и индикатор, свидетельствующий об исторически обусловленном характере государственно-общественного взаимодействия [13, с. 88]. На пути поиска оптимальной национальной модели организации социальной защиты несовершеннолетних актуальным представляется обращение к анализу отечественного исторического опыта в этой области, изучение институтов, форм и механизмов регулирования статуса детей и подростков. Максимально полный учет социальных и правовых аспектов защиты детей будет способствовать формированию комплексного подхода к пониманию правовой политики государства по вопросам детства.

Основным законодательным актом в Российской империи второй половины XIX – начала XX века, устанавливавшим правовое положение детей, был Свод законов гражданских. Права детей регламентировались преимущественно в рамках наследственных правоотношений. Центральным элементом правового регулирования положения детей был институт семьи. Семейное положение определяло правоспособность и дееспособность человека. В качестве основного личного права следует отметить право на фамилию, указывающее на принадлежность ребенка к конкретной семье, роду и возможность в дальнейшем получить причитающееся по рождению право состояния, определяющее правовой статус уже во взрослой жизни.

Однако для крестьянского сословия, абсолютно преобладавшего в социальной структуре России и в начале XX века (свыше 80 % населения), было характерно доминирование обычного права, на основе норм которого разрешалось большинство гражданских и уголовных дел в крестьянской среде [10, с. 156]. Механизмы взаимодействия, существующие в социуме, основываются на определенных представлениях о человеке и могут быть поняты только внутри этого контекста. Правовые обычаи и культурные традиции играли существенную роль в организации брачно-семейных отношений, оказывая большое влияние на положение женщин и детей в традиционном социуме.

Особым социальным статусом обладали сироты – дети, не имевшие родителей. Близки к ним по своему положению были подкидыши – дети, родители которых были неизвестны. Чаще всего подкидыши были незаконнорожденными, хотя мать могла отказаться от ребенка и в силу бедственного материального положения своей семьи. В свою очередь, незаконнорожденные дети могли появиться на свет как от случайной связи, так и в результате многолетних не освященных церковным венчанием отношений родителей.

Противоречие между определяемым законодательством правовым статусом сирот и незаконнорожденных и их фактическим положением в крестьянском коллективе преодолевается введением понятия социально-нормативного статуса, который отражает реальное положение человека в данной системе общественных отношений и определяется соответствующими общественными нормами.

По данным дореволюционной статистики, в среднем вне освященного церковью брака рождалось 2–3 % детей. При этом следует иметь в виду, что в городах доля внебрачных рождений была существенно выше, и только сравнительно небольшая численность городского населения позволяла поддерживать такую пропорцию на протяжении десятилетий. В пореформенное время в Европейской России в 1859–1863 гг. регистрировалось в среднем в год 99 тыс. внебрачных детей, в 1910 г. – 106 тыс. [9, с. 580].

Правовой статус детей, появившихся на свет вне освященного церковью брачного союза, был наиболее усеченным. Имущественные права незаконнорожденные дети имели только по отношению к матери, получая от нее содержание, однако наследниками, как матери, так и родственников по материнской линии не являлись. В последующем такие дети должны были призревать мать в ее старости. Права наследовать своему отцу незаконнорожденные не имели [5, с. 37]. Влияние обстоятельства внебрачного рождения было неодинаковым для детей разных сословий. Сословная принадлежность внебрачных детей определялась по матери за исключением дворянского звания. Внебрачные дети дворянок в наибольшей степени испытывали негативные аспекты незаконного рождения. Законом «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» 1902 года личные и имущественные права незаконнорожденных детей были расширены. Родителям было позволено

узаконивать детей, заключив церковный брак после их рождения. Улучшения коснулись и наследственного права ребенка. Незаконнорожденный мог наследовать благоприобретенное имущество матери [8, с. 216].

С развитием процессов модернизации общественных отношений в массовом сознании постепенно формируется негативное отношение к унизительным ограничениям правового положения незаконнорожденных детей. Немалое влияние на общественную позицию при этом оказало усложнение социальной жизни, рост городов и распространение отходничества, ведущее к кризису традиционной семьи, повышению возраста вступления в брак и росту числа внебрачных рождений, особенно в городах.

В государственной правовой политике и практике приоритетным становится благо и интересы ребенка. С началом Первой мировой войны тема незаконнорожденных детей приобрела новое звучание, так как впервые в российской истории в действие был введен закон, предусматривавший наделение государственным пособием жены и детей мобилизованного на фронт. Однако, на жену и детей, не имевших официального статуса, действие закона не распространялось, и они могли рассчитывать лишь на благотворительную помощь. Выяснилось, что в городах таких семей достаточно много. Так, с начала войны до конца 1915 г. в московское участковое Сретенское попечительство о бедных, занимавшееся распределением казенного пайка семьям призванных, обратилось 440 гражданских жен из общего числа в 4 130 семей [6, с. 110].

Оказалось, что общество относится к таким семьям терпимо и даже сочувственно [4, с. 459]. В Государственной Думе и Государственном Совете поднимался вопрос о распространении действия закона также на «внебрачных жен и детей», однако он не получил положительного решения [6, с. 58–59].

Проблема внебрачных детей рассматривалась соединенными комиссиями Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, действовавшим под патронажем императрицы Александры Федоровны. Верховных Совет принял решение, что «издание закона, в силу которого внебрачная семья получала бы от казны пособия на одинаковых основаниях с семьей законной, отнюдь не способствовало бы упрочению устоев законной семьи и, несомненно, умалило бы святость брачного союза в народном сознании» [4, с. 461].

«Зазорными» считались дети, рожденные одинокими женщинами, особенно девушками [1, с. 383]. С понятием блудного греха связывалось народное верование в колдовство. Полагали, что нарушение брачно-репродуктивных норм происходит под влиянием нечистой силы. Против таких лиц зачастую выдвигались обвинения в использовании вредоносной магии и следовали положенные в таких случаях санкции: избиение, изгнание, изоляция и лишение родственной и семейной помощи, поводом для чего могло стать любое бедствие – засуха, эпидемия, падеж скота. Появление детей у вдов, солдаток и женщин, чьи мужья находились в длительной отлучке (например, на заработках) могло рассматриваться и как результат связи женщины с нечистой силой – лешим, огненным змеем и т.п. Не вызывало удивления, если такие дети рождались с физическими отклонениями и быстро умирали [1, с. 337].

Рождение добрачных и внебрачных детей рассматривалось как нарушение традиционных норм поведения, являясь, таким образом, девиацией женского поведения в традиционном сельском социуме. При этом было бы неверно безапелляционно утверждать, что «Жребий их был хуже сиротского ... «Никто, ничто и звать никак». Потому такие дети или не рождались даже – их «вытравливали», или подкидывали, или … просто выбрасывали. Мать без мужа с «зазорным дитем» сама становилась зазорной, а дитя – человеком без будущего» [7, с. 52].

Возникновение понятия «незаконнорожденный» связано с принятием христианства в качестве официальной религии и продвижением института церковного брака, при том, что ни христианская доктрина, ни православие не проводят качественного разделения людей в зависимости от обстоятельств их зачатия и рождения. Таким образом, категория «незаконнорожденные» являлась исключительно правовой. Ребенок, будучи крещенным, впоследствии не подвергался какой-либо дискриминации в религиозном отношении, в то время как его мать могла быть подвергнута епитимье за «блудный грех».

В народной культуре материнство считалось смыслом женской жизни, поэтому

рождение ребенка вне брака пользовалось все же меньшим общественным порицанием, нежели убийство младенца во чреве, поскольку, способность женщины к деторождению оценивалась высоко, воспринимаясь как Божья милость [1, с. 677; 2, с. 174]. Тем не менее, смертность незаконнорожденных малышей превышала таковую среди младенцев до года по сравнению с детьми, рожденными в браке. Зачастую это было вызвано ненадлежащим уходом, оплошностью, небрежностью матери. Информаторы Этнографического бюро В.Н. Тенишева упоминали, что такие действия не всегда были неумышленными, но и преднамеренными. Однако, предметом судебного разбирательства они не становились, а требовали лишь церковного покаяния [15, с. 175].

Обычное право сельской общины в отношении незаконнорожденных было более гуманным, чем нормы официального законодательства. Хотя они носили обидные клички, указывавшие на их происхождение, нарушавшее социальные нормы, незаконнорожденных все же нельзя считать «сельскими париями» - т.е. отверженными, изолированными от общества. Повсеместно считалось, что такому ребенку помогает сам Господь Бог. Ему приписывалась красота и необыкновенная удачливость как в хозяйстве, так и на поле брани. Своей удачей такой ребенок мог поделиться с повитухой, крестными. Засидевшиеся в девках охотно шли в крестные к внебрачному ребенку, в надежде обрести жениха [15, с. 414–415]. Занимая низкое место в иерархии деревенской общины, незаконнорожденный все же не был совершенно лишен жизненных перспектив, как, например, бобыль.

На селе незаконнорожденные дети находились на содержании матери и ее семьи. Ни община, ни отец ребенка, когда он был известен, не оказывали помощи в обеспечении потребностей ребенка. При достижении совершеннолетия такие дети мужского пола имели право на земельный надел. Вопрос владения и пользования земельным наделом по разному регулировался местными обычаями в каждой губернии. Например, внебрачный ребенок имел в сельской общине матери права и на земельный надел, и на участие в сходе в Тамбовской и Воронежской губерниях, а в Курской мог получить земельный надел только по решению сельского схода. Ограничения в правах на пользование земельным наделом незаконнорожденного существовали в Орловской губернии [3, с. 128].

Положение незаконнорожденного ребенка в сельском социуме было близко к маргинальному положению сироты.

Ключевым для понимания социальной структуры крестьянского сообщества является понятие доли (участи, счастья, судьбы), осмысляемой как часть общего блага. Судьба воспринимается как приговор некоего суда, свершаемого при рождении человека высшими силами. Часто под долей понимали только счастливую судьбу; несчастливая персонифицировалась как самостоятельный демонический персонаж – Недоля, Злыдня (или злыдни). Они могут напасть на человека, «сесть ему на шею», лишить удачи и довести его до нищеты [14, с. 141].

Сирота в народном сознании воспринимался как обездоленный, лишенный благодати и этом плане приравнивался к нищему. Не имея все семьи сирота не мог получить заботу и опеку от родных, зато в полной мере получал божественное покровительство («*За сирого и вдового сам Бог на страже стоит*»). Поэтому помощь, оказываемая сироте, считалась богоугодным делом и уравнивалась в глазах общества с подаянием на церковь и осмыслялась как Божья доля, которая должна была обеспечить дающему прощение грехов, а при жизни – удачу в делах [14, с. 433].

Если сироту по каким-либо причинам не принимали в свою семью его родственники, то сельский сход назначал опекуна, ответственного за его прокормление и наблюдавшего за сохранностью сиротского имущества. Вплоть до середины XX века в на селе сохранялся обычай принимать в дом малолетнего нищего-сироту. При этом он не всегда приобретал статус усыновленного. Ему поручали помощь по дому и по хозяйству «за харчи», а с 9–12 лет мужчины могли брать мальчиков с собой на заработки. После совершеннолетия «взятыши» начинали самостоятельную жизнь, не приобретая в приютившей их семье права наследования имущества. По обычаю, приемная семья должна была справить девочке-сироте хотя бы небольшое приданое и выдать ее замуж. Обязанности семей по отношению ко взятым на воспитание ограничивались предоставлением еды и крова.

В бездетных семьях положение приемных детей почти не отличалось от обычного положения детей. Приемыша могли брать по обету в те семьи, где один за другим умирали дети, чтобы пресечь эту череду и «вымолить» жизнь родного ребенка. В отличие от приемных, усыновленные дети получали наследственные права, поэтому усыновляли обычно мальчиков, либо близких родственников [1, с. 110; 15, с. 615].

Заключая брак, жених-сирота обычно «шел в примаки», т.е. поселялся в доме у тестя и занимал в новой семье зависимое положение [14, с. 642].

Таким образом, статус социально неблагополучных категорий был амбивалентным – они вызывали одновременно сочувствие и опасение, их положение воспринималось скорее как естественное, нежели экстраординарное и подлежащее коррекции.

Итак, проведенное исследование правового положения детей со специальным статусом в Российской империи конца XIX – начала XX века позволяет сделать вывод, что определяющим вектором развития социальной политики государства и принципов правового регулирования права данной категории детей выступают отечественные культурно-исторические традиции, заключающиеся в более мягком и терпимом отношении по сравнению с жестким законодательным ограничением гражданской и семейной правоспособности. Немаловажным фактором, ослабляющим негативное отношение к незаконнорожденным и подкидышам, явилась позиция церкви, осуждавшая греховное поведение родителей, в основном матери, но не ущемлявшая религиозный статус ребенка не зависимо от особенностей его происхождения, а также поощрявшая благотворительность по отношению к сиротам и другим нуждающимся категориям детей.

Таким образом, терпимое и сочувственное отношение к детям с особым статусом, присущее отечественной культурно-исторической традиции, повлияли на смягчение официального законодательства в начале XX века в России. В этот период складываются благоприятные социальные условия для перехода к более прогрессивным формам и методам правового регулирования семейных отношений и гуманизации отношения к детям. Вместе с тем, принятый под влиянием российской общественности закон «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» не уравнял в правовом статусе внебрачных детей с законнорожденными.

Литература

1. Баранов Д.А., Баранова О.Г. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

2. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов, 2004.

3. Безгин В.Б. Правовое положение внебрачных детей в русском селе конца XIX – начала XX века // Право и образование. 2010. № 8.

4. Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб., 2001.

5. Государственно-правовая политика по защите детства в России: исторические аспекты: монография / под общ. ред. П.А. Меркулова. Орел, 2015.

Bibliography

1. Baranov D.A., Baranova O.G. Men and women: Male and female in Russian traditional culture. Illustrated encyclopedia. St. Petersburg, 2005.

2. Bezgin V.B. Peasant everyday life (Traditions of the late XIX – early XX centuries). Tambov, 2004.

3. Bezgin V.B. The legal situation of illegitimate children in the Russian village of the late XIX – early XX centuries // Law and education. 2010. № 8.

4. Bulgakova L.A. Privileged poor: assistance to soldiers' families during the First World War // On the way to revolutionary upheavals. From the history of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: materials of the conference in memory of V.S. Dyakin. St. Petersburg, 2001.

5. State legal policy for the protection of childhood in Russia: historical aspects: monograph / under the general. ed. P.A. Merkulova. Orel, 2015.

6. Grudina A.D. State assistance to the families of the lower ranks of the Russian army

6. Грудина А.Д. Государственная помощь семьям нижних чинов российской армии в годы Первой мировой войны: дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2018.

7. Жиляева С.К. Становление и развитие органов борьбы с детской беспризорностью и преступностью в дореволюционной России: монография. Орел, 2009.

8. Кущеев С.Ю. «Амнистия» незаконнорожденности в Российской империи (к вопросу о роли закона от 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей») // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11.

9. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. Т. 1. СПб., 2015.

10. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. Т. 2. СПб., 2017.

11. Нижник Н.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России, IX–XX вв.: монография. СПб., 2006.

12. Селютина Е.Н. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 2-1.

13. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. / ред. С.М. Толстая, Т.А. Агапкина, О.В. Белова, Л.В. Виноградова, В.Я. Петрухин. М., 2002.

14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М., 2009.

15. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

during the First World War: dis. ... PhD in History. Bryansk, 2018.

7. Zhilyaeva S.K. Formation and development of bodies to combat child homelessness and crime in pre-revolutionary Russia: monograph. Orel, 2009.

8. Kushchev S.Yu. «Amnesty» of illegitimacy in the Russian Empire (on the role of the law of June 3, 1902 «On the approval of rules for improving the situation of illegitimate children») // Theory and practice of social development. 2012. № 11.

9. Mironov B.N. Russian Empire: from tradition to Art Nouveau. In three volumes. V. 1. St. Petersburg, 2015.

10. Mironov B.N. Russian Empire: from tradition to Art Nouveau. In three volumes. V. 2. St. Petersburg, 2017.

11. Nizhnik N.S. Legal regulation of marriage and family relations in the context of the evolution of the state legal system of Russia, IX–XX centuries: monograph. St. Petersburg, 2006.

12. Selyutina E. N. Legal status of a child as a legal category: concept, structure, special legal personality // Bulletin of state and municipal administration. 2014. № 2-1.

13. Slavic mythology. Encyclopedic dictionary. 2nd ed . / Ed. S.M. Tolstaya, T.A. Agapkina, O.V. Belova, L.V. Vinogradova, V.Ya. Petrukhin. Moscow, 2002.

14. Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes / under commonly. ed. N.I. Tolstoy. V. 4. Moscow, 2009.

15. Shatkovskaya T.V. Customary law of Russian peasants of the second half of the XIX – early XX centuries: historical and legal aspect: dis. ... Doctor of Law. Rostov-on-Don, 2009.

УДК 343.92
ББК 67.51

Кейдунова Елена Резовна
Keydunova Elena Rezovna

доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного Федерального университета кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of Department of Criminal Law and Criminology of the Southern Federal University, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: t2i8g1r2@yandex.ru

Мавренкова Елена Анатольевна
Mavrenkova Elena Anatolyevna

доцент кафедры административного права и уголовно правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат психологических наук.

Associate Professor of Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines of the Rostov State Transport University, PhD in Psychology.
E-mail: mea-1975@yandex.ru

ТРАНСГРЕССИВНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С СУИЦИДАЛЬНЫМ И САМОПОВРЕЖДАЮЩИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Transgressive subculture as a factor determining crimes related to suicidal and self-harming behavior

В статье рассматриваются философские, культурные, социальные, психологические и криминологические аспекты «трансгрессивной субкультуры». В результате анализа тенденций развития трансгрессивной культуры формулируется вывод о ее проникновении из сферы андеграунда в мейнстрим. Устанавливается взаимосвязь трансгрессивной субкультуры с агрессией и аутоагрессий, а также ее детерминирующее воздействие на преступления, связанные с суицидальным и самоповреждающим поведением. На основе анализа профилактического законодательства и практики его применения делается вывод о том, что в России противодействие распространению трансгрессивного контента в основном осуществляется в сети Интернет, виктимологическая профилактика нацелена на несовершеннолетних, а целью профилактики является предотвращение суицида, а не аутоагрессии вообще. В заключении формулируются конкретные предложения, направленные на совершенствование профилактики всех форм аутоагрессии и связанных с ней преступлений.

Ключевые слова: *трансгрессия, самоубийство, самоповреждения, преступления, детерминаты, профилактика.*

The article deals with the philosophical, cultural, social, psychological and criminological aspects of the «transgressive subculture». As a result of the analysis of trends in the development of transgressive culture, a conclusion is formulated about its penetration from the underground into the mainstream. The interrelation of the transgressive subculture with aggression and autoaggressions, as well as its determinative effect on crimes related to suicidal and self-harming behavior, is established. Based on the analysis of preventive legislation and the practice of its application, it is concluded that in Russia, countering the spread of transgressive content is mainly carried out on the Internet, victimological prevention is aimed at minors, and the purpose of prevention is to prevent suicide, and not autoaggression in general. In conclusion, specific proposals are formulated to improve the prevention of all forms of autoaggression and related crimes.

Keywords: *transgression, suicide, self-harm, crime, determinants, prevention.*

В отечественной криминологии детерминация преступного и социально-негативного девиантного поведения объясняется чаще всего с позиции «факторных комплексов» (экономических, политических, идеологических, социально-культурных, социально-психологических, организационных и др.). При этом детерминантам социально-культурного и социально-

психологического порядка уделяется особое внимание. Например, В.Н. Кудрявцев говорил о кризисе социальной культуры и нравственности, как о факторах, детерминирующих преступное и отклоняющееся поведение [1].

Суждения корифеев отечественной криминологии особенно справедливы применительно к детерминации суицидального и самоповреждающего поведения и преступных посягательств, связанных с ними. К числу последних следует отнести: доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ).

Ключевым моментом при анализе социально-культурных детерминант указанных разновидностей преступного и отклоняющегося поведения является осознание мультикультурности современного общества, предполагающей сосуществование официальной культуры с трансгрессивной субкультурой, обладающей гетеро- и ауто-агрессивной направленностью.

Философско-мировоззренческая основа для трансгрессивной субкультуры (в виде «структурализма», «постструктурализма», «деконструкции») начала формироваться в 70-е годы прошлого века на фоне послевоенного разочарования в человеке и человечности и поиска новых культурных ценностей. Термин «трансгрессия» (греч. Trans – сквозь, через; gress – движение), означающий «выход за пределы», «переход непроходимой границы между возможным и невозможным» [2], использовал в своих работах Жан Батай. Этот мыслитель охарактеризовал философскую, теологическую, литературную стратегии преодоления морально-нравственных норм и социальных запретов посредством опыта «абсолютной негативности» (экстаза, безумия, оргазма, смерти) [3]. С позиций философии суть трансгрессии заключается в следующем: 1) человек, в силу своей природной трансгрессивности имеет склонность как к изобретению различных табу, запретов, правил, так и к их нарушению; 2) трансгрессия осознается индивидом как исключительный, временный, греховный, кощунственный, преступный выход за рамки социальных норм; 3) акт трансгрессии разделяет социальный универсум на допустимое и недопустимое [4].

Философские идеи теории «трансгрессии» весьма специфически отразились в искусстве и литературе, для которых типичным стало стремление к отказу от общепринятых установок, повышенный интерес к безумию, гетеро- и аутонасилию [5]. «Трансгрессивное» кино изначально было представлено американским андеграундным «Cinema of Transgression» (Ник Зедд, Пол Моррисси, Джон Уотерс, Кеннет Ангер, Джим Джармуш и др.). На уровень кинофестивалей этот жанр вывел на рубеже XX1 века «новый французский экстрим» (режиссеры Франсуа Озон, Виржини Депант, Корали, Клер Дени, Гаспар Ноэ, Филипп Гранрийе Александр Ажа и др.). Во всех фильмах этого направления в той или иной мере демонстрируются насильственные и извращенные половые акты, натуралистически показываются действия насильственного и суицидального характера. Например, в фильме «В моей коже» (режиссер Марина де Ван, 2002 г.) главная героиня Эстер – случайно ранит себе ногу, после этого она начинает маниакально стремиться к самоистязанию и желает отведать вкус собственной плоти.

Постепенно трансгрессия стала трендом массового кино. Так, тема каннибализма и аутоканнибализма раскручивается в фильмах, «Молчание ягнят» Джонатана Демми, «Ганнибал» Ридли Скотта, «Каннибал из Ротенбурга» Мартина Вайза и др.; тема вампиров – в фильмах «Дракула» Френсиса Форда Коппола.; «Выживут только любовники» Джима Джармуша; «Интервью с вампиром» и «Византия. 2012» Нила Джорда; «Сумерки» Кетрин Хардвик и др.; тема самоубийства является основной в фильмах «Девственницы-самоубийцы» Софии Коппола, «Часы» Стивена Долдри, «Мрачное воскресенье» Р. Шюбеля, «Чат» Хидэо Наката, «Клуб самоубийц» Сиона Соно, а также в анимэ «Тетрадь смерти», «Серийные эксперименты Лейн», «Магазин суицидов» и др.

Трансгрессивная музыка в 70-е годы XX века была представлено американским андеграундным пост-панк-движением No Wave (группы Mars, DNA, Teenage Jesus & The Jerks и других). Дальнейшее развитие оно получило в направлениях: готик-рок, эмокор, блэк-метал, хэви-метал, дэт-метал, индастриал, нойз-панк-групп, грайндкор, хардкор, хип-хоп, гангста-рэп, вич-хаус и др. Некоторые представители этих музыкальных направлений

прославились своим аутоагрессивным и агрессивным поведением. Благодаря СМИ получили известность девиантный стиль поведения и самоубийства известных деятелей «эмокор» и «готик-рок» (Иэна Кертиса и Розз Уильямса). Печальную славу приобрел фронтмен блэк-метал группы «Shining» Никлас Оллсон (псевдоним Кварфорт, т.е. вампир), который пропагандируя суицид и селфхарм, на своих концертах тушил о собственное тело сигареты и наносил самопорезы. Исполнитель панк-рока Джи-Джи Аллин прославился тем, что во время выступлений наносил себе повреждения, испражнялся, покрывал себя собственными фекалиями. В июне 1993 года на ток-шоу Аллин заявил, что хотел бы стать серийным убийцей; признался, что не раз насиловал женщин и мужчин; предупредил, что в ближайшее время совершит суицид и заставит своих поклонников покончить с собой. Мерилин Мэнсон, американский музыкант, выступающий в стилях глэм-рок, хардкор, хэви-метал, панк-рок, создает композиции, содержащие призывы к насилию, в своих видеоклипах демонстрирует акты самоповреждения (разрезает бритвой лицо или руки). Среди российской молодежи популярны не только вышеперечисленные трансгрессивные музыкальные направления, но и отечественные (часто малоизвестные) авторы и исполнители. Клауд-репер Глеб Голубин (он же Pharaoh), репер Дима (он же Prvrln), постоянно говорят в своих текстах о депрессии и самоубийстве; хип-хопер Евгений Алехин (солист групп «Ночные грузчики», «Макулатура») поет об одиночестве, жизни и смерти; Кирилл Лермонт (псевдоним «Найти-выход») создал про-суицидальную композицию «О китах», строчки из которой разошлись как девизы и слоганы в сетевых «группах смерти».

Среди трансгрессивных художников конца 90-х годов XX века наиболее известен канадец Рик Гибсон, сделавший пару сережек из человеческих эмбрионов, китаец Чжу Юй, изобразивший себя канибаллом в перформансе. В XXI веке изыскания в сфере трансгрессивного искусства продолжили такие художники, как Марина Абрамович, Александра Валишевска, Никк Дропкик, Жоан Корнелья и др. В качестве примера публичного самоповреждающего боди-арта можно привести перфоманс Марины Абрамович, состоявшийся в 2005 г. в г. Москве, в ходе которого она вырезала бритвой на своем животе пятиконечную звезду, исхлестала себя кнутом, а затем легла на кусок льда в виде креста. По ее замыслу данный ритуал должен был искупить коммунистическое и ортодоксальное прошлое ее семьи [6].

К трансгрессивной литературе относятся произведения, герои которых злоупотребляют наркотиками, отклоняются в сексуальном поведении, совершают насильственные преступления, калечат себя и кончают жизнь самоубийством. Среди наиболее известных: романы «Дневник вора» Жана Жене, «На игле» Ирвина Уэлша, «Кровь и мужество в старшей школе» Кэти Акер, «Американский психопат» Брета Истона Эллиса, «Эротическая механика» Пьера Буржада, «Торговка детьми» Габриэль Витткоп, «Эдем» Пьера Гийота, «Бойцовский клуб» Чака Паланика, «50 дней до моего самоубийства» Стейса Крамера и др.

В настоящее время эстетика трансгрессии стала достоянием не только интеллектуалов-философов и эпатирующих публику художников, кинематографистов, литераторов, музыкантов, но и значительной части населения. Анализируя эти тенденции, культурологи отмечают, что в конце XX – начале XXI в. произошел поворот к некрофильской ментальности [7]. Историк Д. Хапаева указывает на возникновение культа смерти и такого явления, как танатопатия, под которым понимает патологическую тягу к потреблению образов смерти [8].

Негативные изменения в социальной психологии и социальном поведении выразились в том, что агрессия и аутоагрессия перестали быть табу в массовом сознании, а у некоторой части людей они превратились в практики социальной коммуникации и поведения. Трансгрессивная субкультура стала особенно привлекательна для несовершеннолетних и молодежи в связи с отсутствием моральных ограничений; наличием возможностей для самоутверждения путем причисления себя к «избранному» кругу, испытания себя в экстремальных, нестандартных условиях; противопоставления себя «несправедливому обществу», компенсации социальных неудач и возрастного одиночества [9].

Важно подчеркнуть, что распространению трансгрессивной субкультуры немало способствовали СМИ, активно обсуждающие внешний имидж и стиль поведения «звезд» и корифеев этого направления в искусстве. Внесла существенную лепту и индустрия развлечений, открывавшая клубы фанатов и производившая «трансгрессивную» атрибутику. Объясняется это законами медиа- и шоу-рынка: вложения в

этот бизнес относительно невелики и легко окупаемы в силу наличия у протестного искусства весьма широкой молодежной аудитории, которой свойственно бунтарство, стремление ниспровергать традиционные ценности и устои.

Не остался в стороне и рынок виртуальных игр, который активно продвигает сюжеты с темами суицида, селф-харма, насилия. Например, персонажи игры-программы Гача-лайф, предназначенной для детей от трех лет, которые имеют проблемы в семье, в школе, с друзьями, подвергаются буллингу, участвуют в драках, совершают убийства и самоубийства.

В настоящее время приверженцы трансгрессивной культуры могут удовлетворить любые, самые экстравагантные потребности. В специальных бутиках можно приобрести все необходимое для создания образа «вампира», «сатаниста», «гота», «эмо», «больного кавая», различных героев отаку (анимэ) и др.; с помощью услуг пластических хирургов можно модифицировать свое тело (имплантировать вампирские зубы, рога, хвосты, чешую и др.); можно участвовать в конференциях, фестивалях, посещать ночные клубы «трангсгрессивной» ориентации, играть в компьютерные игры трансгрессивного толка. Практически в любом магазине можно приобрести товары с символикой смерти (черепа, кости, гробы, мертвецы, зомби, вампиры, ведьмы и др.), которая активно продвигается модными дизайнерами.

Социальная опасность трансгрессивной субкультуры и психологии заключается в том, что они легитимизируют и воспроизводят деструктивные модели поведения в субкультурных группах («готов», «эмо», отаку анимэ и др.), выступают основной причиной стабильно высокого уровня гетеро- и аутоагрессии их членов.

О популярности трансгрессивной культуры свидетельствует обширный суицидально-депрессивный контент в Интернете. Многие подростки и лица молодого возраста ведут блоги, в которых рассказывают о своих проблемах и делятся суицидальными фантазиями; размещают на своих страницах в социальных сетях различные «пикчи», «сохры» с изображениями порезанных рук, проколотых иглами губ, языка, виселиц, мертвецов, видеосюжеты о насильственной смерти и суицидах, цитаты из текстов авторов трансгрессивных музыкальных групп. В Интернете существуют форумы, чаты, паблики с суицидальной направленностью («Палата №6», «Независимый суицид-форум» и др.), а также закрытые и частные интернет-сообщества, в которых участники открыто говорят на официально «запретные» темы, делятся суицидальным опытом, обсуждают способы самоубийств, договариваются о групповых суицидах.

Лица, нашедшие друг друга на «суицидальных интернет-тусовках» нередко переходят к общению в режиме офлайн. В частности, участники суицидального форума сошлись «по интересам» в Реабилитационном центре для лиц с суицидальными наклонностями, организованном отцом Григорием (в миру – Вадим Лурье). В итоге за два года там произошло два парных суицида и несколько одиночных [10]. Зафиксированы даже случаи каннибализма с согласия жертвы. Так, гражданин Германии Майвес разместил в Интернете объявление о том, что он приглашает добровольца стать его пищей. На это «приглашение» откликнулось более 400 человек. Майвес, избрав Брандеса, вступил с ним в половые отношения, затем отрезал ему пенис, зажарил, угостил потерпевшего. В итоге Брандес скончался, а Майвес был привлечен к уголовной ответственности [11].

Еще одной формой проявления трансгресивной субкультуры являются сетевые суицидальные игры подростков. К числу «квестовых групп смерти» в социальных сетях Интернета и в различных мессенджерах следует отнести действовавшие в 2016-2017 г. группы «разбуди меня в 4:20», «Ф57», #Няпока, #тихийдом, «Киты плывут вверх», «Космический кит», «Белый кит», «Китовой журнал», «Море китов», «Океан китов», «Летающий кит», игры «Фея огня», «Розовый пони» и др. После проведения целенаправленных профилактических и оперативно-розыскных мероприятий «квестовые группы смерти» переместились в Инстаграм, Телеграм, стали осваивать мини-социальные сети на различных игровых сайтах и в фан-группах.

Достаточно четко прослеживается зависимость между трансгрессивной субкультурой с ее идеей «перехода от возможного к невозможному», и такими молодежными движениями, как зацеперы, руферы, каверы, сталкеры. Интерес к этим экстремальным видам досуга подогревается многочисленными художественными фильмами о супер-героях, СМИ, и конечно же Интернетом. Результаты исследований свидетельствуют, что молодые люди, занимающиеся экстремальными видами досуга объединяются в виртуальные

сообщества и публикуют видеотчеты о своих подвигах в социальных сетях [12].

Для противодействия преступлениям, связанным с суицидальным и самоповреждающим поведением, учеными предлагаются различные средства. На наш взгляд, весьма эффективными могут оказаться меры, направленные на нейтрализацию действия такого детерминирующего фактора, как трансгрессивная субкультура.

Представляется, что для этого требуется проведение профилактической работы по двум основным направлениям. Во-первых, необходима пропаганда культуры с гуманистическими идеями, популяризация провитального искусства и жизнеутверждающей философии, вовлечение несовершеннолетних и молодежи в социально-позитивную деятельность. Для этого следует организовать многуровневое взаимодействие Министерства культуры Российской Федерации, определяющего приоритеты государственной политики в развитии отдельных видов профессионального искусства и народного творчества, культурной деятельности, музейного и библиотечного дела, образования и науки с другими министерствами и ведомствами (МПТР, Росмолодежь, Министерство просвещения), СМИ и другими субъектами, непосредственно распространяющими произведения искусства и культуры, а также субъектами образовательно-просветительской деятельности, осуществляющими работу по формированию принципов здорового образа жизни, предупреждению аддиктивного и суицидального поведения несовершеннолетних.

Во-вторых, требуется наладить эффективное противодействие распространению и массовому тиражированию деструктивного контента, пропагандирующего гетеро- и аутоагрессию субъектами художественной культуры, СМИ, пользователями Интернета и пресечение деятельности отдельных индивидуумов и групп лиц, совершающих противоправные деяния, причастные к аутоагрессии. К субъектам этой профилактической деятельности следует причислить Министерство культуры, Роскомнадзор, Роспотребнадзор, Росмолодежь, администрации российских социальных сетей, Прокуратуру, МВД РФ.

Отечественный законодатель, используя научные разработки, касающиеся профилактики аутоагрессивного поведения, а также соответствующий практический опыт, наработанный в ряде зарубежных стран, уже создал определенную программно-нормативную основу для предупреждения суицидального поведения несовершеннолетних. Среди документов программного характера прежде всего стоит отметить Распоряжение Правительства РФ от 18 сентября 2019 г. № 2098-р «Об утверждении комплекса мер до 2020 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних», в котором запланирован мониторинг Интернета на предмет выявления информации о способах суицида и призывами к его совершению и противодействие распространению трансгрессивного (просуицидального) контента в социальных сетях путем блокирования сайтов, форумов и т.п. [13]. Безусловным достижением является разработка на федеральном уровне типовой межведомственной программы по вопросам профилактики суицидального поведения у несовершеннолетних [14], на основе которой в субъектах Российской Федерации были составлены региональные антисуицидальные программы, определяющие круг субъектов профилактики аутоагрессивного поведения у несовершеннолетних, порядок их взаимодействия и перечень основных профилактических мероприятий.

Что касается нормативной базы профилактики, то она представлена как законами (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[15], Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [16] и др.), так и подзаконными нормативными актами (постановление Правительства Российской Федерации от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [17] и межведомственный приказ Роскомнадзора, МВД России, Роспотребнадзора и ФНС России от 18.05.2017 № 84/292/351/ММВ-7-2/461С [18]). Согласно предписаниям указанных нормативных актов Роспотребнадзор, используя нормативно определенные критерии, осуществляет экспертную оценку информации о способах суицида и призывов к его совершению и передает свои решения в Роскомнадзор для последующей технической блокировки запрещенной информации, а владельцев сайтов, включая социальные сети и видеохостинг, обязывают выявлять и блокировать запрещенный контент.

В целом блокировка суицидального контента в Интернете осуществляется достаточно активно. Так, по заявлению Роскомнадзора в 2019 году было заблокировано 800 интернет-страниц, упоминающих добровольный уход из жизни, на 2 марта 2021 г. в социальных сетях ограничен доступ к 451 просуицидальному материалу, 20 тыс. пабликов очистили от опасных разговоров [19]. По искам прокуратуры в 2021 г. районные суды г. Санкт-Петербурга приняли решения о запрете распространения 14-ти аниме-сериалов с целого ряда сайтов. Позитивно оценивая вышеуказанную работу, нельзя не отметить явную зауженность круга объектов профилактического воздействия: противодействие распространению деструктивного контента осуществляется в основном в сети Интернет, виктимологическая профилактика осуществляется преимущественно в отношении несовершеннолетних, целью профилактики является предотвращение суицида, а не аутоагрессии вообще.

На наш взгляд, этот пробел в профилактическом воздействии надлежит восполнить в ближайшее время, так как опасный контент, связанный с пропагандой и призывами к любой форме аутоагрессии, может тиражироваться не только посредством Интернета, но и через традиционные каналы распространения идей и произведений искусства (выставки и перфомансы, концерты и театральные постановки), оказывая виктимизирующее воздействие на лиц любого возраста. Поэтому необходимо создать программно-нормативную основу для осуществления мониторинга произведений искусства и культуры, распространяемых СМИ, издателями литературной продукции, организаторами театральных постановок, выставок изобразительного искусства, музыкальных концертов и кинофестивалей на предмет выявления и блокирования трансгрессивного (просуицидального и аутоагрессивного) контента, привлечения к ответственности лиц, виновных в пропаганде любой формы аутоагрессии и призывах к ней.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения. М., 1968.

2. Новейший философский словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1241.

3. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века // Сборник статей А. Бретона, Ж. П. Сартра, Г. Марселя, М. Бланшо, Р. Барта и др. СПб., 1994.

4. Каштанова С.М. Трансгрессия социальная и трансгрессия культурная // Санкт-Петербургский государственный университет. 2014. № 11(49), часть 2.

5. Ульянова Л.Н., Шуралев Р.И. Трансгрессивный опыт в эстетическом дискурсе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92).

6. Режут без ножа: 6 жестоких перфомансов художников-акционистов // sobaka, 20 окт., 2014. URL: https://www.sobaka.ru/entertainment/art/29103.

7. Полотовская И.Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир: историко-культурологическое развитие проблематики с древнейших времен до наших дней. СПб., 2010.

8. Хапаева Д. Готическое общество. Морфология кошмара. М., 2007.

Bibliography

1. Kudryavtsev V.N. Causality in criminology. On the structure of individual criminal behavior. Moscow, 1968.

2. The latest philosophical dictionary. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_ philosophy/1241.

3. Tanatoraja of Eros: Georges Bataille and French thought of the mid-twentieth century Collection of articles by A. Breton, J.P. Sartre, G. Marcel, M. Blanchot, R. Bart, etc. Saint Petersburg, 1994.

4. Kashtanova S.M. Transgression of social and cultural transgression // St. Petersburg state University. 2014. № 11(49), part 2.

5. Ulyanova L.N., Shuralev R.I. Transgressive experience in aesthetic discourse / / Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2019. № 6 (92).

6. They cut without a knife: 6 cruel performances of artists-actionists // sobaka, October 20, 2014. URL: https://www.sobaka.ru/entertainment/art/29103.

7. Polotovskaya I.L. Death and suicide: Russia and the world: historical and cultural development of problems from ancient times to the present day. Saint Petersburg, 2010.

8. Khapaeva D. Gothic Society. Morphology of a nightmare. Moscow, 2007.

9. Никитина И.Ф., Лядова А.С. Противодействие распространению и профилактика радикальной деструктивной идеологии в молодежной среде // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84).

10. Калитин А., Искандарян Р. Осторожно: сайты «взаимопомощи» для самоубийц. URL: https://k-istine.ru/suicide/suicide_kalitin.htm.

11. Германия повторно судит своего «людоеда». Иностранная пресса о России и не только. 12 января 2006. URL: https://www.inopressa.ru/article/12Jan2006/letemps/cannibale.html.

12. Гапич А.Э., Плисюк А.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению структуры молодежных интернет-сообществ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11.

13. Распоряжение Правительства РФ от 18 сентября 2019 г. № 2098-р «Об утверждении комплекса мер до 2020 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних». URL: www.garant.ru.

14. Методические рекомендации по разработке типовой межведомственной программы по вопросам профилактики суицидального поведения у несовершеннолетних. М., 2020 г. URL: https://docviewer.yandex.ru.

15. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета от 29 июля 2006 г. № 165.

16. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета от 31 декабря 2010 г. № 297.

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе “Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет”». URL: http://government.ru/docs/6725.

18. Межведомственный приказ Роскомнадзора, МВД России, Роспотребнадзора и ФНС России от 18.05.2017 № 84/292/351/ММВ-7-2/461С. СПС КонсультантПлюс.

19. Роскомнадзор ограничил доступ к 451 материалу по теме суицида в соцсетях // РИА Новости 22:27 02.03.2021. URL: https://ria.ru/lenta.

9. Nikitina I.F., Lyadova A.S. Counteraction to the spread and prevention of radical destructive ideology in the youth environment // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2019. № 3 (84).

10. Kalitin A., Iskandaryan R. Caution: «mutual aid» sites for suicides. URL: https://k-istine.ru/suicide/suicide_kalitin.htm.

11. Germany re-judges its «cannibal». Foreign press about Russia and not only. January 12, 2006. URL: https://www.inopressa.ru/article/12Jan2006/letemps/cannibale.html.

12. Gapich A.E., Plisyuk A.G. Theoretical and methodological approaches to the study of the structure of youth Internet communities // Theory and practice of social development. 2015. № 11.

13. Decree of the Government of the Russian Federation № 2098-r of September 18, 2019 «On approval of a set of measures until 2020 to improve the system of suicide prevention among minors». URL: www.garant.ru.

14. Methodological recommendations for the development of a standard interdepartmental program on the prevention of suicidal behavior in minors. Moscow, 2020. URL: https://docviewer.yandex.ru.

15. Federal law of July 27, 2006 № 149-FZ «On information, information technologies and information protection» // Russian newspaper dated July 29, 2006, № 165.

16. Federal law of December 29, 2010 № 436-FZ «On the protection of children from information harmful to their health and development» // Russian newspaper of December 31, 2010 № 297.

17. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1101 of 26.10.2012 «On the unified automated information system “Unified Register of domain names, site page indexes in the information and telecommunications network of the Internet”». URL: http://government.ru/docs/6725.

18. Interdepartmental Order of Roskomnadzor, the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rospotrebnadzor and the Federal Tax Service of Russia dated 18.05.2017 № 84/292/351/MMV-7-2/461C. LRS ConsultantPlus.

19. Roskomnadzor has restricted access to 451 materials on the topic of suicide in social networks // RIA Novosti 22:27 02.03.2021. URL: https://ria.ru/lenta.

УДК 351.745.7
ББК 67.629

Иванов Петр Иванович
Ivanov Peter Ivanovich

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Chief Research Officer, Department for Research of Branch Management Problems, the Research Expert Center of the Administration Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.
E-mail: ivanovpi1952@yandex.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ НАУКА О РОЗЫСКНОЙ И ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Operational-search science about the search and identification activities of internal affairs bodies

В настоящей научной статье автором в порядке постановки проблемы через призму предмета оперативно-розыскной науки высказаны идеи, связанные с пониманием сущности, содержания, места и роли розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел и их подразделений уголовного розыска в решении задач оперативно-розыскной деятельности, предусмотренных в федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Изучение и анализ многолетней практики показывает, что сама проблема не нова, но она значительно актуализировалась в связи с изменением самой среды, в которой, в частности, подразделения уголовного розыска осуществляют розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших лиц. Успешное решение этой задачи, на наш взгляд, немыслимо без предварительного научного ее осмысления в рамках оперативно-розыскной науки, присущими ей приемами и средствами.

***Ключевые слова**: оперативно-розыскная наука, розыскная и идентификационная деятельность, органы внутренних дел, подразделения уголовного розыска, розыск, отождествление личности.*

In this scientific article, the author, in order to pose the problem through the prism of the subject of operational-search science, expresses the ideas related to understanding the essence, content, place and role of the search and identification activities of internal affairs bodies and their criminal investigation units in solving the tasks of operational-search activities provided for in the federal law «On operational-search activities». The study and analysis of many years of practice show that the problem itself is not new, but it has become significantly more relevant due to the change in the environment in which, in particular, criminal investigation units search for persons hiding from the bodies of inquiry, investigation and court, evading criminal punishment, as well as the search for missing persons. A successful solution to this problem, in our opinion, is unthinkable without a preliminary scientific understanding of it within the framework of operational-search science, its inherent techniques and means.

***Keywords**: operational-search science, search and identification activities, internal affairs bodies, criminal investigation units, search, identification.*

Министерство внутренних дел Российской Федерации в своих директивных документах постоянно обращает внимание руководителей территориальных органов внутренних дел (далее – ОВД) на необходимость принятия действенных мер по обнаружению разыскиваемых лиц, установлению личности неизвестных граждан, а также предупреждению уклонения лиц от уголовной ответственности, отбывания наказания, розыску лиц, пропавших без вести. Для указанных органов розыскная работа является приоритетным направлением их деятельности. Ими розыскная работа рассматривается как «нормативно регулированная деятельность правоохранительных органов по обнаружению разыскиваемых лиц и принятию к ним мер, предусмотренных законодательством, установлению личности неизвестных, предупреждению уклонения лиц от уголовной ответственности, исполнения определенных

обязанностей, отбывания наказания, безвестного исчезновения»* [7, с. 308]. Приведенное определение розыскной работы, разумеется, не истина в последней инстанции. Оно постоянно уточняется и конкретизируется на фоне совершенствования нормативных правовых актов и складывающейся криминогенной ситуации. Мы данное определение привели в качестве отправной точки для последующего оперирования им по тексту настоящей научной статьи.

Изучение и анализ многолетней практики показывает, что одним из условий повышения эффективности розыскной работы является углубленная проработка данного вопроса в теоретико-прикладном плане в рамках оперативно-розыскной науки**.

Заметим, что оперативно-розыскная наука как специфическая область научных знаний развивается по своим закономерностям, которые самым непосредственным образом отражаются и на организации и осуществлении розыскной работы. Такое ее состояние тем самым носит не статический, а динамический характер, определяемый в первую очередь совокупностью внешних и внутренних факторов [3].

Суть затронутой в настоящей научной статье проблемы заключается в разрешении противоречия между потребностью теоретического осмысления в рамках оперативно-розыскной науки вопросов, связанных с розыскной и идентификационной деятельностью*** в целях единообразного понимания их сущности и содержания, места и роли в правоохранительной деятельности, и современным состоянием данных видов деятельности, с учетом которых разрабатываемых и принимаемых ОВД и их подразделениями уголовного розыска мер недостаточно.

Говоря о розыскной работе, со своей стороны считаем недопустимым не упомянуть основоположников разработки проблемы розыскной работы. Как известно, такая работа вначале проводилась в недрах криминалистики. Значительный вклад внесли ученые – криминалисты Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.П. Лавров, И.М. Лузгин, С.И. Потапов, И.Н. Якимов. Начиная с 60-х гг. XIX века данная проблема стала изучаться теорией оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Труды Д.В. Гребельского, А.Г. Лекаря, В.А. Лукашова, С.С. Овчинского, В.Г. Самойлова, Г.К. Синилова и других стали отправной точкой в исследовании****. Творческие их усилия позволили сформулировать понятие, сущность розыскной работы, определить ее содержание. Тем самым была положена основа для формирования в теории ОРД определенной системы знаний.

Нами в настоящей научной статье предпринята попытка рассмотреть роль оперативно-розыскной науки в разрешении вопросов, возникающих в процессе организации и осуществления розыскной работы. Безусловно, в отдельно взятой статье невозможно подробно осветить их, поскольку заявленная нами тема весьма обширная и многоплановая. Поэтому мы не ставили перед собой такую задачу. Остановились лишь на наиболее важных аспектах затронутой проблемы.

---

* Приоритетность розыскной деятельности вытекает, прежде всего, из самой оперативно-розыскной политики, выступающей составной частью уголовной политики.

** В 1970-е годы теория оперативно-розыскной деятельности стала развиваться как относительно самостоятельная наука, имея при этом свой предмет, метод и систему знаний. Несмотря на дискуссионность понятия «теория оперативно-розыскной деятельности», подавляющее большинство авторов считают, что «теория оперативно-розыскной деятельности» – это наука, исследующая закономерности механизма совершения преступлений и противодействия криминальной среде, возникновения информации о преступлении и его участниках, сбора, оценки и использования фактических данных о них, разрабатывающая правовые, организационные, методические и тактические основы эффективного применения оперативно-розыскных сил, средств и методов в борьбе с преступностью.

*** На сегодняшний день мы твердо не определились из-за ограниченности источников, в которых хотя бы фрагментарно затрагивался вопрос, касающийся идентификационной деятельности. Теория оперативно-розыскной деятельности как наука еще не «сказала свое последнее слово» в плане правомерности расширения понятийно-категориального аппарата путем включения в него названного вида деятельности. Учитывая это, мы по тексту настоящей статьи ведем речь о розыскной работе (розыскной деятельности).

**** Вопросы организации и тактики розыскной работы постоянно находились в поле зрения профессора В.М. Атмажитова. Многие сформулированные им положения легли в основу разработки ведомственных нормативных правовых актов МВД России.

При формулировании названия данной статьи мы исходили из заявленной темы Всероссийского научно-практического семинара, который состоялся в Академии управления МВД России 28 апреля 2021 года.

К сожалению, теория розыскной работы, выступающей неотъемлемой частью оперативно-розыскной науки*, как нам представляется, несколько отстает от реально сложившейся ситуации вокруг указанного вида деятельности. Практика намного опережает ее, выкарабкиваясь из множества вопросов, решение которых видится с помощью наработанных приемов и средств оперативно-розыскной науки. Сложилась так: практика «в одиночку» ищет пути оптимальной организации, действенные механизмы, соответствующие сегодняшним реалиям, которые во многом диктуют необходимость приведения в рабочее состояние так называемой системы «правоприменительная практика – теория розыскной работы»**.

Авторы учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности», рассматривая исходные теоретические положения ОРД, выделяют несколько разновидностей теорий, в том числе теорию розыскной работы. Однако они умалчивают об идентификационной деятельности как относительно самостоятельном виде***. Между тем, вопросы отождествления затрагиваются ими в рамках розыскной работы****. Существующая ныне точка зрения об относительной самостоятельности идентификационной деятельности ими не находит поддержку. Мы полагаем, что на сегодняшний день не подведены под нее убедительные доводы и аргументы, хотя такое суждение в виде гипотезы вполне может существовать и не более.

Трудно согласиться с мнениями отдельных исследователей [8], на наш взгляд, преждевременно высказывающих при первом приближении к теоретическим основам розыскной и идентификационной деятельности высокопарные категории (частная теория (система научных идей), учение (совокупность теоретических положений), доктрина (научная концепция)). Думается, что мы порой забываем, двигаясь к этой цели, подключить своеобразную для этого технологию.

Говоря об этом, невольно вспоминаешь слова А. Суворова: «теория без практики мертва, практика без теории слепа». Особенно последнее словосочетание «практика без теории слепа» уже дает о себе знать правоохранительной деятельности, для которой теория оперативно-розыскной деятельности, а теперь целая наука была и остается своеобразной «подушкой безопасности». Разработанные на ее научных наработках предложения и рекомендации, как показывает практика, существенно снижают затраты (издержки), связанные с организацией и осуществлением розыскной работы.

Уже сегодня, в несколько «обновленном» виде, звучат нами воспроизведенные слова А. Суворова: «нет ничего практичнее, чем хорошая теория».

Чтобы добиться этого, на наш взгляд, исследование рассматриваемой проблемы следует строить на системной основе, ибо только системный подход [1] к изучению розыскной работы позволяет иметь всестороннее представление о ней. В этом плане мы разделяем мнение И.А. Климова и Н.И. Сазоновой, утверждавших: 1) при исследовании и конкретизации любого объекта его необходимо рассматривать как определенную социальную систему, в то же время – как подсистему более высокого порядка; 2) всякая система состоит из определенных взаимосвязанных и взаимозависимых

* Мы разделяем позицию тех авторов, которые рассматривают оперативно-розыскную деятельность как науку.

** Для сведения: первая кандидатская диссертация по проблемам розыскной работы была защищена в 1963 г. профессором В.А. Лукашовым. Следует заметить, что он выступал против расширительного толкования понятия «розыск» и ограничился поиском только уже известных правоохранительным органам объектов, а именно: скрывшихся преступников, лиц, пропавших без вести, и иных категорий разыскиваемых. С тех пор формы и методы существенным образом претерпели изменения.

*** Проведенное нами изучение показало, что среди специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности по вопросу об идентификационной деятельности существует две точки зрения. Одни не признают как вид деятельности, другие утверждают, что следует говорить о процессе идентификации (отождествлении). В частности, профессор А.М. Кустов придерживается такого мнения.

**** Взаимопроникновение происходит путем проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как отождествление личности, суть которого заключается в непроцессуальной идентификации объекта (лица) по его мысленному образу в сознании опознающего. Иначе говоря, данное мероприятие предполагает применение криминалистических способов отождествления без уголовно-процессуальной фиксации.

элементов, образующих в совокупности ее структуру, наконец, 3) элементы системы определенным образом упорядочены, взаимодействуют между собой и вступают в определенные связи, отношения [5, с. 63].

Оперативно-розыскная наука как самостоятельная система знаний [4] среди юридических наук могла бы дать научно обоснованные ответы на следующие часто возникающие у специалистов в области ОРД вопросы:

– каковы исторические корни возникновения и дальнейшего развития розыскной работы в Российском государстве [6]. Мы исходим из следующего положения: не зная прошлое (историю зарождения), современное ее состояние, трудно определить перспективы развития розыскной работы (очертить на будущее его параметры);

– в каком виде на сегодня представлена розыскная работа в структуре названной науки (самостоятельное направление деятельности*, форма, вид деятельности, средство, инструмент, институт);

– в чем заключается ее суть и содержание. Структура содержания может быть представлена в виде следующих элементов: цель, задачи, функции, объекты, субъекты, факторы, приемы;

– какова система розыскной работы. В настоящее время, на наш взгляд, упорядочена ее система, которая в зависимости от территориальных границ розыска включает местный, федеральный, межгосударственный, международный. Оперативно-розыскная наука, считая неотъемлемой частью своего предмета исследования, может уточнять механизмы их осуществления;

– как соотносится розыскная работа с иными видами деятельности;

– каковы ее специфические особенности, чем они обусловлены;

– какие правоотношения, будучи объектом розыскной работы, возникают в процессе ее осуществления;

– какие информационные системы могли бы помочь в оптимизации розыскной работы, включая международный розыск по линии НЦБ Интерпола;

– как на сегодняшний день влияет на состояние розыскной работы современная цифровая технология. Под «цифровизацией» нами понимается процесс перехода с аналоговой формы передачи информации на цифровую. Иначе говоря, это средство получения желаемого результата. При этом ключевым является цифровая трансформация традиционных сил, средств, методов, форм ОРД и оперативно-розыскных мероприятий. Указанные сведения в конечном итоге будут представлены в цифровой форме;

– какие правовые, организационные и тактические меры предпринять, чтобы минимизировать негативное ее влияние на состояние розыскной работы;

– какую модель организации розыскной работы следует избрать в условиях цифровой трансформации;

– каковы перспективы и тенденции развития теории розыскной работы [2];

– какие закономерности на сегодня познаны и какие следует еще познать, чтобы с учетом их совершенствовать теорию розыскной работы;

– в чем основное разногласие среди специалистов в области теории ОРД, когда речь заходит об идентификационной деятельности;

– есть ли на сегодня идентификационная деятельность вообще. Если да, то какова ее структура и взаимосвязь с теорией розыскной работы;

– какова сущность и содержание организации розыскной работы;

– каковы элементы ее организации;

– какие принципы при организации являются основными;

– в чем разница между розыскной работой и ее организацией, каковы критерии их разграничения;

– каковы закономерности организации и осуществления розыскной работы в новых условиях;

– какие параметры должны быть взяты за основу при обобщении отечественного и зарубежного опыта.

Уже далеко не полный перечень вопросов, подлежащих разрешению, свидетельствует об актуальности дальнейшего углубленного их изучения. Перед исследователями стоит тем самым не простая задача.

Подытоживая сказанное, отметим, что про-

* В теории и практике оперативно-розыскной деятельности устоялась точка зрения, согласно которой розыскная работа является самостоятельным направлением деятельности оперативно-розыскного органа (оперативных подразделений полиции).

блема, связанная с теоретическим осмыслением в рамках оперативно-розыскной науки вопросов, охватываемых розыскной деятельностью, комплексная, и она носит преимущественно правовой и организационно-управленческий характер. В ее решении оперативно-розыскная наука играет главенствующую роль, поскольку она находится в русле предмета этой науки. Неудовлетворительное состояние на сегодня розыскной работы во многом коренится в отсутствии новых теоретико-прикладных наработок, обобщений накопленного отечественного и зарубежного опыта. Их востребованность практикой очевидна, поскольку она могла бы результаты научного осмысления положить в основу разработки предложений и рекомендаций, содержащих пошаговый алгоритм действий сотрудников подразделений уголовного розыска в организации и осуществления розыскной работы.

Литература

1. Афанасьев В.Т. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973. № 6.

2. Иванов П.И. Актуальные вопросы развития оперативно-розыскной науки на современном этапе // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 26 февраля 2021).

3. Иванов П.И. Некоторые вопросы оперативно-розыскной науки: методология и перспективы ее развития // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1 (57).

4. Иванов П.И. Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96).

5. Климов И.А., Сазонова Н.И. Основные системообразующие понятия теории оперативно-розыскной деятельности и их роль в ее формировании и конкретизации // Научный портал МВД России. 2008. № 1.

6. Лавров В.П., Иванов П.И. Из истории розыска в России // Вопросы истории. 2021. № 5 (2).

7. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. И.А. Климова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

8. Парфенов А.В. Теоретические проблемы совершенствования розыскной и идентификационной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57).

Bibliography

1. Afanasyev V.T. On the system approach in social cognition // Questions of philosophy. 1973. № 6.

2. Ivanov P.I. Topical issues of development of operational-investigative science at the present stage // Problems of the fight against crime and training for law enforcement: materials of the International scientific-practical conference (Minsk, 26 February 2021).

3. Ivanov P.I. Some issues investigative science: methodology and the prospects for its development // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. № 1 (57).

4. Ivanov P.I. The Federal law «On operational and investigative activities» is 25 years old // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (96).

5. Klimov I.A., Sazonova N.I. The main system-forming concepts of the theory of operational-search activity and their role in its formation and concretization // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 1.

6. Lavrov V.P., Ivanov P.I. From the history of the search in Russia // Questions of history. 2021. № 5 (2).

7. Operational-investigative activity: a textbook for university students studying in the direction of training «Jurisprudence» / ed. I.A. Klimova. 3rd ed., reprint, 2018.

8. Parfenov A.V. Theoretical problems of improving search and identification activities // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (57).

УДК 343.97
ББК 67.51

Пинкевич Татьяна Валентиновна
Pinkevich Tatiana Valentinovna

профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор.

Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.
E-mail: pinkevich@yandex.ru

Зубалова Оксана Александровна
Zubalova Oksana Alexandrovna

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: zubalova.ok@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Modern threats to the criminological security of Russia

В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с обеспечением криминологической безопасности в условиях цифровой трансформации. На примере анализа отдельных видов преступной деятельности (экстремизма и терроризма, финансирования терроризма, легализации (отмывания) преступных доходов, сексуального насилия над детьми), имеющей высокую степень общественной опасности и носящей транснациональный характер, авторы приходят к выводу о том, что их распространенность ставит под угрозу безопасность общества и государства.

Ключевые слова: *криминологическая безопасность, угрозы и риски, терроризм и экстремизм, легализация преступных доходов, финансирование терроризма, сексуальное насилие.*

The article discusses the problem issues related to ensuring criminological security in the context of digital transformation. Using the example of the analysis of particular types of criminal activity (extremism and terrorism, financing of terrorism, legalization (laundering) of criminal proceeds, sexual abuse of children), which has a high degree of social danger and is transnational in nature, the authors come to the conclusion that their prevalence endangers the society and the state.

Keywords: *criminological security, threats and risks, terrorism and extremism, legalization of criminal proceeds, financing of terrorism, sexual abuse.*

Активное развитие рынка цифровых технологий и их внедрение в систему государственного управления, безопасности, сферу социального обслуживания способствовало не только росту преступности, но и ее изменению. Вместе с цифровой трансформацией произошла трансформация экономической, организованной преступности, изменилась и преступность террористической направленности. Все чаще эти преступления стали совершаться с использованием информационно-цифровых технологий. За последние 5 лет их число возросло в 25 раз, что вызывает особую тревогу, особенно с учетом низкой их раскрываемости (25 %). В первом полугодии 2020 г. негативная тенденция лишь усилилась. Зафиксирован рост на 92 % (225 тыс.), чем в 2019 г. за аналогичный период [17], т. е. значительная часть преступлений совершается в виртуальной среде, что не позволяет своевременно предотвращать, пресекать такие преступления и выявлять лиц, причастных к их совершению.

Свидетельством этого является официальная статистика количества зарегистрированных преступлений в России, данные, полученные от организаций, осуществляющих кибербезопасность и мнение их экспертов [13]. По их данным в России выявляется только 10 %

преступлений, 90 % процентов совершенных преступлений следует рассматривать как латентные. Это еще раз подтверждает тот факт, что выявление, пресечение и раскрытие такого вида преступлений в настоящее время затруднено, поскольку развитие новой сферы требует подготовки организационно-управленческой правовой основы противодействия этому виду преступности, а ее дальнейшие тренды, к глубокому сожалению, плохо прогнозируются.

Первое, на что следует обратить внимание, это хакерские атаки, опасность которых сегодня не вызывает сомнений. Зачастую их объектами становятся правительственные учреждения и промышленные организации. И это неслучайно, поскольку преступные формирования сегодня стремятся владеть всей информацией о развитии новых технологий, их внедрении в промышленность, о подготовке и принятии новых законов и иных нормативных актах, а также получать информацию о деятельности правительства, знать направления его деятельности и по возможности лоббировать свои интересы.

По данным экспертов за последние годы чаще хакерским атакам подверглись критически важные инфраструктуры или автоматизированные системы управления технологическими процессами. Так, например, в начале 2020 г. компанией Group-IB зафиксирован фишинг шпионской программы путем отправки письма якобы от менеджера китайской компании GALAXY ELECTRONIC INDUSTRIAL для российских компаний, в том числе из сферы энергетики [15]. При открытии сертификата товара во вложении находился файл с вредоносным содержанием и шпионской программой.

Значительная часть таких атак осуществляется с целью хищения информации. В России в первой половине 2020 г. зафиксировано «более 200 профессиональных хакерских атак на российские компании, что вдвое больше, чем за весь 2019 г. При этом 30 атак совершили хакерские группировки наиболее высокого уровня» [16]. Содержание данных, интересующих преступников, разнообразно: личная переписка, персональные данные, сведения, составляющие банковскую или коммерческую тайну, и т. д.

Следующая группа преступлений, вызывающая тревогу и требующая особого внимания правоохранительных органов, это преступления экстремистской и террористической направленности. Террористы активно стали использовать цифровые технологии в преступных целях. Свидетельством тому являются данные доклада, подготовленного институтом Европейского Совета Новая Европа «Технологии и терроризм» в 2021 г. [9].

Использование новейших цифровых технологий повышает не только эффективность преступной деятельности террористов, позволяя обеспечить «анонимность», это также дает возможность им объединять широкий круг разобщенных пользователей информационно-цифровых сетей, находящихся в разных точках мира. Так, значительную роль в их деятельности играют социальные сети, группы в WhatsApp, в Telegram и др., которые не только дают возможность найти единомышленников, вести идеологическую пропаганду, но и активно вести сбор денежных средств. Более того, экстремистские и террористические организации активно используют в этих случаях и имеющиеся интернет-сайты [11].

Все чаще в составе террористических и экстремистских групп встречаются несовершеннолетние. По некоторым данным «до 80 % участников группировок экстремистской и террористической направленности составляют молодые люди в возрасте от 13 до 20 лет» [3]. Молодежь, как правило, попадает в такие группы путем их вербовки через различные сайты, социальные сети, сетевые группы по интересам. В большинстве случаев это подростки из неблагополучных семей, которые лишены родительского внимания, имеют проблемы в школе и т. д.

Все это свидетельствует о том, что пришло время технологического и цифрового экстремизма и терроризма, крайне опасного, поскольку использование цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий, искусственного интеллекта, робототехники и др. повышает эффективность, результативность и анонимность деятельности преступных организаций. Террористы и экстремисты принимают активное участие в торгах на фондовых биржах, вкладывают средства в недвижимость и различные отрасли экономики, получают средства от игры на фондовых рынках, инвестируют криптовалюты в онлайн-платформы. Все это позволяет им увеличивать

финансовые потоки и использовать их в преступных целях [11].

Но не стоит забывать и о традиционных способах финансирования террористической деятельности: организация каналов нелегальной миграции, сбыт фальшивых денег, незаконный оборот наркотиков и культурных ценностей, торговли людьми и пр. Широкое распространение в среде преступников получила криптовалюта, главным преимуществом которой является анонимность ее транзакций, и, как следствие, низкий уровень ее обнаружения, что создает благоприятные условия для ее использования в преступных целях.

Сегодня в преступной деятельности, связанной с финансированием терроризма, активно используются денежные мулы, их роль в этой сфере будет только увеличиваться. Это обусловлено результатами расследования, проведенного в последние годы при поддержке Европола, Евроюста (Eurojust) и других организаций, которое показало, что более 90 % операций, проведенных денежными мулами, связаны с цифровой преступностью, часть из которых направлена на финансирование терроризма. Эта операция привела к идентификации почти 700 денежных мулов по всей Европе. Полиция допросила 198 подозреваемых и произвела 81 арест. При поддержке более 70 банков властям удалось выявить более 900 жертв этих денежных мулов или преступников, с которыми они работают.

Это еще раз подтверждает, что деятельность экстремистских и террористических организаций, их финансирование носит транснациональный характер, а в условиях цифровой трансформации такая деятельность стала оказывать влияние на политическую и экономическую сферы.

Близкой по уровню криминологических угроз финансирования терроризма можно назвать и легализацию (отмывание) преступных доходов, которая в современном мире получила широкое распространение [1; 4; 5]. Опасность этого вида преступной деятельности, определяется тем, что она сопряжена с вовлечением в сферу легального оборота денежных средств и иного имущества большого количества преступных доходов, которые в дальнейшем будут свободно не только использоваться, но и способствовать извлечению прибыли, «одновременно позволяя преступникам развивать и совершенствовать криминальную деятельность, финансировать такие наиболее опасные виды этой деятельности как терроризм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, торговля людьми, поддерживать организованные преступные формирования» [14, с. 3] и др. Как правило, факты легализации (отмывания) преступных доходов выявляются в тех случаях, когда привлекают к уголовной ответственности за совершение так называемых предикатных преступлений (незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, преступления коррупционной направленности и др.).

Вывод денежных средств за рубеж, имеющих сомнительное происхождение, чаще всего используется для обеспечения функционирования теневой экономики («серый» импорт, уклонение от уплаты налоговых и таможенных платежей). Через эти схемы также осуществляется легализация (отмывание) преступных доходов, полученных от коррупции, мошенничества в кредитно-финансовой и бюджетной сферах. Выведенные в иностранные юрисдикции преступные доходы инвестируются в объекты жилой и коммерческой недвижимости, легальный бизнес, предметы роскоши, а также хранятся на депозитных и иных счетах в зарубежных банках. Для сокрытия конечных бенефициаров и финансовых активов используются иностранные юридические лица и образования, как правило, регистрируемые в юрисдикциях со льготным налогообложением. Проведенное исследование в рамках современного состояния легализации (отмывания) преступных доходов позволило прийти к выводу о том, что прогноз развития криминальной ситуации остается неблагоприятным.

Увеличилось количество распространения негативного контента в информационно-телекоммуникационной сети Интернет среди молодежи. Россия по числу самоубийств несовершеннолетних занимает первое место в Европе и третье место в мире. Известны сотни случаев, когда причины этих действий связанны с информационным пространством, в первую очередь речь идет о так называемых группах смерти в сети Интернет. Цель таких групп – вовлечение несовершеннолетних в виртуальные деструктивные сообщества, пробуждение интереса к «играм», сущность которых состоит в

изучение тематических материалов (литература, видео и т. д.), в выполнении заданий суицидальной направленности.

Согласно официальной статистике, около 15 % детей подвергаются сексуальному насилию или домогательствам [6]. С развитием цифровых технологий участились случаи так называемого киберзапугивания и, как следствие, сексуальной эксплуатации, т. к. преступникам становится легче совершать преступления, связанные с различными видами насилия над несовершеннолетними, поскольку развитие социальных сетей и мессенджеров позволяет распространять неблагоприятный контент. К сожалению, и в этой части мы имеем неблагоприятный прогноз – количество детей, подверженных сексуальному насилию, будет увеличиваться.

Не случайно этой социальной проблеме уделяется особое внимание как на международном, так и на региональном уровне. В докладе ООН «О положении дел в мире в сфере профилактики насилия в отношении детей за 2020 г.» [8] представлена тревожная динамика количества преступлений, совершаемых в отношении детей. Так, около одного миллиарда детей подвергаются насилию в той или иной форме. При этом по данным статистики за год в мире в среднем совершается более 40 000 убийств детей в возрасте от рождения до 17 лет.

В 2020 г. продолжается рост числа преступлений, связанных с сексуальным насилием над детьми, и рост распространения материалов, содержащих сцены сексуального насилия над подростками. Это стало основанием для принятия 26 июня 2020 г. Резолюции 2330 (2020) Парламентской ассамблеей Совета Европы «Решение проблемы сексуального насилия в отношении детей: активизация действий и сотрудничества в Европе» [10]. В ней обращено внимание на распространение сексуального насилия, жертвами которого все чаще становятся дети младшего возраста. По оценкам, в Европе, по меньшей мере, каждый пятый ребенок страдает от сексуального насилия. В этой связи Парламентская ассамблея Совета Европы призывает государства-членов Совета Европы рассмотренную проблему считать одним из своих политических приоритетов и использовать все имеющиеся ресурсы для активизации сотрудничества в противодействии сексуальному насилию над детьми.

Особое внимание этой проблеме уделяет в своей деятельности и Европол. По результатам проведенного мониторинга подготовлен доклад «Пользуясь изоляцией: преступники и жертвы сексуального насилия над детьми в Интернете во время пандемии COVID-19» авторы делают вывод о том, что в названный период наблюдалось рекордное число обращений на горячие линии за последние четыре года.

В России количество этих преступлений в среднем за три года увеличилось на 19,3 % [12]. При этом следует признать их высокую латентность, что обусловлено технической сложностью их выявления.

Вместе с тем совместное международное сотрудничество правоохранительных органов в ходе оперативно-розыскной деятельности, с учетом транснационального характера преступлений, связанных с сексуальным насилием над детьми, позволит улучшить качество пресечения, предупреждения и профилактики таких преступлений, а при их совершении – повышению уровня эффективного расследования уголовных дел. Примеры такого сотрудничества уже есть [2].

Краткая характеристика отдельных видов преступлений свидетельствует о том, что их распространенность, высокий уровень общественной опасности, организованность и коррумпированность снижает уровень защищенности граждан, ставит под угрозу общество и государство. Это свидетельствует о том, что прогноз развития криминальной ситуации остается неблагоприятным и требует особого внимания для совершенствования правоохранительной деятельности и обеспечения криминологической безопасности.

Литература

1. Алифанова Е.Н. Развитие методических подходов к управлению рисками финансовых институтов в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма. Финансы и кредит. 2014. № 6.

Bibliography

1. Alifanova E.N. Development of methodological approaches to risk management of financial institutions in the field of combating money laundering and terrorist financing. Finance and credit. 2014. № 6.

2. URL: https://www.svoboda.org/a/24198521.html.

3. URL: https://oxpaha.ru/national/zashhiti-svoih-detej-ot-ekstremizma-i-propagandy-terrorizma.

4. Журбин Р.В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. М., 2011.

5. Институты финансовой безопасности: монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, О.А. Акопян [и др.]. М., 2017.

6. URL: dorovye-lyudi.ru/kak-uberech-rebenka-ot-seksualnogo-nasiliya.

7. МВД: ущерб от киберпреступлений в России превысил 210 млрд рублей: URL: https://forklog.com.

8. URL: https://ru.unesco.org/news/novyy-doklad-oon-pokazyvaet-chto-strany-ne-mogut-zashchitit-detey-ot-nasiliya.

9. Овчинский В.С. Терроризм и технологии XXI века – это проблема сегодняшнего дня, а не будущего. URL: http:// zavtra.ru.

10. URL: https://council.gov.ru/activity/cross-work/dep/73.

11. Пинкевич Т.В., Зубалова О.А. Современное состояние экстремизма и терроризма в условиях развития цифровых технологий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94).

12. URL: https://crimestat.ru/.

13. Состояние преступности на территории Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 и тенденции ее развития до конца 2020 г. Аналитический материал: ВНИИ МВД России, 2020.

14. Тагирова В.А. Уголовная ответственность за отмывание доходов от преступной деятельности и его предупреждение в США и России: вопросы теории и законотворчества: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005.

15. URL: https://www.kaspersky.ru/blog/ginp-trojan-coronavirus-finder/27762.

16. URL: https://www.interfax.ru/russia/739380.

17. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1880616.

2.URL: https: //www.svoboda.org/a/24198521.html.

3. URL: https: //oxpaha.ru/national/zashhiti-svoih-detej-ot-ekstremizma-i-propagandy-terrorizma.

4. Zhurbin R.V. Combating money laundering: theoretical and practical aspects. Moscow, 2011.

5. Financial security institutions: monograph / I.I. Kucherov, N.A. Povetkina, O. A. Akopyan [and others]. Moscow, 2017.

6. URL: dorovye-lyudi.ru/kak-uberech-rebenka-ot-seksualnogo-nasiliya.

7. Ministry of Internal Affairs: damage from cybercrimes in Russia exceeded 210 billion rubles: URL: https://forklog.com.

8. URL: https://ru.unesco.org/news/novyy-doklad-oon-pokazyvaet-chto-strany-ne-mogut-zashchitit-detey-ot-nasiliya.

9. Ovchinsky V.S. Terrorism and technology of the 21st century is a problem of today, not of the future. URL: http: // zavtra.ru.

10. URL: https://council.gov.ru/activity/cross-work/dep/73.

11. Pinkevich T.V., Zubalova O.A. The current state of extremism and terrorism in the context of the development of digital technologies // Yurist-Pravoved. 2020. № 3 (94).

12. URL: https://crimestat.ru/.

13. The state of crime on the territory of the Russian Federation in the context of the COVID-19 pandemic and its development trends until the end of 2020. Analytical material: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

14. Tagirova V.A. Criminal liability for laundering the proceeds of crime and its prevention in the United States and Russia: theory and lawmaking issues: dis. ... Cand. jurid. sciences. Kazan, 2005.

15. URL: https://www.kaspersky.ru/blog/ginp-trojan-coronavirus-finder/27762.

16. URL: https://www.interfax.ru/russia/739380.

17. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1880616.

УДК 343.34 : 004
ББК 67.408

Брюхнов Александр Анатольевич
Bryukhnov Alexander Anatolyevich

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: lexandr@mail.ru

Марков Александр Иванович
Markov Alexander Ivanovich

доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Ростовского государственного экономического университета кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Forensic Examination and Criminalistics of the Rostov State University of Economics, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: alexandr.markov4@gmail.com

Петренко Анастасия Владимировна
Petrenko Anastasia Vladimirovna

экономист кредитного отдела ПАО КБ «Центр-Инвест»

economist of the Credit Department of PJSC CB «Center-Invest».
E-mail: u60040@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Characteristics of high-tech crime and its prevention

В статье анализируются наиболее часто реализуемые современные формы преступности в сфере высоких технологий, статистические показатели их распространенности. Представлены авторские предложения по совершенствованию подходов к реализации предупредительно-профилактического воздействия на преступность в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: *преступность в сфере высоких технологий, киберпреступность, статистические показатели, предупредительно-профилактическое воздействие.*

The article analyzes the most common modern forms of high-tech crime and statistical indicators of their prevalence. The authors make their proposals on improving the approaches to the implementation of preventive treatment on high-tech crime.

Keywords: *high-tech crime, cybercrime, statistical indicators, preventive treatment.*

В современном обществе большая часть взаимоотношений между людьми, которые раньше просто невозможно было себе представить без личного присутствия, теперь практически мгновенно становятся возможными при помощи одного лишь смартфона с выходом в глобальную информационную сеть интернет и доступом к сигналам мобильного оператора. И, естественно, практически повсеместно, денежные средства граждан становятся привязанными к техническим устройствам, которые они используют. Безусловно, все это делает нашу жизнь более комфортной и удобной, однако вместе с этим мы получили не только новые возможности, но и новые угрозы, которые еще 10 лет назад сложно было себе даже представить. При этом именно такие инструменты, которые многократно упростили каждому из нас жизнь, одновременно, упростили жизнь и тем, кто, используя свои профессиональные знания и навыки, активно применяет их в области нарушения закона.

Что касается преступности в сфере высоких технологий или как ее еще все больше любят сегодня называть как криминологи, так и журналисты – киберпреступности, то это ничто иное как побочный, но в какой-то степени и закономерный эффект компьютеризации (а теперь еще и цифровизации) весьма значимой части жизни современного общества.

В настоящее время информационные технологии содержат в своем арсенале средства для кражи и обмана, которые могут быть направлены как на рядовых граждан, так и на крупные фирмы. Преступления, совершаемые в цифровом пространстве, именуются как киберпреступления. Киберпреступность – это незаконная преступная деятельность лиц, направленная на завладение частной конфиденциальной информацией с помощью электронных устройств разного типа, через Интернет, Wi-fi и Bluetooth.

Важно учитывать, что ежегодно число исследуемых нами преступлений растет, и это уже сегодня представляет существенную угрозу для материального состояния не только рядовых граждан любого государства, но и для банковской сферы и других корпораций.

Причиной тому являются способы совершения киберпреступлений, поскольку профессионализм хакеров повышается с каждым днем. В большинстве случаев программисты не успевают совершенствовать свои системы безопасности, вследствие чего находится брешь в системе и происходит утечка данных. В настоящее время Россия входит в число трех стран, которые являются лидерами в сфере киберпреступности.

Все это неизбежно привело к тому, что за последнее десятилетие на фоне общего количественного роста и качественного изменения преступности в нашей стране, был совершен скачок показателей преступности, так или иначе связанный с использованием информационных технологий, тех или иных систем и средств связи и в целом в сферы высоких технологий.

Исследуя показатели статистики органов внутренних дел, мы можем увидеть, что за 2017 год в нашей стране преступлений в сфере высоких технологий были совершено свыше 90,5 тысяч, уже в 2018 году их количество составило более 174,5 тысяч. Если рассматривать данные за 2019 год, ты можем увидеть, что их количество достигло отметки свыше 290 тысяч.

Обращая внимание на подобные показатели по итогам прошедшего 2020 года, мы можем увидеть, что представленный показатель уже превышает отметку в 510 тысяч, что явно указывает на значительный рост совершения подобных нарушений уголовного законодательства.

Более детальный анализ статпоказателей свидетельствует о том, что за 2020 год из 510 396 совершенных преступлений в сфере высоких технологий в России, нераскрытыми остались 37 980. Число выявленных лиц, совершивших указанные преступные деяния составило 65 665.

Данные показатели по Южному федеральному округу выглядят также не утешительными, поскольку по оценке руководства Главного управления МВД по Ростовской области, наш регион занимает одно из лидирующих позиций в стране по уровню совершения исследуемого нами вида преступной активности. Что касается цифровых показателей, то за 2020 год в ЮФО было зарегистрировано 50 677 киберпреступлений, не раскрытыми из которых остались 40 262. Лиц, которые совершили указанные нарушения закона было выявлено 5 982.

Подобные данные по Ростовской области свидетельствуют, что в нашем регионе было зарегистрировано по итогам 2020 года 13 703 указанных преступления, при этом не раскрытыми остались 10 795. Лиц, совершивших данные преступные действия, было выявлено 1 830.

Если рассматривать данную динамику в процентом отношении, что она будет представлена увеличение количества совершенных преступлений в сфере высоких технологий почти на 74 %.

Обращая внимание на значительное увеличения числа исследуемых нами преступных проявлений, мы также можем увидеть, что в общей массе зарегистрированных преступных деяний в 2019 году их удельных вес составлял около 14,5 %, тогда как по итогам прошедшего 2020 года это показатель увеличился уже до 25 %. [1].

В современных реалиях практически ни одно преступление, каким благам человеческого общества оно ни наносило бы вред,

не совершается без использования тех или иных высоких технологий. Так, например, сложно представить себе преступление против общественной безопасности и общественного порядка, преступление в сфере экономики или против государственной власти, совершенное без использования мобильных средств связи или компьютера с доступом к Интернету. В то же время степень активности использования вышеуказанных средств связи варьируется от преступления к преступлению.

Отмечая актуальность проводимого нами исследования преступных проявлений в сфере высоких технологий, следует учитывать, что за период с 2013 г. по сегодняшний день число совершенных киберпреступлений возросло примерно в 80 раз. При этом используются самые передовые технологии, что и является причиной низкой раскрываемости таких преступлений – всего около 15 %.

Если попытаться обобщить все приведенные примеры используемых способов совершения преступлений с использованием высоких технологий, то обращает на себя внимание тот факт, что в основе подавляющего большинства из них лежит невнимательность потерпевших и принятие поспешных решений, а также отсутствие навыков критической оценки поступившей информации.

Еще одной причиной широкого распространения таких преступлений является именно небольшие суммы похищаемых средств, что с одной стороны не дает возможности возбудить уголовное дело ввиду малозначительности ущерба, а с другой – люди чаще склонны оставлять такой факт без должного внимания, сокрушаясь лишь о том, что не проявили должной бдительности.

По мнению современных криминологов, «великое снижение преступности не затронуло две сферы: кражи мобильных телефонов и так называемые e-crimes – киберпреступления, связанные с компьютерами и компьютерными сетями» [2, с. 80].

Современное общество сталкивается со все новыми вызовами, одним из таковых является «Четвертая промышленная революция», изменившая весь спектр технологических направлений, включая: расширение использования искусственного интеллекта и машинного обучения; применение беспилотного транспорта; блокчейн и технологии распространенного реестра; управление данными; цифровая торговля; дроны и аэронавигация будущего; интернет вещей, робототехника и умный город; персонифицированная медицина и ряд других [3, с. 25].

В современном мире сферы использования искусственного интеллекта продолжают расширяться. В 2020 году искусственный интеллект может сдать ЕГЭ по русскому языку на 99 баллов; совершить кражу, убедив сотрудника банка, с помощью имитации голоса, осуществить перевод 240 тыс. долларов на указанный внешний счет; шопинг (amazon); нарисовать картину, которую в последующем продали за 500 тыс. долларов. Оборотной стороной данного «блага цивилизации» являются, в том числе, рост лиц с интернет зависимостью и количество совершаемых интернет-мошенничеств.

Но совершенно очевидно, что негативной стороной развития искусственного интеллекта являются вирусные программы, которые используются преимущественно для создания технических затруднений и сбоев в деятельности конкурентов либо для тайного сбора информации, предоставляющей какие-либо преимущества ее обладателям.

Особой разновидностью вирусов можно считать программы-вымогатели, либо программы-шифровальщики, которые перекодируют пользовательскую информацию.

Самыми известными программами-шифровалыциками стали компьютерные вирусы «Petya» и «WannaCry», которые в 2017 г. поразили наибольшее количество электронных устройств за всю историю интернета.

Начиная с 2018 г. и по настоящее время, активность подобных вирусов значительно снизилась.

Следующей по распространенности киберугрозой реализуемой в рамках развития преступности в сфере высоких технологий является несанкционированная утечка данных через информационные телекоммуникационные системы.

Взлом системы может сопровождать также и таким преступным действием как фишинг. Фишинг – это один из видов интернет мошенничества, когда при помощи хакерских манипуляций злоумышленник получает доступ к конфиденциальной информации [4]. Наибольшую ценность для преступников представляют

данные о счетах, информация о платежных системах, логины и пароли к ним.

В настоящее время активно развивается IT-сфера, в связи с этим актуальное значение приобретает криптовалюта.

Исследуя современные особенности преступности в сфере высоких технологий также отметим, что на современном этапе формирования и реализации уголовной политики в теории и в практике возникают вопросы о принадлежности криптовалюты к каким-либо правоотношениям. В связи с этим возникают правовые проблемы в реализации уголовно-правового механизма защиты граждан и государственного строя, от преступных посягательств, связанных с жизнью, здоровьем личности, общественной безопасностью, государственной целостностью и суверенитетом страны [5, с. 17].

Криминогенный интерес к криптовалюте обусловлен отсутствием контроля по их обороту со стороны правоохранительных, судебных и налоговых органов, ввиду чего надзор за операциями практически невозможен. Это обусловлено тем, что передача криптовалюты необратима, так как заблокировать или отменить транзакцию без приватного ключа посторонним лицам не представляется возможным.

28 января 2018 года Министерство финансов РФ внес в Государственную Думу РФ проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», который увидел свет уже в конце июля 2020 года [6]. Кроме того, не так давно был принят Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ, который внес понятие цифровых прав в ГК РФ. Из этого следует, что уполномоченные органы, представляющие интересы государства, решили выступить с законодательной инициативой для определения понятия и правовой природы криптовалюты в системе финансово-экономических отношений.

Однако существует проблема его практической реализации, в связи с противоречивостью с иными нормативными правовыми актами РФ. Например, данная проблема выражается в несоответствии положений федерального закона требованиям Центрального Банка РФ в области обмена криптовалют на национальную и иностранную валюту.

В связи с этим, в правоприменительной практике возникают вопросы при определении правового статуса криптовалют в системе национального законодательства, что прослеживается в судебной практике.

Более того, анализируя особенности распространения на современном мировом и в том числе отечественном пространстве преступности в сфере высоких технологий, важно уделять пристальное внимание уголовно-правовым проблемам, связанным с транзакциями криптовалюты в телекоммуникационной сети интернет.

Центральной из них является проблема легальной неразрешенности вопроса о месте криптовалюты в системе юридических практик. При юридической оценке общественно опасных деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, у правоприменителей часто возникают проблемы при квалификации преступлений с использованием электронных денежных единиц, которая заключается в сложности их определения по отношению к признакам составов преступлений.

Проблемы возникают не только в теории уголовного права, при юридической оценке общественно опасных деяний, но и в процессуальной деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование. Одна из них выражается в затруднении определения правоприменителем факта наличия криптовалюты у того или иного лица.

Таким образом, любое лицо может втайне от следствия держать биткоин- кошелек и пользоваться им в противоправных целях [7, с. 62].

Однако операции с криптовалютами не остаются полностью анонимными. По входящему и исходящему трафику возможно определить подозрительные ip- адреса, через которые могут осуществляться транзакции с участием виртуальной валютной системы. Но, к сожалению, данный метод на практике применяется редко, ввиду высоких затрат материальных ресурсов.

Таким образом, негативные обременения, наложенные на криптовалюту в связи с нарушением законодательства РФ, со стороны органов предварительного расследования, не всегда удается применить, ввиду отсутствия контроля и надзора за их транзакциями.

Резюмируя выше изложенное, мы вполне уверенно можем говорить о том, что нахождение виртуальной валютной системы вне правового поля вызывает колоссальный интерес

в криминальной среде. По нашему мнению, для устранения правового пробела правоохранительным органам необходимо начать сотрудничество с корпорациями, разрабатывающими Биткойн кошельки для получения базы данных покупателей, чтобы появилась возможность идентифицировать лицо, использующего электронную валютную систему в преступных целях.

Все вышесказанное дает нам возможность говорить о необходимости развития системы предупреждения киберпреступлений, причем если для банковской сферы и больших корпораций разрабатываются и каждодневно обновляются технические средства защиты информации, то для обычных граждан ситуация выглядит несколько иначе, поскольку развитием цифровой грамотности государство начинает озадачиваться только сейчас, и достаточно локально.

В связи с эти к мерам специального предупреждения преступности в сфере высоких технологий, по нашему мнению следует отнести: использование различных систем безопасности, начиная от паролей, заканчивая программным и техническим обеспечением, при хранении конфиденциальной или личной информации на материальном носителе; уменьшение числа лиц и органов, управомоченных в соответствии с законодательством РФ на ознакомление с тайной переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений граждан.

Что касается предупредительно-профилактического воздействия в области угроз, таящихся во всемирной паутине, то к специальным мерам предупреждения можно отнести следующие: хранение денежных средств в надежных кредитных организациях, гарантирующих безопасность информационных систем; систематическое обновление систем безопасности в информационных системах людей и различных организаций, располагающими электронными денежными ресурсами; отсутствие в информационных системах нелицензионного программного обеспечения, облегчающего доступ злоумышленника к личным данным; надежная защита информационных систем от различных спам-сообщений; антивирусная защита программного обеспечения ЭВМ, отвечающего требованиям современных угроз; увеличение в органах внутренних дел специалистов способных выявлять и расследовать преступления, связанными с мошенничеством в данной сфере, что особенно актуально на сегодняшний день, так как процент раскрываемости подобных противоправных деяний оставляет желать лучшего; бдительное отношение к различного рода мошенническим схемам, а именно не переходить на различные сомнительные веб-ссылки; не делать покупки в непроверенных Интернет-магазинах, а также в тех сервисах, где возможна только предоплата; при получении сообщений с просьбой о переводе денежных средств, быть предельно осторожным; при получении сообщения с просьбой поделиться банковскими реквизитами, в независимости от адресата, звонить прямиком в банк и уточнять информацию, а также ни в коем случае не показывать другим лицам свои банковские данные; не передавать другим лицам паспорта и иные личные данные.

Помимо вышеуказанных, к мерам специального предупреждения можно отнести: использование в компьютерных системах антивирусного программного обеспечения и иных различных программ, позволяющих обеспечивать систему безопасности; предусмотренный программным обеспечением компьютера брандмауэр; антивирусные программы; безопасность на уровне программ; сетевая безопасность.

При этом видится важным предусмотреть: создание резервной копии на случай вынужденного форматирования всех данных компьютера при обстоятельствах вирусного заражения; постоянное обновление программного обеспечения компьютера; использование надежного Интернет-провайдера, принимающего меры по контролю доступа в веб-пространство своего клиента; работу над повышением навыков персонала по обеспечению компьютерной безопасности; введение в организациях мер ответственности за нарушение персоналом политики компьютерной безопасности.

Также подчеркнем, что в рамках реализации специального предупреждения преступности в сфере высоких технологий крайне важна безопасная эксплуатация компьютерных систем, которая подразумевает: ограничение доступа в компьютерную систему для широкого круга пользователей; умение выбирать интернет-сервисы и вообще пользоваться

веб-пространством; осторожность при работе с социальными сетями и электронной почтой; осторожность при работе с переносными носителями информации; не загружать через дисковод компьютера подозрительные программы.

Учитывая уровень развития современных технологий, мы уверено можем констатировать, что искоренить киберпреступность на сегодняшний день невозможно, но снизить ее уровень вполне реально за счет осуществляемой предупредительно-профилактической работы. Само же предупреждение преступности в сфере высоких технологий должно представлять из себя совокупность действий должностных лиц, государственных органов, направленных на устранение факторов совершения преступлений и обстоятельств, способствующих совершению подобного рода преступных деяний, на выяснение специфических виктимогенных факторов, а также на прогнозирование и планирование мер, направленных на противодействие совершения исследуемых нами преступлений.

Литература

1. Официальный сайт МВД России. Раздел «Статистические данные». URL: https://мвд.рф/item/15685330?year=2019&month=2&d.

2. Тетерятников Н.Ю. «Виртуализация» преступности: киберугрозы современности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики / Материалы XXIII международной научно-практической конференции. В 2-х частях. г. Красноярск, 2–3 апреля 2020. Красноярск, 2020.

3. Николаева О.В. Эпидемия XXI века: телевидение, Интернет и компьютерные игры. Ростов н/Д, 2018.

4. Степанов О.А. Перспективы совершенствования права в условиях нарастания кибертеррористической угрозы // Представительная власть – XXI век. 2018. № 4.

5. Андрощук А.В. Вопросы реализации уголовной политики при совершении преступлений с использованием цифровых финансовых активов. М., 2020.

6. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. СПС КонсультантПлюс.

7. Варакина Е.Ю. Понятие «криптовалюта» и перспективы ее использования в национальной платежной системе Российской Федерации // Банковское право. 2018. № 5.

Bibliography

1. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Section «Statistical data». URL: https://мвд.рф/item/15685330?year=2019&month=2&d.

2. Teteryatnikov N. Yu. «Virtualization» of crime: cyber threats of modernity // actual problems of combating crime: questions of theory and practice / Materials of the XXIII International scientific and practical conference. In 2 parts. Krasnoyarsk, 2-3 April 2020. Krasnoyarsk, 2020.

3. Nikolaeva O.V. The epidemic of the XXI century: television, the Internet and computer games. Rostov-on-Don, 2018.

4. Stepanov O.A. prospects for improving the law in the face of escalating threats cyberterrorists // Representative power – XXI century. 2018. № 4.

5. Androshchuk A.V. implementation Issues of criminal policy in the Commission of crimes using digital financial assets. Moscow, 2020.

6. Federal law «On digital financial assets digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» dated 31.07.2020 № 259-FZ. LRS ConsultantPlus.

7. Varakina E.Yu. The concept of «cryptocurrency» and the prospects of its use in the national payment system of the Russian Federation // Banking law. 2018. № 5.

УДК 343.97 : 343.85 : 343.352
ББК 67.408

Григорян Давид Кромвелович
Grigoryan David Kromvelovich

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат политических наук.

Senior Lecturer, Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Politics.
E-mail: davo-davo23@mail.ru

Ищенко Дмитрий Петрович
Ishchenko Dmitry Petrovich

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Criminal Procedure, the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD in Law.
E-mail: idp161@yandex.ru

Ищенко Галина Константиновна
Ishchenko Galina Konstantinovna

доцент кафедры «Уголовное право и криминалистика» Донского государственного технического университета кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Criminal Law and Forensic Science, the Don State Technical University, PhD in Law.
E-mail: ishchenko.galia@yandex.ru

РЕВЕРС ПРОЦЕССА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Reversing the anti-corruption process

В данной статье авторами поднимается проблема реверса процесса борьбы с коррупцией, обратная – противоправная сторона. Авторами рассматривается проблема такого преступного действия, как провокация взятки. Анализируется качественный рост преступлений данной категории на фоне активизации борьбы с коррупцией. В рамках исследования анализируются статистические данные, рассматриваются примеры привлечения к уголовной ответственности, приводятся необходимые теоретические понятия и определения нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: *коррупция, государство, борьба с коррупцией, взятка, провокация, ответственность за коррупционные преступления.*

In this article the authors raise the issue of reversing the anti-corruption process, the reverse, i.e. illegal side. The authors consider the problem of such criminal acts as provocation of bribery. The article analyzes the qualitative growth of crimes of this category in contrast to the intensification of combating corruption. The study analyzes statistical data, examines the examples of criminal prosecution, provides the necessary theoretical conceptions and definitions of the legal framework.

Keywords: *corruption, state, combating corruption, bribery, provocation, responsibility for corruption crimes.*

Коррупция – реальная угроза безопасности страны, которая наносит обществу огромный вред, посягает на основы государственной власти, снижает эффективность деятельности государственных и муниципальных органов и подрывает их авторитет, разрушает демократические институты и ценности, деформирует понятия о справедливости и общественном долге, наносит ущерб правопорядку и устойчивому развитию экономики государства.

Коррупция деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц.

Уровень борьбы с преступлениями коррупционной направленности на территории

Российской Федерации в последние годы вопрос, это интенсивная и результативная работа правоохранительных органов. Почему мы пришли к такому выводу? Из-за резонансных уголовных дел, которые потрясли общественность. Стоит вспомнить дело полковника МВД России Дмитрия Захарченко, так же дело бывшего руководителя ФСИН Александра Реймера и многие другие.

Коррупция – термин обширный, чтобы не возникло двоякости, мы будем оперировать понятием, которое четко установлено действующим законодательством о противодействии коррупции [1].

Большинство экспертов, в данной проблематике, сошлись во мнении, что коррупция – явление негативное. Выделяются следующие причины: замедляется инновационное развитие страны, стремительно снижается количество инвестиций, как следствие тормозится экономический рост государства. Иными словами, коррупция подобна катализатору ряда неблагоприятных явлений и процессов в жизни общества.

Бороться со всеми проявлениями коррупции, без системного подхода к решению данной проблемы, невозможно. Учитывая этот факт, глава нашего государства, в лице президента, каждые два года утверждает комплексный документ, программу по своевременному предупреждению и борьбе с этим явлением. На сегодняшний день – это национальный план противодействия коррупции, утверждённый в 2018 году [2]. Необходимо отметить, что это фактически программа системного характера по борьбе с коррупцией и профилактике ее профилактики.

Государством принимаются активные меры в данном направлении. В рамках реализации Послания Президента, в прошлом году приняты соответствующие изменения в законодательство, для повышения качества и оперативности следственной работы, повышения качества подготовки кадров следственных органов и соблюдения прав граждан. В тоже время, неоспоримо, что несмотря на принимаемые законодательные меры дальнейшее совершенствование нормативной базы необходимо.

Проанализировав некоторые разделы плана противодействия коррупции, приходим к выводу, что не в полной мере учитываются особенности реальной правоприменительной практике коррупционного поведения, так же не приняты во внимание возможные риски каждой отдельной отрасли.

Возможно, ли пресечь коррупцию на корню? Скорее всего, нет, пока существует потребность, незаконная деятельность будет реализовываться. Но однозначно, чтобы минимизировать ее последствия необходимо прилагать титанические усилия, как со стороны государственных органов, так и со стороны представителей общества.

Анализируя упомянутый рост коррупционных преступлений, необходимо отметить, что более половины преступлений коррупционной направленности – взятка. Со слов председателя Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, представителя палаты в СК – Виктора Бондарева, в 2020 году число коррупционных преступлений в России увеличилось на 4 %, подразделениями Следственного комитета России возбужденно более 16 000 уголовных дел по коррупционной направленности, что больше на 4 % прошлого 2019 года, привлечено к ответственности 80 тысяч обвиняемых, направлено в суд более 73 000 уголовных дел различной степени тяжести [3].

Согласно официальных данных Министерства внутренних дел в 2020 году в сравнении с 2019 годом зарегистрировано преступлений против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления – 14 773, количество увеличилось на 5,9 %, в том числе совершенных в крупном или особо крупном размерах, либо причинивших крупный ущерб – 2 648, рост составил – 15,5 %. Из них, связанных со взяточничеством, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ – 9 274, положительная динамика составила 9,6 %, в крупном или особо крупном размерах – 2 486, количество выросло на 18,3 % [4].

Говоря о криминологической характеристике таких преступлений, в первую очередь необходимо отметить, что коррупционные проявления трудно выявлять, документировать и расследовать. Отчасти, потому что в данной категории преступлений нет жертвы и, как правило, нет свидетелей. Тем не менее, каждый год по факту получения взятки расследуется порядка 6 000 преступлений данной категории, уголовные дела по ним направляются в суд, обвиняемым назначают наказание.

При совершении насильственного или имущественного преступления, такого как

хищение (кражи, грабежи или разбои) все открыто и явно – жертвой, потерпевшим выступает лицо, которое в основном точно осознает, что ему причинен вред или ущерб. Правоохранители узнают о факте совершения преступления, когда потерпевший, либо очевидцы обращаются с заявлением.

Но существуют и другие виды преступности – коррупционные, где все участники получают «выгоду» и где конкретная жертва, потерпевший отсутствует. В уголовных делах о взятке всегда две стороны – взяткодатель (коррупттер) и взяткополучатель (коррупционер). В данном контексте важную роль играет тот факт, что законом предусмотрена уголовная ответственность для обоих сторон, что соответственно удерживает взяткодателя от обращения в правоохранительные органы. Если обмен денег на услугу проходит, как было задумано, то никто в данной ситуации себя здесь жертвой, потерпевшим, соответственно ни одна из сторон не будет обращаться с заявлением и обе стороны «сделки» заинтересованы в сокрытии преступления. Даже не изменило ситуацию предусмотренная законодательством возможность освобождения от уголовной ответственности взяткодателя при обращении в правоохранительные органы. В коррупционных преступлениях жертвой выступает в первую очередь интересы государственной власти, ее авторитет, а также общество, интересы неограниченного круга лиц, неотъемлемые права на равенство всех перед законом, справедливость, которые страдают от последствий этих преступлений.

Говоря о личности коррупционера, необходимо учитывать и должностную зависимость взяткодателя от взяткополучателя, а также опасения и боязнь обращения в правоохранительные органы из-за возможности дальнейшего преследования и мести. Кроме того, личность преступника-коррупционера можно характеризовать, как интеллектуально развитого, профессионально подготовленного, опытного, знающего закон и способы его безнаказанно нарушить, имеющего коррупционные связи с вышестоящим руководством и осторожного преступника. Коррупционерами придумано огромное количество способов сокрытия своей преступной деятельности, а также завуалированных способов совершения сопутствующих должностных преступлений. Именно по этим и другим не очевидным причинам коррупция, как наиболее агрессивная форма должностных преступлений, относится к числу наиболее латентных преступлений [5].

Выбранное руководством государства направление борьбы с коррупцией определило повышенные (возможно даже завышенные) цели и задачи по активизации работы органов исполнительной власти, в том числе всего правоохранительного блока. В данном контексте оценка эффективности борьбы с преступностью на основе формирования и учета количественных показателей, которые должны расти из года в год, не могло не детерминировать рост должностных преступлений недобросовестных правоохранителей при формировании показателей работы. Даже появилось такое определение, как «палочная система».

Чем больше оценка работы привязана к количественным показателям, тем меньше эти индикаторы пригодны для оценки, потому что сотрудники со временем придумывают, как их можно обходить или фальсифицировать. Но необходимо отметить, что «палочная система» – это проблема силовых служб по всему миру. Кажется, что государственным органам в принципе невозможно оценивать работу правоохранителей как-то иначе.

Система постоянно критикуется, в том числе самими полицейскими, не говоря о представителях общества. Палочная система подрывает доверие к власти. К полиции положительно относятся всего 57 % граждан России, а количество тех, кто категорически не доверяет нашей полиции, в 1,5 раза больше тех, кто полностью доверяет [6].

Выявление и раскрытие коррупционного преступления – результат инициативной работы правоохранительных органов, в том числе как результат проведения оперативно – розыскных мероприятий. В большинстве случаев инициативное проведение оперативных мероприятий наиболее действенный, а иногда единственный способ при всех преступлениях без потерпевшего, включая коррупционные.

В столь непростой обстановке высоких требований государства к правоохранителям по борьбе с коррупционным проявлениям и неготовностью общества активно способствовать проводимым мероприятиям, в частности активно обращаться с заявлением в правоохранительные органы о коррупционных

требованиях должностных лиц имеют место провокационные действия со стороны правоохранителей и простых граждан. Данное явление можно характеризовать как «реверс» процесса борьбы с коррупцией. Обратной стороной мы выделили действия со стороны правоохранителей органов, которые могут нести провокационный характер.

Под провокацией принято понимать побуждение человека к деятельности, своего рода вызов, а у оперативных подразделений исполнительных органов власти это эффективный и распространённый способ проведения розыскных мероприятий по документированию и задержанию, за совершение незаконных, коррупционных действий.

Какое объяснение можно дать данному подходу? Рискнём предположить, обратившись к статистическим данным, что процент раскрываемости преступлений, связанных с взяточничеством, критически мал, потому как участники этих преступлений не заинтересованы в массовом афишировании своих преступных связей.

Нет необходимости повторяться, что при проведении данных инициативных оперативных мероприятий в ряде случаев применяется провокация. Почти все преступления без потерпевших (жертв) во всех странах, не только в России, выявляются, раскрываются подобным образом – инициативно, в том числе через провокацию.

Анализируя имеющиеся примеры выявленных фактов провокации, можем сказать, что так могут поступить с врачами, преподавателями, в том числе с высшими должностными – проводят оперативные мероприятия, полицией документируется передача вознаграждения. Если передача денежного вознаграждения осуществлена, то сотрудниками правоохранительных органов регистрируется рапорт по факту выявленного преступления, где указывается коррупционер – соответственно никого искать не надо, выявлено и преступление и преступник.

В качестве примера, приведем приговор Воронежского областного суда, который признал виновными бывших оперативников Алексея Дикунова и Алексея Дубачева. По версии следствия, они уговорили своего знакомого предложить главе инспекции ФНС установить в офисе службы кулеры для воды. Та согласилась, и якобы в знак благодарности мужчина передал ей коробку конфет, внутри которой лежали 3 тысячи рублей. Дикунов и Дубачев задержали чиновницу, но в ходе следствия установлено, что оперативники подделали документы, санкционирующие проведение ОРМ. Дело о взятке было прекращено, а оперативники получили по 2,5 года условно [7].

Самое громкое и известное уголовное дело о провокациях было возбуждено против главы Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД Дениса Сугробова. Обвиняемыми по нему проходили более десяти подчиненных высокопоставленного полицейского и их агентов, потерпевшими от действий группы признали 30 человек. Уголовное дело Сугробова было засекречено.

Механику работы антикоррупционного подразделения МВД Следственный комитет описывал так: «Должностному лицу под надуманным предлогом без его согласия могли положить на стол денежные средства и задокументировать это как его же незаконные действия. В дальнейшем эти материалы являлись основанием для уголовного преследования». Денис Сугробов в апреле 2017 года был приговорен к 22 годам колонии. После ареста Сугробова несколько дел, возбужденных ГУЭБиПК, оказались прекращены в связи с отсутствием состава преступления: следователи признали, что взятки провоцировали сами силовики [8].

Впрочем, в редких случаях установления факта провокация взятки становится поводом не только к прекращению уголовного дела, но и к возбуждению нового – в отношении того, кто ее инициировал.

По данным Судебного департамента, в 2016 году по 304-й статье в России осудили двух человек. Эта редко применяемая статья в первой редакции появилась еще российского УК от 1996 года, но приговор по ней был впервые вынесен только в 2011 году.

Анализируя актуальные статистические данные Министерства внутренних дел приходим к сомнительным выводам, так в 2020 году количество выявленных преступлений по ст. 304 УК РФ не зарегистрировано, в 2019 году зарегистрировано одно преступление в Ульяновской области и одно «лицо» в Краснодарском Крае по ранее выявленному преступлению прошлых лет. Данные цифры в сравнении ежегодно выявляемых 8-9 тысяч преступлений,

связанных со взяточничеством, против одного факта провокации взятки или коммерческого подкупа, могут свидетельствовать о том, что с таким негативным явлением как провокация покончено, либо об ужасающем уровне латентности данных преступлений [9].

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не двусмысленно запрещает оперативникам «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий».

Сфокусируем внимание, на том факте, если выдвинутые требования закона будут соблюдены и будет подтвержден умысел у лица, сформировавшийся самостоятельно, не беря во внимание деятельность сотрудников, осуществляющих мероприятие, то его результаты могут использоваться обвинителем в доказывании по конкретному уголовному делу. Иными словами, факт провокации исключается, если лицо, то есть объект, в отношении которого запланировано проведение специального мероприятия был готов сам совершить противоправное деяние и без дополнительного вмешательства правоохранителей. Помимо прочего, во время инструктажа оперативники должны объяснять участнику «эксперимента», что тот не может выступать инициатором взятки; коррупционное предложение должно исходить от того, кого подозревают силовики, собирается получить деньги.

Теперь о принципиальных правилах проведения оперативно-розыскных мероприятий:

– во-первых, запрещено создавать обстоятельства, условия, при которых у объекта мероприятия отсутствует возможность выбрать модель поведения;

– во-вторых, если у лица отсутствует умысел на совершение противоправного деяния, нельзя его побуждать к ним.

– недопустимо включать иное лицо в преступление с конечной целью его дальнейшего разоблачения.

Обязательно инициатором дачи – получения незаконного денежного (иного) вознаграждения дожжен быть не лицо, участвующее в эксперименте, а само проверяемое лицо по своей инициативе. Фактически «потенциальный коррупционер» ставится в условия, когда он должен поступить по закону в соответствии со своими должностными обязанностями – отказаться от совершения преступления, либо совершить коррупционное преступление.

По закону госслужащие обязаны сообщать, если их склоняют к коррупции. В такой ситуации должностное лицо при первой возможности должно обратиться устно или письменно заявить в правоохранительные органы [9]. К тебе пришли, предложили, а ты не сообщил вышестоящему руководителю, значит, ты уже внутренне готов к ситуации - таким образом можно объяснить психологические нюансы восприятия провокации как самими силовиками и судьями, так и обществом в целом.

Провокация же – это когда лицо находится в безвыходных условиях и вынуждено дать, получить взятку, либо формируются обстоятельства, которые свидетельствуют о факте получения незаконного денежного вознаграждения. Например, чиновнику без его согласия могли положить на стол, оставить в кабинете, в автомобиле денежные средства и задокументировать как его же незаконные действия, в последующем эти материалы использовать как основание для уголовного преследования.

Если подобное произошло, надо понимать, что состава преступления не будет, отсутствует субъективная и объективная стороны. Первая, потому что умысел у объекта образовался под давлением, прессингом сотрудников. Вторая, в данном случае опасно именно должностное лицо, а не объект мероприятия.

Определение провокационных действий расплывчато и не конкретизировано, его разъяснение впервые было дано в 2006 году в обзоре судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [10]. В пункте 14 говорится, что если в материалах возбужденного уголовного дела содержатся материалы, полученные из результатов оперативно-розыскных мероприятий, неоспоримые доказательства, то судам для признания законности проведения такого рода мероприятий необходимо сопоставить следующие факты.

Кроме того, Постановление пленума гласит, что если чиновник соглашается принять деньги в результате подстрекательства, а в ряде случаев без вмешательства силовиков взятки бы не было, то в действиях госслужащего нет состава преступления. Соответственно необходимо разделять «провокацию» от правомерно проводимых оперативных мероприятий.

Обозначим важный нюанс, органы правоохранительной власти, могут реализовывать оперативные мероприятия по раскрытию, предупреждению, пресечению преступлений, только в том случае если существуют достоверные сведения об участии подозреваемого в подготовке либо совершении незаконного деяния. Для этого Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», а именно статья 2 определяет задачи, для решения которых позволительно прибегнуть к данному мероприятию, кроме того, в том же самом акте в статьях 7 и 8 перечислены основания и условия, которые должны быть соблюдены [11].

С тех пор как Верховный Суд РФ дал вышеуказанные разъяснения, сформировалась довольно обширная судебная практика, свидетельствующая о том, что суды неоднозначно оценивали доводы защиты об отсутствии события, либо состава преступления, предусмотренного положениями ст. 290 УК РФ, и о наличии фактов провокации взятки.

Данные случаи не могли быть оставлены без внимания, поэтому Верховному Суду РФ пришлось внести корректировки и конкретизировать запрет провокационных действий со стороны правоохранительных органов. Эта идея была зафиксирована в обобщении судебной практики по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в 2013 году. В 32 статье говорится, что ответственность за провокацию взятки наступает только тогда, когда попытка передачи была в целях искусственного составления доказательств совершения преступления, шантажа. И должностное лицо заведомо для виновного не совершало действий, свидетельствующие о его согласии принять взятку, отказалось их принять. Поэтому в 33 статье было дано разъяснение, зафиксировано отсутствие события преступления, потому как провокация взятки была осуществлена не по желанию сотрудника либо без его ведома и уголовной ответственности он подлежать не будет [12].

Итак, дача взятки в условиях провокации преступления не образует уголовную ответственность взяткодателя. Состав преступления по статье 304 УК (провокация взятки), согласно постановлению пленума ВС, формируется, если чиновник получил взятку, не согласившись на нее.

Но и в таких случаях уголовные дела, связанные со взяточничеством, прекращают нечасто. В ряде случаев, как в уголовном деле против Сугробова, оперативные подразделения сами решают, в каком объеме выдавать следствию собранные ими материалы. Ни у защиты, ни органов следствия, представителей обвинения и суда может не оказаться записей всех переговоров взяткодателя и взяткополучателя, что делает невозможным доказать факты провокации.

Для исключения фактов провокации необходимо:

– тщательно проверять законность и основания проведения оперативного мероприятия;

– проверять, есть ли постановление руководителя органа.

– проверять порядок оформления результатов мероприятия и соблюдение процессуального порядка;

– в каждом конкретном случае стоит тщательнее разбираться в деталях дела, чтобы уголовное преследование по отношению к лицу было законным.

В заключении скажем, что интенсивная борьба с коррупционными проявлениями – это однозначно положительная и необходимая тенденция.

Приведенное нами исследование свидетельствует о необходимости:

– выработки новых мер противодействия коррупции, в данном направлении делать упор не только на правоохранительную деятельность по привлечению виновных к ответственности;

– пересмотреть систему и критерии оценки эффективности работы правоохранительных органов;

– минимизации коррупционных рисков в деятельности государственных органов;

– активное вовлечение общества в противодействие коррупции;

– проведение профилактической работы среди чиновничьего аппарата;

– уделять внимание иным проявлениям коррупции, например, коммерческому подкупу в коммерческих и общественных организациях.

Победить коррупцию только правоохранительными методами невозможно, поэтому необходимо активное участие общества. Гражданам нашей страны необходимо понимать, что сообщения о фактах коррупции – это личный вклад каждого в успешное функционирование общества и государства.

Литература

1. Федеральный закон от 25.12.2008 г. от № 273 «О противодействии коррупции». СПС Консультант Плюс.

2. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». СПС КонсультантПлюс.

3. Число коррупционных дел в России в 2020 году выросло на 4 %. URL: https://www.pnp.ru/politics/chislo-korrupcionnykh-del-v-rossii-v-2020-godu-vyroslo-na-4.html.

4. Состояние преступности в России за период январь–декабрь 2020 г.: статистические данные ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184.

5. Ищенко Д.П., Григорян Д.К., Карпов А.Ю. Наказание за коррупцию должно быть неотвратимо // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России: сборник материалы Всероссийского Круглого стола. 2021.

6. Палочная система подрывает доверие к власти. URL: https://udm-info.ru/article/general/07-04-2020/palochnaya-sistema-podryvaet-doverie-k-vlasti.

7. Вынесен первый в России приговор за провокацию взятки. URL: https://rg.ru/2011/10/26/reg-cfo/provokaciya.html.

8. Дело о провокации взятки сотрудниками МВД. URL: https://tass.ru/delo-o-provokacii-vzyatki-sotrudnikami-mvd.

9. Федеральный закон от 25.12.2008 г. от № 273 «О противодействии коррупции». СПС КонсультантПлюс.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15.06.2006 г. № 14. СПС КонсультантПлюс.

11. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в редакции от 30.12.2020 г.). СПС КонсультантПлюс.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 г. № 24. СПС КонсультантПлюс.

Bibliography

1. Federal Law № 273 of 25.12.2008 «On Combating Corruption». LRS ConsultantPlus.

2. Decree of the President of the Russian Federation № 378 of June 29, 2018 «On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020». LRS ConsultantPlus.

3. The number of corruption cases in Russia in 2020 increased by 4 %. URL: https://www.pnp.ru/politics/chislo-korrupcionnykh-del-v-rossii-v-2020-godu-vyroslo-na-4.html.

4. The state of crime in Russia for the period January-December 2020: Statistical data of the FKU GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184.

5. Ishchenko D. P., Grigoryan D. K., Karpov A.Yu. Punishment for corruption should be inevitable // Actual problems of combating corruption in modern Russia. In the collection of Materials of the All-Russian Round Table. 2021.

6. The stick system undermines trust in the authorities. URL: https://udm-info.ru/article/general/07-04-2020/palochnaya-sistema-podryvaet-doverie-k-vlasti.

7. The first sentence in Russia for provocation of a bribe was passed. URL: https://rg.ru/2011/10/26/reg-cfo/provokaciya.html.

8. The case of provocation of a bribe by employees of the Ministry of Internal Affairs. URL: https://tass.ru/delo-o-provokacii-vzyatki-sotrudnikami-mvd.

9. The Federal law of 25.12.2008. № 273 «On combating corruption». LRS ConsultantPlus.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances» of 15.06.2006 № 14. LRS ConsultantPlus.

11. Federal Law «On Operational and investigative activities» of 12.08.1995 № 144-FZ (as amended on 30.12.2020). LRS ConsultantPlus.

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» dated 09.07.2013 № 24. LRS ConsultantPlus.

УДК 343.34 : 004
ББК 67.408

Карпика Анатолий Григорьевич
Karpika Anatoly Grigoryevich

доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского юридического института МВД России кандидат технических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Informational Supply of the Law Enforcement Bodies, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Engineering, Associate Professor.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Topical issues of improving legal and technical support for countering crimes committed with the use of artificial intelligence technologies

В статье проанализированы возможности использования технологий искусственного интеллекта при подготовке и совершении преступлений. Предложены меры, направленные на совершенствование правового и технического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел по противодействию преступлениям с использованием указанных технологий.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, машинное обучение, дипфейк, правовое обеспечение, техническое обеспечение, правоохранительная деятельность.*

The article analyzes the possibilities of using artificial intelligence technologies during the preparation and commission of crimes. The authors propose measures aimed at improving the legal and technical support for the activities of law enforcement officers to combat crimes committed with the use of these technologies.

Keywords*: artificial intelligence, machine learning, deepfake, legal groundwork, technical support, law enforcement activities.*

Возможности технологий, основанных на искусственном интеллекте (ИИ) и машинном обучении (МО) в последние годы резко возросли, при этом доступность программного обеспечения, не требующего специальных знаний по его применению, значительно расширили область его применения от решения полезных задач до использования в преступных целях.

Среди наиболее заметных областей применения технологии искусственного интеллекта выделяются следующие: персональные помощники; биометрическая идентификация; поиск маршрутов; языковый перевод; управление производственными процессами.

По мере расширения возможностей и развертывания технологий искусственного интеллекта растут и риски их криминального использования как в области «чистых» информационных технологий, например в сфере кибербезопасности, так и в областях, использующих информационные технологии в качестве вспомогательного инструмента, повышающего их эффективность. Одни угрозы возникают, как продолжение «традиционной» преступной деятельности новыми средствами, другие же являются новыми, не имеющими аналогов ранее.

Начиная с 2010 года научным сообществом предпринимаются попытки выявить и классифицировать потенциальные угрозы, исходящие от преступных действий, совершаемых с помощью технологий искусственного интеллекта и машинного обучения.

Искусственный интеллект. Искусственный интеллект – общий термин, охватывающий широкий спектр усилий по компьютерному воспроизведению сложных человеческих способностей, таких как использование языка, видение и автономные действия. Большинство попыток искусственного интеллекта являются дискретными и решают конкретные, четко определенные задачи.

Термин «общий искусственный интеллект» используется для обозначения единой

интегрированной системы, способной решать множество различных задач одновременно, в том числе тех, с которыми она никогда раньше не сталкивалась. Несмотря на широкое использование данного термина в массовой культуре (литература, кинематограф), в настоящее время ее полноценное использование остается в перспективе, несмотря на наличие конкретных приложений, позволяющих машинам «видеть» и «общаться» с человеком на естественном языке.

Машинное обучение – множество технологий ИИ, методы которого основаны на обнаружении закономерностей в данных («снизу вверх»), а не на явном указании того, как выполнять задачу («сверху вниз»). Иными словами, имеющиеся в распоряжении данные позволяют «открыть» методы их обработки, а не наоборот. Методы машинного обучения, в первую очередь, являются статистическими и требуют больших вычислительных ресурсов и больших объемов данных. Поскольку критерии принятия решений изучаются, а не разрабатываются целенаправленно, их часто бывает трудно понять, особенно когда модели являются сложными. Это привело к критике систем машинного обучения как непрозрачных «черных ящиков», а также к активным исследованиям, чтобы сделать их интерпретируемыми и объяснимыми [1].

Различают контролируемое и неконтролируемое машинное обучение. При контролируемом МО системе во время обучения явно сообщаются правильные ответы (так называемые «ярлыки»). Например, классификатору изображений могут быть предоставлены фотографии животных с этикетками, указывающими их наименование, с целью научить систему их различать.

При неконтролируемом обучении системе явно не сообщают правильные ответы, а ищут с ее помощью потенциально представляющие интерес шаблоны, неявные связи различных данных, или объединения данных в имеющихся немаркированных наборах данных.

Учитывая все это, можно сделать вывод о том, что потенциал использования технологий ИИ достаточно велик, в том числе и в качестве инструмента для совершения преступлений либо непосредственно, либо опосредовано для обеспечения совершения преступных действий.

Проведенный анализ публикаций в зарубежных источниках [2–4] позволил выявить ряд направлений использования ИИ в преступных целях:

1. Прогнозирование поведения людей (бизнес процессов организаций) с целью обнаружения и использования неявных, или скрываемых уязвимостей.

2. Создание поддельного (фейкового) контента для использования в целях шантажа или подрыва деловой репутации.

3. Совершение действий, которые преступники лично не могут или не хотят совершать сами по причинам опасности, личных физических данных, скорости реакции.

4. Уклонение от раскрытия, или преследования за уже совершенные преступления.

5. Хищение «цифровой» личности жертвы с целью получения доступа к ее личным активам.

Степень достижения успеха злоумышленников в указанных либо других направлениях может значительно возрасти в результате двух факторов: использования технологий ИИ и того, насколько жертва преступления интегрирована в вычислительную среду.

Анализ результатов исследования, опубликованных в журнале Crime Science [5] позволил определить наиболее вероятные способы использования ИИ преступным сообществом в течение следующих 15 лет.

Их полная классификация в зависимости от вреда, который они могут причинить, потенциальной преступной выгоды или выгоды, того, насколько легко их будет выполнить и насколько сложно будет их пресечь может стать темой отдельного научного исследования. Приведем предварительные результаты проведенного анализа.

Во-первых, в виду высокой социальной опасности, целесообразно обратить внимание на использованием ИИ в беспилотных аппаратах (летательных, либо перемещающихся по земле, или воде), которые могут использоваться в террористических целях и быть оснащены системами наблюдения, вооружением, либо взрывчатыми веществами.

Во-вторых следует выделить производство «поддельного контента», который потенциально сложно быстро обнаружить и нейтрализовать. Спектр использования достаточно широк – от дискредитации конкретной личности

(организации) до хищения денежных средств путем выдачи себя за другую личность, например во время онлайн видео общения.

В последнем случае помимо несомненного ущерба интересам конкретной личности (организации) ожидаемо присутствует и косвенный ущерб, связанный с неизбежным формированием недоверия общества к аудио и визуальным свидетельствам, в том числе тем, которые потенциально могут быть использованы в качестве вещественных доказательств.

В-третьих – группа преступлений, связанных с продвижением и распространением товаров и услуг, якобы содержащих технологии ИИ. При этом, наибольшую опасность представляет их внедрение в системы безопасности, финансовые инструменты, системы управления технологическими процессами, мобильными средствами транспортировки и передвижения.

Проанализируем более подробно технологию создания убедительного искусственного контента основанную на ИИ, получившую название «deepfake» («дипфейк»).

Ее опасность вследствие преступного использования заключается в том, что люди в силу своей природы склонны верить в первую очередь собственным органам чувств, вследствие чего аудио и видео свидетельства традиционно представляются нам наиболее убедительными (в том числе при проведении расследования и судебном разбирательстве).

Сравнительно недавние разработки в области машинного обучения, в частности с использованием генеративной состязательной сети (GAN), значительно расширили возможности для создания поддельного контента. В настоящее время достигнуто убедительное олицетворение целей по фиксированному сценарию, и ожидается, что за этим последуют интерактивные олицетворения, позволяющие поддерживать диалог с использованием поддельной личности.

Генеративная состязательная сеть машинного обучения состоит из двух различных систем машинного обучения, которые постоянно соревнуются между собой с целью улучшения изучения поставленной задачи.

Генератор учится создавать выходные данные, а другой (дискриминатор) учится находить недостатки в его выходных данных. По мере того, как каждая сторона улучшается, другая вынуждена улучшать результат своей работы, чтобы компенсировать достижения «соперника», чему способствует то, что дискриминатор отправляет генератору обнаруженные недостатки. Сети GAN в значительной степени ответственны за увеличение способности создавать убедительный «дипфейк» контент.

Воспроизведение искусственного контента от имени другого лица фактически сопоставимо с кражей личности и с нашей точки зрения вполне может быть юридически определено и признано в определенных условиях одним из наиболее опасных видов преступлений.

Так, по данным, приведенным в докладе «Обнаружение Deepfake видео с использованием рекуррентных нейронных сетей» исследователи отметили «некоторый успех в алгоритмическом обнаружении имитации», но при этом признали, что в ближайшее время гарантированного распознавания достичь не удастся. Причиной этого, по нашему мнению, стал неуклонный рост в последние 10 лет возможностей ИИ и алгоритмов машинного обучения, связанных с созданием реалистичных аудио и видео фейков. При этом технологии их обнаружения находятся в начальном состоянии и требуют серьезных инвестиций.

Кроме того, имеющиеся технологические достижения в области технологий ИИ на фоне перевода работы организаций и сотрудников на удаленную работу усилили зависимость результатов их деятельности от видеосвязи.

Так, растущее число видео и звуковых фрагментов с образцами голоса руководителей и рядовых сотрудников, доступных в сети Интернет, либо собираемых с помощью «слепых обзвонов», предоставляет преступникам достаточный объем данных, на основе которых можно проводить машинное обучение алгоритмов создания «фейковых реалистичных моделей личностей», которые затем могут использоваться для оказания влияния на бизнес процессы путем манипулирования сотрудниками и руководителями. Для убедительной имитации видео разработан ряд программных решений, например, созданная Вашингтонским университетом технология «картографирования рта» может использоваться для имитации движения рта человека во время речи с предельной точностью.

На фоне потенциальной доступности значительных объемов личной информации в Интернете и вследствие периодических утечек персональных данных клиентов различных организаций, преступники вкладывают средства в технологии, позволяющие использовать эту тенденцию. Вследствие чего можно сделать вывод о том, что новые и перспективные методы социальной инженерии, использующие реалистичные аудио и видео подделки, способны коренным образом изменить ландшафт киберугроз и стать не только технически осуществимыми, но экономически оправданными для преступных организаций любого масштаба.

В этой связи, очевидным является тезис, согласно которому массовое их применение в преступных целях является вопросом времени.

Новые продукты и услуги «дипфейк» появляются в DarkWeb. Эксперты предупреждают, что киберпреступники все чаще делятся, разрабатывают и внедряют технологии deepfake для обхода биометрической защиты, а также в преступлениях, включая шантаж, кражу личных данных, атаки на основе социальной инженерии и многое другое.

В отчете 2020 г. «The Business of Fraud: Deepfakes, Fraud's Next Frontier Recorded Future» [6] предсказывается рост числа дипфейков среди злоумышленников, резкий рост предложения технологий и услуг дипфейк в Dark Web – первый признак того, что готовится новая волна преступлений с широким кругом целей и интересов.

В настоящее время, по словам исследователей, дискуссии между злоумышленниками о продуктах и технологиях дипфейк в основном сосредоточены на англоязычных и русскоязычных криминальных форумах, но связанные темы также обсуждались на форумах на турецком, испанском и китайском языках.

Согласно опубликованному отчету [6], большая часть разговоров на этих подпольных форумах сосредоточена на практических рекомендациях и передовых методах, которые явно демонстрируют усилия по оттачиванию инструментов «дипфейка» в киберпреступности. «Наиболее распространенные темы, связанные с «дипфейками», на форумах включали услуги (редактирование видео и изображений), практические методы и уроки, запросы о передовых методах, обмен бесплатными загрузками программного обеспечения и генераторами фотографий, общий интерес к дипфейкам и объявления о достижениях в технологиях deepfake».

Таким образом, следует констатировать тот факт, что технологии и инструменты создания дипфейков превратились в товар через растущее число сообществ, компьютерных приложений и сервисов, кроме этого, онлайн-присутствие дипфейков быстро расширяется. Это глобальное явление, поддерживаемое значительной аудиторией на различных специализированных веб-сайтах.

Для сдерживания этого явления и поэтапного перехода от сдерживания к активному противодействию со стороны правоохранительных органов предлагается комплексный подход к решению этой социально-правовой задачи.

1. В области права:

– разработать и внести в Гражданский кодекс Российской Федерации понятие «поддельное цифровое изображение личности»;

– внести в Уголовный Кодекс Российской Федерации определение «использование поддельного цифрового изображения личности без ее согласия»;

– установить административную и уголовную ответственность за «использование поддельного цифрового изображения личности без ее согласия».

2. В области криминалистического исследования, обнаружения и противодействия появляющимся дипфейкам осуществлять:

– выявление уязвимостей технологии с целью их последующей эксплуатации;

– определение цифровой целостности изображения. У каждой фотографической камеры есть свой характерный почерк. Информация об этом присутствует в метаданных файла. Если была добавлена часть фотографии, сделанной на другом аппарате, то технология искусственного интеллекта способна по особенностям пикселей, артефактам сжатия и другим характеристикам определить, что две ее части сделаны в разное время, а для их объединения использовалась графическая программа;

– определение физической целостности. Выявление в изображении явных нарушений законов физики (например, соседние объекты отбрасывают тени от разных источников света);

– определение семантической целостности. Обстоятельства реального видео или изображения должны соответствовать здравому смыслу и проверяемым фактам;

– анализ частоты морганий глаз. В большинстве случаев в открытом доступе сложно найти фотографии человека в момент моргания, так что нейронной сети может оказаться не на чем учиться генерировать подобные кадры.

Кроме этого можно обнаружить неестественные искажения лица и несоответствия положений головы, не характерные для конкретного человека выражений лица и мимики.

В заключение хотелось бы отметить, что использование технологий искусственного интеллекта вообще и машинного обучения в частности в преступных целях, несомненно, относится к новым вызовам обществу и правоохранительным органам, что стимулирует необходимость дальнейшего развития правового и технического обеспечения деятельности сотрудников полиции в области раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием технологии искусственного интеллекта.

Литература

1. Лейлани Х. Гилпин, Дэвид Бау. Объясняющие пояснения: обзор интерпретируемости машинного обучения. URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/8631448.

2. Hern, A. Новый генератор поддельного текста ИИ может быть слишком опасным для выпуска, говорят создатели. URL: https://www.theguardian.com.

3. Хаббард Б. Apple и Google призвали отказаться от саудовского приложения, которое позволяет мужчинам отслеживать женщин. URL: https://www.theguardian.com.

4. Калуди Н., Ли Дж. (2020). Пейзаж киберугроз на основе ИИ. ACM Computing Surveys. URL: https://www.researchgate.net/ publication/ 339081899

5. Колдуэлл М., Эндрюс Дж. Т. А., Танай Т., Гриффин Л.Д. Преступления будущего с использованием ИИ. URL: https://crimesciencejournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40163-020-00123-8.

6. Бизнес мошенничества: дипфейки, новые рубежи мошенничества. URL: https://www.recordedfuture.com/deepfakes-frauds-next-frontier.

Bibliography

1. Leilani H. Gilpin, David Bowie. Explanatory explanations: an overview of the interpretability of machine learning. URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/8631448.

2. Chern A.A new fake text generator And may be too dangerous to release, the creators say. URL: https://www.theguardian.com.

3. Hubbard B. Apple and Google urged to abandon the Saudi application that allows men to track women. URL: https://www.theguardian.com.

4. Kaludi N., Lee J. (2020). The landscape of cyber threats based on AI. ACM Computing Surveys. URL: https://www.researchgate.net/ publication/339081899.

5. Caldwell M., Andrews J. T.A., Tanai T., Griffin L.D. Crimes of the future using AI. URL: https://crimesciencejournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40163-020-00123-8.

6. The business of fraud: deepfakes, new frontiers of fraud. URL: https://www.recordedfuture.com/deepfakes-frauds-next-frontier.

УДК 325
ББК 67.629

Корчагина Ксения Александровна
Korchagina Ksenia Alexandrovna

начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Head of the Research and Editorial and Publishing Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: twins.86.2@mail.ru

Вакуленко Наталья Алексеевна
Vakulenko Natalya Alekseevna

начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: foroposha@mail.ru

Топилина Анна Васильевна
Topilina Anna Vasilievna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor. Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor.
E-mail: spring6@yandex.ru

Пестов Роман Аркадьевич
Pestov Roman Arkadyevich

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: 79185927828@ya.ru

МЕХАНИЗМЫ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НА СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Mechanisms for assessing the impact of the migration situation on the public security (by the example of the Rostov region)

В настоящей статье рассматривается влияние миграционной ситуации на состояние защищенности интересов личности и государства. Авторами предложены формализованные параметры (критерии, индикаторы) анализа и оценки влияния миграционной ситуации на состояние правопорядка субъектов Российской Федерации, максимально учитывающие многогранные аспекты миграции (на примере Ростовской области).

Ключевые слова: *миграция, миграционная политика, оценка миграционной ситуации, правопорядок, общественная безопасность, преступность мигрантов, диаспоризация общества.*

This article examines the impact of the migration situation on the protection of the individual and state interests. The authors propose the formalized characteristic (criteria, indicators) of the analysis and assessment of the impact of the migration situation on the law and order of the subjects of the Russian Federation, which take into account as much as possible the multifaceted migration aspects (by the example of the Rostov region).

Key words: *migration, migration policy, assessment of the migration situation, law and order, public security, crime of migrants, diasporization of a society.*

В соответствии с п. 26 Плана мероприятий по реализации в 2019–2021 годах «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2019 года № 265-р [1], МВД России принимает участие в создании государственной системы планирования и управления миграционными процессами, обеспечивающей увязку миграционной политики с основными направлениями Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [2], социально-экономическими и инвестиционными потребностями субъектов Российской Федерации.

В рамках реализации указанного пункта предусмотрено проведение мониторинга и оценки миграционной ситуации, однако, в настоящее время, формализованные параметры (критерии, индикаторы) анализа и оценки влияния миграционной ситуации на состояние правопорядка субъектов Российской Федерации отсутствуют, что затрудняет выработку управленческих решений в сфере миграции, основанных на точном, объективном и достоверном представлении о возможном развитии оперативной обстановки.

В целях эффективного управления миграционными процессами, обеспечения миграционной и общественной безопасности России, необходима разработка квалифицированной оценки влияния миграционной ситуации на состояние защищенности интересов личности и государства, общественной безопасности (далее – оценка) с помощью соответствующих критериев, максимально учитывающих многогранные аспекты миграции.

При выработке критериев оценивания миграционной ситуации в контексте обеспечения безопасности населения Российской Федерации необходимо учитывать сочетание как количественных показателей, так и качественных. Общество представляет собой очень сложную структуру, в которой причинно-следственные связи неочевидны, в связи с чем, анализ социальных процессов и их взаимозависимостей невозможно осуществлять исключительно в рамках количественных показателей. При всем желании упростить изучение общественных структур и прийти к некому универсальному показателю невозможно обойтись без качественного анализа социальных составляющих в отдельных регионах. Одними из важных качественных показателей, влияющих на криминогенность поведения мигрантов, являются уровень и структура диаспоризации общества, а также способ и качество интеграции мигрантов в общество.

Оценка миграционной ситуации должна основываться на следующих принципах: актуальность, верифицируемость оценки, практикоориентированность и универсальность.

Для получения объективной оценки эффективности миграционного законодательства РФ в научных кругах предлагается актуальная методика оценки влияния миграции на безопасность социально-экономического развития региона [3], которая и вполне соотносится с указанными выше принципами оценки. Методика основана на индикативном методе и состоит из пяти индикативных блоков, каждый из которых отражает влияние миграции на отдельную сферу жизнедеятельности. В соответствии с данным подходом оценка влияния миграции на безопасность региона проводится по совокупности критериальных показателей – индикаторов.

Аналогичным образом предлагается производить комплексную оценку влияния миграции на безопасность региона *по следующим пяти индикативным блокам:*

1. *Рынок труда.* Индикаторы блока отражают количественные (численность иностранной рабочей силы) и качественные (уровень образования и квалификации мигрантов) характеристики трудовой миграции.

2. *Экономическая ситуация.* Индикаторы блока характеризуют ущерб от нелегальной деятельности трудовых мигрантов и бюджетные расходы на регулирование миграции.

3. *Этнический баланс населения*. Индикаторы блока отражают общую миграционную нагрузку на местное население и с разбивкой мигрантов по этническим группам.

4. *Санитарно-эпидемиологическое благополучие.* Индикаторы блока отражают распространенность среди мигрантов инфекционных заболеваний, опасных для населения (ВИЧ-инфекция, туберкулез, сифилис), сравнение распространенности данных нозологий среди местного населения и мигрантов, вклад мигрантов в общую заболеваемость.

5. *Правопорядок и общественная безопасность.* Индикаторы блока отражают уровень

преступности среди мигрантов, сравнение уровня преступности среди местного населения и мигрантов, вклад мигрантов в общую преступность.

Обратимся к анализу одного из предлагаемых индикативных блоков *«Правопорядок и общественная безопасность»,* который отражает количественные и качественные показатели, влияющие на состояние преступности мигрантов.

Рассмотрим **количественные показатели**, влияющие на состояние преступности мигрантов. Для реализации оценки может использоваться ***коэффициент преступности***, который должен включать индексы преступности и виктимности мигрантов (статистические показатели), а также результаты определения общественного мнения. Данный подход позволит проанализировать не только имеющиеся статистические данные, но и оценить социальные настроения и восприятие происходящих изменений, что позволит обеспечить комплексность и всесторонность оценки в рамках рассматриваемого коэффициента. Исследования общественного мнения могут быть осуществлены в процессе организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации», проводимого ФГКУ «ВНИИ МВД России».

Структура Коэффициента преступности мигрантов:

1. Индекс криминальной активности мигрантов:

– количество зарегистрированных преступлений, совершенных мигрантами (на 100 тыс. чел. населения);

– количество зарегистрированных административных правонарушений, совершенных мигрантами (на 100 тыс. чел. населения): административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, охрану окружающей среды и природопользование, общественный порядок и общественную безопасность.

Коэффициент преступности определяется путем соотношения числа преступлений или преступников к количеству населения – на 100 тыс., 10 тыс., 1 тыс. – в зависимости от объема и характера изучения преступности.

$$К = (П \times 100\,000) : Н,$$

где П – абсолютное число преступлений (или преступников); Н – численность населения.

В нашем случае в числителе данной дроби будет представлено количество преступлений, совершенных мигрантами.

Кроме того, при расчете и оценке коэффициента преступности необходимо знать некоторые особенности.

При вычислении коэффициента преступности необходимо брать лишь население, достигшее возраста 16 лет, а по отдельным преступлениям – 14 лет, в силу того, что с этого возраста наступает уголовная ответственность. Данная рекомендация не всегда выполнима, поскольку на практике сталкиваемся с отсутствием сведений о населении по возрасту (14–16 лет) по отдельным территориям (краям, областям, районам и т. д.), в связи с чем, вычисление коэффициента преступности осуществляется по отношению ко всему населению, т.е. применяют вышеуказанную формулу, где Н – общее число жителей данной территории.

Для характеристики преступности мигрантов большой интерес представляют следующие три коэффициента:

1) ***показатель интенсивности преступности***, *т.е. отношение числа зарегистрированных преступлений, совершенных мигрантами, к численности населения*. Частное, полученное от деления данных величин, есть не что иное, как показатель числа преступлений, приходящихся в среднем на одного гражданина, т.е. это показатель, характеризующий, с какой интенсивностью преступления «обрушиваются» на население исследуемой территории;

2) ***показатель криминогенной активности преступников-мигрантов***, *т.е. отношение количества преступлений к числу лиц, их совершивших*. Этот показатель освещает «интенсивность множественности преступлений, т.е. какое количество преступлений совершает в среднем каждый из преступников-мигрантов, что характеризует их криминогенную активность;

3) ***показатель тяжести преступлений***, совершаемых мигрантами, *характеризующий одним числом степень их общественной опасности*.

2. Индекс виктимности мигрантов:

– Количество потерпевших лиц из числа мигрантов (на 100 тыс. чел. населения).

Коэффициент виктимности определяется путем соотношения числа потерпевших к ко-

личеству населения – на 100 тыс., 10 тыс., 1 тыс. – в зависимости от объема и характера изучения преступности.

К = (П х 100 000) : Н,

где П – абсолютное число потерпевших; Н – численность населения.

3. *Возрастной индекс мигрантов:*

Представляется значимым рассчитать наиболее криминогенный возраст преступника-мигранта. В первичном учетном документе формы 2 – статистической карточке на лицо, совершившее преступление, обозначены следующие возрастные группы лиц (на момент совершения преступления):

до 14 лет (9), 14–15 лет (1), 16–17 лет (2), 18–24 года (3), 25–29 лет (4), 30-39 лет (5), 40–49 лет (8), 50–59 лет (6), 60 лет и старше (7).

Производить расчеты необходимо, используя относительный показатель структуры.

Относительный показатель структуры – отношение части к целому. Относительный показатель структуры характеризует долю отдельных частей в общем объеме совокупности и выражается в долях единицы или в процентах. Они исчисляются по сгруппированным данным (рис. 1):

стические показатели в виде отдельных отчетов по количеству преступлений, совершенных на территории Российской Федерации лицами без гражданства, а также мигрантами с ранжированием по этносам.

Подчеркнем, что представленные данные в таблицах 2, 3 носят региональный статус и были получены путем произведенной выборки, а не автоматическим построением, что затрудняет оперативное получение необходимой информации в официальной отчетности по субъектам Российской Федерации и страны в целом.

В соответствии с представленными Информационным центром Главного управления МВД России по Ростовской области данными, в результате проведенных расчетов коэффициент преступности мигрантов в Ростовской области составил следующие значения:

2016 г. – 2,7; 2017 г. – 2,6; 2018 г. – 1,9; 2019 г. – 1,7; 2020 г. – 1,1.

Показатель криминогенной активности преступников-мигрантов (отношение количества преступлений к числу лиц, их совершивших) соответственно составил:

2016 г. – 1; 2017 г. – 1,0; 2018 г. – 1,1; 2019 г. – 1,1; 2020 г. – 1,2.

$$\text{Относительный показатель структуры} = \frac{\text{Показатель, характеризующий часть совокупности}}{\text{Показатель по всей совокупности в целом}} * 100\%$$

Рис. 1. Расчет относительного показателя структуры

4. *Удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами, в общем числе предварительно расследованных:*

Расчеты осуществляются по формуле нахождения относительного показателя структуры.

В представленных ниже таблицах 1, 2, 3 отражена официальная статистическая информация о количестве преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории ЮФО и Российской Федерации в целом.

Представленные сведения в таблице официальной отчетности содержат количество совершенных преступлений не только иностранных граждан, но и лиц без гражданства. Таким образом, существует необходимость внесения изменений в ведомственную программу учета данных по мигрантам, которые позволили бы получать обобщающие стати-

Очень важны и **статистические данные и результаты определения общественного мнения,** входящие в коэффициент преступности.

Социологическая информация об уровне защищенности мигрантов своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств.

В анкету (опросный лист) для получения социологической информации необходимо включить следующие вопросы:

– «Если говорить в целом, то чувствуете ли Вы себя защищенным (-ой) от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество?»;

– «Подвергались ли Вы лично за последние 12 месяцев преступным посягательствам?».

Оценка по каждому вопросу, группе вопросов может быть установлена в интервале от

Таблица 1

Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (2016–2020 гг.) [4]

		Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, по которым материалы и уголовные дела направлены в суд либо разрешены в отчетном периоде, прибывшими в Российскую Федерацию с целью работы по найму		Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, по которым материалы и уголовные дела направлены в суд либо разрешены в отчетном периоде, прибывшими в Российскую Федерацию нелегально	
		Всего	Темпы прироста к АППГ (в %)	Всего	Темпы прироста к АППГ (в %)
2016	РФ	5 950	-14,3	1 402	-2,8
	РО	34	-76,9	40	-42,0
	ЮФО	194	-50,6	106	-30,7
2017	РФ	5 350	-10,1	1 369	-2,4
	РО	41	20,6	48	20,0
	ЮФО	180	-7,2	83	-21,7
2018	РФ	4036	-24,6	1146	-16,3
	РО	26	-36,6	38	-20,8
	ЮФО	134	-25,6	91	9,6
2019	РФ	3 620	-10,3	1 076	-6,1
	РО	14	-46,2	39	-2,6
	ЮФО	146	9,0	74	-18,7
2020	РФ	3 597	-0,6	854	-20,6
	РО	21	50,0	62	59,0

Таблица 2

Количество преступлений, совершенных мигрантами и количество выявленных лиц (мигрантов), совершивших преступления в Ростовской области (2016–2020 гг.)

	Совершено мигрантами			Выявлено лиц (мигрантов)		
	Всего	из них		Всего	из них	
		трудовыми	незаконными		трудовых	незаконных
2016	115	9	66	115	7	72
2017	108	17	61	105	13	67
2018	80	17	40	70	16	37
2019	71	16	36	64	10	38
2020	48	16	8	40	11	8

Таблица 3

Количество населения на территории Ростовской области (2016–2020 гг.)

2016	4 236 000
2017	4 231 400
2018	4 220 500
2019	4 202 300
2020	4 197 800

0 до 100. Подведение общего итога оценки общественного мнения производится посредством расчета среднего арифметического значения.

Содержание индексов и социологической информации в полной мере отражают состояние безопасности жизни, поскольку они относятся к числу основных индикаторов, характеризующих состояние преступности рассматриваемого вида на определенной территории за определенный период времени.

Это позволит выявить оценку мигрантами вероятности подвергнуться угрозам криминального характера, либо оценить испытанный виктимный опыт, как на уровне Российской Федерации, так и на уровне отдельных субъектов или муниципальных образований.

Далее рассмотрим **качественные показатели,** влияющие на состояние преступности мигрантов. Среди критериев, учитывающих количество и состав преступлений, совершенных мигрантами-иностранцами, необходимо также вычленить такие критерии, как качественная составляющая. В связи с чем, рассмотрим блок *«Этнический баланс населения»*. Индикаторы блока отражают общую миграционную нагрузку на местное население и с разбивкой мигрантов по этническим группам.

Важнейшим качественным показателем, влияющим на криминогенность поведения мигрантов, **является Показатель уровня и структуры диаспоризации общества**.

Мигранты, прибывая в определенные регионы РФ, диаспоризируются. Известны наиболее мощные потоки миграции, приводящие к тому, что определенные регионы становятся конечной точной прибытия для мигрантов из определенных стран и регионов. Мигрант, принимая решение о месте проживания, зачастую ориентируется на территорию нахождения соотечественников или земляков. В месте прибытия диаспора помогает вновь прибывшему решить вопросы с документами, трудоустройством, иные социальные вопросы. Несомненно, это позитивная сторона деятельности диаспоры. На территории РФ есть диаспоры, которые существуют в регионах столетиями, выполняя исключительно функции помощи и сохранения культурной идентичности. Такими диаспорами, например в Ростовской области, являются греческая, корейская и армянская. Их представители являются российскими гражданами, вполне благополучными, они полностью интегрированы в российское общество, и их криминогенный потенциал является очень низким.

Однако, существуют значительные риски, связанные с тем, что, в случае наполнения региона мигрантами и образования многочисленной диаспоры, диаспора не помогает интеграции мигрантов в общество, а, напротив, препятствует ей.

Складывается следующая картина: многочисленные мигранты из определенного региона стремятся селиться вместе, они продолжают соблюдать свои культурные традиции, которые кажутся автохтонному населению чуждыми и вызывают неприязнь. Для мигрантов нет необходимости изучать русский язык, так как все их потребности реализуются внутри диаспоры. Особенно сильные диаспоры монополизируют целые отрасли бизнеса или сферы услуг, предоставляя вновь прибывшим мигрантам возможности для трудоустройства. Таким образом, образуются этнические анклавы, которые представляют собой «государство в государстве» и не желают ассимилировать своих членов в принимающее общество вне зависимости от продолжительности предполагаемого времени пребывания мигранта в стране.

Каковы последствия этого процесса? Представители этносов, имеющих свои анклавы, не воспринимают себя как часть принимающего общества, у них вырабатывается модель поведения «гостя», который может делать все, что хочет. Это приводит к столкновениям с местным населением. Мигранты чувствуют неприязнь автохтонов и сами, в свою очередь, испытывают неприязнь к ним. Представители диаспоры воспринимаются мигрантами как условные «свои», а коренное население – как условные «чужие», в отношении которых допустимо совершать преступления.

Несомненно, изучение качества интеграции мигрантов имеет определяющее значение при анализе их криминогенного потенциала.

Однако как сторонний наблюдатель может отличить анклав от диаспоры?

Существует ряд различий:

1. Изучение языка принимающей страны. В случае, если наблюдатель обнаруживает, что мигрант не говорит на местном языке, однако живет на территории страны уже несколько месяцев, возникает вопрос: как мигрант решает свои социальные вопросы, проблемы

трудоустройства и так далее? Очевидно, что мигрант обходится без знания языка: это говорит о том, что он полностью погружен в анклав. Диаспора решает только вопросы культурные и психологические. В этот состоит отличие классических диаспор от анклавов. Знание языка в данном случае является косвенным признаком отсутствия мотивации для интеграции.

2. Компактность проживания. Анклаву для самоорганизации необходимо, чтобы его представители проживали компактно, это помогает институировать различные сферы жизни. Диаспора, вне зависимости от статуса (зарегистрирована ли она как общественная организация или создала ли органы самоуправления), организует свою деятельность через ряд мероприятий, которые не требуют компактного проживания.

3. Локальная экономика. Если мы обнаруживаем в регионе отрасли производства или сферы услуг, монополизированные мигрантами из строго определенных регионов – мы имеем дело с анклавом. Диаспора, как уже подчеркивалось выше, не решает экономических вопросов.

4. Браки с местным населением. Представители диаспоры, начиная со второго поколения, вступают в брак с автохтонами. Однако этот показатель недостаточно репрезентативен. Например, представители корейской диаспоры в России вступают в брак с представителями других народов достаточно редко. Но следует обратить внимание на то, что принципиально эти браки возможны, даже если их процент невелик. Анклав же характеризуется тем, что подавляющее большинство браков являются внутренними. Представители этнических анклавов избегают общения с местным населением (и это обоюдный процесс), вследствие чего браки невозможны. Другим фактором, мешающим заключению браков между автохтонами и мигрантами, образующими анклав, является этноцентризм. Главным механизмом этноцентризма является приписывание своему этносу всех положительных характеристик, а всем другим этносам – всех отрицательных характеристик. Таким образом, этноцентризм обеспечивает самовосприятие анклавизированных мигрантов как превосходящего этноса, в отличие от автохтонов, которые живут по другим правилам и законам. Автохтонам, в свою очередь, мигранты, замыкающиеся исключительно в своей среде, также видятся варварами.

Однако как мы можем воспользоваться инструментарием, позволяющим отличить диаспору от анклава для целей данного исследования? Трудовые мигранты, прибывающие в страну на небольшой срок, не всегда успевают выучить язык, получить гражданство, оставить потомство, чтобы мы могли проанализировать поведение второго поколения или вступление в брак.

В этом случае полезно иметь экспертную оценку миграционной ситуации в регионе, которая представит уровень консолидации и качество мигрантских сообществ. Экспертную оценку целесообразно проводить раз в пять лет. Миграционные потоки достаточно ригидны, и число прибывающих мигрантов не возрастает без причин, как, скажем, это произошло с мигрантами из Африки в 2014 году. В связи с этим, пять лет – срок, достаточный, чтобы качество интеграции мигрантов могло измениться. Таким образом, если индекс оценивания криминогенной ситуации будет высчитываться раз в квартал, то экспертное заключение о состоянии интеграции мигрантов по регионам можно делать раз в 4–5 лет.

Несомненно, большое значение имеет численность мигрантов. Особенно важным является принцип, в соответствии с которым нельзя игнорировать этническую преступность.

Предлагаемая концепция состоит в следующем: на основе количественного анализа качественного состава лиц, совершивших преступление, обнаружить (или опровергнуть) корреляцию между числом мигрантов, проживающих в регионе (в относительных показателях) и числом совершенных ими преступлений. Важно учитывать качество их интеграции: являются ли они частью анклава или атомизированы в регионе.

Данная задача представляется исключительно сложной в связи с трудностями регистрации преступников, так как они могут иметь паспорта нескольких иностранных государств или быть лицами без гражданства. В данном случае предлагается обращать внимание не на гражданство, а на этническую принадлежность, которая является гораздо более мощным идентификационным механизмом, чем государственная.

Далее, необходимо проанализировать данные о том, сколько представителей каждого иностранного государства (или этноса, если государственная и этническая принадлежность

различаются) совершили преступления. Наша гипотеза состоит в том, что представители этносов, образовавших свои анклавы, совершают преступления чаще, чем представители более малочисленных и атомизированны мигрантских групп. Многочисленность дает возможность образовать социальные институты и создать коррупционные сети, которые формируют в сознании мигрантов чувство безнаказанности. Важно также помнить о психологических факторах, о чувстве этнического превосходства и неприязни.

В случае, если окажется, что, к примеру, представители Таджикистана, имеющие очень сильную и многочисленную диаспору в Москве, совершают преступления чаще, чем грузины (в относительных показателях), то следующим шагом станет вычисление процентного соотношения, в котором численность диаспоры влияет на криминогенный потенциал.

Полученный результат (в процентах) может быть включен в общую формулу расчета критериев оценивания миграционной ситуации.

Например, число мигрантов из страны Т. составляет 800 человек на 10 000 местных жителей, или 8 %. Мигранты из страны Т. совершают 50 преступлений на 1 000 человек, что составляет 5 %.

Число мигрантов из страны М составляет 2 000 человек на 10 000 местных жителей, или 20 %. Мигранты из страны Т. совершают 80 преступлений на 1 000 человек, что составляет 8 %.

Необходимо проанализировать как минимум 10 общностей мигрантов в связи с их численностью и количеством совершаемых ими преступлений.

В результате мы получим модель корреляции между численностью мигрантов из определенной страны и числом совершаемых ими преступлений.

В случае, если такая корреляция будет обнаружена, получившийся процентный показатель можно включить в общую формулу расчета оценки миграционной ситуации.

Для проведения необходимых расчетов следует получить от органов миграционного учета данные о количестве мигрантов – граждан определенной страны – находящихся в исследуемом регионе, а также данные о числе преступлений, совершенных представителями определенных государств.

Таким образом, предлагаем включить в показатели официальной отчетности данные о числе преступлений, совершенных представителями определенных государств. Кроме того, для установления корреляционной связи необходима информация о количестве мигрантов – граждан определенной страны – находящихся в исследуемом регионе.

Использование рассматриваемых коэффициентов, помимо прочих, позволит дать оценку современной миграционной ситуации в России и ее тенденциям в контексте обеспечения общественной безопасности и связанных с этим последствий с целью выработки научно-обоснованных предложений по улучшению ситуации.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 22.02.2019 № 265-р «О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». СПС КонсультантПлюс.

2. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». СПС КонсультантПлюс.

3. Васильева А.В. Оценка влияния миграции на безопасность социально-экономического развития регионов России // Фундаментальные исследования. 2014, № 6-11.

4. Официальные статистические данные о преступности. URL: http://crimestat.ru.

Bibliography

1. Decree of the Government of the Russian Federation № 265-r of 22.02.2019 «On the action plan for the implementation in 2019-2021 of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025». LRS ConsultantPlus.

2. Decree of the Government of the Russian Federation № 207-r of 13.02.2019 «On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025». LRS ConsultantPlus.

3. Vasilyeva A.V. Assessment of the impact of migration on the security of socio-economic development of Russian regions // Basic research. 2014, № 6-11.

4. Official statistics on crime. URL: http://crimestat.ru.

УДК 343.34 : 004
ББК 67.51

Чубейко Сергей Валерьевич
Chubeiko Sergey Valeryvich

доцент кафедры «Информатика» Ростовского государственного университета путей сообщения
кандидат технических наук, доцент.

Associate Professor, Department «Informatics», the Rostov State Transport University, PhD in Engineering, Associate Professor.
E-mail: greyc@mail.ru

Довиденко Павел Юрьевич
Dovidenko Pavel Yuryevich

преподаватель кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел
Ростовского юридического института МВД России.

Lecturer, Department of Informational Supply of the Law Enforcement Bodies, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: pavel_dovidenko@mail.ru.

ТЕНЕВОЙ ИНТЕРНЕТ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРЕСТУПНОСТИ

Darknet as an element of the information technologies development and criminality

В статье рассмотрены принципы работы теневого Интернета. Приведены возможности сети Интернет с учетом полной анонимности и проанализированы способы совершения преступлений с использованием неиндексируемой части всемирной паутины.

Ключевые слова: *теневой Интернет, глубокая паутина, киберпреступления, конфиденциальность, анонимность.*

The article considers the principles of the dark net operation. It presents the possibilities of the Internet with regard to full anonymity and analyzes modus operandi using the nonindexing part of the World Wide Web.

Key words: *Darknet, deep web, cyber crime, privacy, anonymity.*

Многие считают, что поисковые системы, такие как Google и Яндекс, могут идентифицировать большую часть информации, доступной в интернете по запрашиваемой теме. Но существует целая сеть вне досягаемости любых поисковых систем. При этом масштабы преступного мира интернета огромны. Число неиндексированных веб-сайтов, известных как Deep Web, оценивается в 400-500 раз больше, чем поверхностная сеть индексируемых вебсайтов с возможностью их поиска. Deep Web («глубокая» или «глубинная» паутина) – это часть всемирной паутины, которую невозможно обнаружить с помощью стандартных поисковых систем, включая защищенные паролем или динамические страницы и зашифрованные сети. В то время, когда существует множество законопослушных граждан и благонамеренных людей, которые ведут свою деятельность в интернете «над поверхностью», часть Deep Web, известная как Darknet («теневой Интернет» или «Даркнет»), стала каналом для незаконной и часто опасной деятельности. Darknet – это компьютерная сеть с ограниченным доступом, которая используется в основном для незаконного обмена файлами в децентрализованной сети [1].

Глубинная паутина и Даркнет – это зарождающаяся «terra incognita», термин, впервые появившийся в географии Птолемея около 150 года н. э. для обозначения регионов, которые не были нанесены на карту или задокументированы [2]. Несмотря на огромные успехи, достигнутые в картографировании физического мира, все еще имеются участки земли, которые еще не полностью документированы. Аналогично и для огромного нового виртуального мира, определяемого киберпространством, не смотря на обширные знания в данной области.

Расмотрим особенности Deep Web и Darknet, потому что неправомерное использование данных сетей могут иметь глобальные последствия для гражданских свобод, национальной безопасности и глобальной экономики в целом.

Хотя концепции Deep Web и Darknet существовали с тех пор, как Всемирная паутина стала популярной в середине 1990 годов, рост Deep Web и Darknet не привлекал широкого общественного внимания до ареста Росса Уильяма Ульбрихта, в октябре 2013 года [3]. Ульбрихт создал анонимную торговую интернет-площадку «Шелковый путь», где пользователи могли найти всевозможную контрабанду, в частности нелегальные наркотики. ФБР США подсчитало, что рынок «Шелкового пути» обработал более 1,2 миллиарда долларов с участием 150 000 анонимных клиентов и около 4000 поставщиков.

Для эффективного пресечения противоправных действий с использованием теневого интернета, необходимо понимать основные принципы его работы.

DarkNet определяется сетями, которые являются анонимными и защищены от доступа третьих лиц. Характерной чертой этих сетей является децентрализация, которая предотвращает расследования и преднамеренную или случайную иммобилизацию. С точки зрения пользователя, существенное отличие от открытого Интернета заключается в сложности получения необходимой информации и отсутствии эффективных инструментов для ее поиска. Наиболее распространенный способ поиска – это использование заранее известных ссылок [4].

Существует несколько способов работы с DarkNet. Один из самых распространенных – это использование The Onion Routing (TOR) [5]. TOR – это виртуальная сеть, которая обеспечивает анонимный доступ к услугам в Интернете. Сеть TOR, реализующая «луковую» маршрутизацию, предотвращает анализ сетевого трафика и, как следствие, предоставляет пользователям практически анонимный доступ к Интернет-ресурсам. «Луковая» маршрутизация – это множественное шифрование данных и их передача через ряд случайно выбранных узлов (серверов), называемых «луковыми» маршрутизаторами. Каждый узел расшифровывает только один слой сообщения, чтобы получить информацию о дальнейшем пути передаваемых пакетов. Таким образом, прокси-сервер при передаче знает только узел, который непосредственно подходит для зашифрованного пакета и «луковый» маршрутизатор, который отправил сообщение. Прокси-узел не знает содержимого переданной информации, откуда пришел пакет или какой сервер является получателем данных. Кроме того, перед передачей каждого пакета сначала между серверами отправляется пара одноразовых криптографических ключей, используемых для дешифрования следующего уровня данных. С точки зрения целевого компьютера входящий трафик идет с выходного узла сети TOR. Это предотвращает раскрытие промежуточных узлов, источника, получателя и содержимого сообщения.

Системы, обеспечивающие анонимность в Интернете и позволяющие предоставлять анонимные Интернет-услуги, также могут быть использованы преступниками для противоправных действий. Примером такой системы является сеть I2P (Invisible Internet Project или «невидимый» Интернет), которая поддерживает наиболее распространенные действия в Интернете, такие как просмотр веб-страниц, использование электронной почты, обмен файлами. В отличие от TOR, сеть I2P больше ориентирована на закрытый Deep Web, отделенный от стандартного Интернета.

Deep Web и DarkNet постоянно развиваются. Многочисленные технологии, такие как распределенные и облачные вычисления, мобильные вычисления и сенсорные сети, внесли свой вклад в расширение Deep Web.

Прогресс в области безопасного (анонимного) веб-хостинга, криптовалюты, «темных» кошельков и интернет-мошенничества еще больше способствуют росту Даркнета. Различные криптовалюты, такие как Bitcoin, Darkcoin или Peercoin были использованы для анонимных деловых операций, которые проводятся внутри и через большинство рынков Даркнета [6]. Конечно, существует также множество законных способов использования Даркета журналистами, политическими диссидентами, информаторами и правозащитниками.

Для того чтобы исследовать Deep Web и DarkNet, необходимы некоторые специальные инструменты и методы. Некоторые из них похожи или тесно связаны с теми, которые используются для изучения обычного интернета. В зависимости от общих целей, различные инструменты и методы помогут достичь различного охвата теневого интернета. Для большинства пользователей обычно существует два различных, но связанных подхода к доступу к Deep Web и Darknet.

Первый способ основан на использовании специальных поисковых систем, доступных из

обычных браузеров, таких как Internet Explorer, Firefox, Chrome, Safari. Второй вариант базируется на использовании специальных поисковых систем, доступ к которым возможен только из браузера TOR. Один из простых способов получить доступ к Deep Web – это использовать альтернативные специальные поисковые системы, разработанные специально для этой цели. Эти альтернативные поисковые системы предназначены для доступа к различным частям Deep Web, но проблема заключается в том, что все поисковые системы, разработанные до сих пор, только сканируют или индексируют небольшую часть Deep Web. Поэтому все равно необходимо посетить правильный онлайн-каталог или скрытые списки веб-сайтов. Поскольку эти сайты не индексируются, они не будут найдены с помощью обычных инструментов поиска. Однако их URL-адреса можно найти с помощью других средств, и как только URL-адрес известен, можно получить доступ к некоторым из этих сайтов в Deep Web с помощью обычных браузеров. Некоторые общедоступные базы данных считаются частью Deep Web, поскольку большинство их содержимого не может быть просмотрено или индексировано обычными поисковыми системами. Большинство пользователей могут регулярно и неосознанно взаимодействовать с частью Deep Web.

Например, каталог библиотеки Конгресса США (www.loc.gov) – это онлайновая база данных, которая находится в глубокой паутине. Другие сайты, использующие Deep Web: интернет-платформа публикаций в научных журналах Web of Science, сайт экономических данных FreeLunch.com, Census.gov, Copyright.gov, PubMed, , FindLaw и Wolfram Alpha. В дополнение к этим общедоступным базам данных существует множество платных баз данных (таких как Westlaw и LexisNexis) и услуг только по подписке (найденных в большинстве академических библиотек), которые используют Deep Web. Доступ к этим базам данных возможен только у зарегистрированных пользователей. Кроме того, существует также огромное количество информации, которая является частной и защищенной паролем (например, кредитные карты и счета PayPal), расположенные в Deep Web. Доступ к этой части Deep Web технологически ограничен и защищен законом.

С распространением мобильных устройств огромное количество информации хранится в различных социальных сетях, которые, как правило, недоступны через обычные поисковые системы. Многие из них требуют, чтобы пользователи были авторизованы (через регистрацию или став «друзьями» с другими людьми) для доступа к данным. Некоторые из этих сервисов, такие как Twitter и Facebook, предоставляют общедоступный интерфейс прикладных программ или API, так что пользователи могут получать информацию в сети в широком масштабе. Но многие из них, такие как YikYak и Wechat (оба требуют ID входа в систему), ограничивают доступ пользователей к своей массивной базе данных по соображениям безопасности и конфиденциальности.

Мгновенные сообщения (IM) – это еще один резервуар информации в глубокой паутине. Ранее принимавшие форму онлайн-чатов, службы обмена мгновенными сообщениями предоставляют людям личное и удобное пространство для обмена информацией, которая обычно является личной и не архивируется. Это широко используется в онлайн-чате и технической поддержке.

В настоящее время некоторые мобильные приложения позволяют пользователям сохранять историю своих сообщений локально, чтобы при необходимости получить к ним доступ позже. Кроме того, мгновенные сообщения становятся все более мультимедийными, что затрудняет архивирование истории сообщений. Чтобы получить доступ к этой части глубинной сети, лучшим способом является запись информации (во время разговора, с помощью скриншотов или видеозаписи).

В отличие от индексируемого интернета, страницы Darknet в сети TOR, как правило, ненадежны. Они также могут очень медленно загружаться, так как TOR маршрутизирует соединение через случайно выбранные серверы для защиты анонимности. Хотя браузеры TOR существуют для Android и iOS, они не являются безопасными и не рекомендуются. Аналогичным образом, дополнения TOR для других браузеров не являются безопасными и обычно не поддерживаются организацией TOR, поэтому также не рекомендуются [7].

Для правоохранительных органов появление Deep Web в целом и Darknet в частности предлагает новую экономическую, социальную и политическую экосистему, которая была создана для существования и обычно функционирует вне досягаемости закона.

Использование Интернета скрывает множество анонимных операторов Даркнета, деятельность которых вызывает огромный

интерес у общественности: наркоторговцы, хакеры, наемные убийцы, мистификаторы, торговцы людьми, похитители личных данных, политические экстремисты, террористы и шпионы. Но помимо тех, кто занимается преступной или весьма сомнительной деятельностью, есть пользователи Даркнет, работающие в рамках закона, включая геймеров, журналистов, активистов и других, которые просто хотят дополнительной конфиденциальности. Понятный и законный интерес к анонимности Deep Web не означает, что государства должны закрывать глаза на всю Deep Web.

Реальность такова, что в то время как пользователи индексируемой части всемирной паутины проявляют часто поразительный уровень альтруизма для продвижения общего блага, у пользователей Глубокой паутины и Даркнет довольно часто обнаруживаются более антисоциальная сторона человеческого поведения. Необходимо, чтобы общественность лучше понимала глубокую сеть и разрабатывала более всеобъемлющие меры реагирования правоохранительных органов. Этот фокус должен также учитывать потенциальное позитивное использование Deep Web.

Рынки Даркнета, скрывая личности тех, кто участвует в транзакциях и часто ведет бизнес через криптовалюту, по своей сути представляют собой незаконность и уклонение от регулирования. Даркнет представляет собой особенно серьезную проблему для взлома программного обеспечения и других инструментов киберпреступности. При использовании хакерские инструменты нарушают законы о компьютерных преступлениях.

Различные национальные подходы к борьбе с преступностью в сочетании с территориальными ограничениями уголовной юрисдикции и следственных органов связывают правовые режимы с географией в контексте Интернет- и Даркнет-рынков, которые не привязываются территориально к конкретному государству.

Более глубокое понимание рынков Даркнета будет способствовать более целенаправленным и, следовательно, более эффективным ответным мерам на национальном уровне со стороны различных государств, а со временем и более эффективному международному сотрудничеству.

Существует множество регулятивных вопросов, связанных с формирующимся Даркнетом как на национальном, так и на международном уровнях, которые необходимо решить. То, насколько хорошо эти вопросы будут решены, повлияет не только на кибербезопасность Российской Федерации и других государств, но и на безопасность компаний, частных лиц и других субъектов частного сектора. Глубинная паутина и Даркнет подразумевают будущее процветание, управление и справедливость глобального порядка.

Целенаправленный сбор данных и научные исследования, а также разработка политики и просвещение общественности являются необходимыми условиями для качественного систематического обзора и совершенствования существующей нормативной базы как на национальном, так и на международном уровнях. Директивные органы должны лучше понимать условия, которые порождают Даркнет и которые имеют отношение к правоохранительной деятельности, разработке нормативных актов и национальной безопасности. С точки зрения политических вопросов, необходимо обратить внимание на то, что социокультурные силы участвуют в «порождении и устойчивости» преступных образований, использующих Даркнет. Например, некоторые страны не имеют функционирующих или достаточных рынков легальных товаров, и в этом контексте Даркнет может реально способствовать повышению социального благосостояния и экономической эффективности. Государства в такой ситуации могут иметь мало стимулов для обеспечения соблюдения законов о киберпреступности, в то время как другие государства свободно используют правоохранительные, регулирующие и национальные усилия по обеспечению безопасности против сомнительных операций.

Глубокая паутина и Даркнет привлекательны для многих преступников из-за преследования, регулирования и наблюдения за национальной безопасностью государств в физическом мире и обычном Интернете. Незаконная деятельность продвигается вне обычных поисковых систем и методов расследования, и государства должны быть готовы использовать теневой Интернет, чтобы собрать информацию и принять меры.

Транснациональность этих сетей подрывает усилия по искоренению, регулированию и судебному преследованию любого государства, создавая проблемы сотрудничества, коллективных действий и гармонизации законодательства для государственных субъектов, пытающихся совместно бороться с незаконным использованием интернета.

Вместо искоренения необходимо систематически фокусироваться на противоправных действиях, стремясь предвидеть и благоприятно формировать эволюцию Даркнета. Она будет успешной только в том случае, если будет разработана более широкая стратегия, включающая предупреждение, выявление и реагирование на противоправные действия, а также будет осуществляться при широком международном участии и поддержке.

Действительно, как сбалансировать защиту гражданских свобод для законопослушных граждан с вопросом о национальной безопасности – остается сложной задачей для общества в эпоху больших данных и теневого интернета. Но первым шагом, несомненно, является получение информации и лучшее понимание самых проблемных участков всемирной паутины.

В рамках современных реалий необходимо определить новый обобщенный термин, который можно обозначить как Теневое информационное пространство. Теневое информационное пространство должно включать все информационные системы и технологии, в которых в той или иной степени нельзя однозначно идентифицировать личность пользователя или разработчика, в том числе существующие технологии даркнет, новые распределенные базы данных на основе блокчейн-технологий, а также саморазвивающиеся и эволюционирующие системы на базе искусственного интеллекта. Для однозначного пониманию данный термин целесообразно закрепить на законодательном уровне и внести в Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г. Для предотвращения противоправных действий необходимо разработать нормативные документы, в том числе международные, имеющие четкий алгоритм идентификации пользователей на всем теневом информационном пространстве.

Литература

1. Avdoshin S.M., Lazarenko A.V. Deep web users deanonimization system // Труды института системного программирования РАН. 2016. № 3.

2. Щеглов Д.А. Строение пространства в «географии» Птолемея: методологические сложности георефернцирования античных топонимов // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. №1.

3. Попов Д.Е. Преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий, совершаемые с использованием ресурсов Darknet // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2019. № 1.

4. Романова Л.И., Дремлюга Р.И. Преступный мир Darknet // Юридическая наука и практика. 2018. № 1(14).

5. Шеллер И.А. Darknet – совершенно новое пространство для развития преступности, скрытое от глаз контрольно-надзорных органов // Наука через призму времени. 2019. № 4(25).

6. Бондаренко Ю.А. Кизилов Г.М. Проблемы выявления и использования следов преступлений, оставляемых в сети «Darknet» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5.

7. Иксанов Р.А. Слепов Г.С. Защита прав граждан от посягательств в сети Даркнет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 4.

Bibliography

1. Avdoshin S.M., Lazarenko A.V. Deep web users deanonimization system // Proceedings of the Institute of system programming of the Russian Academy of Sciences. 2016. № 3.

2. Shcheglov D.A. The structure of space in Ptolemy's «geography»: methodological difficulties of georeferencing ancient toponyms // School. Philosophical antiquity and the classical tradition. 2019. № 1.

3. Popov D.E. crimes In the sphere of information and communication technologies committed using Darknet resources // Current problems of the state and society in the field of ensuring human and civil rights and freedoms. 2019. № 1.

4. Romanova L.I., Dremlyuga R.I. the Criminal world of the Darknet // Legal science and practice. 2018. № 1(14).

5. Sheller I.A. Darknet – a completely new space for the development of crime, hidden from the eyes of control and Supervisory authorities // Science through the prism of time. 2019. № 4(25).

6. Bondarenko Yu.A. Kizilov G.M. Problems of detection and use of traces of crimes left in the «Darknet» network // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2019. № 5.

7. Iksanov R.A. Slepov G. S. Protection of citizens ' rights from attacks in the Darknet network // International journal of Humanities and natural Sciences. 2018. № 4.

УДК 343.14
ББК 67.411

Шараева Яна Анатольевна
Sharaeva Yana Anatolevna

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: yana-sharaeva@mail.ru

Тангриева Валерия Николаевна
Tangrieva Valeria Nikolaevna

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: tangri01@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ДОЗНАВАТЕЛЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Procedural status of an interrogator: myths and reality

В статье на основе анализа действующего уголовно-правового законодательства авторы размышляют о том, кто из должностных лиц ОВД наделен полномочиями по расследованию преступлений в форме дознания, каковы их пределы прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве. Предлагаются изменения в уголовно-процессуальный закон, позволяющие разграничивать процессуальный статус органов дознания.

Ключевые слова: *дознаватель, правовой статус, орган дознания, уполномоченное лицо, правомочное лицо, специализированное подразделение дознания.*

Basing on the analysis of the current criminal legislation, the authors ponder the question which of the law enforcement officials is authorized to investigate crimes in the form of inquiry, what are the limits of their rights and duties in criminal proceedings. The authors propose amendments to the criminal procedure law allowing to distinguish the inquiry bodies' procedural status.

Key words: *interrogator, legal status, inquiry body, authorized person, competent person, specialized inquiry unit.*

Расследование уголовных дел является неотъемлемой частью работы правоохранительных органов Российской Федерации. Органы внутренних дел (далее – ОВД), входящие в структуру правоохранительных органов, оказываются единственным государственным учреждением, куда поступает первоначальная информация о совершении преступления. Сотрудники полиции, входящие в состав ОВД и наделенные полномочиями органа дознания обязаны немедленно отреагировать на поступившую информацию и принять меры, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Анализируя различные точки зрения о производстве предварительного расследования в форме дознания, хочется отметить высказывание советского процессуалиста М.С. Строговича, который под дознанием понимал первоначальный этап расследования, основной целью которого являлось фиксация следов преступления и проведение неотложных следственных действий [1, с. 27]. Таким образом, речь о дознании, как об одной из форм расследования преступлений, даже не шла. А в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР отсутствовал процессуальный статус дознавателя, лишь в некоторых нормах УПК РСФСР встречалось «лицо, производящее дознание». Именно в советское время первоначальные или неотложные следственные действия по поручению начальника ОВД производили практически любые сотрудники милиции.

Первое упоминание в законе о дознавателе, как о лице, наделенном соответствующими полномочиями по расследованию уголовного дела в форме дознания и выполнению иных полномочий, отражено в Уголовно-процессуальном

кодексе РФ 2001 года. Однако, существующее на сегодняшний день определение порождает в практической деятельности массу проблем во взаимоотношениях между сотрудниками ОВД, которые в силу ч. 1 ст. 41 УПК РФ могут быть наделены полномочиями по расследованию уголовного дела, т.е. полномочиями дознавателя.

Так, поручая проверку сообщения о преступлении, начальник отдела полиции наделяет сотрудника уголовного розыска или участковых уполномоченных полиции полномочиями дознавателя. Однако, документ, подтверждающий делегирование полномочий на проверку, в материалах дела чаще всего отсутствует. Такие нарушения приводят к тому, что данный сотрудник не имеет право проводить проверку сообщения, что влечет за собой признания действий по проверке сообщения незаконными и, как следствие, недопустимыми доказательствами.

В современном уголовно-процессуальном пространстве, дознаватель одновременно является должностным лицом, производящим расследование преступлений в одной из форм предварительного расследования. В этой связи необходимо установить, кто из должностных лиц ОВД действительно обладает уголовно-процессуальной компетенцией по расследованию преступлений и полномочиями должностного лица органа дознания, и каковы пределы их прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве. Вернемся к действующему уголовно-процессуальному законодательству.

В пункте 7 статьи 5 УПК РФ под дознавателем понимается должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а так же иные полномочия, предусмотренные законом [2]. Данное определение породило в научной среде массу споров. А.П. Рыжаков считает, что под дознавателем следует понимать должностное лицо органа дознания, которое в порядке ст. 144 УПК РФ правомочно проводить проверку поступивших в орган внутренних дел заявлений и сообщений, а также производить неотложные следственные действия, исполнять поручения следователя [3, с. 94].

Определение, данное А.П. Рыжаковым, является, на наш взгляд, слишком перегруженным по смыслу, поскольку в нем лишь перечислены процессуальные полномочия дознавателя, которые дублируются в ст. 41 УПК РФ.

Кроме того, понимание того, что штатный дознаватель специализированного подразделения дознания является одним из субъектов уголовного судопроизводства, выполняющим закрепленные за ним в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона полномочия, то наделение полномочиями дознавателя любого из сотрудников органов внутренних дел является неверным процессуальным решением начальника отдела полиции. Данная потребность возникала во времена перехода от УПК РСФСР к новому уголовно-процессуальному законодательству, когда в отдельных субъектах Российской Федерации имелся определенный «кадровый голод» и не были сформированы должным образом специализированные подразделения дознания.

Полномочия штатных сотрудников подразделений дознания в настоящее время, в связи с множественными изменениями, внесенными в УПК РФ на протяжении его существования с 2001 года, так же претерпели значительные изменения. По сути, деятельность штатного дознавателя перестала отличаться от деятельности следователя при расследовании уголовных дел. В настоящее время дознаватели имеют достаточно высокую квалификацию, поскольку с течением времени значительно расширился круг составов преступлений, расследуемых в форме дознания. Они, так же как и следователи, имеют единый процессуальный статус, наделены равными процессуальными правами и обязанностями. Основное отличие на наш взгляд, заключается большой процессуальной самостоятельности следователя, чем дознавателя, поскольку процессуальное руководство дознавателем осуществляет кроме начальника подразделения дознания, начальник органа дознания и прокурор.

Считаем необходимым разграничивать диапазон процессуальных функций, возлагаемых непосредственно на сотрудников органа дознания и на дознавателя. Полномочия органов дознания должны быть минимизированы и ограничиваться рамками статей 144 и 157 УПК РФ. Таким образом, необходимо исключить возможность наделениями полномочиями дознавателя сотрудников других служб и подразделений.

Такой же точки зрения на данную проблему придерживаются некоторые ученые-процессуалисты, например М.М. Кузембаева считает необходимым переосмыслить деятельность дознавателя как участника со стороны обвинения и четко закрепить в законе решение об однозначном понимании его процессуальных полномочий [4, с. 4].

Органы внутренних дел являются сложным структурным учреждением, в состав которого входят различные службы и подразделения. Отнеся ОВД к органам дознания, законодатель не разъяснил, какие именно должностные лица ОВД наделены уголовно-процессуальными полномочиями органа дознания. Хотя одним из направлений деятельности органов внутренних дел согласно ФЗ «О полиции» и является выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам [5]. Вместе с тем, в данном законе не закреплены конкретные подразделения полиции, исполняющие данную функцию.

По общему пониманию в состав ОВД входят территориальные (в том числе линейные) управления (отделы, отделения, пункты) в состав которых входят различные службы, такие как патрульно-постовая служба, экспертно-криминалистическая служба и т. д. Однако это вовсе не означает, что патрульный ППС, участковый уполномоченный полиции или сотрудник ГИБДД наделены полномочиями по расследованию уголовных дел.

Например, согласно пп. 6–7 раздела I Приказа МВД РФ от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» [6] к основной задаче строевых подразделений ППСП относится охрана общественного порядка в общественных местах и содействие подразделениям полиции, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. На приведенном примере мы видим, что в полномочия сотрудников ППС не входит ни расследование уголовных дел, ни проверка сообщений граждан и юридических лиц о преступлениях.

Исходя из типового положения (приложение № 2) Приказа МВД России от 15.06.2020 № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» подразделение дознания действует в пределах своей компетенции [7].

Основными задачами подразделения дознания являются рассмотрение сообщений о преступлениях, предварительное расследование в форме дознания по подследственным дознавателю уголовным делам, их предупреждение, выявление и раскрытие, а также реализация иных полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации [7]. Все указанные выше полномочия дублируются с основными полномочиями дознавателя, закрепленных в ст. 41 УПК РФ.

Вместе с тем функцию, связанную с выявлением преступлений выполняют и участковые уполномоченные полиции. Так, на основании п. 9.1 ч. 9 раздела I Приказа МВД России от 29 марта 2019 № 205 «участковым уполномоченным полиции необходимо принимать меры, которые направлены на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений» [8].

Статьями первой и второй главы I Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», основными задачами оперативно-розыскной деятельности является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации; установление имущества, подлежащего конфискации [9].

Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 608 г. Москва «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации к оперативно-розыскной деятельности допускаются по должности начальники подразделений в составе территориальных органов МВД России и их заместители, ответственные

за деятельность подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Проведя анализ действующих нормативно-правовых актов МВД России, регулирующих деятельность подразделений и служб, входящих в состав полиции, можно сделать вывод о том, что в их компетенцию так же не входит расследование уголовных дел, даже при делегировании им полномочий дознавателя начальником органа дознания.

Кроме того, и процессуальное определение должностного лица органа дознания в законе не закреплено. Анализ норм УПК РФ и ведомственных нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что к должностным лицам органа дознания относятся подразделения органов внутренних дел, функциями которых является – выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений.

Данный факт так же не нашел своего отражения в ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ. Законодателем не было указано, кому конкретно начальник органа дознания уполномочен «поручать проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном УПК РФ, а также производство дознания и неотложных следственных действий по уголовному делу, лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в их проверке» [2].

Вместе с тем, нам кажется верным мнение О.Н. Игнатовой о существующей коллизии процессуальных норм: «Законом предусмотрены дознаватель правомочный и дознаватель уполномоченный. Правомочному дознавателю, по смыслу закона, нет необходимости принимать процессуальные полномочия от начальника органа дознания: он уже уполномочен законом. Однако, в силу требований ч. 1 ст. 41 УПК РФ, полномочия органа дознания, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ, возлагаются на дознавателя начальником органа дознания путем дачи письменного поручения. Получается, что и правомочному, и уполномоченному дознавателю начальник органа дознания делегирует процессуальные полномочия!» [10, с. 269].

Статья 144 УПК РФ не содержит перечень должностных лиц органа дознания, которые вправе проводить проверку сообщений о преступлении, упоминая орган дознания в целом, наряду с остальными участниками уголовного судопроизводства. При этом из общего списка лиц, уполномоченных на проведение проверки сообщения о преступлении «выпали» такие должностные лица, как начальник органа дознания и начальник подразделения дознания.

Изложив в данной работе наше мнение по поводу имеющейся проблематики важных участников процессуального производства, мы полагаем, что было бы верным изложить пункт 7 статьи 5 УПК РФ в следующей редакции: «Дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное осуществлять предварительное расследование в форме дознания и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ»; часть 1 статьи 144 УПК РФ: «Дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, а так же должностные лица органа дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом…»; статью 5 УПК РФ дополнить пунктом 7.1 «Должностное лицо органа дознания – это сотрудники правоохранительных органов, уполномоченные осуществлять проверку сообщений о преступлениях, а так же производство следственных действий по поручению начальника органа дознания».

Литература

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1978. Т. 2.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020). СПС КонсультантПлюс.

3. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учебник. М., 2002.

4. Кузембаева М.М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и

Bibliography

1. Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. Moscow, 1978. Vol. 2.

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of 18.12.2001 (ed. of 08.12.2020). LRS ConsultantPlus.

3. Ryzhakov A.P. Criminal process: textbook. Moscow, 2002.

4. Kuzembaeva M.M. Functional characteristics of the activities of the investigator and the

органа дознания в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006.

5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О полиции». СПС КонсультантПлюс.

6. Приказ МВД РФ от 29.01.2008 № 80 (ред. от 12.02.2015) «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции». СПС КонсультантПлюс.

7. Приказа МВД России от 15.06.2020 № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». СПС КонсультантПлюс.

8. Приказа МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности». СПС КонсультантПлюс.

9. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об оперативно-розыскной деятельности». СПС КонсультантПлюс.

10. Игнатова О.Н. Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве: понятие, признаки, способы. Вопросы Российского международного права. 2019. № 7-1.

body of inquiry in the criminal process of Russia: abstract of the dis. ... PhD in Law. Omsk, 2006.

5. Federal Law № 3-FZ of 07.02.2011 (as amended on 29.12.2020) «On the Police». LRS ConsultantPlus.

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 80 of 29.01.2008 (ed. of 12.02.2015) «Issues of organizing the activities of combatant units of the patrol and post service of the police». LRS ConsultantPlus.

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 430 dated 15.06.2020 «Issues of organizing the activities of inquiry organization units (inquiry units) of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». LRS ConsultantPlus.

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 205 dated 29.03.2019 «On the service of the district police commissioner in the serviced administrative area and the organization of this activity». LRS ConsultantPlus.

9. Federal Law № 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on December 30, 2020) «On operational investigative activities». LRS ConsultantPlus.

УДК 342.4 (470)
ББК 67.400

Анохин Юрий Васильевич
Anokhin Juri Vasilyevitch

заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе)
доктор юридических наук, профессор.

Deputy Head of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work),
Doctor of Law, Professor.

О РОЛИ СОВЕТСКИХ КОНСТИТУЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

On the role of Soviet constitutions in the formation of constitutionalism in Russia

В статье изложена авторская позиция относительно значения советских конституций для становления и развития конституционализма в России. Особое внимание уделяется признанию значимости конституционализации в нашей стране как процессу, основанному на общеправовых ценностях конституций, способствующему развитию цивилизованных форм обеспечения прав человека.

Ключевые слова: *конституционализм, права человека, взаимоотношения государства и личности, первые советские конституции, верховенство закона, принципы права.*

The article presents the author's position on the significance of the Soviet constitutions for the formation and development of constitutionalism in Russia. Special attention is paid to the recognition of the importance of constitutionalization in our country as a process based on the general legal values of constitutions, contributing to the development of civilized forms of ensuring human rights.

Keywords: *constitutionalism, human rights, relations between the state and the individual, the first Soviet constitutions, the rule of law, the principles of law.*

Тематика конституционализма не является новой для современной юридической науки, но вместе с тем остается актуальной и востребованной в отечественной государственно-правовой литературе последних лет [1–5; 6, с. 28–36].

В современной юридической науке приводятся различные точки зрения исследователей российского конституционализма на его определение. С нашей точки зрения интересной видится позиция Ю.Л. Шульженко, согласно которой «…конституционализм трактуется как сложная, многоплановая, общественно-политическая, государственно-правовая категория. Наиболее целесообразно и продуктивно рассматривать конституционализм с двух сторон. Во-первых, как реальную государственно-правовую практику. Ее атрибутом является наличие конституции как особого документа общества, государства, занимающего верховное положение в отношении всех элементов политической системы, их актов, обладающего высшей юридической силой в правовой иерархии. Во-вторых, конституционализм теоретический, который представляет собой сумму знаний по данной проблематике в обществе. Он находит свое выражение главным образом в конституционных проектах, документах политических партий, высказываниях представителей политической мысли и особенно в трудах ученых-государствоведов…» [7, с. 6].

Говоря об основах конституционализма, профессор Н.С. Бондарь в самом обобщенном плане предлагает определить следующие его структурные характеристики: «Во-первых, конституционализм есть конституционная доктрина, философско-правовая концепция развития общества и государства (это гносеологическая составляющая конституционализма). Во-вторых, это нормативно-правовой конституционализм как система конституционного позитивизма в его сочетании с естественно-правовыми началами нормативных характеристик российского конституционализма. В-третьих, это онтологический конституционализм, который предстает как конституционно-правовая практика (в самом широком смысле ее понимания, включая законотворческую, правоприменительную и так далее). В-четвертых, это конституционализм как одна из форм общественного сознания, характеризующаяся единством конституционной психологии и конституционной идеологии,

на основе которых происходит формирование (хочется надеяться) качественно новой конституционной культуры» [8, с. 1–29].

Важным событием в истории нашего государства является становление отечественного конституционализма. Конституционализм не следует рассматривать как простое порождение конституции как основного закона государства. С учетом нашей отечественной истории важно учитывать конкретно-исторические, национально-специфические условия, напрямую влияющие на формирование отечественных государственных и правовых институтов, отечественной политической и правовой мысли. Отсюда вытекает важность исторического подхода к проблемам российского конституционализма.

Многие ученые-конституционалисты в своих трудах, посвященных изучению проблем становления и развития российского конституционализма, акцентировали внимание на такой важной проблеме, как периодизация российского конституционализма [9, с. 39; 10, с. 35–60; 11; 12, с. 95–166; 3, с. 80–82; 13, с. 179–291; 5, с. 49]. Не останавливаясь подробно на данной проблеме, отметим, что нам более импонирует позиция, которую высказал И.А. Кравец в своей монографии «Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления», выделяя следующие этапы эволюции конституционализма в России:

– период дворянского или правительственного конституционализма, который включал возникновение конституционных идей, разработку проектов конституции или в недрах дворцового окружения царя, или дворянской оппозицией;

– период монархического конституционализма в условиях думской монархии (1906 г. – февраль 1917 г.);

– период советского строительства в условиях однопартийной политической системы, которая постепенно эволюционировала от диктатуры пролетариата к общенародному государству (октябрь 1917 г. – конец 1980-х годов);

– переходный период от советской республики и советского государственного права к демократическим институтам конституционного права (1989–1993 гг.);

– конституционная реформа 1993 г., становление новых конституционно-правовых институтов в условиях смешанной республики с преобладанием института президентской власти в системе государственных органов [3, с. 82].

С нашей точки зрения, относительно двух первых выделенных автором периодов следует говорить как о предпосылках конституционализма в России. Советский же период, полагаем, следует рассматривать как непосредственно этап зарождения и становления конституционализма в нашей стране. Хотя некоторые современные исследователи утверждают, что «конституционализм в советский период считался элементом буржуазной правовой идеологии, неприемлемым в условиях советского строительства» [14, с. 68].

Если даже в советский период отечественная юриспруденция не использовала понятие «конституционализм» для характеристики конституционного развития государства, сам факт наличия конституций, определяющих организацию политической власти в стране, совокупность прав, свобод и обязанностей граждан, избирательная система и т.д. говорят о существовании конституционализма хотя бы с точки зрения нормативизма.

В данном случае мы исходим из того, что производным понятия «конституционализм»* является как раз конституция, хотя, как утверждает Л.Г. Коновалова, не равнозначно ему и имеет множество интерпретаций в юридической и политической науке [15, с. 17–21]. Конституция – прежде всего закон, обладающий высшей юридической силой по отношению ко всем остальным нормативным правовым актам, провозглашающий и гарантирующий права и свободы человека и гражданина, а также определяющий основы общественного строя, форму правления и территориального устройства, основы организации центральных и местных органов власти, их компетенцию и взаимоотношения, государственную символику и столицу.

Конституционализм воспринимается как базирующийся на признании верховенства конституции политико-правовой режим, государственный строй или политическая система, а также как некое учение о конституции и устанавливаемых ею ценностях. В любом случае теория конституционализма обогащает принцип господства закона, поскольку подчеркивает, что конституция, будучи основным законом страны, призвана обеспечить единство и стабильность всей правовой системы того или иного государства [15, с. 17–21].

С нашей точки зрения, не следует политизировать происходящие процессы, а нужно давать юридическую оценку на основе тщательного, развернутого анализа действовавшего на тот период законодательства и, прежде всего, конституций.

В настоящее время особенно отмечается всплеск негативного отношения к Российской

* В этом случае мы уходим от этимологии данного термина, начиная со времен Древнего Рима.

Федерации со стороны так называемых наших западных и американских партнеров. Это закономерный исход забвения своей истории у нас. Мы сами позволили себе и другим негативно относиться к своей истории в угоду политических амбиций. Отечественная политическая элита с ненавистью разрушала достижения советского периода, акцентируя внимание исключительно на негативных моментах. Выхолощены учебники по истории России, на что в своем Послании Федеральному Собранию РФ обратил внимание Президент РФ В.В. Путин*. Если мы не уважаем своей истории, независимо от политических взглядов, с неуважением позволят относиться к нам и другие.

Судьбу формирования конституционализма в России невозможно понять, если не учитывать влияния, которое оказала на их становление Октябрьская революция 1917 года и в целом период социалистического развития нашего государства. Согласимся с мнением профессора В.В. Невинского о том, что революция «стала отправной точкой семидесятилетней истории советского социалистического государства в России, закономерен ретроспективный взгляд на многие ключевые вопросы конституционно-правового развития России советского и постсоветского периодов». При этом важно, по мнению автора, чтобы такой взгляд был «максимально выдержан, с одной стороны, без тотального разрыва исторической нити отечественной государственно-правовой мысли, что однажды уже наблюдалось в XX в. по отношению к досоветской государственно-правовой доктрине, а с другой стороны, без некритичной апологетики узкоклассового и изоляционистского подходов к восприятию теоретических государственно-правовых конструкций, положенных в основу практики жизни отдельного человека, устройства советского и постсоветского общества и государства» [16, с. 569].

Новая власть провозгласила принципы, на основе которых происходило освобождение народных масс от эксплуатации, ликвидация всех видов социального и национального угнетения и неравенства, установление широких демократических прав и свобод трудящихся во всех областях жизни общества – в хозяйстве и культуре, политике и социальном развитии.

Новые отношения между государством и личностью, утверждавшиеся в России, получили нормативное закрепление в обращениях Второго Всероссийского Съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам», «О полноте власти Советов», Декларации прав народов России (ноябрь 1917 г.), декретах о земле, о мире, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, а также других документах, определяющих основы государственно-правового статуса человека. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (ноябрь 1917 г.) были ликвидированы сословные и чиновничьи привилегии и последовательно распространялась идея равноправия людей.

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая в январе 1918 г., подошла к решению проблемы прав и свобод на основе ликвидации частной собственности на средства производства и установления новых социально-экономических порядков. Декларацией был провозглашен переход всей полноты власти в руки трудящихся, уничтожение любых форм эксплуатации человека человеком, создание социалистического государства, основанного на труде.

Основы, заложенные Декларацией 1918 г., получили дальнейшее развитие в последующих правовых актах социалистического государства. Так, Конституция РСФСР 1918 г. была призвана ликвидировать существовавшие в дореволюционной России сословные, национально-религиозные и другие привилегии и ограничения и утвердить достоинство человека труда.

Существенное развитие в рамках механизма обеспечения прав и свобод личности получило право граждан на образование. Особенно актуальной эта проблема была для России исследуемого периода, так как насчитывалось огромное количество неграмотных – более 54 млн человек (на каждую тысячу человек населения приходилось лишь 319 грамотных) [17, с. 103]. Для решения этой задачи на первых этапах создавались школы для малограмотных. И если в 1922 г. в них обучалось 500 тыс. человек, то в 1925 г. – 1,4 млн. Примерно 40 % всех взрослых было обучено активистами Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность». К 1932 г. была завершена

* Из Послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 21.04. 2021: «Очень важно, чтобы для молодых людей ориентиром в жизни служили судьбы и победы наших выдающихся предков и, конечно, современников, их любовь к Родине, стремление внести личный вклад в ее развитие. У ребят должна быть возможность в передовых форматах познакомиться с отечественной историей и многонациональной культурой, с нашими достижениями в сфере науки и технологий, литературы и искусства» // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru.

программа всеобуча, начальной школой было охвачено 98 % детей школьного возраста.

Первые советские конституции устанавливали права трудящихся на пользование землей, участие в рабочем контроле и управлении производством, в использовании свободы мнений, союзов, собраний, избирательных прав [18, ст. 5–7, 79; 19, ст. 2, 8–10; 20, ст. 4–6, 70; 21, ст. 3, 10, 119; 22, ст. 3, 14–16, 64; 23, ст. 3, 20, 24–26]. В соответствии с Конституцией 1918 г. участвовать в выборах могли граждане обоего пола независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, достигшие ко дню выборов 18 лет и занимающиеся общественно полезным трудом, т.е. «рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и пр., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли» [24, с. 154]. Также по Конституции устанавливалось, что активным и пассивным избирательным правом пользовались солдаты, матросы и трудящиеся, потерявшие в какой-либо мере трудоспособность. Важно подчеркнуть, что в это же время избирательным правом пользовались и иностранцы, проживающие на территории Советской России, если они принадлежали к категории трудящихся и занимались общественно полезным трудом.

Следует отметить, что в законодательстве того времени закреплялись лишения прав отдельных лиц и некоторых групп населения, которые могли использоваться в ущерб социалистической революции. В частности, избирательных прав лишались эксплуататоры (лица, прибегающие к наемному труду, живущие на нетрудовые доходы – проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества), частные торговцы, коммерческие посредники и т.д. Лишались избирательных прав служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царской семьи и их окружение. Лишены были избирательных прав монахи, духовные служители церквей и религиозных культов*. Объяснялось это активной контрреволюционной деятельностью церкви, которая не признавала советской власти.

Только Конституцией СССР 1936 г. было введено всеобщее избирательное право (ст. 135) и исключены ранее существовавшие ограничения для определенных категорий граждан, в том числе священнослужителей. Предоставленные права не только декларировались, но частично проводились в жизнь. По этой Конституции были расширены социально-экономические, культурные и личные права граждан. Так, в ст. 119–121 Конституции закреплялись: 7-часовой рабочий день, ежегодный оплачиваемый отпуск, всеобщее восьмилетнее образование, бесплатное медицинское обслуживание.

Лишь в 1940 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня в целях повышения обороноспособности страны были внесены изменения, предусматривающие увеличение рабочего времени и укрепление трудовой дисциплины. Продолжительность рабочего дня была увеличена с 7 до 8 часов, и с пятидневной рабочей недели был осуществлен переход на шестидневную рабочую неделю. Исключение составляли профессии с вредными условиями труда. Была введена уголовная ответственность за прогул, причем опоздание на 20 минут или появление на рабочем месте в нетрезвом состоянии рассматривались как прогул [17, с. 149].

Конституция СССР 1936 г., намного опередив буржуазные государства, провозгласила право граждан на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни или потери трудоспособности, а также равноправие мужчины и женщины во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Право на труд выступало наиболее важным правом в системе прав человека. По сути, безработица в стране была ликвидирована уже в 30-е гг. Обеспечение полной занятости населения ставило проблему поиска новых форм стимулирования труда и укрепления трудовой дисциплины. В 1938 г. для всех рабочих и служащих постановлением СНК СССР были введены единые трудовые книжки, в которых отражался весь трудовой путь работника. Одновременно для лучших работников была установлена высшая мера трудового отличия – звание Героя Социалистического труда, учреждены медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Ликвидация безработицы и обеспечение полной занятости населения выступало одним из наиболее важных показателей развития механизма обеспечения прав человека в России.

В целях дальнейшего совершенствования механизма обеспечения прав и свобод личности

* Статья 23 Конституции РСФСР, ст. 33 Конституции УССР и соответствующие статьи конституций других республик. В статье 5 Конституции ССР Армении говорилось: «Эксплуатирующие классы лишаются вообще политических прав и в особенности права занятия политических постов».

проводились мероприятия по реализации конституционного права на материальное обеспечение в случае старости, а также потери трудоспособности. В 1956 г. был принят Закон «О государственных пенсиях», который значительно расширил круг лиц, имевших право на пенсию, установил единые правила начисления пенсий рабочим и служащим, значительно повысил пенсии, установил их минимальный и максимальный размеры.

Развитие механизма обеспечения прав человека способствовало созданию широкой сети школ, техникумов, институтов и возможности получения бесплатного образования. Принятые меры позволяли каждому желающему получить соответствующее образование, стать квалифицированным специалистом. Народ получил реальные возможности овладеть достижениями науки, культуры, искусства и получать глубокие профессиональные знания [25, с. 23–24]. В достаточно короткий срок из среды трудящихся вышла плеяда талантливых ученых, инженеров, военачальников, театральных деятелей, работников иных отраслей народного хозяйства и культуры.

Важно отметить, что нормативная база и правоприменительная практика правоохранительных органов строились в соответствии с духом «революционного» правосознания. При этом никак не ограничивались всевластие партийных чиновников и административного аппарата государства, внесудебные и судебные репрессии, расправы с неугодными, контрреволюционерами и оппозицией. Происходящее обосновывалось потребностями революции, оправдывались прямые насильственные действия и акции, опирающиеся на «революционное» правосознание. Такое положение давало обоснование насилию и стало предпосылкой оправдания произвола, беззакония в первое послеоктябрьское время и в особенности в условиях сталинского правления. Такого рода насильственные действия, акты террора занимали все большее место в жизни общества, существенно ограничивая возможности правовой защиты личности. Установившийся в стране режим массовых репрессий и террора, под предлогом борьбы с «врагами народа», позволил привлечь к уголовной ответственности и приговорить к расстрелам либо к длительным срокам лишения свободы более 20 млн советских граждан. Упрощенный порядок судопроизводства, внесудебные расправы, привлечение к уголовной ответственности по мотивам социальной опасности лица и многие другие нарушения законности, непозволительные в любой цивилизованной стране, Советское государство закрепило в своих законах и неукоснительно проводило в жизнь [26, с. 139].

В конце 50-х – начале 60-х гг., в период хрущевской оттепели, стал нарастать позитивный процесс, характеризовавшийся развитием демократии, осуждением культа личности и другими радикальными переменами. После смерти Сталина в законодательстве было упразднено то, что во второй половине 30-х годов и в последующие годы способствовало незаконным репрессиям – действие внесудебных карательных органов, ограничения процессуальных гарантий. Во второй половине 50-х и в 60-е годы состоялась общая законодательная реформа, были обновлены основные отрасли законодательства (уголовное, гражданское, процессуальное, трудовое, семейное, земельное), которые способствовали более эффективной правовой защите личности. Издавались новые нормативные акты, в частности, об охране окружающей среды, атмосферного воздуха, животного мира. Подлинный прорыв произошел в сфере обеспечения права на неприкосновенность личности. Большое значение имели начавшаяся реабилитация многих тысяч невинно осужденных, проведение правовой реформы. Однако в силу конкретно-исторических причин как внутреннего, так и международного порядка развитие института прав и свобод в нашей стране не обошлось без конфликтов и противоречий.

Начиная с 60-х гг. в СССР происходит обострение проблемы обеспечения прав и свобод человека. Проводимые кампании против церкви, политических и культурных прав граждан способствовали дальнейшему ограничению свободы совести, преследованиям отдельных писателей и художников. Преследованию подвергались в основном те, чья деятельность носила политический характер.

Вместе с тем данный исторический период развития нашего государства характеризуют и положительные действия в области развития прав и свобод личности. Главным считается подписание СССР Международных пактов о правах человека (1966 г.) и Хельсинского заключительного акта (1975 г.). Таким образом, Советский Союз взял на себя международно-правовые обязательства по соблюдению прав человека, признав их значимость. Этот факт был зафиксирован в Конституции СССР 1977 г. (ст. 29), расширившей круг конституционных прав и обязанностей граждан: право на жилище (ст. 44), пользование достижениями культуры (ст. 46), участие в управлении государственными и общественными делами (ст. 48), свободу

творчества (ст. 47), а также презумпция невиновности (ст. 54–58, 160).

Очередная попытка осуществления преобразований в сфере прав человека была предпринята в стране в 1985 г. Было предложено реформировать все устои советского общества на основе «ускорения», «гласности» и «перестройки».

Но наиболее заметные изменения в вопросах правовой защиты личности начались в 1987–1990 гг. После январского 1987 г. Пленума ЦК КПСС в СССР было заявлено о необходимости создания новой модели «социализма с человеческим лицом» на основах «демократизации». Согласно реформаторской стратегии должна была быть разрушена командно-административная система и осуществлено укоренение состязательности во всех сферах жизни.

В данный период были внесены изменения в Основной Закон государства, проведены демократические выборы в законодательные органы со вступлением в действие в 1989 г. постоянно работающего Верховного Совета СССР. Так, например, Законом СССР от 1 декабря 1988 г. были внесены изменения и дополнения в Конституцию СССР 1977 г., разработанные во исполнение решений XIX партконференции, согласно которым Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР, съезды народных депутатов и верховные советы союзных и автономных республик, местные советы народных депутатов стали составлять единую систему представительных органов государственной власти – Советы народных депутатов. Этот орган наделялся широким кругом полномочий, отнесенных к ведению СССР. В основном Съезд созывался Верховным Советом СССР один раз в год, но были предусмотрены возможности созыва и внеочередных съездов.

Таким образом, становление конституционализма представляет собой длительный процесс развития институтов государственного управления на основе признания и обеспечения реализации таких ценностей, как права человека, разделение властей, правовая и социальная государственность, плюралистическая политическая демократия, рыночная экономика и т.п. Поэтому к этому наследию нужно относиться бережно и трепетно, понимая, что истинное назначение конституционного права заключается как раз в том, что оно не просто одна из отраслей права, а ядро всей политической и правовой системы государства.

Закончить свою статью хотелось бы метким высказыванием почетного профессора СПбГУ, академика РАН, доктора юридических наук, профессора Ю.К. Толстого: «А вообще настоящая демократия, настоящий конституционализм у нас может воцариться или водрузиться только тогда, когда мы научимся цивилизованным образом, именно цивилизованным, не только брать власть, но и достойно уходить с политической арены. Вот это будет действительно торжество конституционализма. А пока нам до этого очень и очень далеко» [8, с. 1–29].

Литература

1. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма. М., 1996.

2. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: вопросы истории и теории. СПб., 1998.

3. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX в. М., 2000.

4. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003.

5. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008.

6. Кучеренко П.А. Конституционализм как идеология публичного права современной Германии // Право и государство. 2013. № 7 (103).

7. Государственный строй монархической России: реалии, проекты, идеи, споры / под ред. Ю.Л. Шульженко. М., 2008.

8. Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика: стенограмма круглого стола кафедры государственного и административ-

Bibliography

1. Stepanov I.M. Lessons and paradoxes of Russian constitutionalism. Moscow, 1996.

2. Romashov R.A. Modern constitutionalism: issues of history and theory. St. Petersburg, 1998.

3. Kravets I.A. Constitutionalism and the Russian statehood in the early of the 20th century. Moscow, 2000.

4. Bobrova N.A. The constitutional order and constitutionalism in Russia. Moscow, 2003.

5. Kutafin O.E. Russian constitutionalism. Moscow, 2008.

6. Kucherenko P.A. Constitutionalism as an ideology of public law in contemporary Germany // Right and state. 2013. № 7 (103).

7. Monarchical political system of Russia: realities, projects, ideas, debates, ed. by J. Shulzhenko. Moscow, 2008.

8. Court («live») constitutionalism: the doctrine and practice: a transcript of a round table of

ного права юридического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 3.

9. Авакьян С.Ф. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997.

10. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1997.

11. Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. М., 1998.

12. Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000.

13. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. 2-е изд.: в 2 т. М., 2006. Т. 1.

14. Коноваленко О.Л. Становление и развитие конституционализма в России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.

15. Коновалова Л.Г. Конституционализм как составная часть принципа верховенства закона // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4.

16. Невинский В.В. Избранные труды. М., 2021.

17. Курицын В.М. Развитие прав и свобод в Советском государстве. М., 1983.

18. Конституция Азербайджанской Советской Социалистической Республики // СУ АзССР. 1921. № 5.

19. Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики 1919 г. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda/.

20. Конституция Советской Социалистической Республики Армении. М., 1923.

21. Конституция Советской Социалистической Республики Грузии. Тифлис, 1922.

22. Конституция РСФСР 1918 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm.

23. Конституции Украинской Советской Социалистической Республики // СУ Украины. 1919. № 19.

24. История Советской Конституции (1917–1956). М., 1957.

25. Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2007.

26. Общая теория права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1996.

the Department of state and administrative law of law faculty of St. Petersburg State University (St. Petersburg, March 5, 2011) // Journal of constitutional justice. 2011. № 3.

9. Avakyan S.F. The Constitution of Russia: nature, Evolution, modernity. Moscow, 1997.

10. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation. Moscow, 1997.

11. Parkhomenko A.G. Ideas of Russian constitutionalism and their implementation in the domestic constitutional (state) law. Moscow, 1998.

12. Medushevsky A.N. Constitutional projects in Russia // Constitutional Projects in Russia. XVIII – the beginning of the XXth century. Moscow, 2000.

13. Avakyan S.A. Constitutional law of Russia: training course. 2 ed.: in 2 v. Moscow, 2006. Vol. 1.

14. Konovalenko O.L. Formation and development of constitutionalism in Russia: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2005.

15. Konovalova L.G. Constitutionalism as an integral part of the principle of the rule of law // State power and local self-government. 2020. № 4.

16. Nevinsky V.V. Selected Works. Moscow, 2021.

17. Kuritsyn V.M. Development of rights and freedoms in the Soviet state. Moscow, 1983.

18. Constitution of the Azerbaijani Soviet Socialist Republic // SU AzSSR. 1921. № 5.

19. Constitution of the Belarusian Soviet Socialist Republic of 1919. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda/.

20. Constitution of the Soviet Socialist Republic of Armenia. Moscow, 1923.

21. Constitution of the Soviet Socialist Republic of Georgia. Tiflis, 1922.

22. Constitution of the RSFSR 1918. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm.

23. Constitutions of the Ukrainian Soviet Socialist Republic // SU of Ukraine. 1919. № 19.

24. History of the Soviet Constitution (1917–1956). Moscow, 1957.

25. Anokhin Yu.V. The mechanism of state-legal support of the rights and freedoms of the individual (on the materials of the Russian Federation): abstract of .dis. ... PhD in Law. Saratov, 2007.

26. General theory of law / edited by A.S. Pigolkin, Moscow, 1996.

УДК 327.8
ББК 66.4

Литвинова Юлия Игоревна
Litvinova Yulia Igorevna

доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Обринская Елена Константиновна
Obrinskaya Elena Konstantinovna

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат политических наук.

Senior Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Political sciences.

МЕНТАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СТРАТЕГИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Mental impact as a us foreign policy strategy

Статья посвящена анализу такого внешнеполитического инструмента как публичная дипломатия. На примере США демонстрируется целесообразность и возможности ментального воздействия на зарубежные сообщества с целью продвижения своих геополитических интересов.

Ключевые слова: *США, внешняя политика, публичная дипломатия, ментальная безопасность, геополитические интересы.*

The article is devoted to the analysis of such a foreign policy tool as public diplomacy. Using the example of the United States, there are demonstrated the expediency and possibilities of mental influence on foreign communities in order to promote their geopolitical interests.

Keywords: *the United States of America, foreign policy, public diplomacy, mental security, geopolitical interests.*

Современные тенденции развития мировой цивилизации предполагают существенную трансформацию внутригосударственной и внешней политики. Среди прочего неизбежно должен совершенствоваться и механизм обеспечения национальной безопасности. Диверсификация угроз приводит к насущной необходимости внедрения новых способов противодействия им.

Данные угрозы могут носить объективный характер (общие тенденции мирового развития – организационные, технологические, научные и т.д.) либо субъективный характер (соотношение сил в международных отношениях, геополитические интересы отдельных стран и т.п.). И если противодействовать объективным факторам нецелесообразно, да и попросту бесполезно, то обезопасить себя от деструктивного воздействия других государств вполне возможно. Для эффективного обеспечения национальной безопасности в указанной сфере необходимо сформировать четкое представление о сущности и характеристиках соответствующих угроз.

Безусловно, реализация собственных национальных интересов, в том числе в глобальном масштабе, любыми доступными путями – естественная цель любого государства, также как и их защита от посягательств других государств. Поэтому выявление способов оказания такого воздействия и формирование стратегии противодействия ему – приоритетная задача государства и актуальная исследовательская проблема.

Решение обозначенной проблемы целесообразно осуществлять в первую очередь на примере Соединенных Штатов Америки, так как они, несмотря на сравнительную молодость своей государственности, максимально эффективно реализуют технологии оказания воздействия на иностранные государства для реализации своих геополитических целей.

Одной из таких технологий является публичная дипломатия (public dyplomacy). Информационное агентство США (USIA), которое работало в этой сфере более сорока лет, определяет миссию общественной дипломатии как продвижение национального интереса и на-

циональной безопасности США через понимание, информирование и оказание влияния на зарубежную общественность и расширение диалога между американскими гражданами и организациями и их аналогами в других странах. Другими словами, задача общественной дипломатии заключается в осуществлении внешнеполитической пропаганды и продвижении позитивного имиджа США за рубежом. Целевая аудитория общественной дипломатии – правительства зарубежных стран, элита, широкие круги общественности, средства массовой информации, академическая среда. В отличие от традиционной дипломатии, которая фокусируется на диалоге между правительствами, общественная дипломатия основывается на контакте с негосударственными гражданскими общественными субъектами, такими как неправительственные организации, газеты и общественность.

Несмотря на кажущуюся невинность публичной дипломатии оказываемое ею воздействие трудно переоценить. По мнению специалистов, «американская публичная дипломатия представляет собой самостоятельный инструмент внешней политики и включает в себя такие механизмы воздействия на зарубежные общества, как информационные программы, образовательные обмены, проекты в области культуры и спорта, а также цифровую дипломатию», причем основной задачей является «расширить число приверженцев американских ценностей за рубежом и вовлечь международную общественность в политическую повестку дня, предложенную Вашингтоном» [9, с. 121]. Данная стратегия начала реализовываться непосредственно после Второй мировой войны и совершенствуется по сегодняшний день.

Первоначально мероприятия публичной дипломатии осуществлялись для обеспечения превосходства в «холодной войне», следует отметить – довольно успешно. После окончания «холодной войны» общественная дипломатия США пережила некоторый упадок, когда казалось, что она больше не нужна, так как американская политика, ценности и культура будут говорить сами за себя. Однако сейчас, в условиях растущего антиамериканизма в мире потребность в возможностях общественной дипломатии очень велика. Допускается даже, что именно «уменьшение финансирования образовательных и культурных программ обмена с 1993 по 2001 г. на 33 % … стало одной из причин развития терроризма и растущих антиамериканских настроений в мусульманском мире» [7, с. 30]. Возврат к активному использованию публичной дипломатии во внешней политике США свидетельствует об изменении приоритетов в международных отношениях.

В целом задачи общественной дипломатии формируются как реакция на вызовы, с которыми приходится сталкиваться Соединенным Штатам. Следует признать, что на современном этапе предназначение общественной дипломатии выходит далеко за рамки борьбы с терроризмом и антиамериканизмом. В процессе реализации глобального лидерства США в мире одной из основных проблем является так называемый «взлет остальных» стран, которые «могут либо открыто оспаривать международное лидерство США, провоцируя конфликт, либо интегрироваться в существующий либеральный мировой порядок. Последнее приведет к мирной эволюции, в процессе которой они адаптируются к американской системе, не внося в нее качественных изменений… В соответствии с такой логикой первостепенная задача американской внешней политики – поставить восходящие державы перед выбором, при котором наиболее выгодно подчеркивались бы преимущества интеграции и ассимиляции» [5]. Таким образом, именно диверсификация глобальных вызовов меняет стратегические установки американской внешней политики и способствует актуализации альтернативных (несиловых) инструментов, к которым относится публичная дипломатия.

Одной из наиболее характерных тенденций в современной внешней политике является выход общественной дипломатии на передний край международных отношений. Несмотря на то, что в структуре американского внешнеполитического механизма уже почти полвека функционируют подразделения, связанные с общественной дипломатией (например, USIA или AdComPD), на современном этапе усилия по реализации общественной дипломатии получают новый импульс. Именно сейчас происходит пересмотр целей и задач общественной дипломатии и организационное реформирование этой сферы.

Госдепартамент США вынужден пересматривать свою деятельность в сфере общественной дипломатии, чтобы иметь возможность адекватно противостоять проблемам и вызовам, с которыми сталкивается страна в начале нового тысячелетия. Значительную помощь в этом оказывает чиновникам Консультативная комиссия по общественной дипломатии (AdComPD), которая ежегодно представляет результаты своих изысканий и рекомендации Президенту, Конгрессу и Госдепартаменту. В своем отчете за 2005 г. Комиссия отметила, что для успешной работы общественная дипломатия должна адаптироваться к условиям XXI века [1]. Для этого практики общественной дипломатии должны быть вовлечены в политическое планирование в Вашингтоне,

Госдепартамент должен сосредоточивать свои ресурсы на успешных программах, должны быть налажены тесные контакты с неправительственным сектором и средствами массовой информации, активно использоваться технологии и инновации, причем не только Интернет.

Трансформационные процессы в сфере общественной дипломатии происходят одновременно в нескольких направлениях. В частности, в 2004 г. была создана Millennium Challenge Corporation – независимая правительственная корпорация, с целью осуществления программы внешней помощи, направленной на снижение уровня бедности в некоторых беднейших странах посредством обеспечения устойчивого экономического роста. В рамках программы предоставляются гранты странам, «которые демонстрируют через свои политические действия» перспективу «хорошего управления». Сотрудники корпорации набираются из других правительственных агентств, частного сектора, университетов, международных агентств развития, неправительственных организаций и некоммерческого сектора.

18 января 2006 г. госсекретарь обнародовала масштабный план трансформации деятельности Госдепартамента. Особое место в нем отводилось общественной дипломатии и необходимым преобразованиям в этой сфере со стороны внешнеполитического ведомства [4]. В сфере общественной дипломатии предполагалось создание региональных центров общественной дипломатии (Regional Public Diplomacy Centers), в первую очередь в Европе и в странах Среднего Востока. Эти центры должны взаимодействовать непосредственно с людьми через местное телевидение и на местных языках. Другая инициатива, выходя «за рамки традиционных дипломатических структур и зарубежных столиц», предполагала, чтобы «дипломаты переместились из-за своих столов в поле».

В рамках программы реформирования активности Госдепартамента в сентябре 2006 г. под руководством заместителя госсекретаря по общественной дипломатии и общественным делам К. Хьюз начала работу Инициатива региональных центров общественной дипломатии [2]. Медиа-центры в Лондоне, Брюсселе и Дубае позволяют увеличить американское присутствие в телерадиовещании в Европе и на Ближнем Востоке.

16 июля 2008 г. было объявлено о создании Корпуса гражданского реагирования (CivilianResponseCorps), миссия которого заключается в построении более эффективного партнерства американских правительственных агентств, министерств, гражданских и военных институтов с их коллегами за рубежом, а также, что, вероятно, еще более важно, «с зарубежными лидерами и общественностью, чьи страны находятся либо в кризисе, либо под угрозой кризиса, и которые хотят или нуждаются в нашей поддержке» [3]. Корпус состоит из трех основных групп: Корпуса активного реагирования (Active Response Corps), включающего 250 человек из правительственных агентств, Вспомогательного корпуса реагирования (Standby Response Corps), состоящего из 2000 человек, также набранных из правительственных структур, и Гражданского резервного корпуса (Civilian Reserve Corps), состав которого также около 2000 человек, но уже из частного сектора и правительств штатов.

Изменения механизма публичной дипломатии коснулись не только организационных структур, обеспечивающих ее реализацию, но и содержания осуществляемых мероприятий. Существенной трансформации, как отмечают специалисты, подверглись «региональные приоритеты и целевые аудитории публичной дипломатии», «вместо глобального охвата распространения обменов появилась отчетливая региональная фокусировка: так, в качестве приоритетных для осуществления, например, программы Фулбрайта или других сходных образовательных и культурных инициатив определены регион Северной Африки, а также страны, граничащие с Россией и в которых Россия стремится укрепить свое политико-идеологическое и экономическое присутствие», а в «качестве основных реципиентов информационных программ указаны мусульманская молодежь, а также молодежь, знающая русский язык» [9, с. 130]. Очевидно, что несмотря на окончание «холодной войны» постсоветское пространство в целом и Россия в частности остаются приоритетными объектами воздействия, которое нацелено на наиболее перспективную часть населения, которая определяет потенциал развития интересующих США обществ и государств.

Антироссийская направленность американской внешней политики не признается США, однако она становится очевидна при исследовании соответствующих внешнеполитических документов и инициатив. Многие специалисты считают, что «Вашингтон активно использует политические, экономические, информационные и другие невоенные меры санкционного давления, концепцию «мягкой силы» в качестве инструментов вмешательства во внутренние дела России для снижения авторитета власти на международной арене и внутри страны» [6, с. 38]. Приоритетное значение с точки зрения эффективности оказания такого воздействия имеет именно инструментарий публичной дипломатии.

В частности, как отмечает Н.А. Цветкова, «после распада СССР в число приоритетных задач внешней политики США … были поставлены так называемая демократизация и переход к рыночной экономике постсоветских государств, прежде всего России, составившая основное направление публичной дипломатии Вашингтона», при этом «программы публичной дипломатии включали развитие российского предпринимательства, создание партий, неправительственных организаций, реформирование образования, обучение чиновников, бизнесменов и пр.» [10, с. 37]. С начала 2000-х годов целевые группы и механизмы оказания воздействия определенным образом трансформировались. Приоритетными оказались уже не бизнесмены и правительственные чиновники, а «такие группы населения, как школьники, учителя и члены правительства РФ», которые «и по сей день остаются приоритетной целевой аудиторией программ правительства США [10, с. 38]. В рамках мероприятий публичной дипломатии осуществлялись масштабные программы, предполагающие «интенсивное обучение представителей школ и вузов, а также активной части российской молодежи в США. И это самая значительная из американских программ публичной дипломатии, поскольку она охватывает ежегодно до 9 тыс. граждан РФ…» [10, с. 41]. Казалось бы, такие программы абсолютно безвредны – американцы просто хотят поделиться достижениями своего образования, причем на абсолютно добровольной основе. Однако реципиенты в ходе пребывания в образовательных организациях на территории США перенимают местные стандарты и ценности, впитывают культурные, социальные и политические установки – это неотъемлемая составляющая таких образовательных обменных программ и программ стажировок для молодых специалистов. Показательно, что одним из обязательных условий участия в учебных программах и программах стажировок является возвращение в родное государство и работа там по специальности в течение определенного периода времени. Таким образом участники подобных программ в большей или меньшей степени оказываются проводниками тех стандартов и ценностей, которые США желали бы внедрить в соответствующие сообщества. Такое воздействие не воспринимается как нечто чуждое и поэтому будет на порядок эффективнее, чем реализуемое непосредственными агентами правительства США.

Кроме того, с 2000 годов США «начали разработку новой стратегии продвижения демократии в России: вместо создания партий и НПО принимается решение о стимулировании социального активизма россиян». Предполагалось, что «все граждане РФ должны занимать активную гражданскую позицию, участвуя не только в крупных политических событиях страны, но и в борьбе за реализацию проектов в области окружающей среды, здравоохранения, обеспечения жильем и т.д.» [10, с. 40]. Таким образом под маркой поощрения развития социального активизма и гражданского сознания (которые должны сформироваться естественным путем, а не быть насаждаемы извне) фактически создавались условия для дестабилизации социальной и политической ситуации в стране, предпосылки для очередных «цветных революций».

Инструментарий публичной дипломатии США постоянно совершенствуется в поисках путей оказания максимально эффективного воздействия на зарубежные сообщества. При том, что постсоветское пространство и после окончания «холодной войны» оставалось основным объектом воздействия, приоритетной «целевой аудиторией программ с 2014 г. было обозначено русскоязычное население стран Европы и Евразии» и «к 2017 году закончился процесс создания круглосуточной русскоязычной сети вещания «Настоящее время», работающей через спутниковые сетии Интернет, а охват аудитории увеличился с 0,1–0,3 % в 2013 г. до 6,4 % населения к 2019 г.», кроме того «было расширено вещание в странах Балканского полуострова, а также в странах бывшего Советского Союза» – «Грузии, Украине, Молдове как наиболее уязвимым перед российским влиянием» [8, с. 78]. Очевидно, что США таким образом стремятся «защитить» окружение России от российского влияния с целью «оторвать» страны постсоветского пространства от России и не допустить их интеграцию на пророссийской основе. Конечная цель всех усилий – оставить Россию в одиночестве, усилив западный блок за счет ее потенциальных партнеров.

В целом потенциал общественной дипломатии в XXI веке очень велик. Это уже не просто продвижение позитивного имиджа США за рубежом, а мощнейшая разновидность «мягкой силы», которая в перспективе может стать значительно более эффективной, чем военные методы. Осознание этого факта закрепилось в американских правительственных кругах и повлекло за собой формальные и функциональные изменения внешнеполитического механизма США, которые, прежде всего, коснулись Госдепартамента. Важнейшим направлением работы Госдепартамента на современном этапе является налаживание эффективного сотрудничества с неправительственными

организациями, через которые преимущественно и осуществляется ментальное воздействие на зарубежные сообщества.

Безусловно, сами по себе технологии публичной дипломатии могут оказаться чрезвычайно полезны для сближения различных наций и сообществ, налаживания конструктивного диалога, обмена культурным и социальным опытом. Однако в том контексте и с тем наполнением, которое характерно для внешнеполитической стратегии США, это деструктивная практика по отношению к зарубежным сообществам. Поэтому, с одной стороны, стоит не отказываться от публичной дипломатии как инструмента в принципе и даже развивать его, с другой же – следует тщательно анализировать воздействие извне, которое реализуется при помощи данного механизма и качественно противодействовать его деструктивным составляющим. Именно в этом и состоит одна из ключевых задач обеспечения ментальной безопасности государства наравне с обеспечением устойчивости собственного населения к таким воздействиям.

Литература

1. 2005 Report of the Advisory Commission on Public Diplomacy/ Letter of Transmittal; November 7, 2005. URL: http://www.state.gov/r/adcompd/rls/55903.htm.

2. Regional Media Hubs Are Amplifying U.S. Voice // Public Diplomacy Update. From the Office of Public Diplomacy and Public Affairs. – Vol. II, IssueII. URL: http://www.state.gov/documents/organization/84970.pdf.

3. Remarks At the Civilian Response Corps Rollout/ Secretary Condoleezza Rice. July 16, 2008. URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2008/07/107083.htm.

4. Transformational Diplomacy/ Office of the Spokesman, Washington, DC, January 18, 2006. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/59339.htm.

5. Барма Н., Ратнер Э., Вебер С. Мир без Запада // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/33/9969.html.

6. Жилкин В.А. Противоправное вмешательство во внутренние дела суверенных государств-членов ООН и в президентские выборы в России как инструмент внешней политики США // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1 (14).

7. Манжулина О. А. Развитие современной публичной дипломатии // Современные США: тенденции внутренней и внешней политики. СПб., 2004.

8. Федорова И.В. Современная публичная дипломатия США: проблемы и особенности развития // Манускрипт. 2020. Том 13. Выпуск 6.

9. Цветкова Н. Публичная дипломатия США // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3(42).

10. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США в России: от «демократизации» к развитию «социального активизма» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 10 (514).

Bibliography

1. 2005 Report of the Advisory Commission on Public Diplomacy/ Letter of Transmittal; November 7, 2005. URL: http://www.state.gov/r/adcompd/rls/55903.htm.

2. Regional Media Hubs Are Amplifying U.S. Voice // Public Diplomacy Update. From the Office of Public Diplomacy and Public Affairs. – Vol. II, IssueII. URL: http://www.state.gov/documents/organization/84970.pdf.

3. Remarks At the Civilian Response Corps Rollout/ Secretary Condoleezza Rice. July 16, 2008. URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2008/07/107083.htm.

4. Transformational Diplomacy/ Office of the Spokesman, Washington, DC, January 18, 2006. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/59339.htm.

5. Barma N., Ratner E., Weber S. The World without the West // Russia in Global Politics. 2008. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/33/9969.html.

6. Zhilkin V.A. Illegal interference in the internal affairs of sovereign UN member states and in the presidential elections in Russia as an instrument of US foreign policy // Russian Journal of Legal Research. 2018. № 1 (14).

7. Manzhulina O.A. Development of modern public diplomacy in the USA // Modern USA: Trends in domestic and foreign policy. St. Petersburg, 2004.

8. Fedorova I.V. Modern public diplomacy of the USA: problems and features of development. Volume 13. Issue 6.

9. Tsvetkova N. Public diplomacy of the USA // International processes. 2015. Vol. 13. № 3 (42).

10. Tsvetkova N. A. Public diplomacy of the USA in Russia: from «democratization» to the development of «social activism» // USA and Canada: economy, Politics, Culture. 2012. № 10 (514).

УДК 347.918
ББК 67

Рассказов Вячеслав Леонидович
Rasskazov Vyacheslav Leonidovich

доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, PhD in Law, Associate Professor.

ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ БАЗЫ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ЗАКОНЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ 1993 г., И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Formation of the legal framework of arbitration proceedings in post-soviet Russia: the first laws that preceded the Constitution of Russia in 1993 and their characteristics

В статье показывается, что в начале 90-х гг. XX столетия на законодательном уровне был принят ряд правовых актов и документов, регулирующих как общую судебную систему России, так и институт арбитражных судов. Отмечается, что данный процесс отражал изменения в обществе, экономике и праве. Принятые акты принципиальным образом изменили экономико-правовые отношения в целом и арбитражно-процессуальные в частности. Однако создание нового массива законодательных актов в рассматриваемой сфере сопровождалась определенной спешкой, что не могло не отразиться на их качестве, которые были устранены только после принятия в 1993 г. Конституции России.

Ключевые слова: *арбитражное судопроизводство, хозяйственные споры, экономика, рыночные отношения, законы, кадры, судья.*

The article shows that in the early 90s of the XX century, a number of legal acts and documents regulating both the general judicial system of Russia and the institution of arbitration courts were adopted at the legislative level. It is noted that this process reflected changes in society, economy and law. The adopted acts have fundamentally changed economic and legal relations in general and arbitration and procedural relations in particular. However, the creation of a new array of legislative acts in this area was accompanied by a certain haste, which could not but affect their quality, which were eliminated only after the adoption of the Constitution of Russia in 1993.

Keywords: *arbitration proceedings, economic disputes, economy, market relations, laws, personnel, judge.*

Переход России на рыночные отношения в нашей стране стал осуществляться в конце 1980-х гг., при этом наиболее активно он протекал в РСФСР, где правящая элита во главе с Б.Н. Ельциным была однозначно настроена на европейский путь развития, и уже с 1990 г. в РСФСР были провозглашены частная собственность и свободное предпринимательство. Такой подход потребовал изменения и соответствующего законодательства, включая законодательство о разрешении хозяйственных споров, то есть начавшая еще в СССР развиваться система арбитражных судов должна была найти свое место в России. Но это общий посыл. Если же его конкретизировать, то можно выделить несколько положений. В литературе в этой связи отмечается, что «закостеневшая процессуальная конструкция», которая была присуща для общих судов, для нового арбитражного судопроизводства была неприемлема. От совершенствования арбитражного судопроизводства зависит эффективность развития экономических отношений. В равной степени это касалось упрощения форм разрешения хозяйственных споров, не снижая при этом уровень юридических гарантий.

Ввиду сложности новых рыночных отношений в экономике, особенно связанных с ценными бумагами, банковской деятельностью, требовалась специализация судей, их более высокий профессионализм для эффективности защиты нарушенных прав субъектов хозяйственной деятельности, для чего новая система судов должна была быть выстроена на прин-

ципах функционального, а не линейного единства [13, с. 14]. Для этого нужно было создать арбитражные суды на базе ранее функционировавших госарбитражей. С этой целью привлекались профессиональные кадры, которые имели опыт рассмотрения экономических споров. Это способствовало безболезненному переходу к институту арбитражных судов.

И уже в июле 1991 г. в этой был принят (вслед за союзным актом) Закон РСФСР «Об арбитражном суде» [8], который действовал некоторое время и после распада советского государства. Этот закон в некоторой степени был более «продвинутым», чем такой же Закон СССР, поскольку в РСФСР в значительно большей степени, чем в большинстве других союзных республик внедрялись элементы капиталистической экономики. В этой связи в законе появились принципиально новые нормы (при сохранении такой же основы, как и в союзном законе). Так, стороной дела могло быть физическое лицо, самостоятельное осуществляющее предпринимательскую деятельность (по современной терминологии – индивидуальный предприниматель).

С политико-экономической точки зрения российский закон также выглядел ближе к европейскому духу. В первой же статье Закон РСФСР «Об арбитражном суде» указывалось на то, что арбитражное судопроизводство направлено на разрешение споров, которые связаны с гражданско-правовыми отношениями или с правоотношениями, возникающими в сфере управления имущественного характера (экономических споров). Данные споры возникают между субъектами предпринимательской деятельности и арбитражные суды обязаны эффективно и справедливо разрешить, возникающие коллизии.

Из Закона следует, что арбитражный суд относится к самостоятельной ветви власти. Четко определяется и позиция о том, что юрисдикцией арбитражного суда является разрешение споров между субъектами хозяйственной деятельности, а равно споры между субъектами хозяйственной деятельности и органами государственного управления и иными органами.

В отличие от союзного закона, российским законом предусматривалась единая система арбитражных судов: Высший арбитражный суд (ВАС) РСФСР; ВАС республик в составе РСФСР; краевые арбитражные суды; областные арбитражные суды; городские арбитражные суды; арбитражный суд автономной области; арбитражные суды автономных округов.

Следует заметить, что российским законодательством предусматривался демократический процесс назначения судебных работников. В определенной он был более демократичен, чем в настоящее время, поскольку был явно в большей степени открытым для общества. Представляется, опыт российского законодателя рассматриваемого периода может быть интересен для современного законодателя. В этом же контексте заслуживает внимания определенный в ст. 20–26 рассматриваемого закона статус арбитражного судьи, так, указывалось, что полномочия судьи не ограничены определенным сроком. Далее закреплялась норма о том, что судья несменяем, он не мог быть переведен на другую должность без его согласия. Одновременно судья не имел права высказывать публично (за исключением заседании), высказывать свое мнение о рассматриваемом деле до принятия судом решения по этому делу. Судьи арбитражного суда мог быть привлечен к дисциплинарной ответственности только в порядке, определяемом Президиумом Верховного Совета РСФСР. Независимость судей обеспечивалась их несменяемостью, а также порядком избрания и освобождения, материальным и социальным обеспечением судей.

Следует отметить, что развитие судебной системы в постсоветское время (включая и арбитражное судопроизводство) базировалось на Концепции судебной реформы, принятой в 1991 г. [10]. Вслед за этим актом, 26 июня 1992 г., был принят Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [7], который сыграл значительную роль с совершенствовании судебной системы. Данный закон по своему содержанию являлся демократическим актом, положения которого соответствовали международному праву, которое действовало в сфере правосудия [14, с. 42]. Важнейшим положением данного демократического закона являлось неприкосновенность судей, что являлось гарантией их независимости [15, с. 47]. Следует подчеркнуть, что демократические новеллы закона вытекали из Концепции судебной реформы, которую мы обозначили выше. Отметим также, что положения закона с определенными изменениями действует до настоящего времени.

Важнейшим событием в развитии арбитражного законодательства явилось принятие 5 марта 1992 г. первого в России Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [2]. Данный закон явился юридической базой образованных арбитражных судов. Как отметил в связи с этим О. Бойков, АПК РФ 1992 г. был направлен на трансформирование бывших государственных арбитражей, которые действовали в советское время, на полноценные органы правосудия [3, с. 29], призванные регулировать споры между субъектами хозяйственной деятельности, а равно споры между субъектами хозяйственной деятельности и органами государственного управления и иными органами.

Отметим, что в АПК РФ были синтезированы как арбитражно-процессуальные нормы, действующие в советский период нашего государства, так и нормы, заимствованные из законодательного опыта других стран с учетом изменения общественно-экономической формации и появления новых реалий в нашей стране.

В литературе в целом достаточно высоко оценивается как структура, так и содержание первого российского арбитражно-процессуального закона. Так, указывается, что с принятием в 1992 г. АПК РФ 1992 г. Россия впервые получила «добротный» кодифицированный законодательный акт, которым регулируется порядок рассмотрения хозяйственного спора на всех стадиях его развития [9, с. 107]. В.А. Пономаренко обращает внимание на то, что в этом законе впервые была закреплена двойная подведомственность споров арбитражному суду, причем в контексте предпосылки права на обращение в арбитражный суд, отсутствие которой формально исключало возбуждение арбитражного дела и дальнейшее производство по данному делу [11, с. 83]. Однако здесь нельзя согласиться с тем, что двойная подведомственность споров имущественного характера (как между самими хозяйствующими субъектами, так и между хозяйствующими субъектами и органами государственного управления) в этом АПК РФ появилась впервые.

Дело в том, что такая двойная подведомственность впервые была закреплена в ранее рассмотренном российской законе «Об арбитражном суде» [8]. Другое дело, что в специальном *арбитражно-процессуальном* законе это было сделано действительно впервые; кроме того, в АПК РФ 1992 г. этот аспект нашел более четкое регулирование, в частности, применительно к законодательной основе функционирования до 1991 г. только одного вида судов – судов общей юрисдикции (народных судов), понятие «подведомственность дел суду» получило новое содержание принципиального характера, что повлекло несколько позже принятие Закона РФ о внесении в действующий тогда ГПК РСФСР [4] соответствующих изменений [6]. Но и этого было недостаточно, поскольку правоприменительная практика потребовала уточнения сущности понятий «подведомственность споров арбитражному суду» (ст. 22 АПК РФ 1992 г.) и «подсудность арбитражных споров» (ст. 23 АПК РФ 1992 г.) применительно к новому судоустройству [5, с. 67]. Как новеллу в литературе отмечают также нормы кодекса, определявшие исчерпывающий круг лиц, обладающих по закону правом на обращение с кассационной жалобой на решение арбитражного суда [1] (таковыми определялись лица, участвующие в арбитражном деле).

Другим важным положением АПК РФ 1992 г. являлась норма, согласно которой в случаях, предусмотренных законодательными актами Российской Федерации, государственные и иные органы согласно ст. 3 кодекса могли предъявить иск в защиту не только государственных и общественных интересов, но также и в защиту охраняемых законом прав и интересов граждан-предпринимателей и организаций. Это, безусловно, был шаг вперед, поскольку ранее такой возможности при функционировании системы арбитражей, такой возможности не было. Это не значит, разумеется, что в АПК РФ 1992 г. не было недостатков, однако, как нам представляется, их анализ должен в максимальной степени соизмеряться с той общественно-политической и социально-экономической ситуацией, которая имела место в России в то время. Так, в АПК РФ 1992 г. принцип состязательности, как ни парадоксально, не был даже упомянут, и здесь, как нам представляется, законодатель явно не учел, что в России появились и стремительно расширялись частные имущественные отношения, и соответственно в конфликте имущественных интересов при их рассмотрении в арбитражных судах юридическое закрепление принципа состязательности просто «напрашивалось». Мы можем предположить, что отсутствие такой нормы объяснялось огромным масштабом решаемых тогда задач, на фоне которых отдельные вопросы выпадали из поля зрения

законодательного органа Российской Федерации. В этом акте недостаточно подробно отрегулированы также вопросы исполнения решений арбитражных судов; отсутствовала процедура рассмотрения так называемых вертикальных хозяйственных споров (предприниматель – орган управления) и содержался только один вид судопроизводства - исковый; не нашли четкого выделения такие принципы арбитражного судопроизводства, как непрерывность, устность и непосредственность; не было предусмотрено ведения протокола; не предусматривалось доказательства в виде свидетельских показаний [12, с. 2]. В литературе называются и другие недостатки.

Эти и другие недостатки можно объяснить переходным характером АПК РФ 1992 г., и эта «переходность», а значит и временность, была очевидной. Дело в том, что до АПК РФ, в России (с советских времен) было только два процесса: уголовный и гражданский. По обоим процессам был накоплен определенный опыт как правового регулирования, так и правоприменения, чего не было по арбитражному процессу. Важно также и то, что в постсоветской России арбитражно-процессуальный кодекс был принят очень быстро и первым из числа трех фундаментальных процессуальных кодексов (ГПК, АПК, УПК). Так, новый ГПК РФ был принят только в 2002 г., новый УПК РФ – в 2001 г. А первый АПК РФ – в 1992 г., то есть на десять лет раньше!

Мы не намерены детализировать вопрос о том, нужна ли была такая спешка с принятием АПК РФ. Отметим лишь, что, в отличие от гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений, наибольшие, можно сказать, революционные, изменения произошли в экономико-правовых , чем, вероятно, и можно объяснить тот факт, что именно АПК РФ был принят почти сразу после распада СССР, а ГПК РФ и УПК РФ – только спустя десятилетие. Естественно, при такой спешке недостатки были неизбежны.

Таким образом, в относительно короткий срок (1991–1992 гг.) на законодательном уровне был принят ряд правовых актов и документов, регулирующих как общую судебную систему России, так и институт арбитражных судов, которые отражали изменения в обществе, экономике и праве и позволили субъектам хозяйственной деятельности значительно более эффективно, чем ранее, защищать свои имущественные права, в том числе в спорах с органами государственного управления, которые в суде выступали одной из сторон в теми же процессуальными правами, что и предприниматели и другие собственники. В целом экономико-правовые отношения в целом и арбитражно-процессуальные в частности с принятием указанных актов изменились принципиальным образом. Вместе с тем разработка и издание нового массива законодательных актов в рассматриваемой сфере сопровождалась определенной спешкой, что не могло не отразиться на их качестве, которые были устранены только после принятия в 1993 г. Конституции России.

Итак, социально-экономические процессы, происходящие в нашей стране в период перестройки, а затем последовавший переход России на рыночные отношения поставили вопрос об изменении соответствующего законодательства, включая законодательство о разрешении хозяйственных споров, а, следовательно, и о системе арбитражных судов. В связи с этим в начале 90-х гг. XX столетия были приняты: Закон РСФСР «Об арбитражном суде»; Концепция судебной реформы; Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»; Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации, которые сыграл значительную роль с совершенствовании судебной системы.

Литература

1. Арбитражный процесс / К.М. Арсланов, Д.Х. Валеев, Р.Н. Гимазов и др. М., 2010.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утвержд. Верховным Советом Российской Федерации от 05.03.1992 № 2447-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836.

3. Бойков О. Арбитражный процессуальный кодекс 2002 года: повышение эффективности судебной защиты // Российская юстиция. 2002. № 10.

Bibliography

1. Arbitration process / K. M. Arslanov, D.H. Valeev, R. N. Gimazov, et al. Moscow, 2010.

2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (approved. By the Supreme Council of the Russian Federation of 05.03.1992 № 2447-1) // Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992. № 16. St. 836.

3. Boikov O. Arbitration Procedural Code of 2002: improving the effectiveness of judicial protection // Russian justice. 2002. № 10.

4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утвержд. Верховным Советом РСФСР 11.06.1964) (ред. от 03.07.1992). СПС КонсультантПлюс.

5. Жуйков В.М. Реализация конституционного права на судебную защиту: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

6. Закон Российской Федерации Ф от 24.06.1992 № 3119-1 «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс РСФСР, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, Регламент Верховного Совета РСФСР и другие законы РСФСР» // Российская газета. 1992. 4 сентября.

7. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля.

8. Закон РСФСР от 04.07.1991 № 1543-1 «Об арбитражном суде» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1013.

9. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006.

10. Концепция судебной реформы РСФСР (утвержд. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24. 10. 1991 № 11801-1). М., 1992.

11. Пономаренко В.А. О процессуальных последствиях нарушений компетенции судов общей и арбитражной юрисдикции // Закон. 2013. № 3.

12. Семикина С. История развития современного российского арбитражного процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 9.

13. Сладкова А.В. Арбитражные суды как средство разрешения экономических споров // Безопасность бизнеса. 2006. № 3.

14. Туганов Ю.Н., Аулов В.К., Быстров П.Г. Статус судьи: параметры динамики // Современное право. 2014. № 3.

15. Цараев А.А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

4. The Civil Procedure Code of the RSFSR (approved by The Supreme Council of the RSFSR 11.06.1964) (ed. from 03.07.1992). LRS ConsultantPlus.

5. Zhuikov V. M. Implementation of the constitutional right to judicial protection: dis. ... PhD in Law. Moscow, 1996.

6. The Law of the Russian Federation F of 24.06.1992 № 3119-1 «On amendments and additions to the Civil Code of the RSFSR, the Civil Procedure Code of the RSFSR, the Regulations of the Supreme Council of the RSFSR and other laws of the RSFSR» // Rossiyskaya gazeta. 1992. September 4.

7. The Law of the Russian Federation of 26.06.1992 № 3132-1 «On the status of judges in the Russian Federation» // Rossiyskaya gazeta. 1992. July 29.

8. The Law of the RSFSR of 04.07.1991 № 1543-1 «On the arbitration court» // Vedomosti SND and the Supreme Court of the RSFSR. 1991. № 30. St. 1013.

9. Kleandrov M.I. Economic justice in Russia: past, present, future. Moscow, 2006.

10. The concept of judicial reform of the RSFSR (approved Resolution of the Supreme Council of the RSFSR № 11801-1 of 24.10. 1991). Moscow, 1992.

11. Ponomarenko V.A. On the procedural consequences of violations of the competence of courts of general and arbitration jurisdiction // Law. 2013. № 3.

12. Semikina S. The history of the development of modern Russian arbitration procedural legislation // Arbitration and civil procedure. 2009. № 9.

13. Sladkova A.V. Arbitration courts as a means of resolving economic disputes // Business security. 2006. № 3.

14. Tuganov Yu.N., Aulov V.K., Bystrov P.G. The status of a judge: parameters of dynamics // Modern law. 2014. № 3.

15. Tsaraev A.A. Inviolability of a judge as a guarantee of his independence: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2003.

УДК 342.565.2
ББК 67.400.2

Вовк Елена Викторовна
Vovk Elena Viktorovna

аспирант кафедры процессуального права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС.

Post-graduate student of the Department of Procedural Law of the South Russian Institute of Management, a branch of the RANEPA.
E-mail: vev.412@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Features of the legal formalization of the idea of justice of judicial activity in modern Russian legislation

В статье рассматривается идея справедливости судебной деятельности в ее правом преломлении. Анализируя текст Основного Закона страны и положения отраслевого законодательства, в том или ином виде оформившими идею справедливости в качестве формально-юридической конструкции. Автор делает выводы о необходимости правового понимания справедливости как конституционного принципа, межотраслевого принципа, отраслевого принципа, а также как субъективного права. Обращая внимание на специфику юридического закрепления идеи справедливости в современном российском законодательстве, автор указывает на конкуренцию международного-правового и внутригосударственного понимания справедливости как субъективного права, включающего набор конкретизирующих правомочий, и как отраслевого принципа, содержание которого раскрывается применительно к конкретным отраслям права и законодательства.

Ключевые слова: *идея справедливости, конституционные принципы, Конституция РФ, отрасли законодательства, право на справедливое судебное разбирательство, правовые принципы, принцип справедливости, справедливость, субъективные права.*

The article examines the idea of justice in judicial activity in its right refraction. Analyzing the text of the Basic Law of the country and the provisions of sectoral legislation, which in one form or another have formalized the idea of justice as a formal legal structure, the author draws conclusions about the need for a legal understanding of justice as a constitutional principle, an intersectoral principle, a sectoral principle, as well as a subjective law. Paying attention to the specifics of the legal consolidation of the idea of justice in modern Russian legislation, the author points to the competition between the international legal and domestic understanding of justice, as a subjective law, including a set of specifying powers, and as an industry principle, the content of which is disclosed in relation to specific branches of law and legislation.

Keywords: *the idea of justice, constitutional principles, the Constitution of the Russian Federation, branches of legislation, the right to a fair trial, legal principles, the principle of fairness, fairness, subjective rights.*

Справедливость нередко рассматривается как один из базовых принципов права и законодательства. Принципы права – явление динамическое. Они совершенствуются в ходе развития человеческой цивилизации и, в частности, развития политико-правовой мысли. Последнее обстоятельство не противоречит утверждению о том, что по своей природе принципы права гораздо стабильнее и долговечнее «обычных» правовых предписаний [1, с. 21]. Принципы права отражают взгляд на право и природу правовых явлений как на универсальном (интернациональном), так и внутригосударственном уровне. При этом право может рассматриваться в самом широком смысле и включать как конкретные сферы законодательного регулирования общественных отношений, так и общие подходы к организации публичной власти, обеспечения прав и свобод и др. Для различных этапов развития человеческой цивилизации, государства и общества могут быть характерны различные правовые принципы. Принципы права необходимо раскрывать на основе комплексного подхода к пониманию

сущности правовых процессов как на базовом, так и на конкретизирующем уровнях. Такой подход допускает выделение общих и отраслевых (межотраслевых) принципов права, характерных для отдельных отраслей права или отдельных отраслей законодательства.

Объективные трудности в выработке единого понимания принципов права объясняются большой долей субъективного в их содержании. Последнее обстоятельство не мешает формированию относительно устоявшейся системы принципов права. При этом не следует забывать о традиционном «базовом» делении права на естественное и позитивное (предельно упрощенный взгляд на обилие различных типов правопонимания), т. е. концептуально подход к принципам права в случае понимания его как естественного закона и позитивного закона будет существенным образом различаться.

Принцип справедливости получил свое закрепление в тексте Конституции РФ, в частности, в ее преамбуле. Вопрос о том, закреплен он как принцип права (правовой принцип, конституционный принцип) или же, как оригинальная системообразующая конституционная идея, остается открытым. На уровне Основного Закона опосредованно получило традиционное для международного права право на справедливое судебное разбирательство (судебный приговор). И пусть обозначенная формулировка в тексте Конституции РФ формально не прозвучала, однако большая часть принципов и правомочий, наполняющих данную правовую конструкцию, на уровне Основного Закона была представлена.

В ходе конституционной реформы 2020 г. текст Основного Закона обогатился еще одним упоминанием справедливости. Речь идет о пенсионной системе (ч. 6 ст. 75 Конституции РФ), которая должна соответствовать, в том числе, критериям справедливости. В контексте использования категории «справедливость» применительно к пенсионной системе данное понятие, во-первых, рассматривается как отраслевой принцип, получивший закрепление на уровне конституционного текста, во-вторых, в значении, традиционно используемом советской юридической наукой (справедливое распределение материальных благ). В последнем случае, пользуясь советской юридической терминологией, возможно, было бы использование категории «социальная справедливость», однако в современной науке последняя употребляется в отличающемся контексте.

В отличие от конституционных норм конституционные принципы могут конкурировать между собой. Что же касается содержательных отличий категорий «нормы конституции» и «конституционные принципы», то последние служат объективным или субъективным критерием адекватности применения первых, т. е. способом целенаправленного соотнесения с признанными в обществе моральными требованиями, например, справедливости [2, с. 140]. По аналогичным основаниям можно разделять конституционные принципы в значении «общие» и «отраслевые» принципы, закрепленные в тексте Основного Закона. В практике Конституционного Суда РФ принцип справедливости рассматривается в качестве как конституционного принципа [3], так и общеправового [4]. Это подтверждает предположение о том, что, во-первых, справедливость – это общеправовой принцип. Во-вторых, справедливость – это одновременно и конституционный принцип, несмотря на тот факт, что напрямую в качестве такового в тексте Основного Закона страны он не обозначен.

В своих правовых позициях Конституционный Суд также использует формулировку «конституционное право на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство», тем самым обозначая последнее в качестве «конституционного», несмотря на тот факт, что напрямую в Конституции РФ оно не зафиксировано. В научной литературе можно встретить предложение закрепить последнее в главе второй Конституции РФ [5, с. 12–13], однако, учитывая ярко выраженное нежелание политической элиты прибегать к процедуре пересмотра Основного Закона, проявившееся в ходе последней конституционной реформы, ожидать этого в ближайшей перспективе явно не следует.

Подчеркнем, что в отношении справедливого судебного разбирательства Конституционный Суд РФ предпочитает оперировать такой юридической конструкцией как «субъективное право», т. е. говорит о «праве на справедливое судебное разбирательство» или же «конституционном право на судебное разбирательство». По мнению М.Г. Виловой, право на справедливое судебное разбирательство находится в тесной взаимосвязи с правом на судебную защиту. С одной стороны, право на судебную защиту выступает как видовое по

отношению к праву на справедливое судебное разбирательство. С другой стороны, правильное понимание права на судебную защиту возможно только при адекватном понимании сущности и содержания права на справедливое судебное разбирательство, т. е. последнее выступает как ориентир для первого [6, с. 60]. С подобной точкой зрения можно и не согласиться. Ведь право на судебную защиту вне контекста справедливости судебного разбирательства теряет всякий смысл. Еще раз обратим внимание на отличное смысловое наполнение ст. 46 Конституции РФ – каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и ст. 52 – доступ потерпевших к правосудию. Во втором случае правосудие понимается не буквально, как доступ к судебной защите, а более широком значении категории «правосудие», близком к понятию справедливости. По сути, речь идет о праве потерпевшего на справедливость.

Несомненный интерес представляет вопрос о том месте, которое занимает право на справедливое судебное разбирательство, как относительно самостоятельная правовая конструкция, среди других субъективных прав, сходных понятий и категорий. Актуальность проблемы возрастает при учете того обстоятельства, что современное российской законодательство категорией «право на справедливое судебное разбирательство», в отличии, например, от представителей науки, оперирует нечасто. Исключением являются положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 391.11) [7] и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 308.10) [8]. В первом и втором случае речь идет о праве на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон. Говорить о том, что законодатель хотя бы попытался раскрыть смысловое наполнение соответствующей правовой конструкции на сегодняшний день невозможно. Скорее всего, мы имеем дело с легитимизацией на уровне отраслевого российского законодательства уже устоявшейся в отечественной науке и практике правовой конструкцией, пришедшей из международного права.

Напомним, что субъективные права, свободы и обязанности, как это принято говорить, олицетворяют собой ядро правового статуса личности, составляют его сердцевину. Однако сама по себе структура правого статуса, т. е. конкретный перечень элементов, который необходимо в него включать, определяется каждым автором (ученым) индивидуально. По поводу включения в правовой статус набора процессуальных прав (юридических гарантий прав, прав, характеризующих правовое положение индивида в судебном процессе) единого мнения среди ученых не сложилось. В частности Е.А. Лукашева указывает на то, что включение в правовой статус индивида принципов судопроизводства неоправданно. И пусть правовой статус состоит, в том числе, и из процессуальных прав, например права на обращение в суд, «объективно-правовые принципы» этих процедур (административных, судебных, конституционных) выходят за пределы правового статуса и являются гарантиями его обеспечения [9, с. 93].

Нетрудно заметить, что значительная часть из так называемых юридических гарантий раскрывает «право на справедливое судебное разбирательство» в трактовке предложенной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Другими словами, пусть Конституция РФ формально и не содержит «право на справедливое судебное разбирательство», отдельные его составляющие, входящие в состав правомочия, достаточно объемно или же частично (по выбору исследователя) представлены в тексте главы второй Основного Закона.

Обратим внимание и на тот факт, что не все составляющие права на справедливое судебное разбирательство, получившие закрепление в тексте Конституции, сформулированы именно как субъективные права, что дает основание их рассматривать, в том числе, как принципы (в нашем случае отраслевые принципы). Показательным в этом смысле является ч. 1 ст. 51: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». Отсутствие указания на то, что это «субъективное право» позволяет трактовать это положение как принцип судебной деятельности, принцип правосудия. Для сравнения, в уголовно-процессуальном законодательстве этот принцип подан как субъективное право (ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ) – право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников [10]. Таким образом, как минимум в обозначенном примере разница между отраслевым принципом и субъективным правом содержательно крайне незначительна.

Еще раз отметим, что не все традиционно рассматриваемые в качестве таковых «права человека» закреплены в тексте Конституции именно как «права». Вопрос о том, насколько обоснованно именовать правами те конституционные положения, которые в качестве таковых не обозначены, остается открытым. Так, например, достаточно часто употребляемое в отечественной юриспруденции «право на судебную защиту» производно от конституционного «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ч. 1 ст. 46). Или, например, право на доступ к правосудию – от «государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию» (ст. 52). Конституционное положение о том, что «все равны перед законом и судом» (ч. 1 ст. 19), часто трансформируется в право на равенство перед законом и судом. Положение о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 49) также нередко трансформируется в право не доказывать невиновность. Подобных примеров можно найти достаточно много, а в некоторых случаях необходимую приставку «право», как мы уже отмечали, предлагает и сам законодатель в процессе отраслевого регулирования. Таким образом, можно заключить, что даже если законодатель не использует формулировку «право», речь может идти именно о субъективных правах. Соответствующая логика работает применительно к базовым и отраслевым принципам юриспруденции. Последнее обстоятельство делает актуальной проблему разграничения субъективных прав, правовых принципов, процессуальных требований и др. Так, например, указание законодателя на то, что приговор должен быть справедливым (ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ), нередко рассматривается как право на справедливый судебный приговор. Отметим, что в некоторых официальных вариантах перевода ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод фигурирует сочетание «право на справедливый суд».

В заключение отметим следующее. Для современной научной дискуссии о принципах права характерна проблема первичности и вторичности правового принципа и формального закона: законодательство строится на основе принципов права или принципы права следует выделять на основе анализа текущего законодательства. Такая постановка проблемы без сомнения затрагивает проблему различных типов правопонимания.

Идею справедливости необходимо рассматривать как общеправовой принцип (общий принцип права); конституционный принцип (в качестве таковых она заявлена в правовых позициях Конституционного Суда РФ); межотраслевой принцип, получивший свое опосредование в виде права на справедливое судебное разбирательство и блока входящих в него правомочий; отраслевой принцип, характеризующий справедливость в различных, в том числе процессуальных отраслях российского права. Внимательный анализ специальной литературы и соответствующего законодательства также демонстрирует тот факт, что принцип справедливости нередко выступает и как базовый принцип (базовая идея), сквозь призму которого, в свою очередь, рассматриваются и верховенство права, и законность, и равенство. Право на справедливое судебное разбирательство, в свою очередь, как юридическая гарантия права на свободу и личную неприкосновенность, характеризуя негативный аспект свободы, формально к таковым не относится. В теоретическом и практическом плане конституционные принципы в отличие от конституционных норм могут конкурировать между собой, а также выступать объективным или субъективным критерием адекватности применения конституционных норм, т. е. способом целенаправленного соотнесения последних с требованием справедливости.

На наш взгляд, идея справедливости получила свое оформление на уровне конституционного текста в виде правовой идеи (Преамбула Конституции РФ), а не принципа права. Одновременно в современной российской юриспруденции сложилась парадоксальная ситуация, когда формально субъективное право на судебное разбирательство обладает большим внутренним содержанием, нежели принцип «справедливости», используемый в различных, в том числе, процессуальных отраслях российского права. Современное российское законодательство категорией «право на справедливое судебное разбирательство» оперирует нечасто, однако и в этом случае мы имеем дело с легитимизацией на уровне отраслевого российского законодательства уже устоявшейся в отечественной науке и практике правовой конструкцией, пришедшей из международного права, а не попыткой придать принципу справедливости судебной деятельности действительный формально-правовой характер. Тот факт, что современному россий-

скому законодателю не удалось в системном и концептуальном ключе отразить свое отношение к идее справедливости судебной деятельности, накладывает негативный отпечаток и на соответствующую судебную практику.

Литература

1. Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020.

2. Ливеровский А.А. Заметки на правовых полях конституционной экономики // Ежегодник конституционной экономики. М., 2018.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2018 № 866-О «По запросу Ивановского областного суда о проверке конституционности ч. 6 ст. 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». СПС КонсультантПлюс.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 30.05.2005. № 22. Ст. 2194.

5. Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2006.

6. Вилова М.Г. Соотношение права на судебную защиту и права на справедливое судебное разбирательство в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

9. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1999.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 13.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Bibliography

1. Smirnova A.V. Principles of law in the system of sources of modern Russian law: abstract dis. ... PhD in Law. Moscow, 2020.

2. Liverovsky A.A. Notes on the legal fields of constitutional economics // Yearbook of constitutional economics. 2018. Moscow, 2018.

3. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.04.2018 № 866-O «At the request of the Ivanovo Regional Court on the verification of the constitutionality of Part 6 of Art. 20.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation». LRS ConsultantPlus.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.05.2005 № 5-P «In the case of checking the constitutionality of Art. 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Kurgan Regional Court, complaints of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, the production and technical cooperative «Assistance», the limited liability company «Karelia» and a number of citizens» // Collected Legislation of the Russian Federation. 05.30.2005. № 22. Art. 2194.

5. Ashirova L.M. Problems of the implementation of the principle of justice in criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Ufa, 2006.

6. Vilova M.G. Correlation between the right to judicial protection and the right to a fair trial in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2020. № 5.

7. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 11/14/2002 № 138-FL (as amended on 12.08.2020, as amended on 03/02/2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. November 18, 2002. № 46. Art. 4532.

8. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 07.24.2002 № 95-FL (as amended on 08.12.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. № 30. Art. 3012.

9. Human rights: textbook for universities / ed. E.A. Lukashev. Moscow, 1999.

10. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 № 174-FL (as amended on 04/05/2021, as amended on 04/13/2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 12.24.2001. № 52 (part I). Art. 4921.

УДК 343.3/.7
ББК 67.408

Асланян Руслан Георгиевич
Aslanyan Ruslan Georgievich

доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University,
PhD in Law.
E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

НЕТИПИЧНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Atypical normative prescriptions of a special part of criminal law: concept, types, patterns

В статье рассмотрено закономерное развитие множества нормативных предписаний особенной части уголовного права, подчиненное тенденции увеличения в структуре права нетипичных предписаний, что отражает процессы специализации и детализации предписаний общего характера, а равно их приспособления к условиям неопределенности социальной среды. Нетипичные предписания могут быть классифицированы в зависимости от функциональной роли в обеспечении системности уголовного права, включают системосохраняющие и системоразвивающие, а в зависимости от соответствия общим признакам предписания, – временные, выраженные в иных, кроме уголовного закона, источниках, имеющие нестандартные логико-грамматические формы выражения.

Ключевые слова: *нормативное правовое предписание, нетипичное нормативное правовое предписание, классификация нормативных правовых предписаний, закономерности развития уголовного права.*

The article considers the natural development of a set of normative prescriptions of a special part of criminal law, subordinate to the tendency of increasing atypical prescriptions in the structure of law, which reflects the processes of specialization and detailing of general prescriptions, as well as their adaptation to the conditions of uncertainty of the social environment. Atypical prescriptions can be classified depending on the functional role in ensuring the consistency of criminal law, including system-preserving and system-developing ones, and depending on the compliance with the general features of the prescription, they are temporary, expressed in sources other than the criminal law, having non - standard logical and grammatical forms of expression.

Keywords: *normative legal prescription, atypical normative legal prescription, classification of normative legal prescriptions, patterns of development of criminal law.*

Объективное развитие право таково, что стандартных предписаний, строящихся по типу «если – то», становится недостаточно для упорядочения правоотношений. Процессы специализации, дифференциации, конкретизации, интеграции, унификации и т.д. приводят к появлению целого ряда нормативных предписаний, которые не укладываются в эту традиционную логику, и которые в силу этого получили в теории права именование «нетипичных».

Надо отметить, что при общем понимании самого факта наличия таких предписаний, их интерпретация в теоретической науке далека от единообразия, причем, начиная с терминологии, которая используется для их описания. Некоторые авторы подчеркивают функциональные особенности нетипичных предписаний. Так, например, В.А. Рыбаков пишет, что «нетипичные нормы права не являются правилами поведения субъектов права в конкретной ситуации, а содержат определенные положения, обеспечивающие действие типичных норм права» [10, с. 24]. Другие специалисты указывают, что нестандартные нормативные предписания лишены некоторых классических нормативных свойств, но выполняют важную вспомогательную функцию в нормативно правовом регулировании [4, с. 108].

По нашему представлению, нет оснований в определении нетипичных предписаний ограничиваться только их функциональными или структурными особенностями. Истина в данном случае лежит в области совмещения подходов. Обсуждаемые нормативные предписания, во-первых, являются собственно нормативными, так как содержат официальные, общеобязательные, государственные веления; во-вторых, вполне типичными, поскольку активно используются, а темпы и объемы их использования только

нарастают. Нетипичность или нестандартность этих предписаний следует усматривать в иных их особенностях. А именно:

– такие предписания не содержат в цельной логической форме указания одновременно на преступность и наказуемость деяний, если они содержательно посвящены этим вопросам, то только части из них, в связи с чем они обладают нетипичной структурой, не имеют в своем составе гипотезы и диспозиции;

– если в таких предписаниях структурно выделяются гипотеза и диспозиция, то содержательно они могут охватывать только один компонент уголовно-правового предписания особенной части – или его диспозиции или санкции;

– в силу своих содержательно-структурных особенностей такие предписания необязательно должны быть зафиксированы в статьях особенной части уголовного закона;

– эти предписания призваны выполнять в правовом регулировании ряд функций, которые не доступны для типичных предписаний.

С учетом этих теоретических положений, полагаем возможным поддержать суждения А.Р. Барахоевой, которая заключает, что нестандартные предписания: 1) представляют собой логически завершенные и цельные веления (требования, распоряжения и т.п.); 2) выражены и непосредственно закреплены в соответствующих единицах (статьях, абзацах, частях и т.п.) текста нормативного акта (договора, судебного прецедента и т.п.); 3) носят неперсонифицированный по отношению к субъектам характер и отражают наиболее типичные социальные ситуации; 4) рассчитаны на конкретно неопределенное число жизненных обстоятельств и случаев, обязательны для исполнения (применения и т.п.); 5) закрепляются в нормативных актах, подкреплены практикой и поэтому имеют общеобязательный характер; 6) обеспечены мерами государственного и иного воздействия, регулируют поведение людей, их коллективов и организаций [4, с. 108].

Таких нетипичных предписаний, содержательно тяготеющих к особенной части уголовного права, гораздо больше, нежели предписаний типичных. В этой связи их познание с необходимостью требует отдельной, самостоятельной классификации. Стоит отметить, однако, что в теории права не сложилось единого подхода к классификации нетипичных предписаний. Более того, анализ показывает, что целостной и развернутой их градации, которая бы совмещала различные критерии и позволяла бы охватить нетипичные предписания целиком и всесторонне, в литературе не представлено. Некоторые авторы вовсе ограничиваются простым перечислением исследуемых предписаний, указывая, что к таковым относятся принципы права, определения (дефиниции), декларации, правовые презумпции, фикции, оперативные и коллизионные предписания [1, с. 319]. Очевидно, что такой подход не может быть взят за основу.

В решении задачи классификации нетипичных предписаний особенной части уголовного права, следует учитывать, что таковые: а) являются элементом системы уголовно-правовых предписаний и потому должны отражать системные свойства права; б) являются системным элементом уголовно-правовой нормы и потому должны отражать ее содержание. С учетом этого, полагаем, что классификация нетипичных нормативных правовых предписаний особенной части уголовного права должна строиться, в первую очередь, с точки зрения их роли и места именно в системе уголовного права.

В общей теории права отдельными специалистами отмечается это принципиальное обстоятельство. Так, А.В. Баранов указывает, что специализированные нормы оказывают системоопределяющее, системообеспечивающее и системоадаптирующее воздействие на систему права в целом и на формирование и состояние отдельных отраслей и институтов права в частности [3, с. 13].

В рамках этой же логики выдержана позиция А.И. Бойко, который в системе уголовного права выделяет два типа положений: гомеостазисные (обеспечивающие сохранение цельности уголовного права) и адаптационные (обеспечивающие приспособление уголовного права к давлению внешней среды) [2, с. 38–42]. Особое внимание системосохраняющему механизму уголовного права, структуру которого образуют принципы, цели, задачи, презумпции, фикции, преюдиции, пробельные и коллизионные правила, правоположения, уделяет в своей работе А.В. Денисова [6, с. 369].

Классификация нетипичных нормативных предписаний особенной части уголовного права, построенная в зависимости от их роли и функций в обеспечении системности уголовного права, на системосохраняющие и системоразвивающие, может быть признана основной. Она в достаточно полной степени отражают специфику этих предписаний и их значение для развития отрасли и ее эффективного функционирования.

Вместе с тем, она не является единственно допустимой. Всестороннее познание множества нетипичных правовых предписаний предполагает возможность и иных теоретических построений.

Значительным познавательным потенциалом обладают классификации, которые проводятся в контексте сопоставления

(противопоставления) нетипичных и типичных нормативных предписаний.

1) Типичные предписания в своем логико-грамматическом выражении всегда объективированы в форму предложений, составляющих связанный текст и заключающих четкое, недвусмысленное суждение. В тоже время нетипичные предписания, как было установлено в исследовании Ю.В. Блохина, могут иметь (а) особое логико-грамматическое выражение в виде формул, рисунков, схем, типовых расчетов или (б) нетипичные компоненты содержания (рекомендации, нормы-примеры) [5, с. 13–14].

2) Типичные нормативные предписания рассчитаны на длительное и постоянное, впредь до отмены или изменения, применение. В этом – залог стабильности правопорядка и проявление правовой определенности. Вместе с тем, некоторые предписания изначально рассчитаны на временный характер применения. И это позволяет рассматривать их как нетипичные. Их нетипичность обусловлена как раз тем фактом, что они перестают действовать по истечению срока, на который рассчитаны, и никогда специально не отменяются. В уголовном праве можно встретить целый ряд предписаний.

Во-первых, как уже отмечалось, законодательство специально предусматривает, что на период военного времени или во время боевой обстановки, должны действовать специальные, временные по своей природе нормативные предписания об ответственности за воинские преступления;

Во-вторых, особым временным характером обладают предписания, содержащиеся в решениях Конституционного Суда РФ, которыми признается неконституционными то или иное положение уголовного закона (в целом или в определенном истолковании) и формулируются правила регулирования уголовно-правовых отношений впредь до внесения изменений в уголовный закон. Таковы, к примеру, предписания Конституционного Суда РФ, которые были связаны с признанием неконституционным примечания к ст. 264 УК РФ в той мере, в какой оно ставило лицо, скрывшееся с места совершения происшествия, в преимущественное положение по отношению к лицам, оставшимся на месте происшествия, с точки зрения установления факта их опьянения. Суд определил в своем постановлении: законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения не позднее чем через год после вступления постановления в силу; впредь до внесения изменений сохраняет силу действующий порядок применения пункта 2 примечаний к статье 264 УК РФ; если до установленного срока законодатель не внесет необходимых изменений, пункт 2 примечаний к статье 264 УК РФ утрачивает силу [7].

В-третьих, временный характер носят акты об амнистии. Постановление об амнистии, указал Конституционный Суд РФ, является «уникальным нормативно-правовым актом»; нормативные предписания, содержащиеся в нем, «могут и должны выполнять функцию законодательного регулирования»; оно распространяется на индивидуально не определенный круг лиц и деяний, т.е. носит нормативный характер, допускает отказ от реализации ранее примененных или подлежавших применению норм УК РФ; нормативное содержание акта об амнистии может существенно менять реальные основания и условия уголовной ответственности. Следовательно, резюмировал Суд, «постановления Государственной Думы об амнистии в системе действующих нормативно-правовых актов по своему уровню и материально-правовому содержанию могут быть приравнены только к принимаемым Государственной Думой законам» [12]. Предписания постановления об амнистии, таким образом, являются именно нормативными, а учитывая, что они определяют последствия совершения отдельных преступлений, строго обозначенных в самом постановлении, есть основания отнести эти предписания именно к области особенной части уголовного права. Но в отличие от типичных предписаний, нормативные предписания постановления об амнистии, имеют подчеркнуто временный характер.

3) Типичные нормативные предписания особенной части уголовного структурно и содержательно включают в себя два компонента: об определении основания ответственности и об установлении пределов наказуемости преступления. Нетипичные предписания могут отличаться от них в содержательном. В частности, структурно объединяя условие применения правила, и содержание самого правила, они могут быть содержательно посвящены либо вопросам правильного установления основания ответственности, либо вопросам определения меры воздействия в отношении лица, совершившего преступления.

В первом случае такие нетипичные предписания логично встраиваются в гипотезу уголовно-правовой нормы, наряду с гипотезой типичного предписания. Они выражаются:

– в примечаниях к статьям особенной части УК РФ. Например, примечание к ст. 151 УК РФ ограничивает сферу применения данной нормы при рассмотрении случаев вовлечения несовершеннолетних в бродяжничество родителем;

– в многочисленных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Формулировка

таких предписаний, по большой счету, составляет основное содержание постановлений. К примеру, п. 2 постановления от 04.12.2014 № 16 устанавливает: «Если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера потерпевшему лицу был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК РФ; умышленное причинение тяжкого вреда его здоровью требует дополнительной квалификации по соответствующей части статьи 111 УК РФ» [8].

Во втором случае, определяя специфику применения мер государственного воздействия, нетипичные предписания встраиваются в диспозицию уголовно-правовой нормы, примыкая к диспозиции типичного предписания. Они могут быть выражены:

– в специальных примечаниях к статьям особенной части УК РФ, которые содержат основания освобождения от уголовной ответственности (например, примечание к статье 126 УК РФ, примечание 1 к ст. 127.1 УК РФ, примечание 2 к ст. 199.1 УК РФ и др.);

– в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Например, в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48, согласно которому «при назначении наказания лицу, признанному виновным в одном или нескольких преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, судам необходимо руководствоваться общими началами назначения наказания, обсуждать возможность применения положений частей 1 и 2 статьи 64, статьи 73, а также части 6 статьи 15 и статьи 80.1 УК РФ. Следует иметь в виду, что содержание осужденного под стражей до постановления приговора не может предопределять назначение ему наказания в виде реального лишения свободы» [9].

4) Типичные нормативные предписания особенной части уголовного права, в силу требований принципа законности (ст. 3 УК РФ) и прямых указаний ч. 1 ст. 1 УК РФ, могут быть сформулированы исключительно в тексте Уголовного кодекса РФ. Нетипичные предписания, как следует из изложенного, могут быть сформулированы как в тексте статьи особенной части УК РФ, так и в примечаниях к этим статьям, а равно и в иных источниках уголовного права, в частности, в правительственных актах, решениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Как видится, нормативные предписания особенной части уголовного права, при том, что их основная задача состоит в определении преступности и наказуемости того или иного конкретного деяния, стремятся к все большему функциональному разнообразию, что приводит к появлению и разрастанию таких предписаний, которые по своим параметрам существенно отличаются от «типичных». Это обстоятельство выражает важный момент развития уголовного права. Если рассматривать его с точки зрения учения о формировании и развития закономерностей уголовного права, то обнаруживается весьма показательные тенденции.

Во-первых, возникнув изначально как система предписаний собственно особенной части, уголовное право развивалось в направлении вычленения общих положений и закреплении их в структурно обособленной части уголовного закона. Однако со временем эти общие положения стали, если так можно выразиться, «слишком общими», не учитывающими нюансов и специфики правового регулирования отношений, возникающих в связи с совершением некоторых преступлений в меняющихся социальных условиях. Исправление ситуации потребовало специального приспособления этих общих положений к нуждам отдельных правоотношений, в связи с чем специальные изъятия из них стали «возвращаться» в особенную часть уголовного права в виде нетипичных правовых предписаний, ограниченных по предмету, времени, субъектам регулирования. Сейчас идет процесс «накопления» таких предписаний, что не исключает в будущем их последующего обобщения, укрупнения и формирования либо на уровне предписаний общей части уголовного права, либо на некоем «среднем уровне» - предписаний особенной части, распространяющих свою силу не на конкретное правоотношение, а на определенный вид правоотношений, что структурно может быть оформлено в виде статей или примечаний, относящихся к предписаниям той или иной главы уголовного закона, либо в виде толковательного раздела особенной части кодекса.

Во-вторых, логика развития уголовного права как системы строго определенных в формальном отношении суждений и понятий, исчерпывающе описывающих императивные правила правового регулирования, обуславливавшая формирование в законе исчерпывающих текстовых предписаний, которые могли толковаться только в буквальном соответствии с этим текстом, в настоящий момент встречает определенное сопротивление условий неопределенности общественного развития. Это обстоятельство приводит к корректировке традиционного подхода изложения нормативных предписаний в тексте правовых источников, а именно к появлению табличных, графических форм представления предписаний, к появлению рекомендательных, мягких норм и

т.д., то есть к развитию предписаний, которые сложно именовать «типичными». Формальные требования законности оказываются в данном случае ненадежным фильтром, все больше допуская проникновение таких предписаний в особенную часть уголовного права. Однако препятствовать этому процессу, только оперируя соображениями формальной законности, нельзя. Это объективный и закономерный процесс, отражающий смену общего подхода к пониманию и формированию права в современном обществе.

Признание этих закономерностей, их раскрытие и толкование составляют важный методологический фундамент исследования уголовного права в части познания его внутренней структуры и систематизации, а также динамично меняющегося внутреннего содержания.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

2. Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3 т. Т. III. Структура уголовного права и ее идентификация в национальной юриспруденции. Ростов н/Д, 2008.

3. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53).

4. Барахоева А.Р. Нестандартные нормативные предписания как элемент права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14

5. Блохин Ю.В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1991.

6. Денисова А.В. Системность российского уголовного права. М., 2018.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018№ 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 19.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

10. Рыбаков В.А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3.

Bibliography

1. Alekseev S.S. General theory of law: textbook. 2nd ed., reprint. and add. Moscow, 2009.

2. Boyko A.I. System and structure of criminal law. In 3 vols., vol.III. The structure of criminal law and its identification in the national jurisprudence. Rostov on Don, 2008.

3. Baranov A.V. System-defining specialized norms of modern Russian law // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2017. № 4 (53).

4. Barakhoeva A. R. Non-standard normative prescriptions as an element of law // Actual problems of the theory and history of the legal system of society. 2015. № 14

5. Blokhin Yu.V. Criteria for distinguishing normative-legal prescriptions from non-normative ones in Soviet legislation (on the example of atypical prescriptions): abstract of the dis. ... PhD in Law. Moscow, 1991.

6. Denisova A.V. The consistency of Russian criminal law. Moscow, 2018.

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 17-P of 25.04.2018 «On the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of the notes to Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Ivanovo Regional Court» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 19.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 16 of 04.12.2014 «On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 2

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2016 № 48 (ed. of 11.06.2020) «On the practice of applying legislation by courts regulating the specifics of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 1.

10. Rybakov V.A. Atypical norms of law // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2013. № 3.

УДК 340.5
ББК 67.408

Безручко Евгений Валерьевич
Bezruchko Evgeny Valeryevich

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.
E-mail: bezrutschko@mail.ru

Миллеров Евгений Владимирович
Millerov Eugeny Vladimirovich

доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of procedural law of the South Russian Institute of Management, a branch of the RANEPA, PhD in law.
E-mail: millerovyevea@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСОВ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОЯВЛЕНИЯ ЖЕСТОКОСТИ

The axiological aspect of the issues of the correlation of criminal and administrative responsibility for the manifestations of cruelty

В данной статье авторами путем сравнительного анализа норм Уголовного кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и законов об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации проведено исследование соотношения наказуемости за проявления жестокости в уголовном и административном порядке. Также в рамках статьи приведен положительный нормотворческий опыт в этом вопросе законодателей стран ближнего зарубежья. Сделаны выводы и некоторые авторские предложения по совершенствованию некоторых норм Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в целях совершенствования правового противодействия проявлениям жестокости.

Ключевые слова: *жестокость, аксиология, нравственность, уголовная ответственность, административная ответственность, соотношение, проблемы, совершенствование.*

In this article, the authors conducted a comparative analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the laws on administrative offenses of the subjects of the Russian Federation to study the ratio of punishability for acts of cruelty in criminal and administrative proceedings. The article also presents the positive normative experience of legislators of neighboring countries in this issue. Conclusions and some author's proposals are made to improve some of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in order to improve the legal counteraction to manifestations of cruelty.

Keywords: *cruelty, axiology, morality, criminal responsibility, administrative responsibility, correlation, problems, improvement.*

В любом цивилизованном государстве его общество борется с проявлениями жестокости, которая реализуется человеком по отношению к человеку, либо человеком по отношению к животным, поэтому правы те, кто указывает на жестокость, как на явление в поведении человека, всегда реализующемся в конкретной среде [1, с. 99].

Жестокость в современном мире обретает все новые и новые границы и рамки, не привычные обществу предсовременного периода. Насилие, культ силы, власти, вседозволенности насаждается повсюду, начиная от рисунков, комиксов, заканчивая мультипликационными и художественными фильмами, где проявление жестокости, убийство, кровь, причинение

вреда здоровью человека стало обычным повседневным делом, герои этих произведений с улыбкой на лице убивают, проявляют жестокость и количество трупов в таких фильмах насчитывается десятками и даже сотнями. То, что вчера еще было недозволенным, сегодня становится обычным проявлением действительности. И, наоборот, то, что вчера вписывалось в нравственную модель развития общества, сегодня становится недопустимым и влечет различные последствия для человека, вплоть до уголовно-наказуемых. И наполнение современного общества различными техническими устройствами, гаджетами, цифровизация общества, ситуация, в которой мгновенно по всему миру может распространиться любая информация в аудио или видеоформате, только усиливает данные тенденции.

Жестокость безнравственна по своей природе. В связи с этим вполне можно согласиться с мнением некоторых авторов о том, что «…мораль и насилие исключают друг друга. Однако всякое насилие нуждается в санкции морали, взывает к борьбе со злом» [2, с. 243], равно как и в том, что «…отсутствие нравственных пределов, ограничений эгоистических устремлений человека обусловливает формирование криминального поведения» [3, с. 67]. Насилие является одним из наиболее частых форм проявление жестокости, которое (насилие), как справедливо отмечается в некоторых трудах, нередко понимается в узком и широком смысле [4, с. 944].

Рассуждая о жестокости как одном из негативных проявлений человека, осуждаемом обществом и государством, нельзя не сказать и о том, что признание того или иного деяния жестоким зависит от нравов, сложившихся в конкретном социуме на промежутке определенного исторического этапа. Как мы знаем, ранее во многих странах мира уголовными наказаниями были такие телесные наказания, которые нашим сегодняшним обществом видятся жестокими и неприемлемыми, хотя в те времена думали иначе, стремясь реализовать со стороны государства предупреждение людьми новых преступлений именно путем применения жестоких наказаний за преступные деяния, уже совершенные.

Встречается мнение, что повышенная вероятность совершения общественно опасных деяний в немалой мере обуславливается темпераментом и характером человека, но именно совершение в отношении личности преступных деяний, сопряженных с жестокостью, в большей мере имеет зависимость от социально детерминированных свойств личности [5, с. 122].

Так или иначе, противодействовать проявлениям жестокости в обществе, точнее максимально их минимизировать, на наш взгляд, можно лишь комплексным подходом к этой проблеме, начиная с усиления сферы культуры и заканчивая правовой сферой и вопросами юридической ответственности, в частности. В какой степени государство должно наказывать за проявление жестокости по отношению к окружающим, наверное, должно зависеть от характера такого проявления и степени общественной опасности. Причины проявления жестокости в окружающих нас жизненных ситуациях могут быть разными, от аффектированной жестокости, вызванной аморальными и даже, возможно, противоправными действиями в отношении лица, ответной реакцией которого являются жестокие действия в отношении обидчика до особенностей личности преступника, который совершает деяние жестокого характера, в том числе особенностей его психики, что нередко требует при расследовании уголовных дел о таких преступлениях назначения и производства психиатрической либо комплексной психолого-психиатрической экспертизы для разрешения ключевого вопроса субъекта преступления – наличия его вменяемости.

В настоящее время наше общество порицает не только жестокое поведение человека по отношению к другому человеку, но и по отношению к животным, что в определенных случаях влечет даже уголовную ответственность (ст. 245 УК РФ).

Переходя непосредственно к уголовно-правовым аспектам наказуемости жестокого поведения, прежде всего, согласимся с Н.В. Борисенковой, которая считает, что «…понятие жестокости в уголовно-правовом смысле следует рассматривать в двух значениях: «жестокость как свойство личности» и «жестокость как свойство деяния»» [6, с. 8]. Мы же в рамках данной публикации исследуем жестокость как свойство деяния в уголовном законе (т.е. действующем УК РФ) в соотношении с законодательством об административных правонарушениях.

Анализ норм УК РФ на наличие в диспозициях норм Особенной части термина, напрямую связанного с жестокостью, показал, что в статьях встречается применение законодателями словосочетаний «жестокое обращение» и «особая жестокость». Первое из них встречается в четырех нормах (ст.ст. 110, 156, 245, 356 УК РФ), второе в пяти (п. «д» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ). В КоАП РФ нет ни одной статьи, диспозиция которой бы содержала подобную терминологию («жестокое обращение», «особая жестокость» и т.п.). Сравнение показано на таблице ниже (см.: таблица 1). Более того, ст. 63 УК РФ совершение преступного деяния с особой жестокостью признает в числе обстоятельств, отягчающих наказание, в то время как ст. 4.3 КоАП РФ в перечне обстоятельств, отягчающих административную ответственность, такого не предусматривает.

Таблица 1

Терминологическое сравнение диспозиций норм УК РФ и КоАП РФ

УК РФ (применение термина)	количество статей	**КоАП РФ** (применение термина)	количество статей
жестокое обращение	4	*жестокое обращение*	–
особая жестокость	5	*особая жестокость*	–

Вместе с тем, как следует из ст. 1.1 КоАП РФ, законодательство об административных правонарушениях в нашей стране состоит не только из КоАП РФ, но и законов об административных правонарушениях, принимаемых на уровне субъектов Российской Федерации. В отличие от КоАП РФ, в целом ряде этих законов субъектов РФ предусмотрена административная ответственность за жестокие проявления в отношении животных, когда в этом не усматривается ст. 245 УК РФ. К примеру, ст. 13 Кодекса Хабаровского края об административных правонарушениях [7] предусматривает административную ответственность за такое деяние. Диспозиция этой нормы лаконична по своей конструкции «Жестокое обращение с животными». Вместе с тем в ней есть состоящее из нескольких пунктов примечание, где дан перечень животных, которые относятся к предмету этого правонарушения, дано определение термину «жестокое обращение с животными», а также указание на то, что эта статья не распространяется на деяния, содержащие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Более удачной по конструкции, на наш взгляд, является ст. 5.7 «Совершение жестоких действий в отношении животных» Кодекса города Москвы об административных правонарушениях [8], где в части 1 предусмотрена административная ответственность за «Жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, если это деяние не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации».

К слову, данная норма (ст. 5.7) к жестоким действиям по отношению к животным относит не только действия, предусмотренные в ее части первой (статья состоит из пяти частей), но и еще целый ряд действий, предусмотренных в других частях этой статьи.

В ст. 2.5 (3) Закона Краснодарского края «Об административных правонарушениях» [9] диспозиция от ст. 245 УК РФ отличается, лишь тем, что не предусматривает последствия в виде гибели животного или получения им увечий.

Однако далеко не все такие законы субъектов РФ имеют в своем арсенале нормы, направленные против проявления жестокости в отношении животных на территории своего региона. Поэтому, на наш взгляд, было бы правильно перевести ответственность за указанное правонарушение из разряда законодательства об административных правонарушениях субъектов РФ в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Кстати, по такому пути пошли законодатели некоторых стран СНГ, о чем ранее указывалось в юридической литературе [10, с. 97–101]. В настоящее время законодатели ряда стран СНГ предприняли различные пути решения этих вопросов. Первый из них аналогичен подходу российского законодателя, предусмотревшего уголовную ответ-

ственность за жестокое обращение с животными в УК РФ (ст. 245), не предусматривая ответственность в КоАП РФ за менее опасное деяние такого же характера. По такому пути пошли, например, законодатели Республики Казахстан (ст. 316 УК РК) [11]. Во втором случае, законодатели предусмотрели только административную ответственность на территории своего государства за жестокое обращение с животными, как, например, в Республике Азербайджан (ст. 274 КАР об АП) [12]. Наконец, третий вариант подхода к данному вопросу заключается в установлении на территории всего государства как административной, так и уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. Примером тому является Республика Беларусь, где в ст. 16.29 КРБ об АП [13] предусмотрена административная ответственность за такое деяние. В УК РБ [14] также есть норма, предусматривающая уголовную ответственность за такое деяние (ст. 339.1 «Жестокое обращение с животным»).

В этом вопросе нам более удачным видится нормотворческий опыт Республики Беларусь, заключающийся в установлении как административной, так и уголовной ответственности за вышеуказанное деяние, с разделением его по степени общественной опасности. В связи с этим, наверное, было бы целесообразным и российским законодателям ввести в КоАП РФ (в главу 6) нормы со следующей конструкцией ее диспозиции: «Жестокое обращение с животными, при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Завершая на такой ноте сравнительно-правовое исследование соотношения уголовной и административной ответственности за жестокость по отношению к животным в кодексах стран СНГ и переходя к соотношению ответственности за проявления жестокости в целом, скажем, что наибольший интерес представляет нормотворческая практика законодателей Молдовы, т.к. в Кодексе, предусматривающем нормы с составами административных правонарушений [15] термин «жестокое обращение» применяется чаще, чем в Уголовном кодексе Республики Молдова [16]. Так, термин «жестокое обращение» использован в диспозициях норм, предусматривающих административную ответственность за причинение телесных повреждений (ст. 78), насилие в семье (ст. 78.1), жестокое обращение с животными (ст. 157). В свою очередь в УК Республики Молдова такой же термин использован лишь в диспозициях двух норм: ст. 222.1 «Жестокое обращение с животными» и ст. 388 «Преступные действия военнослужащего, находящегося в плену».

В свою очередь словосочетание «особая жестокость» в УК Республики Молдова используется гораздо чаще, чем «жестокое обращение», а именно данное словосочетание («особая жестокость») использовано в ч. 2 ст. 145 «Умышленное убийство», ч. 2 ст. 151 «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью», ч. 2 ст. 152 «Умышленное причинение телесного повреждения средней тяжести или иного средней тяжести вреда здоровью», ч. 2 ст. 165 «Торговля людьми», ч. 2 ст. 172 «Насильственные действия сексуального характера», ч. 3 ст. 188 «Разбой», ч. 3 ст. 189 «Шантаж».

Возвращаясь к использованию термина «особая жестокость» в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ, хочется отметить, что порой, на наш взгляд «особая жестокость» прописана в одной и той же норме с очень близкими по своему смысловому значению словами, если даже не синонимами. Так, в п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ особая жестокость как способ совершения преступления предусмотрена наряду с издевательством и мучениями. То же самое имеет место и в п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ.

Причинение потерпевшему лицу мучений в процессе совершения преступного деяния, явно, на наш взгляд, говорит об особой жестокости совершения этого деяния, равно как и то, что справедливо мнение некоторых авторов о том, что истязание (наказуемое ст. 117 УК РФ) является одним из проявлений особой жестокости [17, с. 251]. Все это говорит о необходимости анализа и переосмысления в лингвистическом аспекте приведенных выше уголовно-правовых норм, ведь язык уголовного закона должен отвечать целому ряду критериев, отмеченных профессором А.И. Бойко как в одной из своих монографий [18, с. 47, 57], так и некоторых научных публикациях в периодических изданиях [19, с. 86]. Нам представляется правильным исключение термина «мучения» из п. «б» ч. 2 ст. 111 и п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ.

Подходя к завершению исследования вопросов в рамках данной статьи можно говорить о том, что действительно проявления че-

ловеческой жестокости по отношению к окружающим в большинстве случаев должно наказываться уголовным законом, но некоторые случаи целесообразно наказывать и в административном порядке.

Таким образом, в результате сравнительно-правового исследования в аксиологическом аспекте соотношения уголовной и административной ответственности за проявления жестокости можно сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день в нашей стране законодатель проявления жестокости видит целесообразным подвергать исключительно уголовной наказуемости.

2. Имеется необходимость введения в главу 6 Кодекса РФ об административных правонарушениях статьи, предусматривающей ответственность за жестокое обращение с животными с диспозицией следующего содержания: «Жестокое обращение с животными, при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации».

3. Исключить термин «мучения» из п. «б» ч. 2 ст. 111 и п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ в связи с его поглощением словосочетанием «особая жестокость», использованным законодателем в этих же пунктах указанных норм.

Литература

1. Чапурко Т.М., Картавченко В.В. Проблемы определения общественной опасности насилия и жестокости в посягательствах на малолетних и несовершеннолетних // Общество и право. 2008. № 2 (20).

2. Хаджимурадова Т.Х. Насилие и жестокость как социальная проблема // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 118-3.

3. Щенникова Л.В., Быкова М.О. Криминологический аспект цивилистической категории «добрые нравы» // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1.

4. Грибунов О.П., Небратенко Г.Г., Безручко Е.В., Миллерова Е.А. Проблемы уголовно-правовой оценки вовлечения в занятие проституцией и организации данного вида деятельности путем применения насилия или угрозы его применения // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6.

5. Захаров С.В., Ясько Б.А. Жестокость в системе деформаций личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. № 2.

6. Борисенкова Н.В. Уголовно-правовая оценка жестокости: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.

7. Закон Хабаровского края от 24.06.2009 г. № 256 (ред. от 30.06.2021) «Кодекс Хабаровского края об административных правонарушениях» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс».

8. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях от 21.11.2007 г. № 45 (в ред. от 19.05.2021) // Электронный

Bibliography

1. Chapurko T.M., Kartavchenko V.V. Problems of determining the public danger of violence and cruelty in attacks on minors and minors // Society and law. 2008. № 2 (20).

2. Khadzhimuradova T.H. Violence and cruelty as a social problem // New science: Strategies and vectors of development. 2016. № 118-3.

3. Schennikova L.V., Bykova M.O. Criminological aspect of the civilistic category «good morals» // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2014. № 1.

4. Gribunov O.P., Nebratenko G.G., Bezruchko E.V., Millerova E.A. Problems of criminal and legal assessment of involvement in prostitution and organization of this type of activity through the use of violence or the threat of its use // All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. № 6.

5. Zakharov S.V., Yasko B.A. Cruelty in the system of personality deformations // Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2010. № 2.

6. Borisenkova N.V. Criminal-legal assessment of cruelty: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2005.

7. The Law of the Khabarovsk Territory of 24.06.2009 No. 256 (ed. of 30.06.2021) «The Code of the Khabarovsk Territory on administrative offenses» // Electronic Fund of legal and normative-technical documents «Code».

8. The Code of the City of Moscow on administrative offenses of 21.11.2007 No. 45 (as amended. from 19.05.2021) // Electronic Fund of

фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс».

9. Закон Краснодарского края от 23.07.2003 г. № 608-КЗ (в ред. от 30.04.2021) «Об административных правонарушениях» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс».

10. Миллерова Е.А., Миллеров Е.В. Общественная нравственность как объект правовой охраны в уголовных законах и законодательстве об административных правонарушениях стран СНГ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 2 (93).

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V (в ред. от 01.07.2021) // ИС «Континент».

12. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках от 29.12.2015 г. № 96-VQ (в ред. от 27.05.2021) // ИС «Континент».

13. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 г. № 91-З // ИС «Континент».

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-З (в ред. от 26.05.2021) // ИС «Континент».

15. Кодекс Республики Молдова от 24.10.2008 г. № 218-XVI «О правонарушениях» (ред. от 22.04.2021) // ИС «Континент».

16. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985-XV (ред. от 23.04.2021) // ИС «Континент».

17. Багун Э.А. Истязание как форма проявления жестокости преступного поведения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2008. № 9.

18. Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание: монография. М.: Юрлитинформ, 2010.

19. Бойко А.И., Панько К.К. Примечания в УК РФ как особое средство уголовно-правового регулирования // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1 (92).

legal and regulatory and technical documents «Code».

9. The Law of the Krasnodar Territory of 23.07.2003 № 608-KZ (as amended. from 30.04.2021) «On administrative offenses» // Electronic fund of legal and normative-technical documents «Code».

10. Millerova E.A., Millerov E.V. Public morality as an object of legal protection in criminal laws and legislation on administrative offenses of the CIS countries // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2018. № 2 (93).

11. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated 03.07.2014 № 226-V (as amended. dated 01.07.2021) // IS «Continent».

12. Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses dated 29.12.2015 № 96-VQ (as amended. from 27.05.2021) // IS «Continent».

13. Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses of 06.01.2021 № 91-Z // IS «Continent».

14. Criminal Code of the Republic of Belarus № 275-Z of 09.07.1999 (as amended // IS «Continent».

15. Code of the Republic of Moldova of 24.10.2008 № 218-XVI «On Offenses» (ed. of 22.04.2021) // IS «Continent».

16. Criminal Code of the Republic of Moldova № 985-XV of 18.04.2002 (ed. of 23.04.2021) // IS «Continent».

17. Bagun E.A. Torture as a form of manifestation of cruelty of criminal behavior // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2008. № 9.

18. Boyko A.I. The language of the criminal law and its understanding: monograph. Moscow, 2010.

19. Boyko A.I., Panko K.K. Notes in the Criminal Code of the Russian Federation as a special means of criminal law regulation // Jurist-Pravoved. 2020. № 1 (92).

УДК 351.74 (091) : 1
ББК 67.529

Небратенко Геннадий Геннадиевич
Nebratenko Gennady Gennadievich

профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России
доктор юридических наук, профессор.

Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
E-mail: gennady@nebratenko.ru

Татьянина Анжелика Владимировна
Tatianina Anzhelika Vladimirovna

доцент кафедры уголовного права и процесса Таганрогского института управления и экономики
кандидат социологических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Taganrog Institute of Management and Economics, PhD in sociology, Associate Professor.
E-mail: a.karyagina@tmei.ru

Чумакова Зоя Александровна
Chumakova Zoya Aleksandrovna

старший преподаватель кафедры документоведения и языковой коммуникации Донского государственного технического университета.

Senior lecturer of the Department of Documentation and Language Communication of the Don State Technical University.
E-mail: zoyrost@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ НА НИЖНЕМ ДОНУ (СЕРЕДИНА XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX вв.)

Socio-cultural ontology Russian police on the Lower Don (mid-XVIII – first third of the XIX centuries)

Объектом научной статьи являются общественные отношения, связанные с онтологическими процессами развития российской полиции в определенный авторами хронологический период (середина XVIII – первая треть XIX столетия). Предметом статьи выступает социокультурная составляющая в процессе становления полиции на Нижнем Дону, где располагался специфический регион Российской империи, обладающий особым правовым положением. Местное население Донского казачьего войска обладало особым правовым статусом, отразившимся на организации правоохранительной деятельности. Поэтому зарождение и становление российской полиции на территории Нижнего Дона в середине XVIII – первой трети XIX столетия происходило самобытным путем, заслуживающим отдельного изучения.

Ключевые слова: *история полиции, история органах внутренних дел, Ростовская область, Волгоградская область, Донской край, обычное право донского казачества, зарождение органов государственной власти.*

The object of the scientific article is social relations related to the ontological processes of the development of the Russian police in the chronological period defined by the author (mid-XVIII – first third of the XIX century). The subject of the article is the socio-cultural and functional component in the process of formation of the police on the Lower Don, where a specific region of the Russian Empire with a special legal status was located. The local population of the Don Cossack Army also had a special legal status, which was reflected in the organization of law enforcement activities. Therefore, the origin and formation of the Russian police on the territory of the Lower Don in the middle of the XVIII – first third of the XIX century took place in an original way that deserves a separate study.

Keywords: *history of the police, history of internal affairs bodies, Rostov region, Volgograd region, Don region, common law of the Don Cossacks, the birth of state authorities.*

Возникновение органов внутренних дел Российской Федерации на территории Ростовской области связано с историко-правовыми процессами, имевшими место на Нижнем Дону в досоветский период. При этом учет региональных особенностей в патриотическом правосознании сотрудников полиции на основе традиционных духовно-нравственных ценностей представляется важным и уместным [1].

Объективно сложилось так, что включение Донского края в состав Российского государства было связано с историей донского казачества, до 1671 г. не относившегося к разряду служивого, и вплоть до установления советской власти игравшего решающую роль в региональном управлении и местном самоуправлении. Это обстоятельство отразилось на процессе становления донской полиции, которая по своему сословному составу была преимущественно казачьей, частично дворянской после 1798 г., когда донская старшина или «донские чиновники» добились прав благородного состояния и заняли все руководящие должности в управлении края.

Генезис донского казачества в отечественной науке представляется неопределенным, хоть потомки донских казаков до сих пор компактно проживают на территории Ростовской и Волгоградской области, непризнанной Донецкой народной республики и Луганской, а также на Украине (станица Луганская и ее юрт).

Территория, занятая в XVIII в. донскими казаками, определялась бассейном Дона, кроме его верховий, и бассейнами Бузулука, Хопра, Медведицы и Дона. Западной границей казачьей территории долгое время было устье реки Аксай, откуда границы Войска Донского простирались до реки Калмиус. В это же время Российская империя окончательно получает выход в Азовское и Черное моря, что позволило казакам основывать новые поселения на ранее пограничных с Турцией территориях. Местное казачество исторически расселялось, образуя две социокультурные группы: низовые и верховые казаки [2]. Определить пограничную черту между низовым и верховым казачеством невозможно, но традиционно считалось, что низовые казаки проживали в Черкасском и, отчасти, Первом Донском округах, а верховые – во Втором Донском, Хоперском и Усть-Медведицком округах. Классификация донского казачества на «низовое» и «верховое» оказалось настолько важным, что в определенный период времени находила отражение в царских грамотах, официально направлявшихся на Дон [3].

С учетом того, что освоение Донского края происходило в инициативном порядке, то есть без уполномочивания со стороны публичной власти (равно как и поход Ермака в Сибирь в 1581–1885 гг.), логистика коммуникации поселенцев предусматривала использование речных путей сообщения. Поэтому имевшие место в крае поселения в административно-территориальном плане интегрировались по округам с учетом имеющейся речной сети и возможности рассылки водным путем царских и войсковых грамот посредствам их доставки нарочными старшинами и казаками.

Черкасский городок в 1644 г. стал третьей столицей Войска Донского, именно здесь располагалось «Главное Войско», включавшее органы потестарнной власти «Войсковой круг» и войскового атамана. Таким образом, низовья Дона можно считать колыбелью и носителем традиций казачьего самоуправления, и исторически в ней до сих пор дислоцирован административный центр казачества – Новочеркасск, прежняя столица – Старочеркасское сельское поселение, до 1805 г. именовавшаяся Черкасском.

Социокультурно сложилось так, что образование военно-политической организации «Войско Донское», включавшей органы потестарнной власти «Войсковой круг» и войскового атамана, происходило именно у «низовых казаков», в пределах Черкасского округа, именуемой так в честь города Черкасска. Эта местность стала колыбелью и носителем традиций казачьего самоуправления, и исторически в ней до сих пор дислоцирован административный центр казачества – Новочеркасск, прежняя столица – Старочеркасское сельское поселение, до 1805 г. именовавшаяся Черкасском.

В тоже время в административно-территориальном смысле Черкасский округ сложился только в конце XVIII – первой трети XIX столетий. Хотя поселение Усть-Аксайский стан, впоследствии ставшее одним из центров данной местности, появилось за год до районирования края, проводившегося в 1743 г. путем его размежевания на шесть частей, в каждую из которых назначался нарочный старшина с особой командой казаков «в крайних по всем

рекам станицах для сыска и высылки беглых людей». Нарочные старшины стали промежуточной инстанцией между «региональным правительством» и станицами [4]. Черкасская местность, как и практически весь регион, включала не только казаков, но и сбежавших на Дон крепостных крестьян, находивших пристанище в хозяйствах старшин и домах казаков. Поэтому в 60-х гг. в ведении «нарочных» перешли дела «о беглодержательстве», по которым проходили представители казачества, и вместо «нарочных старшин» появились – «сыскные дела» [5].

Между тем к 1769 г. «сыскные дела» орган отсутствовал в Черкасской местности, вероятно, в силу того, что она всегда по территориальной принадлежности управлялась «войсковой администрацией», располагавшейся поблизости. Косвенно данный факт подтверждается тем, что ни в одном расписании подведомственных дистанций нарочных или сыскных старшин не упоминаются ни черкасские городские станицы, ни казачьи станы, расположенные в нижнем течении Дона. Даже в 1766 г. Войсковая канцелярия продолжала рассылать свои приказания в городские станицы Черкасска, в Роговский и Усть-Аксайский станы, а также в Грушевские, Заплавские и Кривянские хутора минуя инстанцию «сыскные дела» [6].

Однако в 70-х гг. XVIII в. для обслуживания Черкасского округа функционировала «Усть-Аксайская команда против беглых» во главе с полковником Акимом Карповым. Центр этой местности находился в Усть-Аксайском стане, где в первой четверти XVIII в. функционировало «правосудное начальство» [7], которое в 1778 г. возглавлял есаул Гревцов Матвей Алексеевич, а в 1789 г. возникло «Усть-Оксайское сыскное начальство», которым до 1790 г. руководил Ханженков Василий Яковлевич. Впрочем, служебная документация из Войскового гражданского правительства в 1791 г. попрежнему направлялась напрямую «в городские и Александровскую станицы, в Усть-Аксайский и Роговский станы» [8], в 1793 г. – «в Усть-Аксайский и другие станы» [9]. Данный факт может свидетельствовать как и о прямом управлении черкасскими станицами и ближайшими рыболовными станами, еще не получившими статус станиц, так и о делопроизводственной практике, сложившейся в Войске Донском, когда в рассылке приказов указывалось не сыскное начальство, а район, на который распространялось действие документа.

Между тем согласно имеющимся биографическим сведениям (послужным спискам) донских чиновников, с 1793 г. на Дону параллельно встречаются и Усть-Оксайское сыскное начальство, и Черкасское. Это разукрупнение, то есть параллельное существование двух «органов правопорядка» по хронологии совпадает с протестными настроениями в среде казачества, вылившимися в 1792–1794 гг. в Есауловский бунт. Поэтому Усть-Оксайское сыскное начальство, вероятно, как правопреемник «начальства Усть-Аксайского стана» по-прежнему обслуживало Аксайскую станицу, торговую и многолюдную, где потребности в обеспечении правопорядка были велики, а также, вероятно, подведомственные ей населенные пункты. Исключение составляли «городовые станицы» Черкасска, которых насчитывалось одиннадцать, вверявшиеся, вероятно, Черкасскому сыскному начальству. Однако параллельное существование двух начальств, зафиксированное в послужных списках донских чиновников может быть всего лишь отражением делопроизводственной инерции, когда переименования либо не фиксировались, либо вносились с опозданием в официальные документы. Одновременное существование двух названий «Черкасское» и «Аксайское», подтвержденное не единичными послужными списками, безусловно приходится на период 1800–1805 годов.

В документах фонда «Станичных правлений» Государственного архива Ростовской области Усть-Аксайское сыскное начальство упоминается с 1798 г., что следует, вероятно, связать с существованием в этой местности «станов» с особым образом правления, а не самоуправляемых станиц. При этом помимо Усть-Оксайского и Черкасского сыскных начальств, в Казачьем или Щучьем стане (ныне – станица Елизаветинская Азовского района) функционировала «команда рыбных ловель в низовье Дона» во главе со «смотрителем» из числа донских чиновников, обеспечивавшая правопорядок в устье реки. Однако обслуживаемая ей территория со всех сторон была окружена землями, отведенными под Ростовский уезд Екатеринославской губернии и Таганрогского градоначальства, и сухопутной границы с остальной частью «Усть-Оксайского» округа не

имело. Это обстоятельство обуславливало уровень самостоятельности «смотрителя рыбных ловель» в принятии служебных решений. С 1794 г. на основе «команды со смотрителем» появилось «начальство рыбных ловель», а с 1797 г. – «начальство Казачьего стана» [7], но оно учреждалось временно и подчинялось «усть-аксайскому сыскному начальнику».

В тоже время 19 августа 1798 г. «Усть-Оксайское сыскное начальство» и «начальство Казачьего стана» официально прекратило свое существование с присоединением подведомственной территории к Аксайскому сыскному начальству [10]. Однако фактически они продолжали функционировать до 1801 г., завершая производством начатые дела, что подтверждается в послужных списках донских чиновников. Однако исходящие документы, поступающие из Войсковой канцелярии, по-прежнему направлялись в Усть-Аксайскую, Александровскую и Гниловскую станицы, а также в Роговский и Казачий стан, «станичным атаманам и казакам от Усть-Аксайского до Казачьего стана» и в городские станицы Черкасска, минуя сыскное начальство. В войсковой грамоте от 27 ноября 1800 г. дублировалась передача в ведение Аксайского сыскного начальства района дислокации «бывшего Усть-Оксайского начальства (кроме здешних черкасских городовых станиц – авт.) и рыбных ловель» [11]. На рубеже 1800–1801 гг. оно вновь переименовывалось в Черкасское, оставаясь таковым до мая-июля 1804 г., а затем стало Аксайским сыскным начальством.

Избрание Аксайской станицы административным центром всей округи, было связано с ежегодными весенними затоплениями Черкасска. Во время разливов Дона даже Войсковая канцелярия перебиралась в Аксай, например, 5 мая 1800 г., что, впрочем, ежегодно осуществлялось Войсковым гражданским правительством для рассмотрения тяжебных дел Усть-Аксае или Тузловском Красном Яре [12]. В любом случае «войсковой двор» для размещения личного состава и спецконтингента имелся в обоих населенных пунктах.

Рассматриваемый казус дополнительно разъясняет содержание примерного «Штата сыскных начальств 1802 г.», подготовленного в соответствии с именным указом от 25 февраля 1802 г. для составления сметы расходов на содержание регионального правительства, направления ее в Сенат и утверждения Александром I [13]. Проектируемые «штаты – 1802 г.» фиксировали уже сложившееся состояние дел, и было в них четко определенно: «Аксайское сыскное начальство ввиду большого количества дел и населения имеет увеличенный штат» [14]. Кроме того, в послужном списке повытчика Попова Ивана Петровича упоминается, что в 1802-1805 гг. он работал в «Аксайской полицейской экспедиции» [15].

Между тем дальнейшая хронология развития Аксайского (Черкасского) округа становится еще интересней. Ранее упомянутым указом от 25 февраля 1802 г. в структуре регионального правительства (Войсковой канцелярии) были упразднены четыре «экспедиции», исключая «Экспедицию полиции города Черкасска», продолжившую осуществление правоохранительной деятельностью на правах «управы благочиния». Незавершенное производство упраздненных экспедиций было распределено по территориальной принадлежности по семи сыскным начальствам, в том числе в «Черкасское», дислоцированное в Аксайской станице по причине удобства месторасположения. Ему от такой оптимизации ввиду многочисленности местного население досталось больше всех дел, в том числе в служебном ведении оказались городские станицы Черкасска.

Поэтому 25 июля 1802 г. по резолюции заседания членов Войсковой канцелярии в 1-й Департамент Сената было направлено представление об учреждении при Черкасском сыскном начальстве «другого временного присутствия» для рассмотрения «старых гражданских дел» (в данном случае термин «гражданский» рассматривался как антипод «военный»). Однако к 28 февраля 1803 г. этот вопрос остался без разрешения, хотя «для успешной отработки дел оного начальства сверх штата общего всем начальствам в одно Черкасское прибавлено и потребное число канцелярских служителей» [16]. Сделано это было в ожидании законодательных преобразований в штатном расписании «донской полиции».

В следующем году из Санкт-Петербурга поступил именной указ от 6 февраля 1804 г., и согласно приложению к этому акту в штате сыскных начальств предусматривался: «Судья в Оксайском сыскном начальстве по уважению большого количества дел, который получает 750, а остальные – 600 рублей» [17]. В тоже время в переписанном чернилами «списке» этого указа, сделанном в Войсковой канцелярии под грифом «с копии копия», и в настоящее время хранящемся в Государственном

архиве Ростовской области, имеются «несанкционированные правки», уточняющие текст до реального состояния дел: «В Аксайском сыскном начальстве два судьи в виду большого количества дел – по 750 рублей» [18].

В дальнейшем, с 1804 г. сыскные начальства в Землях Войска Донского функционировали на правах «уездных и земских судов в соединении», одновременно являясь органами правосудия и правопорядка, поэтому должность их руководителей именовалась «судья». Если в качестве судей назначалось два чиновника, то соответственно канцелярия и караульная команда содержались в дублирующих составах: в городе Черкасске и станице Аксайской, и этот факт подтверждается «послужными списками» личного состава. Именно такая расстановка сил предопределяла параллельное использование наименования «Оксайское» и «Черкасское сыскное начальство», хотя наименование последнего доминирует в официальных документах за 1803–1805 года [19], при этом сыскной начальник Молчанов Гаврила Иванович в различных письменных источниках, относящихся к 1804–1806 гг., обознался то судьей Аксайского начальства, то Черкасского.

Впрочем, в 1806 г. после открытия Войсковой канцелярии в Новочеркасске, искомое «сыскное начальство» именовалось «Оксайским». К 1808 г. в его ведении состояли: Аксайская станица, Александровская, Багаевская, Гниловская (до 5 мая 1797 г. – Гниловской стан), Грушевская, Багаевская, Елизаветовская (до 22 января 1807 г. – Казачий стан); Заплавская (до 5 мая 1797 г. – Заплавский стан), Кривянская (до 20 мая 1797 г. – Кривянский стан), Маноцкая, Сретенская (до 25 октября 1800 г. – Роговский стан), а также 11 подведомственных станиц Старочеркасска.

В мае 1811 г., по предложению войскового атамана Матвея Ивановича Платова, «начальство» окончательно было переведено из станицы Аксайской в Новочеркасск с переименованием в Черкасское сыскное начальство [7]. Обслуживаемый в «полицейском отношении» округ оставался сложным, и потребность в расширении численности органов правопорядка перманентно сохранялась. Поэтому после завершения Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода 1814–1815 гг. при местном сыскном начальстве создали «Черкасский временный суд». Он разбирал дела, накопившиеся за военные годы, во главе с Тапилиным Василием Пахомовичем, но в том же, 1815 г., этот орган был упразднен. Однако согласно биографическим данным в 1817–1818 гг. работало «Черкасское временное сыскное начальство», которое возглавлял Ребриков Тимофей Васильевич.

Таким образом, получившая законные основания на рубеже XVIII–XIX вв. «Донская полиция» продолжила свою профессиональную деятельность до утверждения 26 мая 1835 г. императором Николаем I «Положения об управлении Донским Войском», которое вносило существенные коррективы в организацию ее деятельности, требующие дополнительного научного исследования. Правоохранительная система в крае была усовершенствована, и в границах существующего районирования появились окружные судные начальства (на правах уездных судов Российской империи) и окружные сыскные начальства, причем последние были освобождены от ряда несвойственных им судебных функций. Одним из следствий этой реформы стало появление нового организационно-правового уровня в системе региональной власти – «окружного», сочленявшего войсковое управление со станичным самоуправлением. Прежде сыскные начальства считались продолжением «войскового правления», а теперь стали частью окружного, причем, не первостепенной, поскольку по отношению к судным начальствам имели процессуально зависимое положение, но как орган исполнительной власти превалировали. Развитие российской полиции на Нижнем Дону учитывало социокультурные особенности местного казачества, комплектовавшего учреждаемые органы правопорядка и привносившего в их работу казачьи обычаи и традиции.

Литература

1. Овчинников А.И., Федоренко С.П. Формирование патриотического правосознания ОВД на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Ростов н/Д, 2016.

Bibliography

1. Ovchinnikov A.I., Fedorenko S.P. Formation of patriotic legal consciousness of the police department on the basis of traditional spiritual and moral values. Rostov on Don, 2016.

2. Небратенко Г.Г. Обычаи вольного казачества (XVI – начало XVIII вв.). Ростов н/Д, 2009.

3. Донские дела: в 5 кн. Книга 1. СПб., 1898.

4. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894.

5. ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 50; Ф. 338. Оп. 1. Д. 861. Л. 6-6об.

6. ГАРО. Ф. 338. Оп.1. Д.574. Л.4-4об., 7-7об.

7. Сулин И.М. Материалы к истории заселения Черкасского округа // Сборник Областного Войска Донского Статистического комитета. № 8. Новочеркасск, 1908.

8. ГАРО. Ф. 338. Оп.1. Д.1042. Л.21-21об.

9. ГАРО. Ф. 338. Оп.1. Д.2. Л.1.

10. ГАРО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 1091. Л. 151-151об.

11. ГАРО. Ф.339. Оп.1. Д.582. Л.4об.

12. Щелкунов С. З. Войско Донское при атамане Алексее Ивановиче Иловайском // Сборник Областного Войска Донского Статистического комитета. № 10. Новочеркасск, 1910.

13. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. № 20156. Пункт 7.

14. Небратенко Г.Г. История донской полиции и суда: учебное пособие в 2-х частях: Ч. 1. Ростов н/Д, 2017.

15. Корягин С.В. Поповы. Вып.67. М., 2007.

16. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 138 Л. 41об.

17. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 43: Книга штатов. Часть 2: Штаты военно-сухопутные (1801–1810).

18. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 305.

19. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1804. СПб., 1804.

2. Nebratenko G.G. Customs of the free Cossacks (XVI-early XVIII centuries). Rostov on Don, 2009.

3. Don affairs: in 5 books. Book 1. St. Petersburg, 1898.

4. Acts relating to the history of the don Cossacks, collected by major General A.A. Lishinym. Vol. 2. Part 1. Novocherkassk, 1894.

5. SARO. F. 339. Op. 1. D. 50; F. 338. Op. 1. D. 861. L. 6-6об.

6. SARO. F. 338. Op.1. D. 574. L. 4-4об., 7-7об.

7. Sulin I.M. Materials for the history of settlement of the Cherkasy district // Collection of the Regional Army of the Don Statistical Committee. № 8. Novocherkassk, 1908.

8. SARO. F. 338. Op. 1. d. 1042. l. 21-21ob.

9. SARO. F. 338. Op. 1. D. 2. L. 1.

10. SARO. F. 338. Op. 1. D. 1091. L. 151-151ob.

11. SARO. F. 339. Op. 1. D. 582. L. 4ob.

12. Shchelkunov S.Z. The Don Army under ataman Alexey Ivanovich Ilovaisky // Collection of the Regional Army of the Don Statistical Committee. № 10. Novocherkassk, 1910.

13. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 27. No. 20156. Item 7.

14. Nebratenko G.G. The history of the Don police and the court: a textbook in 2 parts: Part 1. Rostov on Don, 2017.

15. Koryagin S.V. Popovs. Issue 67. M., 2007.

16. SARO. F. 46. Op. 1. d. 138 l. 41ob.

17. PSZRI. 1. Vol. 43: The Book of States. Part 2: Military-land states (1801–1810).

18. SARO. F. 341. Op. 1. d. 305.

19. Months with a painting of officials in the state, for the summer of the Nativity of Christ 1804. St. Petersburg, 1804.

УДК 351.74 (091)
ББК 67.629

Акопян Виктор Завенович
Akopyan Viktor Zavenovich

доцент кафедры теории и истории государства и права Пятигорского государственного университета
кандидат исторических наук.

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Pyatigorsk State University, PhD in History.

Пахомова Елена Валерьевна
Pakhomova Elena Valeryevna

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ТЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОКРУГЕ (1921–1930)

On the history of the formation of state authorities in the Terek province and district (1921–1930)

Настоящая статья посвящена истории образования Терской губернии и округа – административно-территориальной единицы в южнороссийском регионе (1921–1930), ее органам власти и административному центру – городу Пятигорску. Особое внимание уделено состоянию правоохранительных органов региона.

***Ключевые слова**: Северный Кавказ, Терская губерния, округ, органы государственной власти, коммунистическая партия, правоохранительные органы, милиция.*

This article is devoted to the history of the formation of the Terek province and the district – an administrative-territorial unit in the South Russian region (1921–1930), its authorities and the administrative center of the city of Pyatigorsk. Special attention is paid to the state of law enforcement agencies.

***Keywords:** North Caucasus, Terek province, district, state authorities, Communist Party, law enforcement agencies, police.*

В статье рассматривается административно-территориальное устройство, организация и функционирование властных структур образованной в 1921 году Терской губернии (1921–1924), реорганизованной в округ (1924–1930). Рассматриваемая тема не изучалась в качестве отдельного исследования.

Считаем необходимым предварить этот материал краткой предысторией рассматриваемой территории в предшествующий период.

Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе осуществлялись с завидной регулярностью в связи с присоединением новых территорий или после смены очередного правителя на российском престоле.

В 1860 г. в связи с упразднением Кавказской линии вся территория Северного Кавказа была разделена на несколько административных единиц: Ставропольскую губернию, Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области.

Терская область (64 тыс. кв. верст) являлась самой сложной в административном и в этно-конфессиональном отношениях единицей на Юге России.

После ряда реорганизаций область к концу XIX в. состояла из четырех отделов: Кизлярский, Моздокский, Пятигорский и Сунженский и шести округов: Владикавказский (осетины), Веденский и Грозненский (чеченцы), Назрановский (ингуши), Нальчикский (кабардинцы и балкарцы), Хасавюртовский (кумыки). Кроме этого в пустынных степях на северо-востоке области проживали кочевые народы – ногайцы и калмыки, которыми управляли приставы. Численность населения области едва превышала 1 млн. человек, из которых: горцы – 540 тыс., русские – 420 тыс., ногайцы – 36 тыс., армяне – около 20 тыс., немцы – 15 тыс. и др. Около 20 % населения области (206 тыс.) составляли казаки, объединенные в Терское казачье войско (ТКВ).

Казаки ТКВ проживали в 70 крупных станицах [4]. В 1874 году из Ставропольской губернии Терской области были переподчинены все города Кавказских Минеральных Вод (КМВ), включая уездный центр Пятигорск, ставший теперь центром отдела ТКВ [1].

Терскую область в разное время возглавляли генералы: М.Т. Лорис-Меликов, А.П. Свистунов, Е.К. Юровский, А.М. Смекалов, С.В. Каханов, С.Е. Толстов, А.М. Колюбакин, А.С. Михеев, С.Н. Флейшер. Начальники области одновременно являлись и наказными атаманами ТКВ.

В период «контрреформ» произошли изменения в статусе курортов КМВ, ранее находившихся под управлением частных лиц на условиях аренды. Комитет министров 21 февраля 1883 г. принял решение с длинным названием: «О передаче Кавказских Минеральных Вод в ведение Министерства государственных имуществ на определенных условиях для успешного внедрения технических средств и развития курорта» [35, с. 191–192].

В декабре 1883 г. КМВ были переданы в подчинение Горному департаменту вначале Министерства земледелия и государственных имуществ (с 1905 г. – Министерства торговли и промышленности) [26].

В годы Революции 1917 г. и Гражданской войны г. Пятигорск, в зависимости от того, кто в тот или иной отрезок времени контролировал территорию, являлся административным центром государственных образований разной величины и политической ориентации. А с августа 1918 до января 1919 г. даже имел статус центра Северо-Кавказской советской республики (СКСР). Более года регион находился под контролем правительства генерала А.И. Деникина.

После восстановления советской власти в 1920 г. внутренняя конфигурация Юга России изменяется в результате осуществления политики расказачивания и автономизации горцев. В ноябре 1920 г. съезды народов Дагестана и Терека провозгласили создание двух автономных республик.

В состав Горской АССР (ГАССР) вошли национальные территории бывшей Терской области [1]. В период с 1921 по 1925 г. народы ГАССР образовали свои автономные области.

После отделения от Терской области горских округов и городов Грозный и Владикавказ оставшаяся территория составила Терскую губернию, образованную в соответствии с декретом ВЦИК от 4 апреля 1921 г.

Территория Терской губернии протянулась с запада на восток: от Кавминвод вдоль р. Терек до побережья Каспия с городами: Пятигорск, Георгиевск, Святой Крест, Моздок, Кизляр. Вскоре 30 % ее восточной части (кизлярские степи и каспийское побережье) передали Дагестану, а от Ставропольской губернии прирезали небольшие части. В таком виде декретом ВЦИК от 27 апреля 1923 г. Терскую губернию разделили на четыре уезда: Георгиевский, Моздокский, Пятигорский и Прикумский (Святокрестовский до 1921 г.). В результате начавшегося районирования уезды стали называться районами [1].

Этнический состав населения Терской области по переписи 1920 года был таков: русские (велико- и малороссы) – 498,5 тыс.; армяне – 21,3; немцы – 15 тыс.; осетины – 7,5 тыс. (в основном в Моздокском р-не); евреи – 3,4 тыс. (горские и европейские); кабардинцы и черкесы – 2,9 тыс. (Моздокский р-н); ногайцы – ок. 2 тыс. (Минераловодский р-н); грузины – 1,4 тыс.; греки – 1,3 тыс.; карачаевцы – 1,2 тыс.; туркмены – 1,2 тыс.; татары – 1 тыс. и др. [42]. Перепись не учла тысячи беженцев из Османской империи.

В решении о создании Терской губернии ее центром вначале был определен г. Георгиевск. Однако к сентябрю 1921 г. центр был переведен в Пятигорск [10, с. 744]. Впрочем, губернские власти из города и не выезжали.

В отличие от Георгиевска, в Пятигорске имелась разветвленная инфраструктура для размещения губернских, а с 1924 г. и окружных учреждений. После проведенной тотальной национализации множество великолепных зданий, принадлежавших частным лицам, перешли в государственную собственность.

Параллельно с автономизацией и районированием происходила интеграция всех территорий Юго-Востока России в единый край. Итогом проведения административно-территориальной реформы стало создание Северо-Кавказского края площадью 293 тыс. кв. км, включавшего 20 административных единиц: 6 автономных областей и 14 округов. Административным центром края стал Ростов-на-Дону.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 2 июня 1924 года и постановлением Краевого экономического совещания (ЭКОСО) от 10 июня 1924 г. Терская губерния была преобразована в одноименный округ [27].

Площадь Терского округа составляла 28,5 тыс. кв. км. В соответствии с Всесоюзной переписью населения 17 декабря 1926 г. в округе проживало 641,6 тыс. чел., в том числе: русские – 375,5 тыс., украинцы – 195 тыс., армяне – 21,4 тыс., немцы – 18 тыс., осетины – 7,3 тыс., адыги (черкесы и кабардинцы) – 3,3 тыс., ногайцы – 2,6 тыс., евреи – 2,1 тыс. и др. [8].

С 1924 г. Терский округ состоял из 16 районов: Александрийский, Арзгирский, Архангельский, Воронцово-Александровский, Георгиевский, Горячеводский, Ессентукский, Кисловодский, Левокумский, Минераловодский, Моздокский, Наурский, Прикумский, Прохладненский, Степновский, Суворовский. Некоторые из этих районов в 1928–1929 гг. были упразднены [27].

Центром округа был определен город Пятигорск. Его население в 1926 г. составило 53 487 человек, а с пригородами – около 60 тысяч [5, с. 150].

В Терской губернии/округе Пятигорск оставался и центром курортов КМВ. Причем новые власти, особенно в период нэпа, использовали опыт управления курортами досоветского периода [26].

На основании декрета СНК «О лечебных местностях общегосударственного значения» Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав) РСФСР принял «Охранную грамоту» от 8 апреля 1920 г. № 4/154, выданную Управлению КМВ и признающую за этими курортами общегосударственное значение. В феврале 1925 г. ВЦИК утвердил Положение об Управлении курортами общегосударственного значения, по которому Управление КМВ действует на началах хозрасчета и пользуется всеми правами юридического лица [33, с. 32]. Постановлением СНК РСФСР 26 мая 1925 г. курорты общегосударственного значения: Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск и Железноводск изымались из ведения местных властей и переведены в распоряжение общегосударственного треста «Главное курортное управление» [34, с. 60]. В следующем году (1926) курорты КМВ переведены на устав самостоятельного хозяйственного объединения (трест «Кавказские Минеральные Воды»).

Все указанные нормативно-правовые акты на региональном уровне подкреплялись постановлением Терского окружкома № 21 от 28 июля 1928 г. «О горно-санитарной охране курортов «Кавказские Минеральные Воды» [26].

Самостоятельный трест «Курортное объединение» Наркомздрава возглавляло Правление, которому подчинялись: директора групп, санаторные, амбулаторные и санитарно-гигиенические службы. После ликвидации округов, в 1931 г., трест «Кавказские Минеральные Воды» расформирован [28, с. 21].

В Терской губернии (округе) высшей властью был губернский комитет (губком) РКП(б), а с 1924 г. – окружной комитет (окружком) РКП(б), в 1924 г. – ВКП(б). Губком подчинялся Юго-Восточному бюро ЦК РКП(б), в марте 1921 г. выделившемуся из Кавказского бюро ЦК. Его возглавляли в разное время А.Г. Белобородов*, М.Н. Лукоянов, В.И. Нанейшвили, Б.П. Позерн.

Значение Бюро возросло с назначением в июле 1922 г. первым секретарем А.И. Микояна (1895–1978). Руководимое им Бюро на II Юго-Восточной краевой партконференции (5–8 мая 1924 г.) было преобразовано в Северо-Кавказский крайком [9, с. 180]. Первыми секретарями крайкома являлись А. Микоян, Г. Орджоникидзе (в сентябре 1926 г.), М. Чудов, А. Андреев и др.

Терскому губкому подчинялись уездные комитеты: Георгиевский, Кизлярский, Моздокский, Пятигорский и Сунженский. Все они были представлены на 1-й губернской партконференции (8–9 июля 1921 г.). Только Минераловодский район, территориально находясь в составе Терского округа, по партийной линии относился к Ставропольскому окружкому ВКП(б) [9].

В структуру губкома РКП(б) входили отделы: общий, организационно-инструкторский с подотделами; агитационно-пропагандистский с подотделами – агитационный, пропагандистский, национальных меньшинств; по работе среди женщин. Структура губкома постоянно изменялась. На 1 марта 1924 г. в губернской парторганизации состояло 1460 членов партии и 361 кандидат [3].

В связи с образованием округа губком РКП(б) был реорганизован в Терский окруж-

* Александр Георгиевич Белобородов (1891–1938) – Народный комиссар внутренних дел РСФСР с 30 августа 1923 г. по ноябрь 1927 г. С июля 1919 г. находился на руководящих военно-политических должностях в период активной фазы Гражданской войны на Дону и Северном Кавказе. Сторонник жестких методов борьбы с «контрреволюцией». С марта 1920 секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), председатель Экономического совещания Юго-Восточной области. С 29 ноября 1921 г. назначен на должность заместителя народного комиссара внутренних дел РСФСР (Ф.Э. Дзержинского), курировал текущую работу НКВД. После ухода Дзержинского принял от него Наркомат внутренних дел. Многое сделал для укрепления милиции, положение которой в те годы было сложным. Она находилась на местном бюджете, была плохо оснащена и вооружена, ее численность в 1925 по сравнению с 1921 сократилась в 6 раз. Белобородов разделял политические взгляды Троцкого. По этой причине в ноябре 1927 г. исключен из ВКП(б), уволен из НКВД, приговорен к ссылке. Позднее был восстановлен в партии, работал (с 1932 г.) уполномоченным наркомата внутренней торговли СССР по Азово-Черноморскому краю (г. Ростов-на-Дону). В 1936 вновь арестован за связь с троцкистской оппозицией. Расстрелян в 1938 [29].

ком, руководивший районными комитетами – райкомами.

Ведущей парторганизацией являлся Пятигорский городской райком. Согласно постановлению первого пленума Терского окружкома ВКП (б) от 18 декабря 1926 г. в структуре окружкома он значился в качестве самостоятельной единицы – Пятигорский городской подотдел ВКП(б). В 1929 г. в Пятигорской организации числилось 1200 членов ВКП(б). До 1928 г. городскую парторганизацию возглавлял А.С. Месропов [12, л. 72 об., 90].

Учредительная конференция Терского окружкома, состоявшаяся 27 ноября 1924 г. наметила формы и методы деятельности. По состоянию на 1 ноября в состав окружной парторганизации входило 123 ячейки. Они объединяли 2 731 члена и кандидатов в члены РКП(б) [13, л. 4–6, 24, 28–33].

В 1924 г. в структуру окружкома РКП(б) – ВКП(б) входили следующие отделы: организационно-распределительный, агитационно-пропагандистский, женский, а при них подотделы и комиссии [13].

После ликвидации в 1930 г. округа и соответственно окружкома райкомы и горкомы стали напрямую подчиняться Северо-Кавказскому крайкому.

Терская партийная организация являлась либо трамплином для восхождения на советский политический Олимп, либо местом политической ссылки или «перевоспитания» кадров, вызывавших у высшего политического руководства сомнения в лояльности. В разное время губком/окружком возглавляли: И.П. Румянцев (секретарь оргбюро); Каменский, Сокирко, Ткачев, С.О. Котляр (1923 – август 1927), И.Н. Крайнев (август 1927 – 3 января 1928), Е.И. Гурин (и.о. в январе 1928), С.С. Захаров (1928 – сентябрь 1930). Из этого списка секретарей (неполного в «губернский период») в качестве «долгожителя» на данной должности выделялся Соломон Котляр (1890–1967). Он оказался одним из немногих руководителей, избежавших гибель в годы массовых репрессий.

Одновременно с созданием краевых партийных органов шло и формирование исполнительного комитета Терского губернского (окружного) Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Решения, принимаемые советскими органами, копировали партийные резолюции. Они же претворяли в жизнь установки партийного руководства.

Первые месяцы после советизации Северного Кавказа действовали чрезвычайные органы советской власти – революционные комитеты (ревкомы), которые подготавливали выборы в Советы и передавали власть исполкомам.

В апреле 1920 г. краевым правительственным органом вместо ревкома был утвержден Революционный Совет Армии Труда Юго-Востока, преобразованный в марте 1921 г. в Краевой экономический совет (КЭС) Юго-Востока, а в августе 1924 г. – в Краевой исполнительный комитет (Крайисполком) во главе с президиумом и его председателем. Вторую по значимости должность в крае занимали Н.Б. Эйсмонт, В.Н. Толмачёв*, П.А. Богданов, И.Н. Пивоваров и др.

I съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Терской губернии (13–14 июня 1921 г.) констатировал переход власти от ревкома к исполкому. До начала работы съезда советскую власть представлял губревком (председатель М.А. Коробкин). В губернский и окружной периоды Терский исполком возглавляли М.Ф. Болдырёв (ноябрь 1921 – октябрь 1922 г.), М.М. Карклин (октябрь 1922 – октябрь 1925 г.), Цветков, Ищенко и др.

Официальными печатными органами губернии были «Известия Терского губисполкома и губкома» и ежедневная газета «Терек». С осени 1927 г. в Пятигорске начало издаваться двухнедельное официальное издание «Бюллетень Терского Окружного Исполнительного комитета и Пятигорского горсовета».

Губисполком контролировал уездные исполкомы. В мае 1924 г. в связи с преобразованием губернии в округ Терский губисполком был реорганизован в исполком Терского окружного Совета рабочих, крестьянских красноармейских и казачьих депутатов [22, л. 84].

Окрисполком являлся высшим органом власти на территории округа между съездами Советов и избирался в составе не более 45 человек и кандидатов к ним в числе не более одной третьей части числа своих членов. Из своей среды окрисполком избирал президиум

* В.Н. Толмачев (1887–1937) – Народный комиссар внутренних дел РСФСР со 2 января 1928 по 10 февраля 1931 г. Выступал за свертывание милиции как государственного органа и замену ее «милиционной повинностью». На посту наркома уделял большое внимание совершенствованию стиля работы аппарата НКВД, который насчитывал к тому времени 349 человек. Главными направлениями деятельности НКВД в этот период были коммунальное хозяйство, милиция, уголовный розыск и исправительно-трудовые учреждения. После упразднения в конце 1930 г. НКВД Толмачев в дальнейшем занимал руководящие должности в СНК РСФСР. В 1932 г. вместе с Н.Б Эйсмонтом он был обвинен в создании антипартийной группировки и заключен в спецлагерь сроком на три года. В 1937 г. был вторично арестован и 20 сентября расстрелян [29].

в составе не более 9 членов (в том числе председатель и его заместитель). Для разрешения наиболее важных для округа вопросов созывались расширенные заседания окрисполкома с участием представителей нижестоящих Советов и других приглашенных лиц [36].

Окрисполком осуществлял руководство хозяйственной и культурной жизнью округа через отраслевые отделы: административный, финансовый, земельный, военный, местного хозяйства, народного образования, здравоохранения и др. Особо место занимал административный отдел окрисполкома. Его возглавлял начальник, являвшийся одновременно и начальником милиции. Он подчинялся президиуму исполкома и НКВД РСФСР.

«Инструментами, приводными ремнями и щупальцами» партии (по словам Сталина) были профсоюзы, кооперативы и комсомол [38, с. 141–144].

Терский губернский совет профсоюзов оформился в мае 1921 г. на I губернском съезде профсоюзов. Профсоюзная сеть губернии (округа) включала: губернский/окружной совет, его отраслевые отделы, районные отделы, первичные ячейки. Функции окружного профсоюзного Совета определялись задачами, поставленными партией [37].

Партийный резерв – Терский губком (окружком) комсомола (РЛКСМ – ВЛКСМ) в полной мере копировал организационную структуру своих шефов. В мае 1920 г. в Пятигорске создано временное Северо-Кавказское бюро РКСМ, решением которого организован Терский губком РКСМ с июня 1924 г. реорганизованный в окружком ВЛКСМ [34]. Аппарат окружкома состоял из отделов почти таких же, как в партии (кроме бюро юных пионеров). Подведомственную сеть окружкома составляли Пятигорский горком и 16 райкомов ВЛКСМ.

Терский комсомол возглавляли секретари: Адмиральский, Кузнецов, Краснов, Спиридонычев и др. Они, как и их партийные кураторы, долго не задерживались на своих местах.

Комсомол занимался антирелигиозной пропагандой (причем, не брезгуя даже действиями, нарушающими советские законы), организацией «детского движения», военно-шефской работой и т.д., но, главное, комсомольские активисты ожидали своей очереди у номенклатурной лестницы для занятия важных партийных и государственных должностей.

Особое место во властной системе Терской губернии (округа) занимали правоохранительные органы: прокуратура, органы внутренних дел, ВЧК – ГПУ – ОГПУ.

Недремлющим «государевым оком» в губернии/округе выступала Терская окружная прокуратура.

В 1922 г. в РСФСР проведена судебная реформа, по которой, наряду с преобразованием судебной системы образована прокуратура, как орган надзора за соблюдением законности со стороны всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц. Она призвана была руководить деятельностью следственных органов, поддерживать от имени государства обвинения в суде и наблюдать за правильностью содержания заключенных. Согласно «Положению о прокуратуре», принятом в мае 1922 г. прокуратура вошла в состав Наркомюста РСФСР [30, с. 412–413].

Терская окружная прокуратура была образована в июне 1924 г. Она осуществляла руководство, надзор за работой районных и городских прокуратур, выездных сессий суда, специальных камер округа [17, л. 16–38].

«Карающим мечом партии» называли органы безопасности. К лету 1920 г. на всей территории Северного Кавказа были восстановлены органы ЧК – территориальные подразделения Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при СНК РСФСР. В период Северо-Кавказской советской республики (август 1918 – начало 1919 гг.) ЧК возглавлял Г.А. Атарбеков. В 1920 г. «полпредами ВЧК на Кавказе» являлись С.С. Лобов, которого сменил К.И. Ландер, а после него И.П. Бакаев. Их деятельность непосредственно координировалась Юго-Восточным бюро ЦК РКП(б). В марте 1921 года в Ростове-на-Дону возникло полпредство ВЧК по Юго-Востоку. Его возглавляли Г.А. Русанов, Г.А. Трушин.

Тогда же Терская областная ЧК (за год сменилось семь председателей) была разделена на ЧК ГАССР и Терскую губернскую ЧК в Пятигорске [32].

В феврале 1922 г. в соответствии с решением ВЦИК ВЧК преобразована в ГПУ. То же самое произошло и на региональном уровне. Органами ГПУ на Северном Кавказе руководили Г.А. Трушин (1922–1923); А.П. Альпов, И.М. Андреев (1923); Е.Г. Евдокимов (1922–1923, 1924–1929), З.Б. Кацнельсон (1929), Р.А. Пиляр (1929–1932) и др. Терский губотдел ГПУ состоял из общеадминистративной части и секретно-оперативной части с отделениями. На уездном уровне формировались аппараты уполномоченных губернских и областных отделов ГПУ. В 1924 г. губотдел был преобразован в Терский окружной отдел ГПУ.

Председателями губернской ЧК были: Н.А. Долгирев, И.Я. Пурнис (ио), В.И. Савинов (1921), Н.И. Авотин (1921 – февраль 1922 г.). Терский губернский (окружной) отдел ГПУ возглавляли А.Ф. Василенко, Ж.Ф. Девингталь, Ф.М. Зявкин, М.И. Витолин, Я.А. Дейч, Г.Ф. Горбач, С.М. Штыб, Ф.Т. Фомин (1923–1926), И.Я. Дагин (1926–1930). ГПУ имел свои вооруженные формирования – в Пятигорске располагался 45-й Терский дивизион ГПУ [32].

С органами ЧК – ГПУ на местах тесно взаимодействовали органы внутренних дел – советской милиции. Организационной формой такого сотрудничества стало создание в уездах политических бюро, которые занимались не только пресечением «контрреволюционных действий», но и борьбой со спекуляцией, продразверсткой и т.д. [7].

Патронаж ЧК – ВЧК над милицией был явным и неприкрытым. Он проявлялся не только в том, что возглавляли «политбюро» председатели уездного ЧК, помощниками которых назначались начальники милиции.

Советские органы внутренних дел возникли сразу же после октябрьского переворота в Петрограде. В числе комиссариатов входивших в СНК действовал Народный комиссариат внутренних дел (НКВД).

На Северном Кавказе, в частности на территории Терека, в 1918 г. органы милиции создавались по инициативе местных органов власти и функционировали на общественных началах. Работники милиции в то время выбирались на собраниях предприятий и учреждений по рекомендации партийных организаций. Так, например, в июле 1918 г. комиссаром пятигорской окружной милиции был избран И.П. Шурховецкий. По его инициативе в октябре на городском собрании пятигорских коммунистов начальниками городских участковых милиций были избраны коммунисты Варава, Гиволупов, Красноплахтин, Песчаный [24].

Когда на Тереке в марте 1920 г. была восстановлена советская власть, в центральных районах РСФСР завершалось формирование милиции в рамках НКВД. В состав последнего входило Главное Управление рабоче-крестьянской милиции (РКМ) с его подразделениями: уголовный розыск, органы транспортной милиции, промышленной милиции.

На основе декрета СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О советской рабоче-крестьянской милиции», ВЦИК и СНК РСФСР 10 июня 1920 года приняло Положение о РКМ. На основе этих документов на Тереке были организованы управления РКМ, которые до середины 20-х годов входили в состав исполнительных комитетов местных Советов и осуществляли административно-исполнительные функции. Терская окружная милиция была организована 26 марта 1920 года. Ее начальником стал Добряк, помощником – Бутенко [7].

Таким образом, к моменту образования Терской губернии на ее территории в основном уже были сформированы уездные отделы милиции. На основе Положения о РКМ Губернскому управлению подчинялись уездные управления РКМ, в каждое из которых входили 4 – 5 районных отделения со штатом 7–8 человек. Отделения делились на участки в селах и станицах во главе с начальником участка – старшим милиционером. В штат участка входили также участковый инспектор, уполномоченный, 1–2 младших милиционера.

Вплоть до середины 20-х гг. имела место путаница в определении обязанностей РКМ как местными Советами, так и самой милицией.

В Приказе от 19 января 1921 года помощника Уполномоченного НКВД при Ревтрудовой армии Юго-Востока РСФСР, отвечавшего за работу милиции, говорилось: «Начальники милиции недостаточно ясно представляют свои права и обязанности» [15, л. 1]. Но и власти на местах неверно оценивали роль милиции. Ее в начале 20-х гг. местные власти воспринимали как вспомогательное подразделение, которое должно было выполнять любые их указания и распоряжения. В ряде случаев губернский исполком превышал свои полномочия в отношении милиции [16, л. 4].

Особые сложности возникали во взаимоотношении РКМ с региональным руководством Красной Армии (РККА). Военное положение милиции рождало ошибочные взгляды военных на РКМ, как на подчиненное им звено, хотя главной функцией милиции оставалась охрана общественного порядка и борьба с преступностью. Дело в том, что с начала 1921 года милиция переводилась на военное положение. В июле 1920 г. вышло постановление СНК, по которому уездная и районная милиция сводились в воинские части. Начальник губернской РКМ назначался командиром бригады. В инструкции для Юго-Востока РСФСР указывалось: «Милиция организовывается на основах Красной Армии, для чего вооруженные силы милиции сводятся в воинские части» чтобы «в нужный момент сконцентрировать силы милиции в любой части губернии и перебросить для охраны, ликвидации банд…» [15, л. 1–2].

Управления РКМ были переименованы в штабы милиции. В уездах были созданы конные группы (взводы) милиции и конные

резервы. Уездные конные отряды милиции состояли из 25–30 человек, а в губернии – 50–60 человек. Уездная милиция приравнивалась к батальону, а начальник уездной милиции – к командиру батальона. Губернская милиция составляла бригаду во главе с начальником губернской милиции, который становился членом коллегии отдела управления губернского исполкома. Его помощник был начальником штаба.

«Военизация» милиции имела свое оправдание конкретными условиями начала 1920-х гг. когда шли военные действия с многочисленными бандами. Из 570 человек, убитых бандитами на территории Терской и Ставропольской губерний в начале 20-х годов было более 60 милиционеров.

10 июля 1921 г. вышло первое «Положение о Народном Комиссариате Внутренних Дел», которое определило главные функции РКМ: поддержание общественного порядка, проведение в жизнь законов и решений Советской власти, охрана предприятий промышленности, транспорта, государственных учреждений, содействие советским органам, охрана концентрационных лагерей и тюрем, борьба с бандитизмом, беспризорностью, спекуляцией, самогоноварением, попрошайничеством, разбазариванием природных недр [15, л. 6].

Претворением в жизнь указанного Положения в губернии занимался Иван Петрович Шурховецкий начальник Пятигорской, а затем и Терской губернской милиции. На этой должности он находился до 1924 года. В конце декабря 1922 г. помощником начальника Пятигорской городской милиции был назначен из Москвы В.П. Кандыбин, бывший комиссар бригады Кочубея [23, л. 228]. В 1926 г. начальником политотдела милиции Терского окружного исполкома назначен Казанджиев Михаил Дмитриевич до этого времени также исполнявший обязанности начальника городской милиции окружного центра [7].

В новых условиях уже не было необходимости в частях особого назначения (ЧОН) являвшихся важной частью силовых структур Терской губернии. В 1921 году отряды особого назначения Терской губернии были преобразованы в ЧОН. Тогда же сформировался и его штаб в г. Пятигорске, подчинявшийся штабу ЧОН Северо-Кавказского военного округа (СКВО) [18, л. 13; 19, л. 11]. В 1924 г. в Пятигорске располагались штабы ЧОН 7-го и 8-го кавалерийских полков, казармы 8-го полка. ЧОН формировались из членов и кандидатов в члены партии и комсомольцев. Они подразделялись на две категории: кадровый состав и милиционный. Первый числился на действительной военной службе, а милиционный состав периодически призывался для военного обучения, учебных сборов и в опасной обстановке. Руководство ЧОН в Терской губернии возглавлял командующий ЧОН губернии, которому подчинялись начальники ЧОН уездов. Военная реформа, начавшаяся в 1924 г. позволила укрепить Красную Армию, что позволило расформировать ЧОН [20, л. 24; 30, с. 347].

В 1923 г. из отделов управления исполкомов административно-исполнительные функции были переданы в управления милиции. В 1925 г. при окружном исполкоме был создан административный отдел, в который входили подотделы милиции, уголовного розыска, инспекция мест заключения. Несколько позже, в 1926 г., были образованы административные отделы в уездных исполкомах с подотделами милиции и УГРО.

Как и в Северо-Кавказском крае, в округах были введены должности начальника и помощника начальника милиции со знаками отличия. Звания также имели работники административного управления и административных отделов исполкомов на местах. В 1927–1928 гг. начальники административных отделов края и округов стали гражданскими лицами, а милицию возглавили непосредственно начальники РКМ, занимавшие должности помощников начальников административных отделов [11, с. 99–104].

Особенностью деятельности милиции в Терском округе стало обеспечение безопасности отдыха курортников на КМВ. Например, эта проблема рассматривалась на совещании начальников милиции курортных городов Терского округа в апреле 1925 г. Участники совещания для улучшения криминогенной ситуации на КМВ предложили осуществить административное выселение уголовников из курортных городов. Эти предложения были учтены в решении крайисполкома от 31 августа «О борьбе с бандитизмом в курортных местностях» [39]. Для эффективной борьбы с преступностью 2 октября 1925 г. на КМВ была создана курортная милиция численностью 63 человека.

Следует отметить, что органы милиции с середины 20-х годов подверглись массовой «чистке». Существенно сократились штаты милиции, особенно в уголовном розыске. Важными проблемами для милиции Терского округа во второй половине 20-х гг. оставалось состояние материальной базы милицейских служб и подготовка кадров. Например, в отчете административного отдела Терского окружного исполкома за 1926 г. отмечалось, что помещения для содержания арестованных были не приспособлены для пребывания там людей

более суток, а в реальности в них люди содержались и более недели [21, л. 5].

Для подготовки среднего комсостава РКМ в апреле 1921 г. была открыта школа в Пятигорске. Однако к 1924 г. эта школа была расформирована [41]. В окружном центре 27 февраля 1924 г. начали работу кратковременные курсы по подготовке младшего комсостава. Но в целом уровень подготовки работников милиции был низким. Даже после 1925 г. в Терском округе было 2 человека, окончившие школу старшего начсостава милиции, и 2 человека, окончившие школу милиции среднего комсостава – помощник начальника городской милиции и начальник административного отделения окрисполкома [21, л. 3].

Ликвидация Терского округа совпала по времени с изменением организационной структуры и направленности в деятельности РКМ. Происходила унификация правоохранительных органов и усиление их репрессивной направленности. Значительно возросло влияние ОГПУ на работу милиции. В 1930 г. было принято секретное постановление ЦИК и СНК «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска». Это означало практическое подчинение милиции органам ОГПУ [7].

С конца 20-х гг. начался «Великий перелом», укрепивший тоталитарные основы общества. Первым отражением коллективизации и индустриализации в административно-территориальном строительстве стало упразднение округов в русских регионах Северного Кавказа. Ликвидация Терского и других округов в крае начинает осуществляться в августе 1930 г. на основе решения XVI съезда ВКП(б), постановления Президиума ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. и постановления Северо-Кавказского крайисполкома от 13 августа 1930 г. Укрупненные районы стали напрямую подчиняться крайисполкому.

Что касается судьбы административного центра Терского округа – города-курорта Пятигорска, то 28 ноября 1930 г. он был включен в состав Ессентукского района, в 1934 г. переименованного в Суворовский [1; 27].

Значительная роль Пятигорска в качестве окружного административного центра и курортного региона в рассматриваемый период, позволила ему в 1934–1936 гг. стать центром Северо-Кавказского края, а с 2010 года превратиться в столицу федерального округа Российской Федерации.

Литература

1. Административно-территориальное устройство Ставрополья с конца XVIII века по 1920 год. Справочник. Ставрополь, 2008.

2. Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940. Ростов н/Д, 2010.

3. Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д, 2014.

4. Акопян В.З. Пятигорск как региональный административный центр Российской империи в 1830–1917 гг. // Проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: сборник. науч. тр. Саратов, 2021. Вып. XIII.

5. Анисимов С.С. Кавказский край. М.-Л., 1927.

6. Богдасаров А.С. URL: http://www.knowbysight.info/BBB/14472.asp

7. Булыгина Т.А. Становление ставропольской милиции в 20-е годы XX века // Из века в век служа закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края. Ставрополь, 2005.

8. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М., 1928.

Bibliography

1. The administrative and territorial structure of Stavropol from the end of the XVIII century to 1920. Guide. Stavropol, 2008.

2. Hakobyan V. Z. The North Caucasus: state construction, economy and culture. 1920–1940. Rostov on Don, 2010.

3. Hakobyan, V.Z. National divisions in the government of South Russia (1920–1930s). Rostov on Don, 2014.

4. Hakobyan V.Z. Pyatigorsk as a regional administrative center of the Russian Empire in 1830–1917 // Problems of the Russian civilization and methods of teaching history: a collection. scientific tr. Saratov, 2021. Issue XIII.

5. Anisimov S.S. Kavkazsky Krai. Moscow, 1927.

6. Bogdasarov A.S. URL: http://www.knowbysight.info/BBB/14472.asp.

7. Bulygina T.A. The formation of the Stavropol police in the 20s of the XX century // From century to century serving the law: essays on the history of the internal affairs bodies of the Stavropol Territory. Stavropol, 2005.

8. All-Union population census on December 17, 1926, Moscow, 1928.

9. The second South-Eastern Regional Con-

9. Вторая Юго-Восточная краевая конференция РКП(б). Стенографический отчет. Ростов н/Д, 1924.

10. Голоса из провинции. Жители Ставрополья в 1917–1929 годах: Сб. док. Ставрополь, 2009.

11. Гонюхов С.О., Горобцов В. И. Российская и советская милиция в мундире. 1917–1943. Ч. 2. М., 2000.

12. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 38.

13. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 789.

14. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 793.

15. ГАСК. Ф.Р-316. Оп.1. Д. 20; 21.

16. ГАСК. Ф.Р-316. Оп.1. Д. 22.

17. ГАСК. Ф.Р-720. Оп. 1. Д. 32.

18. ГАСК. Ф.Р-1155. Оп. 1. Д. 19.

19. ГАСК. Ф.Р-1155. Оп. 1. Д. 23.

20. ГАСК. Ф.Р-1155. Оп. 1. Д. 372.

21. ГАСК. Ф.Р.-1161. Оп. 1. Д. 414; 420; 421.

22. ГАСК. Ф.Р.-1317. Оп. 1. Д. 3.

23. ГАСК. Ф.Р.-1347. Оп. 1. Д. 30.

24. Известия Пятигорского Совдепа. 1918. 5 июня.

25. История профсоюзного движения на Ставрополье. Ставрополь, 2005.

26. Краснокутская Л.И., Михайленко В.И. Управление курортами Кавминвод (1803–2003). Страницы российской истории. Пятигорск, 2004.

27. Краткая справка об административно-территориальных изменениях Ставропольского края с 1920 по 1992 год // Официальный сайт комитета Ставропольского края по делам архивов. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/

28. Лозинский А.А. Курорт Пятигорск. Пятигорск, 1936.

29. Некрасов В.П., Полубинский В.И. МВД России. Энциклопедия. М., 2002.

30. Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР 1917–1936 гг. Ч. 1. М., 1962.

31. О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) // Партийное строительство. 1930. № 2 (4).

32. Петров Н.В. Организация и развитие органов ВЧК-ГПУ на Кавказе 1918–1934 гг. // Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ на Северном Кавказе и в Закавказье (1918–1934 гг.). URL: https://www.kavkaz-uzel.eu

33. Положение об Управлении курортами общегосударственного значения…16 февраля 1925 года. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2358.htm

34. Польской Л.Н. Летопись Пятигорска. Пятигорск, 1993.

ference of the RCP(b). Verbatim report. Rostov on Don, 1924.

10. Voices from the province. Residents of Stavropol in 1917–1929: Sat.doc. Stavropol, 2009.

11. Gonyukhov S. O., Gorobtsov V. I. Russian and Soviet militia in uniform. 1917–1943. Part 2. Moscow, 2000.

12. State archive of contemporary history of the Stavropol territory (hereinafter – SACHST). F. 5938. Op. 1. D. 38.

13. SACHST. F. 5938. Op. 1. D. 789.

14. SACHST. F. 5938. Op. 1. D. 793.

15. SASK. F. R-316. Op.1. D. 20; 21.

16. SASK. F. R-316. Op.1. D. 22.

17. SASK. F. R-720. Op. 1. D. 32.

18. SASK. F. R-1155. Op. 1. D. 19.

19. SASK. F. R-1155. Op. 1. D. 23.

20. SASK. F. R-1155. Op. 1. D. 372.

21. SASK. F. R.-1161. Op. 1. D. 414; 420; 421.

22. SASK. F. R.-1317. Op. 1. 3.

23. SASK. F. R.-1347. Op. 1. d. 30.

24. Izvestiya Pyatigorsk Sovdep. 1918. June 5.

25. The history of the trade union movement in the Stavropol region. Stavropol, 2005.

26. Krasnokutskaya L.I., Mikhailenko V.I. Management of Kavminvod resorts (1803–2003). Pages of Russian history. Pyatigorsk, 2004.

27. Brief information about the administrative and territorial changes of the Stavropol Territory from 1920 to 1992 // Official website of the Committee of the Stavropol Territory for Archives. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/

28. Lozinsky A.A. Resort Pyatigorsk. Pyatigorsk, 1936.

29. Nekrasov V.P., Polubinsky V.I. The Ministry of Internal Affairs of Russia. Encyclopedia. Moscow, 2002.

30. Nelidov A.A. History of state institutions of the USSR 1917–1936, Part 1. Moscow, 1962.

31. On the reorganization of the apparatus of the Central Committee of the CPSU (b) // Party construction. 1930. № 2 (4).

32. Petrov N.V. Organization and development of the Cheka-GPU in the Caucasus 1918–1934 // the Cheka-GPU-OGPU in the North Caucasus and Transcaucasia (1918–1934). URL: https://www.kavkaz-uzel.eu.

33. Regulations on the Management of the resorts of national significance...on 16 February 1925. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2358.htm.

34. Polskoy L.N. The Chronicle of Pyatigorsk. Pyatigorsk, 1993.

35. Pyatigorsk in historical documents of 1803–1917. Stavropol, 1985.

35. Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. Ставрополь, 1985.

36. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. № 5, 70. Управление делами Совнаркома СССР М. 1944.

37. Советский Юг. 1925. 25 апр.

38. Сталин И.В. Сочинения. Том 5. М., 1947.

39. Терек. 1925. 23 апр.

40. Терский округ. Очерки по истории, экономике и советскому строительству округа. Пятигорск, 1927.

41. Ушмаева К.А., Состин Д.И. Становление и развитие органов советской милиции на Ставрополье в первые десятилетия советской власти: по страницам архивных документов. Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. Право. № 5. 2018.

42. Этнический состав населения Терской губернии по переписи 1920 года. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Terek_1920.jpg?uselang=ru

36. Collection of laws and orders of the government for 1921 No. 5, 70. Administration of affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, 1944.

37. Soviet South. 1925. 25 Apr.

38. Stalin I. V. Essays. Volume 5. Moscow, 1947.

39. Terek. 1925. 23 Apr.

40. Tersky district. Essays on the history, economy and Soviet construction of the district. Pyatigorsk, 1927.

41. Ushmaeva K.A., Sostin D.I. Formation and development of the Soviet police in the Stavropol region in the first decades of Soviet power: according to the pages of archival documents. Gaps in Russian legislation. Law journal. Law. № 5. 2018.

42. The ethnic composition of the population of the Tersk province according to the census of 1920. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Terek_1920.jpg?uselang=ru.

УДК 351.74 (091)
ББК 67.629

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigorievich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: moskalenko1963@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ РЕГУЛЯРИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Theoretical and methodological aspects of the problem of professionalization and specialization of the police function of the state in the context of the general regularization of the state apparatus of the Russian Empire

В статье анализируются важнейшие теоретико-методологические аспекты проблемы профессионализации и специализации полицейской функции государства в контексте общей регуляризации государственного аппарата Российской империи, рассматриваются универсальные и локальные, регулярные и иррегулярные способы обеспечения полицейской функции государства, определяется российская специфика в решении данных проблем, определяются основные отличия генезиса полиции в Западной Европе и России, а также специфика рецепции европейского опыта формирования полиции и обеспечения полицейской функции государства.

Ключевые слова: *государственность, генезис полиции, регулярное и иррегулярное обеспечение полицейской функции государства.*

The article analyzes the most important theoretical and methodological aspects of the problem of professionalization and specialization of the police function of the state in the context of the general regularization of the state apparatus of the Russian Empire, examines universal and local, regular and irregular ways of ensuring the police function of the state, defines the Russian specifics in solving these problems, identifies the main differences in the genesis of the police in Western Europe and Russia, as well as the specifics of the reception of the European experience of forming the police and ensuring the police function of the state.

Keywords: *statehood, the genesis of the police, regular and irregular provision of the police function of the state.*

Полицейская функция государства – одна из важнейших, хотя и специфических его функций. В чем видится сравнительная специфичность полицейской функции как таковой в генетическом и структурно-функциональном, институциональном аспектах, каковы теоретико-методологические сложности для ее адекватного восприятия и понимания? Эмпирически и интуитивно-фактографически очевидно, что генезис государственного аппарата, формирование преемственной культуры государственного управления осуществлялись в процессе регуляризации государственного управления в Российской империи, в первую очередь, на основе армии и фискального аппарата. В европейских государствах и в России институционализация армии или фиска (в России, например, в этом процессе доминировала армия, во Франции – фиск) значительно опережали аналогичный процесс для гражданской администрации и особенно полиции, которая профессионализировалась, специализировалась и институционализировалась достаточно медленно, набрав определяющую силу лишь в конце 18 – начале 19 века.

Первоочередная институционализация военно-фискальных функций государствами и уже после этого институциональное оформление сепарированной полицейской функции, так ярко и со всей фактографической очевидностью проявившееся в истории России, является первой важнейшей для понимания генезиса полиции проблемой, требующей своего теоретико-методологического осмысления.

В России регулярная профессиональная армия сформировалась ощутимо раньше, чем обеспеченное материальной и кадровой инфраструктурой административно-территориальное деление государства, гражданская администрация и фискальные службы. Более того, созданная Петров Великим регулярная армия после завершения Северной войны была размещена среди вотчин, поместий и бесхозных территориальных единиц с размытыми неверифицируемыми границами для самостоятельного сбора налогов на свое содержание, а протяженность полков и рот стала восприниматься как первичные «атомы» государственной территории с гораздо более доказательными границами, чем, например, границы поместий и крестьянских общин до Генерального межевания, которое начали проводить с 1765 г.

Второй серьезной теоретико-методологической проблемой остается доимперская российская государственность с ее иррегулярным характером в целом, по конкретным институтам и по специфике ее административно-территориальной структуры. Отсутствие на востоке, севере и юге внешних государственных и внутренних административных границ в современном понимании(первая верифицированная граница была установлена в двустороннем порядке на западе – с Речью Посполитой после «Вечного мира» 1686),на юге внешние и внутренние границы в современном значении были установлены, фактически, в результате войн с Турцией Екатерины Второй, в эту же эпоху стали составляться первые вполне достоверные «ландкарты». Сама возможность правового регулирования и централизованного администрирования при отсутствии кодифицированного права, регламентов, инструкций, уставов – нормативной основы профессионального централизованного государственного управления, как и отсутствия отчетливой административно-территориальной структуры государства, превращается в неразрешенную пока теоретико-методологическую и фактографически-эмпирическую проблему. Отсутствие достаточного и достоверного эмпирического материала о правоприменении нормативного контента Соборного Уложения и явное регулятивное доминирование «Артикула воинского», в силу попытки Петра сохранить регулярную армию путем ее локализованной и фиксированной институционализации, вынужденно выполнявшего подчас роль гражданских законов в первой четверти 18 века, так же требует своего теоретико-методологического объяснения. Поздняя, сравнительно с иными государственными функциями, институционализация полицейского дела в Российской империи, не является исключительной и специфической проблемой, характеризующей именно российскую государственность. Во всех ведущих европейских государствах полицейская функция профессионализировалась и получала централизованную структуру управления тоже медленно и сравнительно поздно. Но эта замедленность была вызвана другими причинами, в сравнении с причинами, характерными для эволюции российской государственности. Поэтому самостоятельной теоретико-методологической проблемой в процессе формирования концептуализированного понимания генезиса полицейской функции государства и ее профессионализации является соотношение универсального и локального содержания в данном процессе. Полиция в России была провозглашена, как часть процесса учреждения иерархии замкнутых на столицу и субординационно связанных с нею городов, в 1718 г. Практическая реализация декларированной задачи растянулась на 64 года, до принятия «Устава благочиния или полицейского» в 1782 г. Полиция, как концепция и как учреждение, рецепировалась на основе опыта регулярных государств Западной Европы, она воспринималась и однозначно понималась и в России, и в Европе как исключительная часть жизни городов (полисов), как специфически городской феномен, поэтому наличие городов и развитой городской жизни являлось для создателей городской среды российского государства важнейшей инфраструктурной предпосылкой институциализации его полицейской функции. Сам термин полиция означал «управление городом» и не мог применяться в сельской местности по филологическим соображениям, характерным для 18 века. Императрица Екатерина остановилась на термине «нижний земский суд» для названия структуры, обеспечивающей общественный порядок и борьбу с преступностью в бескрайних и часто лишенных минимальной инфраструктуры для осуществления профессиональной административной, судебной, фискальной и полицейской деятельности сельских уездах, где на одного полупрофессионального капитана-исправника (выборного от дворянских собраний главу нижнего земского суда) приходилось до 20-30 000 крестьянского уездного населения. Собственно «полицией» эти структуры стали называться только в эпоху Александра Второго,

когда в ходе его великих реформ была сформирована унифицированная регулярная государственная полиция, интегрированы городские службы благочиния (городская регулярная полиция) и нижние земские суды (сельская иррегулярная полиция). Полицейское строительство в Российской империи уже в проекте и декларированных задачах существенно выходило за рамки европейского опыта. Пролонгированное формирование профессиональной полиции с централизованными структурой и управлением в европейских странах объясняется неравномерностью возникновения регулярного, основанного на организованных в иерархию городах, государства в разных регионах Европы. В классической стране централизованного государственного управления – во Франции – профессиональная централизованная полиция возникает достаточно поздно – в эпоху Наполеона, усилиями Жозефа Фуше, хотя предварительные попытки делались в эпоху кардиналов Ришелье и Мазарини. Пока регулярное централизованное государство находилось в процессе формирования, полицейская функция обеспечивалась городами за счет местных ресурсов, как почетная, локальная, часто волонтерская гражданская обязанность городских жителей. О серьезности намерений верховной власти институционализировать полицейскую функцию государства в России, включив ее в функционирование регулярного аппарата государственного управления (хотя бы в центрах губерний и уездов) свидетельствовало предшествовавшее регуляризации массовое учреждение городов, настоящий бум городского строительства (их число доходило до 450) в контексте создания административно-территориальной структуры государствас 1775 г., пяти десятков губерний и примерно пятисот уездов. Нормативной основой городской жизни являлись «Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-полицмейстеру» 1718 г. и «Регламент или Устав Главного магистрата»1721 г., представлявшие из себя редуцированные версии актуальных для российских условий начальной фазы городской жизни аспектов магдебургского права для ускоренно формирующегося городского, территориального и административно-полицейского сегмента Российской империи. Императорам и императрицам 18 века предстояло решить нетривиальную практическую и теоретико-методологическую задачу: как соединить естественное понимание полиции как городского феномена с необходимостью организации полицейского контроля на территории сельских уездов, как совместить раздробленные по отдельным городам волонтерские полиции полисов и централизованно-иерархически управляемые и организованные структуры полиции в масштабах всего государства? Теоретико-методологическое мышление строителей империи 18 века в России базировалось на отчетливом понимании того, что специфика полицейской функции российского имперского государства раскрывается не только в констатации поздней, сравнительно с иными функциями государства институционализации полиции на основе регуляризации, но и в постановке и решении такой, требующей теоретико-методологического осмысления проблемы, как поздняя интегративная профессионализация и еще более поздняя ее функциональная специализация. Эти обстоятельства для современных исследователей генезиса полиции России трудно объяснимы в полном объеме из-за необходимости хронологической первичности институционализации военной и фискальной функций, а также формирования хотя бы элементарной профессиональной гражданской администрации в столице. Как уже отмечалось выше, основную инфраструктурную предпосылку для формирования профессиональной полиции – субординированно организованные города под эгидой столицы – форсировано создавали в эпоху Екатерины Великой. Это не означает, что полицейская функция до появления инфраструктурной городской базы никак не обеспечивалась, ее обеспечивали, только другим, каким-то очевидным для современников и совершенно подчас ускользающим от нас) способом. Социально-структурной базой доимперского московского государства являлся симбиотический комплекс, в котором интегрировались земледельческие и кочевнические формы исторического и этнографического существования с деревенско-монастырским типом колонизации пространств Восточно-европейской равнины. Таким формам социально-культурного существования соответствовал феномен иррегулярной государственности. Это, по сути дела, еще только зачаточная государственная жизнь, пред-государство, все функции и структурные элементы и связи которого выражены очень и очень эмбрионально. Профессионализированная государственная власть в таких условиях, сепарированная от абсолютного преобладания кровно-родственных отношений и клановых сообществ, с формализованными структурными

характеристиками, централизованным иерархическим управлением, обеспечиваемым из казны, на такой иррегулярной основе просто невозможны. Конечно, государственные функции в этих, по сути дела, пред-государственных условиях, обеспечивались, но минимально и, самое главное-на иррегулярной основе. Отсутствие профессионального аппарата управления по всем отраслям компенсировалось привлечением инициативы сословий, сословной демократии. В Московском иррегулярном, или, как эвфемистически стали выражаться профессиональные историки, сословно-представительном государстве, сословно-представительной монархии, подавляющее большинство должностей, минимально обеспечивающих функционирование иррегулярного государства, были выборными от сословных общин. Например, функцию охраны общественного порядка и борьбы с преступностью обеспечивали по «десятичной системе», то есть выборами каждым десятком дворов кандидатов для эпизодического исполнения «полицейской функции»: «рогаточников», «решеточников», старост, «голов». Аналогичным образом, то есть на основе самообложения, собирались налоги. Должностные лица, обеспечивающие поступления в казну, также избирались собраниями сословных сообществ.

Важной теоретико-методологической проблемой является корреляция процессов формирования полиции в Российской империи с событиями всемирной истории. Уже отмечавшееся позднее по сравнению с иными элементами государственного управления возникновение регулярной полиции в Российской империи, коррелированной с регулярным государственным аппаратом, тем не менее, парадоксально опережает аналогичные процессы в европейских государствах того времени. Если, например, в предельно криминализированной Англии эпохи промышленной революции, писатель и судья Генри Филдинг основал первое профессионализированное подразделение полиции в Лондоне только в 1749 г. («The Bow Street Runners» – «Ищейки с Боу-стрит»), в России Петр Великий уже в 1718 г. постулирует задачу создания регулярной полиции как часть общегосударственной программы развития институтов империи.

Для истории Европы фактографически очевидно, что потребность в публичном статусе полицейской функции возникла вместе с полисами-городами и политической (городской) жизнью и является столь же древней, как и феномен городов. Пока длилась эпоха сингулярных полисов, как и все городские магистратуры, полицейские должности были выборными либо считались политической и общественной обязанностью всех горожан, являвшихся полноценными гражданами. Либо ее исполняли рабы или клиенты этих полноценных горожан, как об этом сообщает справочная литература [4, с. 446; 5 с. 520–521]. Делать полицейскую службу профессиональной в сингулярных полисах было дорого, а учитывая микроскопические размеры полисов, в общем-то, и не нужно. Городская община, насчитывающая 5–10 тыс. членов, легко самообеспечивала полицейский контроль и надзор за городской жизнью.

Следующей теоретико-методологической проблемой, препятствующей адекватному пониманию генезиса государства, его институтов, включая полицию, в России и в мире, является определенная интеллектуальная традиция, имеющая до сих пор колоссальное количество адептов, потому что влияние этой традиции задело и среднюю школу, и университеты. Когда-то в Европе очень конфликтно и предельно дискуссионно решался вопрос о преемственности с Римской империей, или, точнее, по его самоназванию, с государством SPQR, и с греко-античным полисным типом развития. Как и Византия, «Империя ромеев», Римское государство никогда не называлось «Римская империя». Это очень проблематичное название, учитывая историю появления термина «империя» и все те значения, которые за ним закреплялись в античной культуре и практике государственного управления. Греции тоже до 19 века как государства не было, были единичные полисы, объединяемые только культурным феноменами и артефактами эпизодически и на кратчайшее время. «Греков» как историко-культурного и этнического феномена в античности до эпохи эллинизма не существовало, тогда культурное и политико-юридическое значение имело только гражданство, античность знала «афинополитов», «спартиатов», (аналогично называли гражданжителей Фив, Коринфа, Мегар, всех полисов «античной Греции»).

Государство вырастало из полисного феномена, банальная мысль, очевиднейшая для любого интерпретатора античной фактографии. Конкуренция за римское культурно-политическое наследие привела европейскую науку к разработке «германской» или «феодальной» теоретической кабинетной матрицы.

Смысл ее заключался в том, чтобы показать, что параллельно античным или греческим полисам и римским муниципиям бурлила историческая жизнь в германской деревне, откуда и выросло впоследствии германское государство с феодальной лестницей и изъятием феодальной ренты у непосредственного производителя. Право, культура, вооруженные силы, само государство, альтернативные римскому полисному, имели главный генетический источник, а именно – сельскую родовую, потом территориальную общину. То есть, выражаясь на языке К.Н. Леонтьева, муниципальному, полисному, городскому, буржуазному началу противопоставлялась рыцарская феодальная жизнь, сопряженная с такой своей «питательной базой», как зависимые от феодалов крестьянские общины. Государство рисовалось как феномен, выросший на основе феодального землевладения, на аграрном фундаменте. В рамках германистических концепций как быть с городами в германском мире? А они объявлялись объектами управления (или вожделений на управление) магнатами-феодалами. Если полиция в полисе, сингулярном городском микрокосмосе – это понятный и естественно возникающий институт, то к феодализму в изображении историков-романтиков (а история, как вид массового производства текстов, претендовавших на объективную реконструкцию фактов прошлой реальности, возникает в романтическую культурную эпоху) привязать даже простое фактическое наличие полиции как вида службы было проблематично. Для городов профессионализация любого ремесла – это естественный процесс постепенного наращивания доминирования делового аспекта жизни над родовым, клановo-родственным, закрепления за кланами сначала кровных родственников, затем условных родственников-подмастерий в цехах секретов ремесел, монополизации видов деятельности, требующих концентрации на деловых вопросах. Постепенно возникала ткань интересов, которые регулировались профессионалами-юристами, реализовывалась кондотьерами, купцами, ремесленниками в своих областях деловой компетенции. Полиции, как специфическому виду обеспечивающей выживание города деятельности, не везло, считалось, что все горожане, например, венецианцы, должны быть полицейскими помимо своих частных цеховых занятий. Полицейскую деятельность воспринимали как общественную, публичную по преимуществу, как область и функция «рес публика», а не «рес привата». Это задерживало процесс формирования специализированной профессионализации полиции, хотя необходимость институционализации полицейской функции в городах была очевидна и естественна. Совсем иначе проблема выглядела в феодальной деревне, где любая профессионализация предполагала самый начальный и примитивный уровень, уходящий в пласты вековых традиций, что основательно блокировало генезис полицейской функции в направлении профессионализации.

Литература

1. Быков А.В. Основные вехи истории российской полиции: учебное пособие. Омск, 2018.

2. Москаленко С.Г. Генезис кадровой полиции в Российской империи (1718–1782 гг.): учебное пособие. Ростов н/Д, 2018.

3. Москаленко С.Г. История полиции в российской империи: учебное пособие. Ростов н/Д, 2020.

4. Словарь античности. М., 1989.

5. Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 2005.

Bibliography

1. Bykov A.V. The main milestones in the history of the Russian police: a textbook. Omsk, 2018.

2. Moskalenko S.G. The genesis of the personnel police in the Russian Empire (1718–1782): a textbook. Rostov on Don, 2018.

3. Moskalenko S.G. The history of the police in the Russian Empire: a textbook. Rostov on Don, 2020.

4. Dictionary of Antiquity. Moscow, 1989.

5. The Epoch of the Crusades / ed. by E. Laviss and A. Rambo. Moscow, 2005.

УДК 323 + 327
ББК 66.3 + 66.4

Тишкин Дмитрий Николаевич
Tishkin Dmitriy Nikolayevich

заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: dntishkin@list.ru

Бабенко Светлана Владимировна
Babenko Svetlana Vladimirovna

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don, PhD in Law.
E-mail: babenkoosokina@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВАРИАТИВНЫМ ФОРМАМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ XVIII–XXI вв: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Actual aspects of countering the various forms of organized crime of the XVIII–XXI centuries: a political analysis

В статье анализируется генезис вариативных форм организованной преступности XVIII–XXI вв, позволивший значительно увеличить степень ее влияния на политические процессы в российском и мировом социально-политическом пространстве. Авторы, учитывая факт использования организованной преступности в качестве политического инструментария, а также ведения против России «психоисторической войны», предлагают ряд возможных политических решений, обеспечивающих защиту национальных интересов и государственного суверенитета России.

Ключевые слова: *политика, война, организованная преступность, терроризм, политические процессы, оперативно-розыскная деятельность, «психоисторическая война», политическая элита, коррупция, глобализация.*

The article analyzes the genesis of various forms of organized crime of the XVIII–XXI centuries, which allowed to significantly increase the degree of its influence on political processes in the Russian and global socio-political space. The authors, taking into account the fact of using organized crime as a political tool, as well as waging a «psychohistorical war» against Russia, propose a number of possible political solutions that ensure the protection of Russia's national interests and state sovereignty.

Keywords*: politics, war, organized crime, terrorism, political processes, operational and investigative activities, «psychohistorical war», political elite, corruption, globalization.*

История человечества неразрывно связала между собой множество негативных явлений (убийства, насилие и др.), при этом, зачастую и навечно объединяя их в череду трагических событий, что объективно доказано сохранившимися документами и различными археологическими источниками. В то же время, для научного сообщества постулатом представляется тот факт, что развитие человеческой цивилизации на протяжении тысячелетий сопровождалось различными видами организованного насилия и принуждения, такими как война, убийства, террор и преступность. В свою очередь, генезис преступности, являющейся постоянным спутником такого политического института, как государство, привел ее в XX веке к четкой идентификации в качестве организованной преступности (далее – ОП), а реактивные процессы в информационной сфере в XXI веке привели, соответственно, к качественному «скачку» ОП

национального и международного уровней, усилив ее антигосударственный потенциал.

Взаимосвязи и различные корреляции между войной и политикой, установленные еще китайским мыслителем Сунь-цзы («бесконечный путь хитрости», прокладываемый политикой), исследовались на протяжении веков как с позиций философско-исторических наук (Гераклит, Платон, Аристотель, Макиавелли и др.), так и с позиций военного искусства (А.В. Суворов, К. Клаузевиц, А.Е. Снесарев, А.А. Свечин и др.). Историк А.А. Керсновский в своих трудах выделяет «требования политики» в качестве «всесильного элемента войны», условно разделяя ее (войну) с позиций «справедливости» и целей на следующие категории: «в защиту высших духовных ценностей»; «во имя интересов государства и нации»; «бессмысленные авантюры» [1, с. 231, 259]. Геополитик и одновременно военный разведчик А.Е. Едрихин (Вандам) определяет политику в качестве «особого искусства – высшей стратегии … в непрекращающейся борьбе за жизнь» [2, с. 6]. Таким образом, все вышеуказанные явления и воззрения тесно связаны с «царским искусством управления государством, требующим знания и умения управлять людьми» (политика по Платону и Аристотелю) и акторами генерирующими и претворяющими в жизнь политические решения, т.е. элитой.

В контексте исследования необходимо отметить, что некоторыми представителями научного сообщества и обычными гражданами РФ, организованная преступность ошибочно (базируясь на современном мировоззрении) ассоциируется лишь с организованными преступными группами (сообществами), обладающими ярко выраженным криминальным окрасом (рэкет, насилие, убийства) и, соответственно, с их представителями, отличительно контрастирующими по внешнему облику в строгом соответствии с концепцией основоположника криминальной антропологии с Ч. Ломброзо о «преступном человеке». Поэтому рассмотрим более системно сущность исследуемых явлений.

Ученые М.П. Клейменов и И.М. Клейменов установили динамику выделения «современных форм преступного сообщества: коррупционного, общеуголовного, экстремистского, транснационального, террористического» [3, с. 156]. Однако, подобные формы преступных сообществ существовали уже в XIX веке и даже ранее, но их отличительным признаком является степень влияния на политические процессы, протекающие в том или ином государстве.

Сами по себе факты мздоимства на Руси известны еще с XIII века, когда Иваном III (1440–1505), впервые ограничены подобные деяния на законодательном уровне, а уже Иваном IV (1530–1584) «за чрезмерность во взятках» введена смертная казнь. В эпоху Петра I (1672–1725) показательным примером, характеризующим уровень коррупции, является казнь (через повешенье) сибирского губернатора М.П. Гагарина (1659–1721), по результатам многолетнего следствия, инициированного обер-фискалом А.Я. Нестеровым. Тремя годами позже за злоупотребления и мздоимство колесовали уже самого инициатора предыдущей казни – А.Я. Нестерова (1651–1724) [4, с. 10]. Следует отметить, что должность обер-фискала являлась в табели о рангах того времени высшей «по тайному надзору за делами», а с 1722 стала именоваться – генерал-прокурор.

Примечательна в этой связи, биография вора-разбойника Ивана Осипова по прозвищу «Ванька-Каин» (1718 – после 1756), ставшего «легендарным» московским сыщиком, которая проливает свет на очаги зарождения ОП, а также уровень проникновения мздоимства в российское общество. Несмотря на то, что благодаря И. Осипову было осуждено и «сослано на каторжные работы 69 московских воров и поймано 500 преступных элементов», он вернулся к прежнему криминальному образу жизни, используя свое новое положение «доносителя Сыскного приказа» для поборов с бывших «соратников», связав при этом коррупционными узами должностных лиц московского Сыскного приказа. Спецкомиссией по делу «Осипова» личный состав полностью сменен, а он сам высеченный плетьми, с вырванными ноздрями и клеймом на лице «ВОР» сослан на каторгу в Сибирь [4, с. 10–11]. Данный пример продемонстрировал эволюционное развитие специально-охранительных функций государства (оперативно-разыскной деятельности – далее ОРД) в виде апробирования оперативно-разыскного мероприятия, в настоящее время именуемого оперативным внедрением, а также констатацию его положительных и отрицательных сторон.

Все указанные факты указывают на существование определенных зачатков ОП в виде организованных коррупционных и общеуголовных преступных групп (сообществ) уже в XVIII веке, но, несмотря на высокие ранги и должности отдельных мздоимцев, они не оказывали существенного влияния на принятие политических решений.

В XIX веке, по мнению профессора И.Н. Панарина, уже отчетливо прослеживаются признаки, ведущейся против России гибридной войны, не прекращающейся и по сей день, в ходе которой активно используются террористические преступные сообщества и группы, финансируемые Британской империей и ее союзниками [5]. Об этом свидетельствует резкое увеличение террористических акций, включая многочисленные покушения террористами-народовольцами на Императоров Всероссийских в период с 1866 по 1891 год, с целью оказания влияния на внутреннюю и внешнюю политику.

Примером глобальной трансформации мздоимства в XIX веке служат события, проанализированные исследователем И.Б. Мироновым, раскрывшим в своей научной работе истинные причины беспрецедентной сдачи, легендируемой под «продажу», Русской Америки в 1867 году (Аляски и Алеутских островов), а также «отчуждения» казенной Николаевской железной дороги в руки транснациональной финансовой олигархии («хозяев истории») посредством ее легитимной передачи из разряда государственной собственности в частную [6, с. 225–248].

Положив в основу своего исследования архивные материалы внешней политики Российской Империи и МИД, госархива РФ, госархива ВМФ и многие другие источники, И.Б. Мироновым аргументирована и подтверждена документально коррупционная (гипотетически спектр мотивов гораздо шире, но невозможно их объективное доказательство) составляющая «аферы века» по «добровольному» (мошенническому) «отторжению» Русской Америки, позволившая не просто ликвидировать форпост России в Тихом океане, а, фактически, на века утратить стратегический приоритет в данном регионе [6, с. 225–248]. Основным актором «аферы века» и «отчуждения» казенной Николаевской железной дороги со стороны Российской Империи выступал брат Александра II – великий князь Константин Николаевич (участник множества коррупционных скандалов, нанесших ущерб государственным интересам), который пользуясь влиянием на Царя, расставил на ключевые государственные должности «своих людей», а, в реальности, членов преступной «команды» в лице А.М. Горчакова, Э.А. Стекля, Н.К. Краббе, М.Х. Рейтерна и других. Осознавая антигосударственную направленность своих деяний, вышеуказанные лица действовали в составе Особого комитета, прикрывшись «завесой» государственной тайны [6].

Только после убийства 1 марта 1881 года Александра II в результате двух подрывов самодельных метательных снарядов все теми же террористами-народовольцами, его приемник – Александр III, фактически, за антигосударственные деяния с явными признаками государственной измены отлучил от власти великого князя Константина Николаевича «за деятельность, представляющую опасность для государственных интересов Империи» [6, с. 231].

Яркими и одновременно негативными примерами XIX – XX вв по апробации обоюдного стремления к осуществлению «оперативного внедрения» как государственными структурами (Департамент полиции МВД Российской империи), так и террористическими сообществами могут служить такие личности как Н.В. Клеточников (1846 – 1883), С.П. Дегаев (1857–1921) и его брат Владимир Дегаев [7], Е.Ф. Азеф (1869–1918) [8] и др., действиями которых причинен значительный ущерб интересам Российской Империи. Некоторые исследователи полагают, что Е.Ф. Азеф работал даже не в качестве «двойного» агента, а был более весомой и манипулируемой из-за рубежа фигурой, так как несмотря на причастность к совершению множества терактов и убийств видных государственных деятелей («2 министра внутренних дел (1902 г. – Д.С. Сипягин, 1903 г. – В.К. Плеве), 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора (включая великого князя Сергея Александровича – 1905 г.), 16 градоначальников, 7 генералов и адмиралов и др.» [8]; готовилось покушение на Николая II), приговоренный в 1909 году к смертной казни бывшими соратниками по террористической деятельности, он умер своей смертью в 1918 году в Германской империи [8]. Только этим возможно объективное обоснование того, что будучи ренегатом как для Департамента полиции, так и для эсеров-террористов, а, главное, нанеся серьезный урон обеим сторонам, упомянутыми структурами не предпринимались активные действия по его поимке или ликвидации.

Общеуголовные преступные сообщества и группы в XIX веке развиваются по принципу воровской артели, в соответствии традиционными формами трудовых объединений того времени, базируясь на добровольности, «круговой поруке» и выборности главаря (преступного авторитета), но, главное, не оказывая значимого влияния на политические процессы.

Качественный скачок в эволюции ОП про-

исходит в XX веке после февральских и октябрьских событий 1917 года, когда преступный элемент, в результате амнистии, сопровождаемой ликвидацией МВД как единой структуры и уничтожением его архивов, оказался в рядах революционных правоохранительных органов, невзирая на «воровской закон» о запрете сотрудничества с властью. При этом ряды криминалитета, параллельно, пополнялись «идеологически мотивированными бывшими офицерами Русской императорской армии и флота, различными чинами отдельного корпуса жандармов и полиции» [9, с. 135].

В 30-е годы в системе Главного управления лагерей, как в питательной криминальной среде, помимо разрастания воровских традиций и обычаев, уже четко идентифицировались криминальные лидеры, именовавшиеся как «воры в законе» [9, с. 135].

Пережив, так называемую «сучью войну», разгоревшуюся после Победы 1945 года преступный класс «воров в законе», невзирая на усилия силовых ведомств (МВД и КГБ) не был истреблен, как заявляли некоторые руководители, а уже в 1979 году на «воровской» сходке в Кисловодске «цеховики» (обладатели нелегальных производств) согласились «добровольно» передавать 10 % от их дохода преступным авторитетам. Сходку 1982 года в Тбилиси можно назвать точкой «отсчета» по активному продвижению криминала во властные структуры, хотя приверженцы «старых» воровских традиций, например, Василий «Бриллиант» (В.П. Бабушкин, 1928–1985), активно этому противодействовали. Именно «грузинские» воры лоббировали диффузию во власть, с целью влияния на принятие политических решений, а, этот конфликт послужил трамплином для влиятельного «вора в законе» по кличке «Дюба» (Д.К. Иоселиани, 1926–2003), последовательно трансформировавшегося из криминального в военного деятеля, а затем и политического лидера Грузии [9, с. 135–136].

В данном контексте, представляется объективной концепция академика А.И. Фурсова о том, что в период с 1967 по 1972 годы советским руководством окончательно уничтожены возможности трансформации «антикапитализма» (социализма) в «посткапитализм» и сделан роковой для Советского Союза шаг на пути конвергенции с глобальным Западом [10]. В качестве поощрительного «приза» на пути в «пропасть», в 1973 году нашими геополитическими «партнерами» инициирован скачок цен на нефть, принесший нашей стране 170-180 миллиардов незапланированных долларов, вложенных в западную промышленность и шоу-бизнес, а также теневую отечественную экономику. Весь этот нелегитимный процесс курировался «определенными сегментами партноменклатуры и спецслужб», а экспертами по финансовым «вложениям» выступили как раз грузинские «воры в законе», что уже к 1984 году привело теневую экономику в состояние, сопоставимое с бюджетом СССР. При этом, «теневая экономика росла не сама по себе», а именно курировалась указанными акторами [10]. В этой связи, А.И. Фурсов методологически оценивает разрушение СССР с ракурса идентификации в качестве его «могильщика» «части номенклатуры в союзе с частью спецслужб и теневым “капиталом”, с одной стороны, и частью западных “хозяев истории”...» с другой [11, с. 110], актуализируя сохраняющуюся остроту «проблемы проникновения агентуры влияния и представителей криминала во властные структуры различных уровней» [12, с. 197].

Именно по этой причине, некоторыми исследователями в качестве характерно-отличительной особенности российских реформ периода 90-х годов выделено, что помимо формирования криминальными группировками теневой экономики, посредством коррупции осуществлены активные действия по «проникновению на все уровни общественно-политической власти» [13].

К.А. Фурсов в своих исследованиях отмечая, сформированность современного мира во многом за счет распада колониальной системы, выделяет особенную функциональность спецслужб «сверхдержав и некоторых других государств» глобального Запада в процессе деколонизации, связанную с выполнением трех основных ролей – «охранительной, подрывной и трансформирующей» [14, с. 35–36]. При этом, данными спецслужбами в качестве своеобразного манипулируемого инструментария использовались вариативные формы ОП (коррупционные, террористические и др.), позволяющие симбиотично сочетать вышеуказанные роли для достижения желаемого для акторов политического результата [14].

Профессор В.С. Овчинский в XXI веке, отмечает свойство «цифровизации» по заполнению всего мирового социально-политического пространства, включая ОП, усилившегося за счет симбиоза с глобализацией и фактически ликвидировавшего условные грани между «терроризмом, гибридными войнами (далее – ГВ) и преступностью», что позволяет

констатировать факт существенного снижения эффективности реализации государственной политики по противодействию ОП и одновременное усиление ее антигосударственного потенциала. Глобальной «болевой точкой» приложения организованного криминала становятся, соответственно, национальные государства (государства-нации, далее – ГН), постепенно переформатирующиеся в государства-корпорации (далее – ГК), а в дальнейшем в мафиозные государства [15, с. 2, 377].

Концептуально, определенные аспекты позиции В.С. Овчинского базируется на исследованиях академика А.И. Фурсова о том, что капитализм, являясь единственной социальной системой, существующей одновременно «полярно» («реальный капитализм» и «антикапитализм» – социализм) равновесно существовал лишь при наличии «социалистического лагеря», а после разрушения этой сбалансированной системы и десятилетия просуществовав за счет поглощения социалистической ресурсной базы, наступил «триумф глобализации» и полный охват капитализмом всей планеты [16, с. 480–483]. «Маховик глобализации» запустил процесс трансформации ГН (целеполагание – интегрирование граждан в «государственный организм») в ГК (целеполагание – излечение прибыли любыми средствами) как в российском, так и в мировом социально-политическом пространстве, фактически превратив США не просто в ГК, а в своеобразную матрицу американских транснациональных корпораций, симбиотично связывающих все формирующиеся в мире ГК [16, с. 483–487]. Криминальные синдикаты, используя все форматы ОП, стремятся к переформатированию в ГК, одновременно, превращая криминализацию и корпоратизацию ГН, в «два взаимоусиливающих и взаимоспонсирующих процесса» [16], а «“ближайшее будущее” в поле игры К-структур различного уровня» [16, с. 488]. В качестве современного и ярко-выраженного примера этатизации ОП, с одновременной трансформацией ГН в ГК, может служить созданная глобальным Западом Республика Косово [16, с. 483–487].

В этой связи, некоторые исследователи обоснованно полагают, что глобализация усиленная «цифровизацией», сопровождаемая масштабным и повсеместным внедрением технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) «должны реализовываться, парируя вероятную возможность криминального и иностранного вмешательства (в том числе скрытно-дистанционного), не создавая угроз национальной безопасности РФ» [17, с. 77].

Огромным спектром охвата обладает дефиниция «психоисторической войны» («организационной войны»), введенная Ллойд де Мозом (1931–2020) и используемая академиком А.И. Фурсовым и профессором Е.Г. Пономаревой, сущностное наполнение которой сведено к «систематическому долговременному воздействию на психосферу общества-мишени (общества в целом), в основном его властной и интеллектуальной элиты» [18, с. 85–86] с целью «провести классовое и/или цивилизационное перекодирование» [19, с. 18–19]. Процесс перекодирования в связи с «цифровизацией», приобрел свойства реактивности, но глобальный тренд уровней фальсификации остался прежним: «информационный (факты), концептуальный (стадия пакетирования фактов) и метафизический (смысловой)» [18, с. 85–86].

В.В. Путиным на заседаниях коллегий ФСБ и МВД России в целом положительно оценена их деятельность, дана современная характеристика вызовов и угроз национальной безопасности, а также приведена следующая специальная информация за 2020 год: сохранение уровня глобальных вызовов терроризма, экстремизма, трансграничной преступности и киберпреступности; активное использование арсенала иностранных спецслужб как инструмента по дестабилизации политических процессов; повышение уровня защиты конфиденциальной, закрытой информации и недопущение ее утечек; возросло почти в 3,5 раза количество опасных атак на национальные информационные ресурсы [20]; нейтрализована деятельность ряда опасных преступных группировок; IT-преступность за последние 6 лет возросла более чем в 10 раз; актуализирована потребность в проработке вопроса о «включении в уголовный процесс новых форм собирания доказательств» [21].

По итогам встречи 16.06.2021 в Женеве, Президентом России, не смотря на появление некоторых «зарниц» доверия в отношениях с США отмечены следующие факты: «искажения и недомолвки или, наоборот» – «такова практика международных отношений сегодня»; сфера кибербезопасности чрезвычайно важна для обоих государств; «наибольшее количество кибератак в мире осуществляется с киберпространства США», затем по списку «Канада, две латиноамериканские страны, потом Великобритания», при этом РФ в данном документе отсутствует; из США в 2020 году

получено 10 запросов, в 2021 году – 2 запроса по поводу предполагаемых кибератак из киберпространства РФ, по которым на все даны исчерпывающие ответы; РФ по аналогичным основаниям в 2020 году направила 45 запросов, в 2021 году – 35, однако ни одного ответа не получила [22].

Таким образом, концепция ГВ в своей внутренней структуре «раскрывает симбиоз таких компонент, как ОП, информационная война, терроризм, политическая элита, экстремизм, "пятая колонна", "цветная революция" и другие» [23, с. 67], соответственно и весь спектр исследованных нами вариативных форм организованного насилия «симбиотично встроен в понятие "гибридной" и "организационной" войны, а ОП приобретя политические свойства, одновременно стала необходимым элементом этих войн» [24, с. 34].

Резюмируя краткий политологический анализ необходимо отметить, что генезис различных форм ОП в период с XX–XXI вв. привел к своеобразной точке «экстремума», когда не просто значительно возросла степень влияния ОП на политические процессы, а фактически сформировалась некая криминальная симбиотичная модель, использующая для достижения своих целей весь арсенал ОП.

Таким образом, в условиях ведения против России «психоисторической войны» с использованием в ней вариативных форм ОП возможны следующие политические решения: «создание нового комплекса дисциплин о человеке и обществе» [19, с. 22–23] с учетом преобладания духовных факторов; возвращения в МВД «централизованных подразделений по борьбе с ОП» [24, с. 34]; «создание госструктур, аккумулирующих потенциал госорганов в противодействии гибридной агрессии» [25, с. 202]; создание «единого ведомства (органа) по борьбе с киберпреступлениями» [25, с. 202]; совершенствование ОРД в российском и международном киберпространстве, используя технологии ИИ и «анализа Big Data», в целях обеспечения национальной безопасности; реализуя выверенную превентивную политику, внедрение в субъекты политического управления «упреждающей» культуры принятия решений; за счет реактивных процессов в экономике и легитимации государственной идеи устранение антагонизма между социумом и элитой; четкое следование в русле вероятностно-стратегической формулы – «победителем в XXI в. будет тот, кто упадет последним»[19, с. 22–23].

Литература

1. Снесарев А.Е. Философия войны. М., 2018.
2. Вандамъ А.Е. Наше положеніе: Изданіе въ авторской дореформенной орuѵографіи. Н. Новгородъ, 2016.
3. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Детерминация служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 1.
4. Плясов К.А., Тишкин Д.Н. Политико-правовые аспекты борьбы с организованной преступностью и ее коррупционной составляющей как элемент укрепления национальной безопасности современной России // Философия права. 2019. № 1(88).
5. Панарин И.Н. Гибридная война против России (1816–2016 гг.). М., 2019.
6. Миронов И.Б. АЛЯСКА ПРЕДАННАЯ И ПРОДАННАЯ. История дворцового заговора. М., 2017.
7. Панькина М.А. Конец «карьеры» Сергея Дегаева: признание или разоблачение? // Человеческий капитал. 2018. № 6(114).

Bibliography

1. Snesarev A.E. Philosophy of War. M., 2018.
2. Vandam A.E. Our position: Published in the author's pre-reform orography. N. Novgorod, 2016.
3. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M. Determination of service organized crime // Bulletin of Omsk University. Series: Right. 2019. T. 16. № 1.
4. Plyasov K.A., Tishkin D.N. Political and legal aspects of the fight against organized crime and its corruption component as an element of strengthening the national security of modern Russia // Philosophy of law. 2019. № 1(88).
5. Panarin I.N. Hybrid war against Russia (1816–2016). Moscow, 2019.
6. Mironov I.B. ALASKA DEDICATED AND SOLD. The history of the palace plot. Moscow, 2017.
7. Pankina M.A. The end of Sergey Degaev's «career»: recognition or exposure? // Human capital. 2018. № 6(114).
8. Samsonov A. Azef. Russia's chief provocateur and agent of the West // Military Review 06.08.2019. URL: https://topwar.ru/160918-azef-glavnyj-provokator-rossii-i-agent-zapada.html

8. Самсонов А. Азеф. Главный провокатор России и агент Запада // Военное обозрение 06.08.2019. URL: https://topwar.ru/160918-azef-glavnyj-provokator-rossii-i-agent-zapada.html

9. Тишкин Д.Н. Исторические аспекты российской организованной преступности как фактор повышения эффективности государственной политики по борьбе с ней и обеспечению национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 2(105).

10. Фурсов А.И. Системные и субъектные факторы разрушения СССР. Крупнейшие социальные и геополитические катастрофы XX века // Вестник политической психологии. 2020. № 1(11).

11. Фурсов А.И. «Длинные шестидесятые» в СССР (1957–1973) – точка невозврата: как послесталинская номенклатура сорвала рывок в коммунистическое будущее // В сб.: II Моисеевские чтения: культура как фактор национальной безопасности России Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции / Под редакцией А.В. Костиной, В.А. Лукова. 2019.

12. Тишкин Д.Н. Политические аспекты борьбы с проникновением организованного криминалитета во властные структуры различных уровней как необходимый элемент парирования угроз «гибридной войны» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2.

13. Popov M.Y., Mikhaylov A.P., Pechkurov I.V., Korovin A.A., Tishkin D.N. Relationship of corruption and organized crime groups in the Russian society // Contributions to Economics (см. в книгах). 2020. № б/н.

14. Фурсов К.А. Демонтаж колониальных империй: роли западных спецслужб // Свободная мысль. 2020. № 6(1684).

15. Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. («Коллекция Изборского клуба»). М., 2016.

16. Фурсов А.И. Русский интерес. Издание третье. М., 2019.

17. Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Напханенко И.П. Возможные направления корректировки государственной политики России по противодействию организованной преступности в условиях «организационной войны» // Философия права. 2021. № 2(97).

18. Пономарева Е.Г. Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии: причины

9. Tishkin D.N. Historical aspects of Russian organized crime as a factor in improving the effectiveness of state policy to combat it and ensure national security. Science and Education: economy and Economy; entrepreneurship; law and Management. 2019. № 2 (105)

10. Fursov A.I. System and subject factors of destruction of the USSR. Major social and geopolitical disasters of the twentieth century // Bulletin of Political Psychology. 2020. № 1(11).

11. Fursov A.I. The «Long Sixties» in the USSR (1957–1973) is the point of no return: how the post-Stalinist nomenclature broke a breakthrough into the communist future // In the collection: II Moses readings: culture as a factor of Russia's national security Reports and materials of the All-Russian (national) scientific conference. Edited by A.V. Kostina, V.A. Lukova. 2019.

12. Tishkin D.N. Political aspects of the fight against the penetration of organized crime into the power structures of various levels as a necessary element of parrying the threats of «hybrid war» // State and Municipal Management. Scientific notes. 2019. № 2.

13. Popov M.Y., Mikhaylov A.P., Pechkurov I.V., Korovin A.A., Tishkin D.N. Relationship of corruption and organized crime groups in the Russian society // Contributions to Economics (see in the books). 2020.

14. Fursov K.A. Dismantling of Colonial Empires: the Roles of Western Special Services. 2020. № 6(1684).

15. Ovchinsky V.S. Mafia: new global trends. («Collection of the Izborsk club»). Moscow, 2016.

16. Fursov A.I. Russian interest. Third edition. Moscow, 2019.

17. Tishkin D.N., Babenko S.V., Napkhanenko I.P. Possible directions of adjustment of the state policy of Russia on combating organized crime in the conditions of «organizational war» // Philosophy of Law. 2021. № 2(97).

18. Ponomareva E.G. May it not be forgotten! NATO aggression against Yugoslavia: causes and consequences // Observer scientific-analytical journal. 2014. № 6(293).

19. Fursov A.I. Psychohistorical war, a real picture of the world and a new grid of social science disciplines // In the collection: Higher education for the XXI century: the role of humanitarian education in the context of technological and sociocultural changes XV International Scientific Conference. Reports and materials. In 2 parts. Under the general editorship of I.M. Ilyinsky. 2019.

и последствия // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2014. № 6(293).

19. Фурсов А.И. Психоисторическая война, реальная картина мира и новая сетка обществоведческих дисциплин // В сборнике: Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях. Под общей редакцией И.М. Ильинского. 2019.

20. Стенограмма выступления Путина на заседании коллегии ФСБ России 24.02.2021. URL: http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-fsb-rossii-24-02-2021.html.

21. Расширенное заседание коллегии МВД России 03.03.2021. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090.

22. Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин по итогам переговоров с Байденом // Российская газета 16.06.2021. URL: https://rg.ru/2021/06/16/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-po-itogam-peregovorov-s-bajdenom.html.

23. Тишкин Д.Н., Галда М.В., Крицкая А.А. Стратегия и тактика гибридной агрессии через призму элитологических факторов // Философия права. 2020. № 3(94).

24. Косов Г.В., Нефедов С.А., Тишкин Д.Н. Направления корректировки государственной политики по противодействию организованной преступности в условиях гибридной войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1.

25. Косов Г.В., Тишкин Д.Н., Солдатов Н.Ф. Организованная преступность как элемент гибридных войн: политологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4.

20. Transcript of Putin's speech at the meeting of the board of the FSB of Russia 24.02.2021. URL: http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-fsb-rossii-24-02-2021.html

21. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia 03.03.2021. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090

22. Transcript: What Vladimir Putin said after the talks with Biden // Rossiyskaya Gazeta 16.06.2021. URL: https://rg.ru/2021/06/16/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-po-itogam-peregovorov-s-bajdenom.html

23. Tishkin D.N., Galda M.V., Kritskaya A.A. Strategy and tactics of hybrid aggression through the prism of elitological factors // Philosophy of Law. 2020. № 3(94).

24. Kosov G.V., Nefedov S.A., Tishkin D.N. Directions of adjustment of the state policy on combating organized crime in the conditions of hybrid war // State and Municipal Management. Scientific notes. 2021. № 1.

25. Kosov G.V., Tishkin D.N., Soldatov N.F. Organized crime as an element of hybrid wars: a political analysis // State and Municipal Management. Scientific notes. 2020. № 4.

УДК 340.5
ББК 67

Бондаренко Инна Александровна
Bondarenko Inna Aleksandrovna

аспирант Таганрогского института управления и экономики.

Postgraduate student, the Taganrog Institute of Management and Economics.
E-mail: innuchi@mail.ru

ИСТОРИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (1800–1867 гг.)

History of penitentiary institutions on territories of the Don Cossack army (1800–1867)

В данной статье рассматривается развитие тюремных учреждений на территории Донского казачьего войска в период с 1800 по 1867 гг. В 1835 г. было принято Положение, которое систематизировало структуру органов власти на территории Донского края, в том числе полиции и учреждений тюремной системы. В тексте статьи представлено авторское видение развития тюремной системы, которая существовала практически без изменений до 1867 г. Сами учреждения пенитенциарной системы были представлены войсковым острогом, размещенным в столице края (Новочеркасске), и окружными тюрьмами. Важной особенностью этих учреждений стало нахождение их в составе органов полиции. Таким образом, пенитенциарные учреждения 1800–1867 гг. являлись частью органов правопорядка. Эти и иные выводы нашли свое отражение на страницах предложенной научной статьи.

Ключевые слова: *Донское казачье войско, пенитенциарные учреждения, тюрьма, тюремная стража, осужденные к лишению свободы, полицейская реформа, острог.*

This article examines the development of prison institutions on the territory of the Don Cossack Army in the period from 1800 to 1867. In 1835 a Regulation that systematized the structure of government bodies on the territory of the Don Region including the police and institutions of the prison system was adopted. The text of the article presents the author's vision of the development of the prison system, which existed practically without changes until 1867. The institutions of the penitentiary system themselves were represented by a military prison located in the capital of the region (Novocherkassk) and by district prisons. An important feature of these institutions was their presence as a part of the police. Thus, the penitentiary institutions of 1800–1867 were part of the law enforcement bodies. These and other conclusions are reflected in the pages of this scientific article.

Keywords: *Don Cossack army, penitentiary institutions, prison, prison guards, prisoners sentenced to imprisonment, police reform, ostrog.*

Тюремные учреждения исторически являются составной частью органов исполнительной власти, и организация их работы совершенствуется параллельно с реорганизацией иных органов публичной власти [8, с. 174]. Место тюремных учреждений в этой системе всегда находится между органами юстиции и полиции. В настоящее время – в составе Министерства юстиции Российской Федерации; но на территории Донского казачьего войска в 1800–1867 гг. тюремные учреждения входили в состав МВД России, то есть являлись частью полиции, впрочем как и в губерниях Российской империи до 1895 г.

Первое упоминание о пенитенциарных учреждениях Дона, обнаруженное к настоящему времени, датировано 1768 г., когда по указу Правительствующего Сената военным инженером А.И. Ригельманом были составлены «Ведомость и географическое описание крепости Святого Дмитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами», в которых отдельной графой отмечено наличие среди зданий «публичного и партикулярного» строения деревянного острога, расположенного внутри крепости [4, с. 13]. Отдельной городской тюрьмы не предусматривалось и в начале XIX века, подданные, заключенные под стражу, в то время именуемые «колодники», помещались в установленном под домом городской полиции помещении, а когда их становилось много, то они также

содержались в крепости Святого Дмитрия Ростовского под воинским караулом [1, с. 363].

В отличие от Ростова, являвшегося в начале XIX века уездным городом Екатеринославской губернии, на территории Донского казачьего войска, представлявшего собой самобытный регион, управлявшийся по особым правилам, начинается создание и развитие острогов и тюрем, не представлявшим в совокупности сложившуюся систему, но впоследствии ставших единым целым – донскими тюрьмами. Так, в 1800 г. 4-м Донским сыскным начальством решался вопрос о перемещении из станицы Зотовской в станицу Букановскую войскового двора с тюрьмой, однако местная полиция ходатайствовала перед Войсковой канцелярией (региональным правительством) об оставлении сыскного начальства и тюрьмы по прежнему месту его расположения в станице Зотовской, а на сэкономленные от несостоявшегося переезда деньги начальником 4-го Донского сыскного начальства Иваном Андриновым внесено предложение о строительстве в станице Зотовской нового «войскового двора». Согласно плану объекта строительства на территории войскового двора располагалась тюрьма, при которой предусматривалось нахождение караула.

Помещение тюрьмы с «сенями и караульней» было площадью примерно 51 м^2 с потолком высотой 2 м^2, то есть не совсем просторным, и, учитывая, что на этой же площади предусматривалось и нахождение непосредственно караульных казаков в помещении, и не вводилось ограничение количества арестантов, одновременно в ней находящихся, то содержание в этом тюремном помещении было достаточно стесненным. В настоящее время для содержания спецконтингента в местах лишения свободы установлены определенные нормативы, которые составляют на одного осужденного к лишению свободы не менее двух квадратных метров. Сама тюрьма в то время фактически представляла собой отдельно стоящее помещение – камеру, защищенную от улицы только стенами, отдельное внимание при ее строительстве уделено тому, чтобы три «окошка», располагавшиеся в помещении тюрьмы, были настолько маленькими, чтобы «голова пролезть не могла» [7, оп. 1, д. 576, л. 6–7].

Следующий этап развития пенитенциарной системы региона обусловлен некоторыми административными преобразованиями, например, созданием города Новочеркасска. Так, 23 августа 1804 г. император Александр I рассмотрел представление войскового атамана М.И. Платова, содержащее сведения о неудобствах местоположения существовавшего на тот момент города Черкасска, о том, что работы, производимые для ограждения его от наводнений, безуспешны и о желании самих жителей и чиновников Войска Донского перейти на другое место. Данное предложение император счел обоснованным и утвердил его своим именным указом, в котором поручил разработать план обустройства вновь создаваемого города, предусмотрев в нем строительство «общественных заведений» и «нужнейших зданий», в том числе острога и полицейской тюрьмы.

Проектом новой казачьей столицы занимался инженер де Волан, согласно утвержденному императором плану в Новочеркасске наряду со строительством церквей, здания Войсковой канцелярии и другими войсковыми зданиями предполагалось создание домов для «частных полицейских приставов с объезжими и тюрьмами» [5, с. 104]. В первые годы создания города Новочеркасска в нем дислоцируется «съезжий дом» Черкасского сыскного начальства, располагавшийся при Гостином дворе у Александровской церкви с тюрьмой и караульным помещением. Немного позднее в 1807 г. на окраине города возвели каменный острог вблизи реки Тузлов.

В данный период строительству новых зданий Новочеркасска не могло быть уделено достаточного количества времени и денежных средств. В целях экономии бюджета по-прежнему до 1811 г. использовалась тюрьма и острог города Старочеркасска, как упраздненной столицы Войска Донского. Тем не менее на строительство в Новочеркасске сыскного начальства с тюрьмой и караульным помещением было потрачено 19 366 рублей, а на строительство острога 16 129 рублей, что для того периода являлось значительной суммой [5, с. 138–139]. Однако и выделенных средств видимо едва хватило на строительство тюремных учреждений г. Новочеркасска, например, главное каменное здание острога было отстроено в 1807 г., а ограждение к нему выполнено спустя 30 лет (из дерева) [5, с. 116].

Несмотря на необходимость экономии при строительстве, являвшегося одним из молодых городов Российской империи, войсковой острог и полицейская тюрьма, расположенные в нем, для своего времени были относительно удобными для спецконтингента и его охраны,

поскольку были выстроены в соответствии с действовавшими требованиями к такого рода учреждениям. Однако работа с лицами, заключенными под стражу, в том числе их охрана, все еще была организована слабо, поскольку как отмечается во «Всеподданнейшем докладе Комитета об устройстве Войска Донского 1823 года», поданного на имя императора, в войсковом остроге и городской тюрьме не соблюдалось надлежащего надзора за арестантами, вследствие чего нередко происходили их побеги из-под стражи. Частично это может быть объяснено тем, что при дальнейшем устройстве города Новочеркасска в качестве рабочей силы использовался труд арестантов, содержащихся в войсковом остроге и полицейской тюрьме, поскольку для проведения строительных работ их выводили за пределы мест содержания, что делало возможным их побеги [2, с. 610]. Оплата труда лиц, заключенных под стражу не производилась, это привлечение к труду являлось принудительным, что еще раз говорит о том, что в этот период времени содержание в местах лишения свободы уже являлось достаточно суровым наказанием.

О сформировавшихся тюремных учреждениях Донского казачьего Войска, по нашему мнению, как множестве элементов, образующих определенное единство, можно говорить только с 1836 г. До этого времени места лишения свободы и заключения под стражу, находящиеся на территории Донского казачьего войска, не выступали частью пенитенциарной системы Российской империи, поскольку их правовой статус на государственном уровне не был определен, да и сама система находилась в стадии формирования.

Начиная с 1836 г., тюремные учреждения, дислоцировавшиеся на территории Донского казачьего войска, представляли собой составную часть пенитенциарной системы Российской империи, состоя в виде войскового острога – тюремного замка, полицейской тюрьмы (оба были расположены в Новочеркасске), а также окружных замков. В тот период тюремные учреждения, дислоцированные в регионе, можно условно классифицировать на региональные (войсковые), расположенные в Новочеркасске, и окружные, представленные в отдельных местностях Донского казачьего войска. Первые – включали войсковой острог, а также полицейскую тюрьму для лиц, задержанных и заключенных под стражу Новочеркасской городской полицией и, вероятно, Черкасским сыскным начальством, имевшим резиденцию в Новочеркасске и не имевшим вверенной ему (начальству) тюрьмы. Вторые – включали тюремные замки, состоявшие при каждом «войсковом дворе».

С 1 января 1836 г. вступило в силу «Положение об управлении Войска Донского», которое обладало высшей юридической силой на территории Донского казачьего войска, и фактически в тот период представляло собой подобие «регионального устава», регулирующего деятельность субъекта Российской империи. «Положение об управлении Донского Войска» представляло собой «вершину» нормотворчества, став уникальным кодифицированным актом для управления регионом со специфической системой управления, которая сочетала в себе «гражданскую» и «войсковую» составляющие [11, с. 147]. Среди самодостаточных аспектов в нем предусматривалось развитие пенитенциарных учреждений Нижнего Дона, и отдельное внимание уделялось контролю со стороны войскового наказного атамана, возглавлявшего регион, за работой тюрем, поскольку ему предписывалось ежегодно осматривать действующие в регионе места лишения свободы и совершенствовать организацию их работы [2, с. 456].

Во главе войскового острога находился его смотритель, назначавшийся по представлению новочеркасского полицмейстера, и ему вменялись следующие обязанности: постоянно быть при остроге, следить за порядком внутри, не допускать общения арестантов с посторонними людьми, пресекать попытки побегов из острога, а также следить за достаточным материальным обеспечением арестантов и их здоровьем [2, с. 632]. Полицейская тюрьма, в отличие от войскового острога, имеющего статус «областной тюрьмы», располагалась при полиции города Новочеркасска, и ее главным предназначением было временное содержание под караулом лиц, совершивших административные правонарушения. Должности, предусматриваемые в полицейской тюрьме, в соответствии с утвержденным в тот период штатом относились к городскому полицейскому управлению и были представлены единственным смотрителем полицейской тюрьмы и двадцатью шестью караульными казаками.

Смотрителями войскового острога и полицейской тюрьмы Новочеркасска с состоящими при них командами могли быть только избранные (особые) казаки из числа обер-офицеров, караульные в свою очередь определя-

лись из числа назначенных на внутреннюю службу урядников и казаков, преимущественно преклонного возраста или имеющих слабое здоровье, не позволяющее им отправлять полевую службу. Такой кадровый подход не способствовал качественному осуществлению и оптимизации тюремной деятельности, поскольку базировался на «остаточном принципе» замещения должностей.

В свою очередь квалификационные требования, предъявляемые к работникам окружных тюрем, были еще ниже, чем для войсковых. Так, смотрителями окружных тюрем могли стать даже отставные урядники (нижние чины), которым полагалось жалованье в размере ста пятидесяти рублей в год, а также выдавались продукты питания за счет казны [3, с. 822]. Кроме того, окружные тюрьмы в отличие от войскового острога и полицейской тюрьмы уступали по степени благоустройства учреждениям, дислоцированным в Новочеркасске, располагаясь в каменных подвалах ветхих деревянных строений [6, с. 36]. Зная это, чиновники из числа представителей казачества, осознавая важность пенитенциарной составляющей правосудия, ходатайствовали о выделении денежных средств на строительство современных тюрем.

К устранению явных недочетов в материально-техническом обеспечении окружных тюрем Войска Донского правительство смогло вернуться лишь в 1854 году. К этому времени были созданы и осуществляли свою деятельность 7 окружных тюремных комитетов, за каждым из которых были закреплены соответствующие «тюремные замки». За действующим в Новочеркасске войсковым тюремным комитетом закреплялся войсковой острог и полицейская тюрьма, и по одному тюремному учреждению находилось при окружных комитетах в следующих округах: Первом Донском; Втором Донском; Усть-Медведицком; Хоперском; Донецком и Миусском [6, с. 37]. Отдельное внимание уделялось улучшению условий содержания (освещение и отопление тюрем) арестантов, их нравственному исправлению, обеспечению продуктами питания, одеждой и на эти цели из войсковых капиталов ежегодно планировались к выделению необходимые денежные средства. Кроме того, на те же нужды организовывались благотворительные пожертвования на содержание Донских тюрем.

Помимо материально-технического и социально-бытового обеспечения мест содержания лиц, приговоренных к лишению свободы, тщательно прорабатывался вопрос этапирования (конвоирования) по территории Донского казачьего войска (транзитного или в отношении лиц войскового сословия, приговоренных к каторге). Всего в Землях Войска Донского было учреждено тринадцать этапов, десять из которых обеспечивалось тремя донскими офицерами, двенадцатью урядниками и ста сорока четырьмя казаками. На оставшихся трех этапах, проходивших по территории Миусского округа, назначались конвоиры из числа команды внутренней стражи в составе трех офицеров, шести унтер-офицеров и сорока восьми рядовых, а также трех барабанщиков[6, с. 36].

Таким образом, в данном виде пенитенциарные учреждения Дона просуществовали вплоть до полицейской реформы, начатой в 1867 г., то есть с пятилетним запозданием после принятия 25 декабря 1862 г. в России «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». Ведь полиция, действовавшая на территории Войска Донского, в состав которой входили пенитенциарные учреждения, в отличие от губерний Центральной России, функционировала на основе особых законодательных актов, непосредственно ее касающихся. Законодателем предварительно анализировалась работа войскового острога и окружных тюрем и по результатам проведенной работы Военным министерством, в чьем ведении находились Земли Войска Донского, были разработаны и приняты в 1867 г. «Временные правила об устройстве полиции в округах Войска Донского» и «Правила об устройстве полиции города Новочеркасска», которыми помимо прочего регламентировалась деятельность региональной пенитенциарной системы [9, с. 75].

Из нововведений в ее работе следует отметить, что должность смотрителя Новочеркасского тюремного острога приравнивалась к частному приставу городской полиции и ему в помощь придавались два караульных офицера, повытчик (делопроизводитель), писарь и несколько младших писарей острога [10, с. 77]. Одновременно в «Грушевском горном поселении» появилось тюремное учреждение для лиц, заключенных под стражу. Создание тюрьмы во вновь формировавшемся населенном пункте было оправданной мерой, так как зачастую под видом безработных, мигрировавших в горные поселения с целью трудоустройства на рудники, маскировались представители «криминального мира», скрывающиеся от правосудия.

Хронологически период с 1800 по 1867 гг. стал одним из ключевых для формирования пенитенциарных учреждений Донского казачьего Войска (в настоящее время это территория Ростовской и Волгоградской областей), поскольку законодательно определено их правовое положение, организационно-историческая структура, что позволило в дальнейшем в ходе либеральных реформ Александра II довести правовое положение «донских тюрем» до статуса аналогичных органов, функционирующих в губерниях Российской империи. Иными словами, период с 1800 г. по 1867 г. стал поворотным в историческом развитии тюремных учреждений на территории Донского казачьего войска, которое в силу специфики правового положения личного состава и спецконтингента обладали уникальной спецификой в своем дальнейшем развитии. По этой причине развитие тюремного ведомства на Дону требует проведения самостоятельного более тщательного монографического исследования.

Литература

1. ПСЗ РИ. Собр. 1, Т. XXIX. № 22. СПб., 1806.

2. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. № 8163. СПб., 1835.

3. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXII. № 9945. СПб., 1837.

4. Ригельман А.И. Ведомость и географическое описание крепости Святого Дмитрий Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненное по указу Правительствующего Сената. Ростов н/Д. 1918.

5. Сборник Областного войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1915. Выпуск 13.

6. Тимошенков И., Греков А. Георгиевский Ив. Попов И. Попов Х. Георгиевский И.Н. Поляков П.А. Сборник Областного Войска Донского статистического комитета / Войска Донского Областной статистический комитет. Новочеркасск, 1901-1915.

7. ГАРО. фонд 339. Хоперское окружное полицейское управление, ст. Урюпинская (1732–1872).

8. Кашуба Ю.А., Грушин Ф.В. Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации: новые вызовы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4.

9. Небратенко Г.Г. История донской полиции и суда: учебное пособие: в 2 ч. Часть 1: История донской полиции. Ростов н/Д, 2017.

10. Небратенко Г.Г. История органов правопорядка Дона (досоветский период) / Под ред. проф. В.В. Макеева. Ростов н/Д, 2007.

11. Рвачева, О. Системы казачьего управления на территории Войска Донского (XVIII–XX вв.) // Власть. 2009. № 4.

Bibliography

1. CCL RE. Col. 1, Vol. XXIX. № 22. SPb., 1806.

2. CCL RE. Col. 1. Vol. XX. № 8163. SPb., 1835.

3. CCL RE. Col. 2. Vol. XXII. № 9945. SPb, 1837.

4. Rigelman A.I. Bulletin and geographical description of the fortress of St. Dmitry of Rostov with the places belonging to it and touched by it, composed by decree of the Governing Senate. Rostov-on-Don, 1918.

5. Collection of the Regional Army of the Don Statistical Committee. Novocherkassk, 1915. Issue 13.

6. Timoshenkov I., Grekov A. Georgievsky Iv. Popov I. Popov Kh. Georgievsky I.N. Polyakov P.A. Collection of the Regional Troops of the Don Statistical Committee / Troops of the Don Regional Statistical Committee . Novocherkassk, 1901-1915.

7. SARR. F. 339. Khopersk district police department, Uryupinskaya st. (1732–1872).

8. Kashuba Y.A., GrushinV.F. Criminal Executive policy of the Russian Federation: new challenges // Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2017. № 4.

9. Nebratenko G.G. The history of the Don police and the court: textbook: in 2 hours Part 1: The history of the Don police. Rostov-on-Don, 2017.

10. Nebratenko G.G. History of law enforcement agencies of the Don (pre-Soviet period) / Edited by prof. V.V. Makeev. Rostov-on-Don, 2007.

11. Rvacheva O. Systems of Cossack management on the territory of the Don Army (XVIII–XX centuries) // Power. 2009. № 4.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.

2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Материалы представляются в редакцию:

на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

– на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.

4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.

6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).

7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.

8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).

9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.

10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.

11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.

12. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.

13. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.

14. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.

15. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

16. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

17. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!